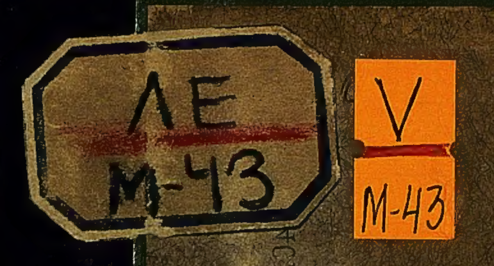

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
ТОМ IV

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
1914—1917 гг.

1931
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА / ЛЕНИНГРАД

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

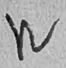
ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

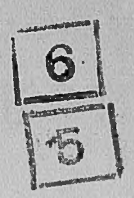
1931

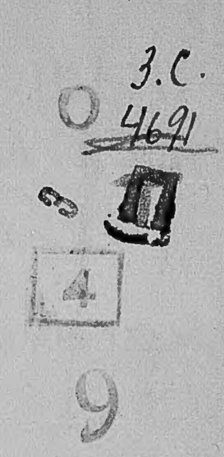
ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

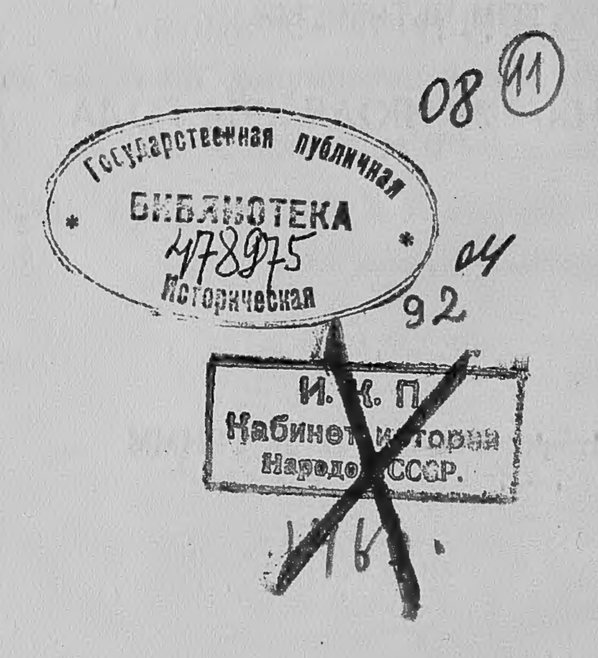
28 ИЮНЯ — 22 ИЮЛЯ 1914 ГОДА

Подготовил к печати Э. Д. ГРИММ

Главлит № А—76517. С—50 Гиз № 39796. Зак. № 1007. 27¼ п. л. Тираж 5000

Типография Госиздата „Красный пролетарий", Москва, Краснопролетарская, 16.

Hartungsche Buchdruckerei, Königsberg Pr., Münchenhofplatz 4—5.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ[1].

Помимо общепринятых, в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Доверительно — довер.
Докладная записка — докл. зап.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Военное министерство — воен. м-во.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Морское министерство — мор. м-во.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Памятная записка — пам. записка.
Телеграмма — тел.
Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922 — М.
«Красный Архив», изд. Центрархива — Кр. арх.

Graf Benckendorfs Diplomatischer Schriftwechsel, herausgegeben von B. von Siebert, Berlin und Leipzig 1928 — Siebert (I), (II), (III).

Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette — Gr. Pol.

British Documents on the Origins of the War, 1898 — 1914 — B. D.

Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914 (Dipl. Akt. des Oest.-Ung. Ministeriums des Aeusseren), Wien und Leipzig 1930 — Oe. U. A.

Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914, herausgegeben im Auftrage des Auswärtigen Amtes, Berlin 1921 — K. D.

Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914 (herausgegeben vom Staatsamt für Aeusseres in Wien), Berlin 1922 — D. A.

Documents diplomatiques 1914. La guerre européenne. I. Pièces relatives aux négociations qui ont précédé les déclarations de guerre de l'Allemagne à la Russie et à la France, Paris 1914 — L. J.

Un livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910 — Juillet 1914. Paris 1923 — L. N. (I), (II).

Министарство Иностраних дела. Дипломатска преписка о српско-аустријском сукобу. Ниш 1914 — С. с. к.

---

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. т. I, стр. XXV — XXXII.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ.

28/15 июня—22/9 июля 1914 г.

[1] В связи с реформой м-ва ин. дел и упразднением I (Азиатского) департамента были образованы 4 полит. отдела: I (западный), II (ближневосточный), III (средневосточный), IV (дальневосточный) и $^{14}/_{1}$ июля 1914 г. советниками этих отделов были назначены Шиллинг, Трубецкой, Клемм и Казаков.

Пор. №	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
293	20/7. VII	Тост Николая I	—	К. 177	344
294	20/7. VII	Тост Пуанкаре	—	К. 177	345
295	20/7. VII	Тел. № 1459	Сазонов — Урусову	П. А. 223	346
296	20/7. VII	Тел. № 114	Броневский — Сазонову	К. 228	347
297	20/7. VII	Тел. № 115	Броневский — Сазонову	К. 228	347
298	20/7. VII	Письмо	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	348
299	20/7. VII	Тел. № 154	Поклевский — Сазонову	С. А. 1529	355
300	20/7. VII	Тел. № 64	А. Гирс — Сазонову	К. 228	357
301	20/7. VII	Тел. № 359	Граве — Сазонову	С. А. 1550	357
302	21/8. VII	Пам. записка	Герм. пос-во в СПБ — мин-ру ин. дел	В. Б./Ч. 135	358
303	21/8. VII	Пам. записка	Англ. пос-во в СПБ — мин-ру ин. дел	П. ст. 3106	359
304	21/8. VII	Тел. № 1461	Сазонов — Броневскому	П. А. 223	359
305	21/8. VII	Тел. № 1464	Клемм — Коростовцу	П. ст. 166	360
306	21/8. VII	Письмо № 457	Сазонов — Сухомлинову	К. ст. 677	360
307	21/8. VII	Тел.	Шебеко — Сазонову	С. А. 1784	361
308	21/8. VII	Тел. (№ 1)	Неклюдов — Сазонову	С. А. 1565	361
309	21/8. VII	Тел. (№ 2)	Неклюдов — Сазонову	С. А. 1565	362
310	21/8. VII	Депеша № 30	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	362
311	21/8. VII	Письмо	Савинский — Сазонову	В. Б. Б. 74	364
212	21/8. VII	Тел. № 545	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	367
313	21/8. VII	Тел. № 546	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	368
314	21/8. VII	Тел. № 527	Орлов — в III Пол. отд.	Ср. Аз. ст. 98	368
315	21/8. VII	Тел. № 192	Миллер — Сазонову	С. А. 1549	369
316	21/8. VII	Депеша № 55	Малевский-Малевич — Сазонову	Я. ст. 1488	371
317	21/8. VII	Письмо № 320	Барк — Сазонову	К. ст. 1101	372
318	22/9. VII	Пам. записка № 509	Росс. м-во ин. дел—англ. послу в СПБ	П. А. 2153	373
319	22/9. VII	Нота	Серб. миссия в СПБ — мин-ру вн. дел	П. А. 1845	374
320	22/9. VII	Тел. № 1467	Сазонов — Урусову	В. Б./Г. 694	380
321	22/9. VII.	Тел. № 1471	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 223	381
322	22/9. VII	Тел. № 1475	Сазонов — Шебеко	П. А. 1845	381
323	22/9. VII	Тел. № 192	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 1513	382
324	22/9. VII	Тел. № 193	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 1513	384
325	22/9. VII	Тел. № 194	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 1513	385
326	22/9. VII	Тел. № 195	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 1513	386
327	22/9. VII	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 266	387
328	22/9. VII	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 266	389
329	22/9. VII	Тел. № 41	Крупенский — Сазонову	С. А. 1526	393
330	22/9. VII	Тел. № 116	Броневский — Сазонову	С. А. 1559	393
331	22/9. VII	Тел. № 117	Броневский — Сазонову	С. А. 1559	394
332	22/9. VII	Письмо	Броневский — Сазонову	К. 67	395
333	22/9. VII	Письмо	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	397
		Приложение № 1	Станков и Попов — Савинскому	В. Б./Б. 74	400
		» № 2	Те же — Т. Тодорову	В. Б./Б 74	401
334	22/9. VII	Письмо	Урусов — Сазонову	В. Б./Г. 95	401
335	22/9. VII	Тел. № 157	Поклевский — Сазонову	С. А. 1529	403
336	22/9. VII	Тел. № 158	Поклевский — Сазонову	С. А. 1529	403
337	22/9. VII	Тел. № 159	Поклевский — Сазонову	С. А. 1529	403
338	22/9. VII	Тел. № 160	Поклевский — Сазонову	С. А. 1529	404
339	22/9. VII	Тел. № 552	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	404
340	22/9. VII	Тел. № 455	Введенский — в III Пол. отд.	П. ст. 3956	405

28 ИЮНЯ—22 ИЮЛЯ 1914 г.

№ 1. Министр иностранных дел поверенному в делах в Афинах Урусову.

⁄. Телеграмма № 1282. 28/15 июня 1914 г.

Сообщается в Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 431 [1].

Можете сказать министру иностранных дел, что мы имеем основание полагать, что в то время как он обращается с просьбою о поддержке нашего посла в Константинополе в целях мирного разрешения кризиса, греческий посланник действует в обратном направлении [2]. Обратите внимание министра на совершенную недопустимость подобного образа действий посланника и необходимость преподать ему категорические указания [3].

Сазонов.

№ 2. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо.

28/15 июня 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je ne saurais dire combien je vous remercie de votre lettre privée et aussi de celle qui la complète du lendemain [25] 12 juin [4]. Vous savez ce que je pense des formes qu'a prise notre politique dans notre sphère, il est inutile que je me répète incessamment; ce qu'il m'est surtout nécessaire de connaître, c'est les points qui pour vous restent douteux ou qui peut-être ont pris dans votre esprit une couleur différente de celle qu'ils présentent ici.

Je tâcherai de reprendre chaque partie de votre lettre. Laissez-moi commencer par ce que vous me dites des appréhensions de l'empereur. Notre auguste maître se demanderait si l'Angleterre n'a pas en vue de nous priver des avantages que nous avons laborieusement acquis dans

---

[1] См. т. III, № 390.

[2] Имеется в виду просьба Стрейта, переданная Урусовым тел. от 22/9 июня за № 122, о том, чтобы Гирс содействовал благоприятному разрешению конфликта с Портой, с компенсацией потерпевших от репрессий греков.

[3] В ответ на эту телеграмму Урусов сообщил тел. от 29/16 июня за № 131, что Стрейт отправил „категорическое предписание Панасу" содействовать Гирсу.

[4] См. т. III, №№ 343 и 361.

notre sphère, ni mettre un terme à nos efforts d'en acquérir de nouveaux de[1] la zone neutre.

Sur le premier point laissez moi être positif. Non, notre zone est à nous. Non seulement ils n'y veulent pas pénétrer, mais ils redoutent et découragent toute tentative anglaise de ce genre. En ceci nous avons un nouvel allié, assez inattendu, c'est le gouvernement des Indes. Est-ce l'influence de Hardingue, qui finalement a pris le dessus, est-ce pour un autre motif,—je ne saurais le dire. Mais le gouvernement des Indes est contraire à toute extension dans le nord quel que soit ce nord, et une partie notable de l'opinion publique anglaise s'est rangé de[2] cet avis. Vous en avez vu des traces dans leur manière de traiter l'A. P. Oil Company. Cette société existait, travaillait, s'étendit et acela devenait un danger. En un mot cette nouvelle tournure, qu'a prise l'opinion anglaise, tournure fort claire, mérite d'être prise en considération. Est-ce à dire qu'on ne tremble pas à nous voir agir dans le nord, comme surtout depuis six mois nous le faisons. Grey, c'est, croyez-moi, c'est le mot, tremble[3]. Jusqu'ici nous pouvions opposer nos intentions à des craintes et des pronostics. Aujourd'hui il y a des faits. Et parmi les plus désolés sont les gens du „Times", la feuille qui est notre plus ferme appui politique. Comment exiger d'eux qu'ils se taisent sur des faits, qu'ils sentent saper à la base la convention[4] et l'entente. Vous parlez des utopies anglaises, vous ne sauriez vous imaginer à quel dégré Grey[5], qui d'ailleurs n'en a jamais eu beaucoup, mais l'énorme majorité du monde important en est revenu. Mais tous maintiennent le frontispice de l'intégrité et de la souveraineté persane[6]. Je vous assure que comprendre les choses autrement, c'est faire erreur. Et c'est aussi une erreur de penser que nous pourrons jamais habituer l'Angleterre à ce que nos consuls se substituent à l'autorité, gouvernent à la place des gouvernants et surtout rendent toute idée de souveraineté vaine, en s'attaquant aux intérêts du trésor. Expliquer, discuter, minimaliser ces faits ne réussira plus, et vraiment il me paraît impossible que cela puisse réussir. Maintenant, que nous offre l'Angleterre comme notre

---

[1] Так в подлиннике; повидимому „dans".

[2] Так в подлиннике; повидимому „à".

[3] Так в подлиннике.

[4] Англо-русская конвенция по делам Персии, Афганистана и Тибета от 31/18 августа 1907 г.

[5] Так в подлиннике; повидимому „non seulement Grey".

[6] В части, касавшейся Персии, англо-русская конвенция 1907 г. содержала во введении оговорку о соблюдении обеими державами „целости и независимости Персии".

droit? Ici c'est Grey que je cite, tout en le condensant. Ayez influence entière, ayez autorité, mais faites la exercer et appliquer par les autorités persanes, „save the face of the Persian Government". Un consul de Russie dans le nord, avec la frontière à côté par-dessus le marché, ayant des troupes à sa disposition, est toujours le maître. Grey en est convaincu et je crois qu'il a raison. Exemple le pouvoir anglais dans leur sphère, fort éloignée de l'Angleterre, et même des Indes, ou à Shiraz.

Si nous observons la limite et la mesure voulue malgré toutes les conséquences d'une influence russe à peu près absolue, nous aurons le ferme appui de l'Angleterre et de sa légation. Pour en finir avec ce côté de la question croyez-moi, qu'elle est d'importance de premier chef, en elle-même, abstraction faite des autres questions et demande à être traitée, ou plutôt corrigée par nous seuls, avant qu'aucune autre ne soit entamée. Pour répondre à un passage de votre lettre je vous dirai, qu'il est tout-à-fait inexact de penser, que si l'Angleterre entame cette question, c'est qu'elle pense aux suivantes, s'en sert comme d'une sorte de prétexte. Du tout, c'est une tuile qui leur tombe sur la tête, dont il ne savent plus comment se garer, à moins que je ne vous persuade et j'aimerai vraiment cette fois y parvenir. Qu'il n'y en aurait aucune autre à traiter que celle-ci, cela serait exactement la même chose.

Quant à la zone neutre, l'empereur voit plus juste. Mais avez-vous vraiment pensé jamais que la convention, avec la sphère anglaise telle qu'elle, soit viable? Evidemment non, et il est parfaitement juste, que les anglais ont des vues sur une partie de cette zone. Dans quelle mesure, je n'en sais rien, c'est ce qui reste à voir et le plus tôt possible. Et j'abonde mille fois dans votre sens de parler à Buchanan aussi droit, net et franc que possible. Vous dites vous-même recrudescence de rivalité économique, je crois que la définition rivalité n'est pas exacte, parce qu'il y a désir manifeste de s'entendre. Mais nombre de questions de poids, que la convention a en quelque sorte laissées ouvertes, ont muri, parce que [1] nos résultats dans le nord sont obtenus, mais [parce] que les moyens mêmes, que nous avons employés pour les obtenir étant de ceux que l'Angleterre ne peut pas appliquer il s'en suit que les résultats pour eux ne sont obtenus que dans une mesure évidemment insuffisante. Ajouter à notre zone la majeure partie de la zone neutre ne sera pas possible. Mais à prendre comme point de départ le désir des deux côtés d'ajuster nos intérêts, en vue d'intérêt majeur, et en étudiant ensemble amicalement les nécessités des deux, je ne vois nullement, que la question soit insoluble. Difficile — oui. Insoluble — non. Est-ce la

[1] Так в подлиннике; повидимому „non parce que".

révision de la convention, est-ce d'y ajouter certaines clauses, ou est-ce le partage de la zone neutre qu'on a en vue ici, — je n'en sais rien. Nicolson personnellement croit à la possibilité du partage, je suis enclin à croire que Grey voit les choses de même. Mais je crois que personne ne connait encore à ce sujet l'opinion du gouvernement des Indes, du département des colonies, et aussi de l'amirauté,— tout cela est à voir. L'opinion générale me paraît contraire. Mais remarquez bien, qu'une discussion et un ajustement amical de ces graves questions n'a de base solide et n'est en effet possible, que si dans notre sphère tout en gardant tous les résultats, nous changions sérieusement nos procédés. Vous me présentez la chose comme plus facile à opérer, que je ne le croyais, en ce cas, for heavens sake, n'hésitez pas. Je regrette d'avoir à le répéter, mais Korostovetz tout comme Orloff ne m'ont l'air d'y avoir rien compris et d'avoir, pardonnez-moi l'expression, agi en aveugle, surtout par faiblesse. Cette mission n'est pas un succès. Ici on ne me dit rien de cela, c'est parce qu'il faudrait, je crois, y penser. Il faut bien quelquefois savoir désavouer quelqu'un. Des rapports entre eux et la légation anglaise ne se rétabliront plus. C'est comme s'ils jugeaient qu'ils n'ont plus avec qui causer. Ce qui est le pire et réduirait à néant toutes vos intentions.

Bien entendu qu'on a été frappé ici, Grey et Nicolson me l'ont répété, de la largeur, avec laquelle nous avons traité du Thibet. Mais pour moi il y a malgré une lettre officielle, que j'ai reçue, un point, qui n'est pas clair. Avez-vous établi une connexion entre le Thibet et la question d'Afghanistan? Ou les traitez-vous séparément? Je serai tout à fait pour le dernier procédé, qui nommément en ce cas nous donne plus de force. Avec l'Angleterre il vaut toujours mieux traiter les questions à part, on their own merit, c'est comme cela qu'ils pensent. Ils échappent aux grandes combinaisons complexes. J'ai toujours regardé l'affaire afghane comme presque insoluble, il se pourrait que je me sois trompé. Là encore le gouvernement des Indes me semble juger les choses différemment que jusqu'ici. Seulement ne leur demandez pas trop, juste ce dont nous avons réellement besoin, sans but abstrait de succès diplomatique. Tout point gagné sera un succès diplomatique réel. Si vous me permettez de vous donner un conseil, n'usez pas trop d'arguments géographiques génériques. L'Afghanistan en réalité ils ne l'ont pas. Le Belouchistan ils l'ont, mais c'est vieux, presqu'aussi vieux que Bokhara et Merv. Ce qu'ils ont de par l'entente — c'est la sécurité des Indes et le golfe Persique, tandis que nous sommes maîtres d'une très grosse partie de la Perse, qui peut dans une certaine mesure augmenter, mais notre principale garantie acquise est contre un arrangement anglo-

germain. Deux mots de renseignement à ce sujet. En éliminant des facteurs bruyants, mais secondaires, le cabinet et Grey restent maîtres de la majorité décidée des libéraux et de la majorité décidée des unionistes. Dans le public les efforts allemands ont fait des progrès incontestables, mais pour the man in the street la seule guerre qui serait et resterait populaire est la guerre avec l'Allemagne. Voilà l'analyse du terrain, sur lequel Grey combine ses batteries. Il en est sûr et c'est pourquoi nous avons tout intérêt à l'aider, quand nous le pouvons. Si le Cabinet tombe, les unionistes venaient au pouvoir, la situation serait encore la même, mais les unionistes défendraient les droits et intérêts spécifiques anglais avec plus de ténacité, peut-être moins habilement, dirai-je, plus aveuglement. Nous n'avons pas avantage à ce que ce Cabinet tombe avant la fin de nos négociations.

Je vous écris ailleurs sur l'arrangement naval. L'orage, suite des indiscrétions, est à Berlin plus gros, je ne le crains [1] que vous ne le représentiez dans votre lettre. Je vous en écris ailleurs suffisamment, j'espère. Il n'est pas question que l'Angleterre s'esquive. C'est surtout question de fixer la date du voyage du prince Louis de Battenberg et en vue de l'émoi à Berlin et des indiscrétions, il vaudrait mieux que la date ne soit pas trop prochaine.

Encore une fois, laissez-moi vous le dire, si vous venez à bout de mettre l'ordre voulu aux affaires dans le nord de la Perse, rien ne s'oppose au reserrement de l'entente, dans une mesure, qui dépasse mon attente. Il n'y a pas à se méprendre sur la différence de ton de Grey à cet égard et du même coup une révision ou modification de la convention au moyen d'une négociation, qui peut-être se prolongera, débutera sous des auspices aussi bons, que nous aurions jamais pu l'espérer. Quant à des arrière-pensées, des prétextes et de l'esprit de rivalité hostile, veuillez bien croire, qu'il n'y en a nulle trace tant que l'entente durera, et elle n'a aucune raison de ne pas durer. Il est clair d'ailleurs qu'entre des puissances comme la Russie et l'Angleterre les rapports sont forcément ou friendly, ou strained, il n'y a guère de milieu.

Parmi les questions, que nous aurons à traiter, la question des finances de la Perse jouera un grand rôle. Quels que soient les résultats indirects de la politique financière de Mr. Kokovtzow, justice lui doit être rendue d'avoir établi et consolidé une situation financière au point de vue financier pur, d'une prospérité indiscutable. Le procédé était la clef de la cause. J'ai toujours pensé, vous le savez, qu'il a appliqué ce système à la Perse de façon à embarrasser sérieusement la situation en

[1] Так в подлиннике; повидимому «Je le crains».

Perse. Après une période de prodigalité sous l'ancien régime persan, extrême restait la dette de la Perse. Il la réduisait, je crois, à 30 millions, il se croyait modéré en n'exigeant que 15. A quoi sert de réclamer 15 millions „seulement" à qui n'a rien? C'est le système français en Egypte. Sacrifier l'Egypte aux intérêts de créanciers, qui finalement auraient perdu intérêt et capital. L'Angleterre a écarté brutalement les créanciers, les a fait attendre. L'Egypte, remise financièrement sur pieds, tout le monde, français et anglais, y a trouvé son compte, si bien que le capital français engagé en Egypte est triplé aujourd'hui de ce qu'il était alors et avec profit. Je crois que le même principe peut s'appliquer aux intérêts du trésor russe en Perse et quelle différence au point de vue politique. Augmenter indéfiniment le nombre de nos protégés en les choisissant, je ne sais trop comme[nt], percevoir les impôts avec une comptabilité qui reste vague, mais certainement pas aux avantages du trésor persan. Pour remettre un pouvoir pareil à des consuls, il faudrait qu'ils soient tous des hommes du premier ordre, de jugement, de modération, de connaissance et de mesure. Le sont-ils, je n'ai plus cette confiance là. Et pourtant ils ont en main l'avenir des relations entre la Russie et l'Angleterre. Bref, je crois qu'il faut vous préparer à la question financière, parce qu'elle est brûlante. Le mieux serait peut-être de prendre les devants ce qui nous constituerait un atout en main fort précieux.

Mercredi 30/17 juin.

Cette lettre était écrite avant le discours de Grey hier[1]. Je crois, qu'il confirme tout ce que je viens de vous dire. Il répète en public ce

[1] Приводим перевод соответствующего места речи Грея, воспроизведенной в газете „Times", вырезка из которой приложена при пам. записке английского посольства в Петербурге от 4 июля/21 июня (см. №№ 75 и 25): „Что касается независимости и неприкосновенности Персии, это, понятно, означает независимость и неприкосновенность в том смысле, в котором они существовали, когда была заключена англо-русская конвенция. Наше желание заключается в том, чтобы англо-русская конвенция не являлась средством для большего умаления независимости и неприкосновенности Персии, чем насколько они были умалены ранее, а если бы произошли события, которые не предвиделись, когда состоялась англо-русская конвенция, и которые привели бы практически, если не формально, к нарушению независимости и неприкосновенности Персии, то чтобы подобные события и положения были время от времени рассматриваемы в порядке дружеского обмена мнений между британским и российским правительствами. Что касается положения в Азербайджане, то я всегда говорил в связи с пребыванием там русских войск, что, поскольку в Персии происходят беспорядки, угрожающие русским интересам или торговле, нельзя усмотреть во временной охране этих торговых путей и в поддержании порядка русскими войсками нечто, несовместимое с духом англо-русского соглашения, раз росс. правительство заверило нас, что по мере того

qu'il m'a dit au sujet de l'extension future de l'A. P. Oil Company. Il définit le terme „indépendance persane" relatif en ce sens, qu'il était entamé avant la convention et que là dessus il n'y a pas à revenir. Il y admet notre pleine prédominance pour le nord, en tant que compatible avec la souveraineté et indépendance relative nécessaire pour que la Perse puisse jouer dans la convention le rôle qui lui a été assigné par les deux gouvernements. Il cite, il est vrai, certains faits, dont il ne rend nullement responsable le gouvernement russe, ni ses intentions. D'un autre côté, il fait une différence entre l'influence politique et les questions économiques au sud d'Ispahan. Il trouve le temps venu pour s'expliquer au moyen d'un échange d'idées amical avec le gouvernement russe au sujet de ces dernières questions dans la zone neutre. Il ne propose pas une modification de la convention, mais il croit le moment venu pour la préciser[1].

Voilà pour le public. En réalité non seulement il ne veut pas s'étendre dans le nord. C'est le contraire, et il sait fort bien que si nous n'y sommes pas, il devrait s'en mettre ne fût-ce que pour éloigner l'Allemagne, à de très gros risques pour l'Angleterre à tout point de vûe, dont il ne soucie[2] en aucune façon, et qu'il redoute. L'affermissement de l'Angleterre sur la côte, un certain partage économique de la zone neutre, voilà ce dont il s'agit. Les télégrammes de Buchanan sur l'audience que l'empereur a daigné lui accorder[3] et son dernier entretien avec vous,

---

как порядок будет восстанавливаться, эти войска будут постепенно выводиться, а недавно их численность была уменьшена. Недавно наблюдалась возрастающая руссификация гражданского управления в Азербайджане, хотя это не являлось преднамеренной политикой росс. правительства в целом, а результатом действий российских консулов в разных местах. Сюда относится, например, собирание налогов русскими должностными лицами. Было бы весьма серьезным обстоятельством, если бы русское политическое влияние распространилось из Исфагани в нейтральную зону".

[1] В вышеупомянутой речи Грея вопрос о русско-английских переговорах изложен следующим образом: „Мы недавно обратили внимание росс. правительства на разные факты и заявили, что пора приступить с ним к дружескому обмену мнений и подвести итоги существующего положения так, чтобы мы ясно видели, что́ произошло со времени заключения англо-русской конвенции, — подвести итоги не путем жалоб по поводу одного особого случая тут и другого особого случая там, но путем рассмотрения общего результата многих случаев и их тенденции за последние два года. Мы начали обсуждать это с росс. правительством. Мы не предлагали какого-либо изменения в англо-русской конвенции. Мы просто предложили обсудить положение, которое в некоторых отношениях, по нашему мнению, развивалось к нашей невыгоде в силу обстоятельств, которых не предвидели, когда заключалась англо-русская конвенция".

[2] Так в подлиннике; повидимому „se soucie".

[3] См. № 12.

ont fait très bon effet. Cela ne pouvait se passer mieux, ni de manière plus conforme à nos intérêts. La grosse question est, comme vous l'avez fort bien compris et à part la préambule nécessaire de la remise des choses au point dans notre sphère, la question économique dans la zone neutre.

Cela est un fait, mais un fait sans arrière-pensée, de nulle autre nature. A prendre les choses ainsi, à la condition que, tant l'Angleterre que nous, fassions en vue d'intérêts majeurs la part d'enjeu, je ne vois rien d'insoluble, ni de tragique. L'idée d'écrire à notre auguste maitre est de l'initiative personnelle du roi, à laquelle Grey a du reste de suite applaudi. Ici l'accueil fait par l'empereur a été hautement apprécié. S'il m'est permis d'exprimer à ce sujet un jugement, c'est pour dire que le point de vue souverain de deux souverains s'est clairement exprimé, avec une autorité qui leur appartient à eux seuls. Les affaires de Perse ne doivent pas réagir sur les rapports existants entre la Russie et l'Angleterre. Il me semble que c'est ainsi que cela se résume. Le reste est affaire de la diplomatie, pour que la corde non seulement ne se tende pas trop, mais se détende. Elle a été tendue, trop tendue, c'est ce que je sens depuis longtemps. Peut-être y a-t-il eu là quelque début de malentendu pour cause, mon but est de les dissoudre, je le fais en toute confiance. Mais pour que la diplomatie soit effective, il faut qu'elle agisse non seulement à Pétersbourg et Londres, mais aussi à Téhéran. C'est de là, que sont venues les difficultés. A moins de cette condition, que je considère essentielle, le travail des ministères peut être paralysé.

En voilà déjà bien plus long, que je ne pensais.

Excusez mon griffonnage, mais il y a des choses trop intimes, pour que je me décide à les dicter.

Mille amitiés très sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Не могу выразить, как я вам благодарен за ваше частное письмо, а также за дополняющее его от следующего дня, [25] 12 июня. Вам известно, что я думаю о формах, которые приняла наша политика в нашей зоне; бесполезно беспрестанно повторять одно и то же; что мне необходимо знать, это— пункты, остающиеся для вас сомнительными или принявшие, быть может, в вашем сознании оттенок, отличный от того, который им придается здесь.

Я попытаюсь ответить на ваше письмо пункт за пунктом. Позвольте мне начать с того, что вы говорите об опасениях государя. Наш августейший монарх спрашивает себя, не имеет ли Англия в виду лишить нас преимуществ, с та-

ким трудом приобретенных нами в нашей сфере, или положить предел нашим усилиям приобрести новые в пределах нейтральной зоны?

По отношению к первому пункту позвольте высказаться [совершенно] определенно. Нет, наша зона принадлежит нам, они не только не желают в нее проникнуть, но опасаются такого рода английских попыток и противодействуют им. В этом деле мы имеем нового, довольно неожиданного союзника— правительство Индии. Сказывается ли тут влияние Гардинга, взявшего в конце концов верх, действует ли тут другой мотив,—этого я не мог бы сказать. Во всяком случае правительство Индии является противником всякой экспансии на север, что̀ бы ни понимать под севером, и значительная часть английского общественного мнения стала на эту точку зрения. Вы могли это усмотреть из их образа действий относительно Англо-персидской нефтяной компании. Это общество существовало, работало, расширялось, и это становилось опасным. Одним словом, перемена в английском общественном мнении, перемена очень ясная, заслуживает внимания. Следует ли отсюда, что они не трепещут при виде наших действий на севере,—особенно за последние шесть месяцев? Грей, поверьте мне, трепещет, именно трепещет. До сих пор мы могли противопоставить наши намерения опасениям и прогнозам. Теперь налицо имеются факты. И среди наиболее огорченных—сотрудники „Times“, органа, являющегося самой крепкой нашей политической опорой. Как требовать от них, чтобы они молчали о фактах, подрывающих, как они чувствуют, основы конвенции и согласия? Вы говорите об английских утопиях, вы не можете себе представить, до какой степени [не только] Грей, который, впрочем, никогда особенно их не разделял, но и громадное большинство влиятельных людей отказались от них. Но все стремятся сохранить хотя бы видимость неприкосновенности и суверенитета Персии. Уверяю вас, что понимать вещи иначе—значит впадать в ошибку, и точно так же ошибочно думать, что мы сможем когда-нибудь приучить Англию к тому, чтобы наши консулы заменяли собою власть, управляли вместо [персидских] правителей и главное подрывали, нарушая интересы казны, всякую мысль о суверенитете. Объяснять, оспаривать, преуменьшать эти факты больше не удастся, и мне представляется совершенно невозможным, чтобы этого можно было достигнуть. Теперь, что предлагает нам Англия как наше право? Тут я цитирую Грея, хотя и в сжатой форме: располагайте полным влиянием, обладайте властью, но осуществляйте и применяйте ее через персидские власти, спасая лицо персидского правительства. Русский консул на севере, возле границы, имея вдобавок в своем распоряжении войска, всегда является хозяином. Грей в этом убежден, и я думаю, что он прав. Пример—английская власть в сфере их влияния, весьма отдаленной от Англии и даже от Индии, или в Ширазе.

Если мы будем соблюдать указанные границы и меру, мы будем располагать, несмотря на все последствия почти неограниченного русского влияния, прочной поддержкой Англии и ее миссии.

Чтобы покончить с этой стороной вопроса, прошу вас верить, что она представляет сама по себе первостепенную важность,—независимо от всех других вопросов,—и должна быть рассмотрена, или, скорее, пересмотрена, нами одними, прежде чем будет поднят какой-либо другой вопрос. Чтобы ответить на одно место вашего письма, я скажу вам, что совершенно неправильно думать, будто Англия, ставя этот вопрос, имеет в виду последующие и пользуется им как своего рода предлогом. Совсем нет; это—камень, который валится им на

голову и от которого они не знают как уберечься, разве только мне удастся вас убедить, а мне действительно на этот раз хочется этого достигнуть. Если бы не имелось никакого другого вопроса, подлежащего рассмотрению, кроме этого, положение было бы точь-в-точь таким же.

Что касается нейтральной зоны, то точка зрения государя более правильна. Но неужели вы когда-либо думали, что соглашение окажется жизненным при той английской зоне, которая им предусмотрена? Очевидно нет, и совершенно верно, что англичане имеют виды на часть этой зоны. Насколько она значительна, этого я не знаю; именно это остается выяснить, и выяснить возможно скорее. Я тысячу раз присоединяюсь к вашей мысли—говорить с Бьюкененом возможно прямее, яснее и откровеннее. Вы говорите сами об обострении экономического соперничества. Термин „соперничество", думаю, неточен, так как имеется очевидное желание притти к соглашению, но ряд серьезных вопросов, оставленных конвенцией до известной степени открытыми, назрел, [не] потому, что мы достигли [таких] результатов на севере, а потому, что способы, примененные нами для их достижения, относятся к числу тех, которых Англия не может применить; отсюда следует, что с их точки зрения достигнутые результаты явно недостаточны. Присоединить к нашей зоне большую часть нейтральной зоны не представится возможным. Но если принять за отправную точку желание обеих сторон согласовать их интересы во имя высшего интереса и путем совместного дружественного изучения обоюдных потребностей, то я ни в коем случае не считаю вопроса неразрешимым. Трудным—да, неразрешимым—нет. Имеют ли здесь в виду пересмотр конвенции, или добавление к ней некоторых статей, или раздел нейтральной зоны,—этого я не знаю. Лично Никольсон считает возможным раздел; я склонен думать, что Грей смотрит на дело так же. Но я думаю, что еще никто не знает мнения по этому поводу правительства Индии, колониального ведомства, а также адмиралтейства,—все это подлежит выяснению. Господствующее мнение, мне кажется, настроено против этого. Но заметьте, что обсуждение и дружеское выяснение этих трудных вопросов будет опираться на прочную базу и окажется действительно возможным, только если мы серьезно изменим в нашей зоне наши приемы действия, сохраняя полностью достигнутые результаты. Вы изображаете дело более легким, чем я думал,—в таком случае, ради бога, не проявляйте колебаний. Мне неприятно повторять это, но Коростовец, так же как и Орлов, на мой взгляд, ничего в этом не поняли и действовали,—простите за выражение,—вслепую, главным образом из слабости. Эта миссия—не достижение. Здесь мне об этом ничего не говорят, потому именно, что нам самим следовало бы, на мой взгляд, подумать об этом. Поневоле порой нужно уметь кого-нибудь дезавуировать. Отношения между ними и английской миссией не восстановятся. Создалось такое положение, при котором они считают, что им не с кем больше разговаривать. Это было бы хуже всего и свело бы на-нет все наши намерения.

Несомненно здесь были поражены—Грей и Никольсон повторно высказали мне это—той широтой, с которой мы отнеслись к вопросу о Тибете. Несмотря на полученное мною официальное письмо, остается однако один пункт, который мне неясен. Устанавливаете ли вы связь между тибетским и афганским вопросами? Или вы рассматриваете их отдельно? Я высказался бы полностью за последний образ действий, усиливающий именно в данном случае нашу позицию. С Англией всегда лучше рассматривать каждый во-

прос в отдельности и сам по себе, так именно они сами думают. Они избегают больших сложных комбинаций. Я всегда считал афганский вопрос почти неразрешимым; возможно, что я ошибался. И в этом вопросе правительство Индии, мне кажется, смотрит на вещи иначе, чем до сих пор. Только не запрашивайте у них слишком много, а только то, в чем мы реально нуждаемся, не ставя себе абстрактной цели достигнуть дипломатического успеха. Всякое частичное приобретение будет реальным дипломатическим успехом. Если вы позволите мне дать вам совет, не пользуйтесь слишком много общими географическими аргументами. Афганистаном они на самом деле не обладают. Белуджистан—их, но это старо, почти так же старо, как Бухара и Мерв. То, что им дает согласие, это—безопасность Индии и Персидский залив, в то время как мы являемся господами очень большой части Персии—части, которая может в известной мере увеличиться, но главная достигнутая нами гарантия направлена против англо-германского соглашения. Два слова в пояснение этого вопроса. Не говоря о крикливых, но второстепенных элементах, кабинет и Грей остаются во главе несомненного большинства либералов и несомненного большинства юнионистов. В общественном мнении германские усилия достигли бесспорных успехов, но в глазах рядового обывателя единственная война, которая была бы и осталась бы популярной, это—война с Германией. Вот анализ той базы, на которой Грей располагает свои батареи. Он в ней уверен, и именно потому мы безусловно заинтересованы помочь ему, когда нам это возможно. Если кабинет падет и к власти придут юнионисты, положение все-таки останется таким же, но юнионисты будут защищать специфически английские права и интересы с бо́льшим упорством, хотя, может быть, менее искусно и более слепо, сказал бы я. Нам невыгодно, чтобы этот кабинет пал раньше, чем наши переговоры окончатся.

Я пишу вам в другом месте о морском соглашении. Буря, вызванная в Берлине нескромными разоблачениями, боюсь, более значительна, чем вы говорите в вашем письме. Я пишу вам об этом, надеюсь достаточно, в другом месте. Нет речи о том, чтобы Англия уклонялась. Дело главным образом в установлении времени поездки принца Луи Баттенбергского, а ввиду возбуждения в Берлине и нескромных разоблачений было бы лучше, чтобы дата оказалась не слишком близкой.

Позвольте вам еще раз сказать: если вам удастся привести северно-персидские дела в желательный порядок, ничто не будет препятствовать укреплению уз согласия, превосходящему все мои ожидания. Не следует заблуждаться относительно разницы в тоне Грея по этому поводу. Вместе с тем пересмотр или изменение конвенции путем переговоров, быть может, и продолжительных, начнется при предзнаменованиях более благоприятных, чем мы когда-либо могли надеяться. Что же касается скрытых умыслов, отговорок и духа враждебного соперничества, то прошу вас верить, что их нет и следа, пока существует согласие, а ему нет никакого основания не продолжать существовать. Ясно, впрочем, что взаимоотношения таких держав, как Россия и Англия, неизбежно либо дружественны, либо натянуты,—середины нет.

Среди вопросов, подлежащих в будущем обсуждению, большую роль будет играть вопрос о персидских финансах. Каковы бы ни были косвенные результаты финансовой политики г. Коковцова, надо отдать ему справедливость, что с точки зрения чисто финансовой, он создал и упрочил весьма благополучное финансовое положение. Все дело было в системе действий. Как вы

знаете, я всегда думал, что он применил эту систему к Персии таким образом, что серьезно поколебал положение дел в Персии. От периода расточительности времен старого персидского режима у Персии остался громадный долг. Он сократил его до 30 млн. и думал, что проявляет умеренность, требуя уплаты лишь 15. Какой смысл требовать „только“ 15 млн. от того, кто не имеет ничего? Это—французская система в Египте. Принести Египет в жертву интересам кредиторов, которые в конце концов потеряли бы и процент и капитал. Англия грубо отстранила кредиторов и заставила их ждать. Когда Египет в финансовом отношении был поставлен на ноги,—все, и французы и англичане, выиграли от этого так, что французский капитал, вложенный в Египте, утроился ныне против тогдашнего, и притом с прибылью. Я думаю, что тот же принцип может быть применен к интересам русского казначейства в Персии, и в чем будет разница с политической точки зрения? Бесконечно увеличивать число наших протеже, подбирая их,—я не знаю, строго говоря, как,—взимать налоги при наличии отчетности, которая остается неясной, во всяком случае, не отвечает интересам персидской казны. Чтобы предоставить подобную власть консулам, нужно, чтобы все они были людьми из ряду вон выходящими по справедливости, умеренности, знаниям и чувству меры. Я не верю больше, чтобы они были таковы. А между тем в их руках будущее русско-английских отношений. Короче говоря, я думаю, что вам следует подготовиться к возникновению финансового вопроса, ибо он имеет чрезвычайно острый характер. Лучше всего, может быть, было бы, если бы мы взяли инициативу на себя; это дало бы нам весьма драгоценный козырь в руки.

Среда, 30/17 июня.

Это письмо было написано до вчерашней речи Грея; я думаю, что она подтверждает все то, что я только-что вам изложил. Он публично повторяет то, что он сказал мне по поводу будущего расширения Англо-персидской нефтяной компании. Он определяет понятие относительной „независимости“ Персии в том смысле, что она подверглась ограничению еще до конвенции и что к этому нечего возвращаться. Он признает полное наше преобладание на севере, поскольку оно совместимо с относительным суверенитетом и независимостью, необходимыми для того, чтобы Персия могла играть в конвенции роль, которая ей предоставлена обоими правительствами. Он приводит, правда, некоторые факты, за которые он отнюдь не делает ответственным ни российское правительство, ни его намерения. С другой стороны, он проводит различие между политическим влиянием и экономическими вопросами к югу от Исфагани. Он находит, что пришло время объясниться путем дружеского обмена мнений с российским правительством по поводу этих последних вопросов в отношении нейтральной зоны. Он не предлагает изменений конвенции, но он думает, что настало время ее уточнить.

Вот что говорилось для публики. На деле он не желает распространения на север. Напротив, он отлично знает, что если бы нас там не было, ему пришлось бы [тогда], хотя бы для того, чтобы удалить Германию, там обосноваться, притом с очень большим со всех точек зрения риском для Англии, чего он вовсе не желает и чего он опасается. Упрочение Англии на побережьи, известный экономический раздел нейтральной зоны, вот что имеется в виду. Телеграммы Бьюкенена об аудиенции, которую государь соизволил ему предоставить, и о его последней беседе с вами произвели очень хорошее впечатление. Это не могло произойти лучше и более согласным с нашими

интересами образом. Трудность дела заключается, как вы отлично поняли, помимо необходимого пролога в виде урегулирования положения в нашей сфере, в экономическом вопросе в нейтральной зоне.

Это—факт, но факт, лишенный какой-либо задней мысли иного порядка. Если смотреть на вещи таким образом и при условии, что как Англия, так и мы поставим во имя более крупного интереса свою ставку в игре—я не вижу тут ничего ни неразрешимого, ни трагического. Мысль написать нашему августейшему монарху является плодом личной инициативы короля, которую, впрочем, Грей тотчас приветствовал. Прием, оказанный государем, здесь был высоко оценен. Если мне позволено высказать по этому поводу суждение, то я могу только сказать, что царственная точка зрения двух государей ясно выразилась с тем авторитетом, который свойственен им одним. Персидские дела не должны оказывать влияния на отношения, существующие между Россией и Англией. Мне кажется, что все это может быть резюмировано именно так. Остальное—дело дипломатии, дабы струна не только не натягивалась чрезмерно, но ослабла. Она натянулась, чересчур натянулась, я это давно уже чувствую. Может быть, в основе лежал некоторый зародыш недоразумения,—моею целью является устранить его, и я делаю это с полной уверенностью. Но чтобы деятельность дипломатии дала результаты, нужно, чтобы она действовала не только в Петербурге и Лондоне, но также и в Тегеране. Затруднения возникли там. Без этого условия, которое я считаю основным, работа министерств может оказаться парализованной.

Я уже распространился гораздо больше, чем думал.

Простите мои каракули, но есть вещи слишком интимные, чтобы я решился их продиктовать.

Тысяча искреннейших дружеских пожеланий.

Бенкендорф.

№ 3. Посол в Вене министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 70. 28/15 июня 1914 г.

Срочно.

Сегодня утром в Сараеве наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и супруга его герцогиня Гогенберг оба были убиты выстрелившим в них из револьвера человеком, по слухам, сербом. Император завтра возвращается из Ишля в Вену.

Шебеко.

Я отправил императору телеграмму вечером.

Петергоф, [29] 16 июня 1914 г.

№ 4. Посол в Вене министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 73. 28/15 июня 1914 г.

По поступившим из Сараева дальнейшим сведениям оказывается, что при следовании наследника престола с супругою в городскую ратушу сегодня утром в автомобиле—кинута была бомба, взрывом

которой ранены были следовавшие во втором автомобиле лица свиты и шесть человек из толпы. Совершивший покушение—некто Габрилович—тут же был схвачен. При обратном следовании из ратуши эрцгерцог Франц-Фердинанд и супруга его герцогиня Гогенберг пали жертвой второго покушения, совершенного гимназистом восьмого класса ...ом из Грахова[1]. Наследник ранен был выстрелом из револьвера в шею, супруга его в нижнюю часть живота; оба тут же потеряли сознание и скончались до прибытия в конак. Император глубоко потрясен ужасным происшествием; в городе царствует подавленное настроение и глубокое возмущение против организаторов столь гнусного преступления.

Шебеко.

№ 5. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 294, № 1. 28/15 июня 1914 г.

Министр иностранных дел вручил мне пространную ноту[2], в коей, выражая желание шахского правительства произвести коронацию молодого шаха при обстановке полного спокойствия в стране, он перечисляет все нежелательные явления, кои установились в Персии по нашей будто бы вине. На первом месте в ноте указывается на новый порядок в деле взимания малиата с русско-подданных и покровительствуемых при посредстве наших консульских учреждений, что, по мнению шахского правительства, нарушает суверенитет Персии и служит препятствием к дальнейшему развитию финансового управления страны. Затем в ноте отмечается нарушение нами ст. 5 Туркманчайского договора в деле приобретения русско-подданными земельной собственности в Персии. Переходя к вопросу о Шоджа-эд-Доуле в Азербайджане, министр жалуется на поведение названного лица, которое, опираясь будто бы на нашего генерального консула в Тавризе, противится коронации шаха и производству выборов в меджлис. В заключительной части ноты указывается на необходимость, в целях успокоения общественного мнения, вывода из Персии русских войск. Как на средство требуемых Россиею гарантий в установлении порядка в Персии, правительство указывает на развитие жандармерии по всей стране. Копия с ноты сообщена также здешнему великобританскому посланнику с просьбой о дружеском содействии к удовлетворению разрешения дела. На словах Восуг-эд-Доуле сообщил,

---

[1] Имена убийц: Чабринович и Принцип.

[2] Текст ноты см. приложение к № 64.

что шахское правительство готово, в случае уступки с нашей стороны в смысле предоставления финансовым чиновникам права взимания малиата с русско-подданных и покровительствуемых без вмешательства наших консульских представителей, согласиться на внесение всех налогов на севере Персии в Учетно-ссудный банк Персии и даже признать право нашего контроля в деле расходования этих налогов. Он согласился также способствовать установлению соглашения между главным казначеем и нашим банком, приняв во внимание требования последнего.

Коростовец.

№ 6. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

⁒. Телеграмма № 294, № 2. 28/15 июня 1914 г.

По вопросу о праве землевладения русско-подданных в Персии министр сообщил, что правительство согласно признать это право на основании давности за теми русско-подданными, которые до настоящего времени приобрели земельную собственность в Персии. Что касается будущего права русских приобретать землю, то правительство готово вступить в обсуждение этого вопроса и постараться решить его в благоприятном для России смысле. Как известно вашему высокопревосходительству, мною было заявлено официально персам, что ст. 5 Туркманчайского договора толкуется нами в смысле совершенной бесспорности права русского землевладения. По поводу отставки Шоджа-эд-Доуле, на коей очень настаивает правительство, Восуг-эд-Доуле сообщил, что кабинет и регент предполагают послать в Тавриз генерал-губернатором велиагда, а в качестве пишкара при нем принца Ферман-Ферма. Назначение пишкаром Решид-оль-Молька решительно отклоняется, так как названное лицо в глазах персов пользуется репутацией гораздо худшей, чем Шоджа-эд-Доуле. Вопрос о расширении жандармерии правительство, по словам министра иностранных дел, готово поставить в связь с казачьей бригадой, на реформирование и увеличение состава коей персы принципиально согласны. На мое возражение об отрицательном отношении шахского правительства ко всему, имеющему характер предоставления нам торгово-промышленных концессий, например, пароходства по Урмийскому озеру, Восуг-эд-Доуле выразил готовность убедить совет министров начать переговоры по сему вопросу безотлагательно. Кроме того, я считал нужным заметить Восуг-эд-Доуле,

что обращение шахского правительства к английскому посредничеству противоречит дружественному характеру сделанного представления. Не доверяя устным заявлениям ныне министров, стремящихся лишь к поддержанию утраченной популярности ко времени созыва меджлиса и коронации улажением, хотя бы наружным образом, непринятых для них вопросов, покорно прошу ваше высокопревосходительство снабдить меня указаниями на предмет письменного обмена мнений с шахским правительством по всем затронутым вопросам в возможно конкретной и не вызывающей сомнений форме.

Коростовец.

№ 7. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

¹/. Телеграмма № 43. 28/15 июня 1914 г.

Только-что прибывший новый турецкий посол Рустем-паша словесно протестовал перед президентом и письменно перед членами конгресса против продажи броненосцев греческому правительству, но его попытка осталась без последствий.

Бахметев.

№ 8. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

29/16 июня 1914 г.

The Swedish Minister for Foreign Affairs is anxious to act in the matter of the Swedish gendarmerie in a manner that will be satisfactory to Russia and England, and he suggests that the Imperial Government should agree with His Majesty's Government as to the precise nature of the service required of them both as regards locality in which they should serve and as to the duration of their service.

His Excellency thinks that it will probably be decided not to send out any more officers but to allow those now under contracts to complete them, provided the Persian Government fulfil their share by regular payments etc. In any case no final decision will be come to by the Swedish Government until the matter has been discussed between the Russian and British Governments.

Перевод.

Шведский министр иностранных дел очень хотел бы действовать в вопросе о шведской жандармерии в желательном для России и Англии духе и предлагает, чтобы императорское правительство договорилось с правительством его

величества о точном характере службы, требуемой от нее как в отношении района, в котором она должна будет служить, так и в отношении длительности ее службы.

Его превосходительство полагает, что, вероятно, будет решено не посылать новых офицеров, а разрешить тем, которые ныне работают по контрактам, закончить их при условии, что персидское правительство исполнит свои обязательства аккуратным выплачиванием жалованья и т. д. Во всяком случае никакого окончательного решения не будет принято шведским правительством, пока вопрос не будет обсужден российским и британским правительствами.

№ 9. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1287. 29/16 июня 1914 г.

Albus № 169 [1].

Шведское правительство не поднимало здесь подобного вопроса. При проезде через Петербург в конце апреля начальника шведских инструкторов Персии Ялмарсена ему было сказано в присутствии шведского посланника, что с нашей стороны препятствий нет к приглашению новых офицеров взамен тех, которые кончили свой срок службы в Персии. По затронутому им вопросу о круге действия жандармерии на севере ему было отвечено, что вопрос этот еще изучается, но что принципиально распространение в нашей сфере влияния жандармерии признается нами нежелательным, и мы стремимся к возложению охраны порядка в этой сфере на персидскую казачью бригаду, численность коей для сего должна быть значительно увеличена.

Сазонов.

№ 10. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1288. 29/16 июня 1914 г.

Телеграмма за № 170 [2] получена.

Нефтяная концессия.

Желательно было бы иметь письменное подтверждение слов Грея, о чем я уже говорил О'Бейрну, и сделать соответствующее сообщение нашей прессе для успокоения встревоженного нашего общественного мнения.

Благоволите переговорить с Греем и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

---

[1] См. т. III, № 364. „Albus"—условное обозначение в шифрованных телеграммах.

[2] См. т. III, № 365.

№ 11. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

*/. Письмо № 56/п. 29/16 июня 1914 г.

Доверительно.

М. г. Петр Львович,

Письмом от [15] 2 мая с. г. за № 145, ваше высокопревосходительство, согласно высочайше одобренному решению комитета финансов [1], обратились ко мне с просьбой сообщить заключение министерства иностранных дел по вопросу о возможности захвата воюющим с Россией государством находящихся в иностранных банках и принадлежащих русской казне и нашему Государственному банку денег, фондов и долговых требований.

Я не преминул поручить юрисконсультской части вверенного мне ведомства подробное исследование этого вопроса. В прилагаемой у сего записке спешу сообщить вашему высокопревосходительству соображения по сему предмету [2].

Как явствует из означенной записки, существующие международные договоры, по мнению министерства иностранных дел, не дают основания считать сохранность наших сумм за границей обеспеченной в случае возникновения войны.

Примите и пр.

Сазонов.

Приложение.

Записка чиновника особых поручений Нольде министру иностранных дел.

20/7 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Комитет финансов в заседании [27] 14 марта 1914 г. поручил управляющему министерством финансов выяснить, при участии министерств иностранных дел и юстиции, вопрос о сохранности сумм русских государственного казначейства и Государственного банка, находящихся у иностранных банкиров.

Вашему высокопревосходительству угодно было поручить мне представить соображения касательно правовой стороны настоящего вопроса. Во исполнение сего имею честь представить нижеследующие данные.

---

[1] См. т. II, № 99.

[2] Записка Нольде была представлена Сазоновым Николаю II 2 июля/19 июня 1914 г. при всеподданнейшей записке, тождественной по своему содержанию с настоящим письмом.

Насколько известно, помещенные за границей русские денежные средства представляют собой срочные вклады казны и Государственного банка в иностранных банках, и таким образом с юридической точки зрения вопрос о сохранности русских денег за границей сводится к вопросу о том, не могут ли утратить силу в случае войны возникшие путем таких вкладов долговые требования русских казны и Государственного банка в отношении банков иностранных. При нормальных условиях означенные требования должны были бы сохраниться неприкосновенными и во время войны, но они могут утратить силу, если иностранное государство при возникновении войны установит в своем законодательстве чрезвычайного характера правило, которое обяжет подчиненных его государственной власти лиц физических и юридических признать это государство субъектом прежде принадлежавших неприятелю долговых требований.

В праве ли государство с точки зрения международного права установить у себя такую чрезвычайную меру?

Договорное международное право по этому вопросу прямого ответа не содержит. Но косвенно, путем толкования, можно сделать некоторые выводы.

Положение о законах и обычаях сухопутной войны, приложенное к Гаагской конвенции 18/5 октября 1907 г. (Собр. узак., 1910, отд. I, ст. 828), в статье 23, входящей в главу о средствах нанесения вреда неприятелю, устанавливает:

„Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, воспрещается:

...3) объявлять потерявшими силу, приостановленными или лишенными судебной защиты права и требования подданных противной стороны“.

Постановление это, по французскому тексту ст. 23 литера h, вызывает при своем толковании большие споры. Германская официальная Белая книга о Гаагской конференции мира 1907 г. истолковала его в том смысле, что им устанавливается „неприкосновенность частной собственности и в области обязательственного права“ и что таким образом отныне делается невозможным, как то доселе допускало законодательство некоторых стран, лишение силы обязательств государства и его подданных в отношении подданных неприятельской страны [1]. Эта точка зрения нашла поддержку и

[1] Ergebnisse der im Jahre 1907 in Haag gehaltenen Friedenskonferenz. (Прим. подлинника.)

со стороны ряда ученых, главным образом на континенте (Fauchille, Politis, Ullmann, Webberg, Kohler, Whittuck[1]).

Напротив того, английское правительство толкует рассматриваемое постановление в смысле гораздо более узком. Ссылаясь на то, что все Положение о законах и обычаях войны, в котором находится ст. 23, h, представляет только обязательную инструкцию для войск (ввиду ст. I конвенции 1907 г.), сэр Эдуард Грей полагает, что Положение не устраняет возможности сохранить в законодательстве подписавших конвенцию стран те или другие ограничения свободы правового оборота в отношении неприятельских подданных [2]. К этому взгляду примыкают некоторые английские и американские ученые (Oppenheim, Davis) [3].

Повидимому, воззрение германского правительства, которое явилось инициатором постановления ст. 23, h [4], представляется более правильным. Но на какую бы точку зрения ни становиться в возникшем споре, нельзя не признать, что запрет объявлять потерявшими силу, приостановленными или лишенными судебной защиты права и требования подданных противной стороны может быть истолкован a contrario в том смысле, что обязательственные требования неприятельского государства (и, надо полагать, государственного банка неприятельской страны, поскольку таковой не является учреждением частным) могут быть объявлены потерявшими силу, приостановленными или лишенными судебной защиты. Иными словами, в случае нашей войны с иностранной державой последняя может признать себя, с точки зрения международного договорного права, управомоченной на всякого рода мероприятия, направленные против нашего золотого запаса за границей, в частности потребовать выплаты сумм ей самой.

Подобный вывод находит себе подтверждение и в том общем положении, что международное право в целом ряде случаев бесспорно устанавливает право государства захватывать в военное время собственность неприятельского государства; так, в ст. 53 Положения о законах и обычаях сухопутной войны прямо сказано,

---

[1] См. указания в статьях Kohler, Zeitschr. für Völkerr., 1911, 384 слд. и Циммермана в „Известиях М. И. Д.", 1913, VI, 89 слд. (Прим. подлинника.)

[2] Официальное сообщение сэра Эдуарда Грея профессору Оппенгейму, см. Zeitschr. für Völkerr., 1911, 388 слд. (Прим. подлинника.)

[3] Oppenheim, Festschrift für Karl Binding, I, 167 слд.; его же International Law, II, 2d ed., 134. (Прим. подлинника.)

[4] Германия была озабочена судьбой страховых договоров своих подданных с английскими обществами в случае войны. (Прим. подлинника.)

что „армия, занимающая область, может завладеть только деньгами, фондами и долговыми требованиями, составляющими собственность государства, складами оружия, перевозочными средствами, магазинами и запасами провианта, и вообще всей движимой собственностью государства, могущей служить для военных действий“; несомненно далее, что собственность неприятельского государства может быть в военное время захвачена на море.

Рассмотрение договорных постановлений приводит поэтому к выводу, что сохранность капиталов государства, хранящихся в иностранных банках, не только не может считаться обеспеченной, но, напротив того, представляется с правовой точки зрения весьма сомнительной.

Следует заметить далее, что доктрина международного права редко в прямой форме затрагивает вопрос о судьбе долговых требований государства в отношении подданных неприятельской страны. Те немногие писатели, которые останавливаются на нем, склоняются к признанию права государства обратить в свою пользу долговые требования враждебного правительства и захватить всякого рода его собственность[1]. Поэтому обращение к доктрине международного права едва ли способно изменить выводы, к которым приводит изучение договоров и которые указаны выше[2].

Само собой разумеется, de lege ferenda возможно представить себе и иное решение вопроса, и с этой точки зрения было бы весьма полезным внести его в программу предстоящей III конференции мира. Однако до ее собрания остается еще, вероятно, около 3 лет, в течение которых судьба русского золотого запаса останется, с юридической точки зрения, мало обеспеченной во всех тех странах, с которыми мы можем оказаться в войне.

Единственная мера, которая радикально устраняла бы все опасения, связанные с неопределенностью правового положения русских сумм за границей, заключается в полном закрытии текущих счетов казны и Государственного банка в тех странах, относительно мирных намерений которых нет полной уверенности.

---

[1] Lafiti, Effects of war on property, 1909, 14 ss., 22 ss. (Прим. подлинника.)

[2] В изданной особой канцелярией по кредитной части брошюре под заглавием: „К вопросу о русском золотом запасе за границей“, 1914, стр. 104, указывается, между прочим, что дело Хелльфельда может служить доказательством признания сохранности сумм русской казны за границей. Это указание неосновательно. В деле Хелльфельда рассматривался и разрешен был в отрицательном смысле вопрос о наложении взыскания на русские деньги по иску иностранного частного лица. Этот вопрос не имеет ничего общего с вопросом, который служит предметом настоящих соображений. (Прим. подлинника.)

Однако осуществление сего в полном объеме, повидимому, невозможно по соображениям как техники наших расчетов, так и нежелательности обострять наши отношения к соседям. Поэтому, всемерно сокращая золотой фонд, следует в то же время подумать об охране остающихся в указанных странах сумм. С этой целью иногда возлагаются надежды на меры фактического свойства, а иногда намечается юридический выход из затруднений.

Что касается фактических мер, то мне представляется не лишенной значения возможность угрожать репрессивными мерами за нарушение сохранности „золотого запаса" в том случае, если вспыхнет война. В начале военных действий мы могли бы заявить неприятельскому правительству, что конфискация долговых требований по текущим счетам казны вызовет с нашей стороны конфискацию имущества частных лиц, подданных неприятеля. Вероятно, нам не удалось бы наложить руку на капиталы иностранцев, находящиеся в русских банках, так как они будут мобилизованы к началу войны, но недвижимая собственность может быть отчуждена.

Надежда на успешность такой меры охраны наших интересов тем более важна, что едва ли можно найти, в рамках существующего международного правопорядка, какие-либо средства безусловного обеспечения наших интересов. В журнале комитета финансов [27] 14 марта 1914 г., между прочим, указывается на желательность выяснить, не окажутся ли на случай войны огражденными от захвата наши суммы, предназначенные для наших платежей в Германии, если они будут доверены не непосредственно находящимся в ее пределах кредитным установлениям, а учрежденным вне ее отделениям немецких банков. Едва ли подобное мероприятие может оказаться действительным. Захват наших сумм заключается с правовой точки зрения лишь в принудительном отчуждении в пользу иностранного государства долговых наших требований к иностранным банкирам. Если такое отчуждение, для которого во всех конституционных государствах необходимо будет, вероятно, особое законодательное веление, будет совершено, то ему должны будут безусловно подчиняться все банки страны, представляющие для местного права вместе со своими заграничными отделениями одно юридическое лицо. Так, едва ли в состоянии будет какой-либо германский банк уклониться от исполнения закона об отчуждении только на том основании, что вклад сделан Россией на текущий счет его отделения в Лондоне. Во всяком случае, раз Германия решится на столь резкую меру, как конфискация нашего запаса, то она едва ли забудет о вкладах внегерманских отделений

всех банков, подчиненных ее юрисдикции,—вкладах, о существовании которых она, конечно, будет осведомлена.

Примите и пр.

Нольде.

№ 12. Французский посол в Петербурге Палеолог французскому министру иностранных дел Вивиани.

·/. Телеграмма № 215 [1]. 29/16 июня 1914 г.

Secret.

L'escadre anglaise a été traitée avec des égards particuliers par l'empereur et l'amirauté russe[2]. Le roi George a profité de l'occasion pour adresser au tsar une lettre dans laquelle il recommande la question persane à l'attention personnelle de sa majesté impériale[3]. En recevant cette missive l'empereur a déclaré à mon collègue d'Angleterre qu'il attache le même prix que le roi George à l'observation fidèle[4] de ladite entente. „La question persane, — a-t-il dit en substance, — ne pourra pas nous diviser. Mais il faut nous hâter d'arriver à une solution. Pour ma part je ne suis pas opposé à la traiter dans l'esprit le plus conciliant. Et l'opinion publique acceptera le résultat et appréciera notre bonne volonté".

Перевод.

Секретно.

Английская эскадра встретила особое внимание со стороны императора и русского адмиралтейства. Король Георг воспользовался случаем, чтобы переслать царю письмо, в котором он рекомендует персидский вопрос личному вниманию его императорского величества. При получении этого послания император заявил моему английскому коллеге, что он придает дружескому соблюдению указанного соглашения такую же цену, как и король Георг. „Персидский вопрос,—таков был смысл его заявления,—не может нас разделить. Но нам нужно поторопиться притти к решению. Со своей стороны я готов обсудить его в самом примирительном духе. Общественное же мнение одобрит результат и оценит нашу добрую волю".

№ 13. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 173. 29/16 июня 1914 г.

Personnel. Vous remercie infiniment de lettre privée et lettre confidentielle du [25] 12 juin[5]. Aurai commentaires importants à vous com-

[1] Телеграмма расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] Эскадра посетила Кронштадт 22/9—29/16 июня 1914 г.

[3] См. т. III, № 272.

[4] Слова „observation fidèle" вставлены карандашом.

[5] См. т. III, №№ 343 и 361.

muniquer sur l'une et sur l'autre. Aucune modification ici dans acceptation proposition française. Ne vous serait-il pas possible attendre courrier avant remise à Buchanan mémoire responsif sur affaires de Perse.

Benckendorff.

Перевод.

Лично. Бесконечно вам благодарен за частное и за доверительное письмо от [25] 12 июня. У меня будут для вас важные комментарии по тому и по другому. Здесь никаких изменений в принятии французского предложения. Не сочтете ли возможным подождать курьера, прежде чем вручить Бьюкенену ответный меморандум по персидским делам.

Бенкендорф.

№ 14. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 174[1]. 29/16 июня 1914 г.

Reçu votre № 1236 et Paris № 131[2].

Les paroles du ministre à notre ambassadeur ne reproduisent pas tout-à-fait le télégramme de Cambon, ce que j'ai vérifié. Il y a eu deux réunions, à la première nous nous sommes plaints de l'attitude du délégué anglais et comme preuve nous avons parlé de question Vermosch. Grey a répondu qu'il s'informerait sur l'attitude du délégué. A la seconde il nous a montré son télégramme au délégué anglais l'instruisant d'adopter une attitude favorable au Monténégro et d'éviter de se trouver en désaccord avec ses collègues russe et français. Mais question Vermosch n'était pas mentionnée dans ce télégramme qui avait plutôt caractère d'instruction générale. Il s'en suit que dans télégramme Iswolsky les mots „dans cette question" qui figurent dans (phrase) dernière ne sont pas exacts et devraient être éliminés. Sur Vermosch nous nous sommes entendus avec Cambon en reparler à Grey.

Benckendorff.

Перевод.

Получил ваш № 1236 и Париж № 131.

Я удостоверился в том, что сообщение министра нашему послу не совсем точно воспроизводит телеграмму Камбона. Было два собеседования. На первом

---

[1] В подлиннике ошибочно: № 175. См. следующий номер.

[2] Тел. от 23/10 июня за № 1236 Сазонов поручил Бенкендорфу выяснить противоречие между телеграммой Извольского от 28/15 мая за № 131 (см. т. III, № 110) и телеграммой А. Гирса от 19/6 июня об инструкциях, данных английскому делегату в северо-албанской разграничительной комиссии по вермошскому вопросу.

мы жаловались на позицию, занятую английским делегатом, и в качестве доказательства ссылались на вопрос о Вермоше. Грей ответил, что он осведомится о поведении делегата. На втором он показал нам свою телеграмму английскому делегату, поручающую ему занять благожелательную позицию по отношению к Черногории и избегать разногласий со своими русским и французским коллегами. Однако о вермошском вопросе в этой телеграмме упомянуто не было, и она носила скорее характер общей инструкции. Отсюда следует, что в телеграмме Извольского слова „в этом вопросе“, которые фигурируют в последней фразе, не точны и должны быть исключены. По вопросу о Вермоше мы с Камбоном решили вновь переговорить с Греем.

Бенкендорф.

Приложение.

Меморандум относительно Вермоша в ответ на ноту Камбона от 23 июня 1914 г.[1]

The French and Russian Ambassadors told the Secretary of State on the 5th May last that their Governments desired to do what was convenient and strategically necessary for Montenegro in drawing the frontier line with Albania. That line had not been demarcated and the decision taken with regard to it left scope for certain variations. Sir E. Grey replied that he would consider what instructions he could send to Colonel Granet and, as a result, telegraphed to him on the 7th May as follows:

«Foreign Office, May 7, 1914.

I have received a request from the Russian and French Governments to the effect that you might be instructed to give your support to some slight changes of frontier which would be to the advantage of Montenegro while consistent with the decisions of the London Conference of Ambassadors, which accorded a reasonable latitude to the Commission of Delimitation. You should support these changes, if strategic considerations or ordinary reasons of convenience afford a sufficient justification for them. You should, at all events, endeavour to secure unanimity among the members of the Commission and to avoid finding yourself entirely on the side of the German, Austrian and Italian delegates in opposition to your Russian and French colleagues.

You will doubtless be able to learn from the delegates of France and Russia (who have, I presume, received instructions in detail) the

[1] Заголовок подлинника. Этот меморандум английского правительства был препровожден Бенкендорфом Сазонову в дополнение к телеграмме № 174 при отношении от 10 июля/27 июня за № 731. Из самого документа явствует, что передача его Камбону состоялась не ранее 29/16 июня 1914 г. Ввиду этого мы печатаем его в виде приложения к названной телеграмме.

specific changes desired by their governments. No detailed information has been given me by the French and Russian ambassadors here".

In a despatch dated the 14th June and received at the Foreign Office on the 25th June, Colonel Granet reported that, acting on those instructions to try to get an agreement between the delegates, he had some three weeks before laid before them certain Montenegrin proposals respecting the Boyana frontier and the Clementi difficulty, which had been communicated to the powers by the Montenegrin Ministry of Foreign Affairs in a note, № 1068, of the 25th April, 1914. When Colonel Granet asked his colleagues on the 13th June whether they were prepared to discuss these proposals, he found that the Austrian, German, and Italian delegates, having received no instructions, could not do so; that the Russian delegate had not only not received any copy of the proposals, but had oral instructions not to discuss any line of frontier other than that laid down by the Conference of Ambassadors; and that the French delegate had received a copy of the Montenegrin proposals, but without any comment or instructions.

Meanwhile, the Delimitation Commission had considered the question of Vermoč at their meeting of the 4th June last, in consequence of a letter which the president of the Commission had received from M. Plamenatz, the Montenegrin Minister for Foreign Affairs, stating that baron Giesl, the late Austro-Hungarian Minister at Cettinjé, had informed him that the Ambassadors' Conference had accepted his, Baron Giesl's, frontier line, which left Vermoč to Montenegro [1]. Colonel Granet very properly observed that he must first ascertain from His Majesty's Government whether the Ambassadors' Conference did as a matter of fact accept Baron Giesl's frontier.

The meeting, by 4 votes to 2, decided not to continue the discussion, and on the 6th June, Colonel Granet telegraphed as follows:

„Gussinje, June 6, 1914.

Request I may be informed whether the expression „territoire de Goussigné" used in the agreement drawn up by the Ambassadors' Conference in London signifies the „Kaza"? If it does, in accordance with a strict interpretation of the text, Vermoč should, in my opinion, be given to Montenegro. It would be necessary, however, to guarantee to the Albanian inhabitants their rights of pasture, all their lands, their right of entry to Montenegrin markets and freedom to pass from Albania into Montenegro".

---

[1] Письмо Пламенаца от 29/16 мая 1914 г. на имя председателя разграничительной комиссии Потапова.

The text alluded to states:

„(La frontière de l'Albanie)... suit la frontière entre les tribus de Grouda et Hoti, cédées au Monténégro, d'une part, et les tribus de Castrati et Clémenti, d'autre part, laissant ces deux tribus à l'Albanie.

Elle se confond ensuite avec les limites actuelles entre la tribu monténégrine de Koutchi, d'un côté, et la tribu de Clémenti, de l'autre côté, jusqu'au territoire de Goussigné et Plava; elle laisse ces villes avec leurs dépendances au Monténégro, en suivant la chaîne principale et la ligne du partage des eaux entre le Lim, d'un côté, le Drin, de l'autre..."

After a careful consideration of this text, it seemed clear that the intention of the Ambassadors' Conference was to leave the whole Clementi country to Albania, and the following reply was sent to Colonel Granet on the 10th June:

„Foreign Office, June 10, 1914.

The point raised in your telegram of the 6th instant, as to whether the „Kaza" is identical with the „territoire de Goussigné", does not appear to come in question, since no „territoire" was assigned to Montenegro by the Conference of Ambassadors, but merely the towns of Plava and Goussigné „avec leurs dépendances", which the agreement describes as bounded by the watershed between the Drin and the Lim, and by the main mountain chain. If this line, starting from Kom (the mountain of Kom being assumed to be the boundary of the Clementi country) be followed, Vermoč would presumably be Albanian.

You may put this view before the French and Russian delegates and try to find a generally acceptable solution. You should, however, insist that the interests of the Albanian inhabitants be guaranteed as you suggest in your telegram, in the event of the ultimate result assigning Vermoč to Montenegro".

Colonel Granet states in a despatch dated the 19th June that he submitted the view contained in this telegram to his French and Russian colleagues, who expressed a contrary interpretation of the resolutions of the Ambassadors' Conference.

The above telegram was sent in ignorance of the proceedings of the Commission's meeting of the 4th June, and of M. Plamenatz appeal, annexed thereto, to Baron Giesl's testimony, as the report of that meeting did not reach the Foreign Office until the 18th June. But the evidence therein adduced gives no reason to modify the view adopted by His Majesty's Government, which is founded on the clearly indicated intentions of the Ambassadors' Conference, and, whatever may be the in-

trinsic value of Baron Giesl's map, there is nothing to show that it was in any way accepted by the Conference, while his own Government have from the first taken the opposite view.

In the light, therefore, of the somewhat vague indications originally given to Sir E. Grey by the French and Russian Ambassadors, and in view of the fact that the Delimitation Commission exists for the purpose of finding a solution which shall, so far as possible, respect the interests of both Montenegro and Albania, the criticisms now lewelled at Colonel Granet appear harsh and uncalled for, and cannot be passed over without rejoinder. Colonel Granet was instructed to put a certain reasoning before his French and Russian colleagues, not because it was a „solution défavorable au Monténégro", but because it was, in the opinion of His Majesty's Governement the clearly expressed intention of the Ambassadors' Conference, and though His Majesty's Government are most anxious, as this memorandum shows, to support French and Russian views so far as they can, they cannot put aside all regard to the merits and act in a manner that it seems to them would be manifestly unjust to the inhabitants of the locality.

As a further proof of the unfounded nature of the accusations against Colonel Granet, the following telegram, received from him on the 29th June, shows that he has throughout been working for, and has himself evolved a solution which should certainly satisfy the Montenegrin Government:

„Gussinje, June 27, 1914.

With regard to Vermoč, I fear there is no hope of any decision being arrived at by the Commission.

To-day, therefore, I laid before my colleagues the following proposal, which coincides in almost every way with the Montenegrin proposal, and the effect of which is, while not cutting off the Clementi from Scutari during the winter, to give to Montenegro Vermoč and the entire Cem Valley, as well as direct communication to Podgoritza.

My proposal is that Houti be ceded to Albania, and Vermoč, Vukli and Selce to Montenegro on the following terms:

1. That Montenegro immediately withdraw her troops within her own frontier.

2. That the Clementi be assured of their rights to their pasture and property in Vermoč on the basis of the status quo ante bellum.

3. That the Montenegrin Government issue an official document, granting these rights to each proprietor.

4. That the Clementi be allowed free access to the Montenegrin

markets, and also to their own country on their return from their winter pastures.

5. That Houti proprietors be indemnified for all houses destroyed by the Montenegrins during the course of the present year.

I shall urge the Albanian and Montenegrin Governments to accept this proposal, which may, I think, lead to a settlement; my colleagues have promised to consider it and to communicate it to their Governments".

Перевод.

Французский и российский послы говорили статс-секретарю 5 мая с. г., что их правительства желают сделать все, что можно и что будет стратегически необходимо для Черногории при проведении пограничной линии с Албанией. Эта линия в свое время не была окончательно установлена, и принятое относительно нее решение оставляет место для тех или других изменений. Сэр Э. Грей ответил, что он обдумает, какие инструкции он сможет послать полковнику Гренету, и в результате телеграфировал ему 7 мая следующее:

„Форейн Оффис, 7 мая 1914 г.

Я получил просьбу российского и французского правительства о том, чтобы вам были посланы инструкции поддержать некоторые незначительные изменения границы в пользу Черногории, не противоречащие в то же время решениям Лондонской конференции послов, предоставившей комиссии по разграничению некоторую свободу действий. Вам надлежит поддержать эти изменения, если они в достаточной мере оправдываются стратегическими соображениями или элементарными соображениями удобства. Во всяком случае вы должны стараться обеспечить единодушие среди членов комиссии и избегать быть целиком на стороне германского, австрийского и итальянского делегатов в оппозиции к вашим русскому и французскому коллегам.

Вы несомненно будете иметь возможность узнать от делегатов Франции и России (получивших, я полагаю, детальные инструкции), в чем заключаются желательные их правительствам изменения. Никаких подробностей здешние французской и российский послы мне не сообщили".

В депеше от 14 июня, полученной в Форейн Оффис 25 июня, полковник Гренет сообщил, что, действуя на основании этих инструкций, он представил, с целью достигнуть единодушия между делегатами, около трех недель тому назад, некоторые черногорские предложения, касающиеся Боянской границы и затруднений с племенем Клементи, которые были сообщены державам черногорским министерством иностранных дел в ноте № 1068 от 25 апреля 1914 г. Когда полковник Гренет 13 июня спросил своих коллег, готовы ли они обсудить эти предложения, то оказалось, что австрийский, германский и итальянский делегаты не получили инструкций и поэтому не могут приступить к обсуждению, что русский делегат не только не получил никакой копии черногорских предложений, но имел устные директивы не обсуждать никакой пограничной линии, кроме той, которая была зафиксирована конференцией послов, и что французский делегат получил копию черногорских предложений, но без всяких комментариев или инструкций.

Тем временем разграничительная комиссия рассмотрела вермошский вопрос на своем заседании от 4 минувшего июня вследствие письма, полученного председателем комиссии от черногорского министра иностранных дел г. Пламенаца, в котором говорилось, что бывший австро-венгерский посланник в Цетинье барон Гизль уведомил его о принятии конференцией послов пограничной линии, предложенной им, бароном Гизлем, согласно которой Вермош оставляется за Черногорией. Полковник Гренет весьма уместно заметил, что он должен сперва удостовериться у правительства его величества, действительно ли конференция послов приняла границу барона Гизля.

На заседании четырьмя голосами против двух было решено не продолжать обсуждения, и 6 июня полковник Гренет телеграфировал следующее:

„Гусинье, 6 июня 1914 г.

Прошу сообщить мне, означает ли выражение „территория Гусинье" в соглашении, установленном конференцией послов в Лондоне, „казу". Если да, то, в соответствии с точной интерпретацией текста, Вермош должен быть, по моему мнению, отдан Черногории. Но в таком случае необходимо будет гарантировать албанским жителям их права на пастбища, все их земли, их право посещения черногорских рынков и свободу передвижения из Албании в Черногорию".

Упомянутый текст гласит:

„(Граница Албании) ...следует вдоль границы между племенами Груди и Хоти, отходящими к Черногории, с одной стороны, и племенами Кастрати и Клементи—с другой стороны, оставляя эти два племени за Албанией.

Она сливается затем с нынешними границами черногорского племени Кучи, с одной стороны, и племени Клементи—с другой, до территории Гусинье и Плава; она оставляет эти города с их округами Черногории, следуя по главному горному хребту и водоразделу между Лимом, с одной стороны, и Дрином—с другой..."

После тщательного изучения этого текста казалось ясным, что конференция послов имела в виду предоставить всю область Клементи Албании, и полковнику Гренету был послан 10 июня следующий ответ:

„Форейн Оффис, 10 июня 1914 г.

Вопрос, поднятый в вашей телеграмме от 6 с. м., совпадает ли „каза" с „территорией Гусинье", повидимому, вовсе не возникает, так как Черногории была присуждена конференцией послов не „территория", а только города Плава и Гусинье „с их округами", определяемыми соглашением как отграниченные водоразделом между Дрином и Лимом и главным горным хребтом. Если следовать этой линии, начиная от Кома (причем гора Ком рассматривается как граница области Клементи), то Вермош предположительно должен быть албанским.

Вы можете изложить эту точку зрения французскому и русскому делегатам и попытаться найти общее приемлемое решение. Однако вы должны настаивать, чтобы интересы албанских жителей были гарантированы, как вы указываете в вашей телеграмме, в случае, если в конечном итоге Вермош будет присужден Черногории".

Депешей от 19 июня полковник Гренет сообщил, что он передал взгляд, изложенный в этой телеграмме, своим французскому и русскому коллегам, давшим решениям конференции послов противоположное истолкование.

Вышеуказанная телеграмма была послана без ознакомления с протоколом заседания комиссии от 4 июня и приложенной к нему ссылки г. Пламенаца на свидетельство барона Гизля, так как отчет об этом заседании был получен Форейн Оффис только 18 июня. Но содержащиеся там данные не дают никакого основания изменять взгляд, принятый правительством его величества, основанный на ясно выраженных намерениях конференции послов, а какова бы ни была внутренняя ценность карты барона Гизля, не имеется никаких указаний, чтобы она была в какой бы то ни было форме принята конференцией, в то время как его собственное правительство держалось с самого начала противоположного взгляда.

Если ввиду этого принять во внимание некоторую неясность указаний, данных вначале сэру Э. Грею французским и российским послами, а также тот факт, что разграничительная комиссия образована с целью найти решение, считающееся, насколько возможно, с интересами как Черногории, так и Албании, то критика, которой ныне подвергается полковник Гренет, представляется слишком резкой и необоснованной и не может быть оставлена без возражений.

Полковнику Гренету было предписано представить своим французскому и русскому коллегам известные соображения не потому, что это было „решение, неблагоприятное для Черногории“, а потому, что оно отвечало, по мнению правительства его величества, явно выраженным намерениям конференции послов, и хотя правительство его величества очень желает, как показывает этот меморандум, поддерживать, насколько возможно, французские и русские взгляды, оно не может оставить без внимания законных требований и действовать в духе, представляющемся ему явно несправедливым по отношению к местным жителям.

Служа новым доказательством необоснованности обвинений против полковника Гренета, следующая телеграмма, полученная от него 29 июня, показывает, что он до конца прилагал усилия, чтобы достичь решения, которое несомненно удовлетворит черногорское правительство, и сам предложил таковое:

„Гусинье, 27 июня 1914 г.

Я опасаюсь, что нет надежды, чтобы комиссия пришла относительно Вермоша к какому-либо решению.

Поэтому сегодня я сделал своим коллегам следующее предложение, совпадающее почти по всем пунктам с черногорским предложением; результатом его будет предоставление Черногории как Вермоша и всей Цемской долины, так и непосредственного сообщения с Подгорицей, однако без отделения в течение зимы Клементи от Скутари.

Мое предложение состоит в том, чтобы Хоти были уступлены Албании, Вермош, Вукли и Сельце—Черногории на следующих условиях:

1. Чтобы Черногория немедленно увела свои войска в пределы своей собственной территории.

2. Чтобы Клементи были обеспечены их права на пастбища и собственность в Вермоше на основе status quo ante bellum.

3. Чтобы черногорское правительство издало официальный документ, гарантирующий эти права каждому собственнику.

4. Чтобы Клементи был предоставлен свободный доступ к черногорским рынкам, а также в их собственную страну при их возвращении с зимних пастбищ.

5. Чтобы владельцам [недвижимости] в Хоти было выдано вознаграждение за все дома, разрушенные черногорцами в течение настоящего года.

Я буду настаивать перед албанским и черногорским правительствами на принятии этого предложения, могущего, по-моему, привести к соглашению; мои коллеги обещали рассмотреть его и сообщить его своим правительствам".

№ 15. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 175. 29/16 июня 1914 г.

Crime de Sarajévo inspire plus vive horreur à toute la presse. Emotion à la cour très vive. Deuil de cour annoncé pour une semaine. Roi a rendu visite de condoléance à ambassadeur austro-hongrois. Envoi prince Arthur de Connaught aux obsèques à Vienne paraît décidé.

Benckendorff.

Перевод.

Преступление в Сараеве внушает всей прессе глубокое отвращение. Сильное возбуждение при дворе. Объявлен недельный траур при дворе. Король сделал австро-венгерскому послу визит для выражения соболезнования. Посылка принца Артура Коннаутского на похороны в Вену, повидимому, решена.

Бенкендорф.

№ 16. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Письмо [1]. 29/16 июня 1914 г.

Monsieur le ministre,

J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre très confidentielle de votre excellence en date du [25] 12 juin [2].

La réponse que vous a adressé Sir G. Buchanan quand vous lui parliez d'une recrudescence en Angleterre, soudaine et justifiée par rien, d'inquiétudes pour la sécurité des Indes, pour être exacte, exige pourtant un commentaire qui peut se formuler en peu de mots.

La sécurité des Indes, étant une conséquence de l'entente politique entre la Russie et l'Angleterre, il s'en suit que le public et le gouvernement anglais, parfaitement confiants dans la loyauté de nos intentions, n'ont aucune inquiétude de ce genre tant que l'entente durera. Il s'en suit, bien entendu, que, l'entente venant à cesser, les appréhensions pour la sécurité des Indes surgiraient à neuf. Il s'agit par conséquent d'une hypothèse, mais d'une hypothèse à laquelle on ne pense que toutes les fois que l'entente paraît en danger par suite de difficultés en Perse.

---

[1] Опубл. Siebert, III, № 1066, под 2 июля/19 июня с пропуском ссылок на другие документы из переписки Сазонова с Бенкендорфом.

[2] См. т. III, № 361.

Bien établir cette différence me paraît important, l'inquiétude anglaise n'allant pas au delà de ce que j'ai dit.

Ceci n'empêche pas que si, à l'occasion de certaines modifications à prévoir dans nos arrangements actuels, une formule pouvait être trouvée qui donne à la sécurité des Indes une expression plus directe, rien ne serait davantage de nature à resserrer les liens d'une entente qui, j'en suis sûr, entre dans les vues du Cabinet de Londres. Les derniers entretiens, que j'ai eu avec Sir E. Grey ces derniers temps en fournissent des preuves aussi claires que convaincantes. Le courrier actuel vous en portera un nouvel indice.

Je mettrai tous mes efforts à activer les pourparlers entre le capitaine Wolkoff et l'amirauté anglaise. Je ne vois non seulement aucune indication que le gouvernement anglais hésite à mettre à exécution le projet accepté à Paris. Je crois au contraire, que l'importance de la chose est depuis devenue plus apparente aux yeux du gouvernement qu'au début. Il y voit une nécessité pratique et une conséquence naturelle de l'entente. Si les choses ont jusqu'ici trainé en longueur, c'est d'abord, comme d'ailleurs on m'en a prévenu tout de suite,—parce que le gouvernement veut charger le prince Louis de Battenberg de parachever l'affaire à St.-Pétersbourg. La date de cette visite strictement privée et dont il ne faudrait pas ébruiter le projet, n'est pas encore fixée. Cette date ne dépend, bien entendu, que très partiellement du choix du prince Louis.

Une circonstance, en apparence secondaire, mais en réalité plus importante et malheureuse qu'il n'apparaît à première vue, a pu jusqu'à un certain point ralentir le cours des négociations préliminaires confiées au capitaine Wolkoff. Je parle des indiscrétions commises. Il est vrai que venant de Paris très probablement, elles n'ont plus lieu d'étonner. Pourtant il y a lieu de noter que l'arrangement anglo-français n'a absolument jamais transpiré.

Cette fois il me paraît peu douteux que l'émoi à Berlin a été très considérable. Vous trouverez dans mon expédition actuelle ce qu'en pense Sir E. Grey[1]. J'ai de bonnes raisons personnelles de croire qu'il ne se trompe pas. Il se pourrait que Sir Edward Grey tienne à ce que cet émoi se calme avant de procéder plus avant. Il est de fait que pour lui il n'est pas facile de nier et de négocier en même temps,—rôle qu'il devrait assumer tant vis-à-vis de l'Allemagne que d'une fraction considérable de son propre parti et de la presse anglaise.

Il va de soi que de vous en être expliqué à neuf avec l'ambassadeur d'Angleterre exercera certainement une salutaire influence.

---

[1] О беседе Грея с Бенкендорфом по этому вопросу см. B. D., v. XI, № 5.

En présence des dispositions actuelles du gouvernement anglais, il est doublement regrettable que, juste maintenant, des difficultés aient surgi en Perse et je puis vous assurer que c'est un caractère de regret que revêtent en ce moment les préoccupations de Sir E. Grey. Je le crois très disposé à faire de son mieux pour l'aplanissement des difficultés. — Je ne voudrais ajouter à cette lettre, que je complèterai sous forme privée, que si le moment approche où nous aurons à discuter avec l'Angleterre des questions économiques dont la solution ne sera pas facile, il est urgent que ces négociations épineuses débutent après aplanissement des difficultés de nature plus particulièrement politique. Je ne crois pas qu'il faille amalgamer les deux questions: les politiques doivent précéder. Il y aurait erreur à croire qu'elles servent de prétexte pour entamer les autres. Elles sont venues s'imposer au moment le plus inopportun.

Après ce que vous m'avez fait l'honneur de m'en écrire, je les crois plus aisément solvables que vous ne pensez. Ces derniers jours Sir E. Grey m'a répété plusieurs fois que deux points sont les plus importants: „sauver la face du gouvernement persan" en ne se substituant pas à lui et éviter toute mesure qui puisse mettre obstacle à l'amélioration de l'état du trésor persan.

Je crois que nous aurions tout avantage à entrer dans cette voie, qui ne porte nulle atteinte à notre pouvoir réel, le plus largement possible.

Permettez-moi de vous répéter que c'est par là qu'il faudra commencer.

Veuillez agréer etc. Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Я имел честь получить весьма доверительное письмо вашего высокопревосходительства от [25] 12 июня.

Ответ, данный вам сэром Дж. Бьюкененом, когда вы говорили ему о внезапном и ничем не оправдываемом усилении в Англии беспокойства относительно безопасности Индии, чтобы быть точным, требует все же комментария, который может быть сформулирован в нескольких словах. Безопасность Индии является следствием политического согласия между Россией и Англией. Отсюда следует, что английское общество и правительство, вполне доверяя лояльности наших намерений, не испытывают никакого беспокойства по этому поводу, покуда согласие остается в силе. Отсюда же следует, конечно, что в случае прекращения согласия опасения относительно безопасности Индии возникли бы снова. Дело идет, следовательно, о гипотезе, но о гипотезе, о которой думают лишь в тех случаях, когда вследствие затруднений в Персии согласию, повидимому, угрожает опасность.

Мне представляется важным точно установить это различие, так как беспокойство англичан не выходит за пределы сказанного мною.

Это не мешает тому, что ничто так не содействовало бы укреплению уз согласия (а это, я уверен, входит в виды лондонского кабинета), как если бы в связи с некоторыми предвидимыми изменениями в наших теперешних соглашениях удалось найти формулу, служащую более прямым выражением безопасности Индии. Последние беседы, которые я имел с сэром Э. Греем за эти дни, дают тому доказательства столь же ясные, сколь убедительные. С сегодняшним курьером вы получите новое указание на этот счет.

Я приложу все усилия, чтобы оживить переговоры между капитаном Волковым и английским адмиралтейством. Я не только не вижу никакого указания на то, чтобы английское правительство колебалось привести в исполнение проект, принятый в Париже, я думаю, наоборот, что с течением времени важность этого дела становится в глазах правительства более очевидной, чем в начале. Оно в нем усматривает практическую необходимость и естественное последствие согласия. Если дело до сих пор затягивалось, так прежде всего потому,—о чем меня, кстати сказать, сразу предупредили,—что правительство желает поручить принцу Луи Баттенбергскому закончить дело в Петербурге. Время этого визита—строго частного, проекта которого не следовало бы предавать гласности,—еще не определено. Оно, конечно, зависит только в весьма слабой степени от выбора принца Луи.

Обстоятельство, второстепенное с виду, но в действительности более важное и прискорбное, чем это кажется на первый взгляд, оказалось способным в известной мере замедлить ход предварительных переговоров, порученных капитану Волкову. Я говорю о допущенных нескромностях. Правда, так как они исходят, по всему вероятию, из Парижа, то тут нечему больше удивляться. Однако, следует отметить, что англо-французское соглашение абсолютно ни разу не подвергалось огласке. На этот раз для меня почти не подлежит сомнению, что возбуждение в Берлине было очень значительно. Вы найдете в моей настоящей экспедиции, что думает по этому поводу сэр Э. Грей. У меня лично достаточные основания думать, что он не ошибается. Может быть, сэр Э. Грей не желает предпринимать дальнейших шагов, пока это возбуждение не уляжется. Действительно, ему нелегко отрицать и вести переговоры в одно и то же время,—роль, которую он должен был бы принять на себя как по отношению к Германии, так и по отношению к значительной части своей собственной партии и английской печати.

Само собой разумеется, что новое ваше объяснение по этому поводу с английским послом окажет несомненно благотворное влияние.

При наличности теперешних настроений английского правительства вдвойне прискорбно, что как раз теперь возникли затруднения в Персии, и я могу вас заверить, что озабоченность сэра Э. Грея облекается в данный момент именно в форму сожаления. Я считаю, что он очень склонен сделать все от него зависящее, чтобы сгладить затруднения. Я хотел бы еще прибавить к этому письму, которое я дополню частным письмом, что если близится момент, когда нам придется обсуждать с Англией экономические вопросы, разрешение которых будет не легким, настоятельно необходимо, чтобы эти щекотливые переговоры начались после устранения трудностей, имеющих более политический характер. Я не думаю, что следовало бы смешивать эти два вопроса: вопросы политические должны предшествовать. Было бы ошибочно думать,

что они могут послужить предлогом, чтобы приступить к другим. Они возникли в самый неподходящий момент.

Судя по тому, что вы соблаговолили мне написать об этом, я нахожу их более легко разрешимыми, чем вы думаете. В течение последних дней сэр Э. Грей повторял мне много раз, что наиболее важными являются два пункта: „спасти лицо персидского правительства", не заменяя его собой, и избегать всякого мероприятия, которое могло бы послужить препятствием к улучшению состояния персидской казны.

Я думаю, что нам было бы во всех отношениях выгодно вступить самым решительным образом на этот путь, который не наносит никакого ущерба нашей фактической власти.

Позвольте мне повторить вам, что именно с этого придется начинать.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 17. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 74. 29/16 июня 1914 г.

Граф Берхтольд, которому я передал сегодня искренние соболезнования императорского правительства и чувства глубокого возмущения, вызванные в России гнусным сараевским преступлением[1], просил меня передать вашему высокопревосходительству искреннюю признательность австро-венгерского правительства за выраженное императорским правительством в столь тяжелую минуту сочувствие. Берхтольд сказал мне при этом, что император Франц-Иосиф, вернувшийся сегодня в Вену из Ишля, выразил пожелание, чтобы похороны эрцгерцога и его супруги состоялись, по мере возможности, скорее и чтобы от иностранных дворов не было прислано по сему поводу специальных представителей. Похороны состоятся, по всей вероятности, в будущую пятницу в Артштетене, на следующий день в Вене отслужена будет торжественная панихида, после которой император вернется в Ишль. Неизвестно, удастся ли отклонить приезд на похороны императора германского, выразившего непременное желание присутствовать на них лично[2].

Шебеко.

---

[1] Тел. от 29/16 июня без номера Сазонов предписал Шебеко выразить австро-венг. прав-ву искреннее соболезнование по поводу „гнусного преступления, совершенного в Сараеве, которое не может не вызвать повсеместно чувства глубокого отвращения".

[2] На тел. Шебеко от 30/17 июня за № 76, сообщавшей о получении английским и итальянским послами инструкции быть представителями монархов на похоронах, а также о намерении Вильгельма II лично присутствовать, имеется помета Николая II: „Шебеко будет моим представителем", о чем Шебеко был извещен тел. Сазонова от 1 июля/18 июня за № 1301.

№ 18. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. Бриндизи, 29/16 июня 1914 г.

Около Тепелены эпироты, при содействии греческих войск, перешли в наступление [2] и после ряда боев взяли несколько сел, занятых до сих пор албанскими силами.

Петряев.

№ 19. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 121 [3]. 29/16 июня 1914 г.

Получил № 1271 [4]. Прошу срочных указаний.

Сараевская катастрофа, конечно, сильно отразилась на состоянии биржи не только в Вене и Берлине, но и в Париже, вследствие чего Бауер, представитель Перье, сказал мне, что и ему придется запросить телеграфом парижские и бельгийские банки, участвующие в болгарском займе. Ввиду этого сведения, которые могу дать сегодня, не будут носить окончательного характера. Министр финансов принял вчера Бауера, но не дал ему формулировать предложений под предлогом, будто переговоры в Берлине вошли в окончательный фазис [5], и сказал, что в случае неудачи последних болгарское правительство обратится к Перье. После такого приема Бауер хотел через 48 часов уехать в Константинополь, но по моему совету отложил отъезд и завтра утром будет видеть Радославова. Последнему я только-что указал на явную недобросовестность Тончева, желающего по личным мотивам заключения займа в Берлине. Затрудняясь формулировать в данную минуту точно условия ввиду происшедших событий, Бауер сказал мне, что они будут приблизительно следующие: все 500 млн. из 5% в два равных приема: осенью сего года и в первом полугодии будущего года;

---

[1] Номер отсутствует. На подлиннике имеется помета: „Передана 18 июня 1914 г. в Афины, Париж и Лондон, № 1295“. Ссылаясь на № 1295, Бенкендорф тел. от 2 июля/19 июня за № 181 сообщил, что Грей получил аналогичную информацию, но полагает, что речь идет о неорганизованном отряде, покинувшем ряды греческих войск.

[2] Уже после заключения между правительством Зографоса и контрольной комиссией 18/5 мая 1914 г. соглашения на Корфу 24/11 июня произошли новые вооруженные столкновения между албанцами и эпиротами (тел. Петряева за № 135).

[3] Опубл. Siebert, III, № 1064.

[4] В тел. от 27/14 июня за № 1271 Сазонов изложил взгляд м-ва фин. на вопрос об участии русских банков в болгарском займе и запрашивал, в каком положении находятся переговоры о заключении займа в Париже (см. т. III, № 391).

[5] Об условиях германского займа ср. деп. Савинского от 21/8 июля за № 30, ниже № 310.

аванс в 100 или 120 млн. при подписании. Курс de prix ferme около 84; в случае желания болгарского правительства мог бы увеличить цифру займа до 600 млн. с более длинным сроком. Концессии: сооружение порта Лагоса, постройка железной дороги Хасково—Лагос, соединение с Дунаем и другие. Гарантии: излишек от табачной бандероли, а в случае ее недостатка—другой доход по указанию болгарского правительства; военные заказы, jonction Salonique, принятие Болгариею в принципе соответствующей части оттоманского долга. Участие наших банков под эгидой Государственного, подобно тому, как это было при большом займе 1902 г.[1], Бауер считает необходимым условием своего предложения, ибо займы Сербии, Греции и Турции[2] показали, как слаб к балканским государствам интерес французских плательщиков, для которых весьма ценным будет участие России. Принципиальное участие России Бауер считает необходимым, абсолютный размер же его, хотя бы самый минимальный, может быть установлен по уговору впоследствии. Выкуп бонов мог бы состояться по номинальной цене al pari, а облигации принимались бы по выпускной цене. Кроме того, наши банки получили бы прибыль от размещения бумаг на рынке. Впечатление наших банков насчет ......сти и солидарности Перье относится, очевидно, к тому времени, когда он не пользовался поддержкою французского правительства и, желая преуспеть, действовал иногда наперекор правительству и Banque de Paris, с которым наши банки привыкли иметь дело. Теперь же Перье рекомендован французским правительством, давшим нам о нем самые лучшие сведения, и действует в полном согласии с Banque de Paris, который, судя по телеграмме Извольского № 160[3], теперь сам не мог произвести болгарской операции и поручил ее Перье. Ввиду выраженного уже принципиального согласия наших банков принять участие в займе, было бы прискорбно, если бы это участие ныне было в силу тех или других соображений скомпрометировано. Во внимание к особо важному политическому значению займа, наше министерство финансов могло бы даже принести некоторые жертвы, но последних от него при вышеизложенных условиях, как мне кажется, не потре-

---

[1] В 1902 г. болгарским прав-вом был заключен через русский Государственный банк и Banque de Paris et de Pays-Bas 5% заем в 106 млн. фр., обеспеченный доходами с табачной бандероли и гербовых сборов, по курсу $81^1/_2$, для консолидации неотвержденного долга.

[2] Упоминаемые в тексте займы были выпущены на парижском рынке в январе — апреле 1914 г.

[3] См. т. III, № 274.

буется. Бауер производит впечатление человека покладистого и желающего достигнуть успеха. Нашему участию, повторяю, он придает принципиальное значение и на частностях, повидимому, настаивать не будет. Прошу срочных и точных указаний, без которых Бауеру трудно сделать окончательные предложения.

Савинский.

№ 20. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 299. 29/16 июня 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Кузьминского № 1378 от [26] 13 декабря [1].

Ввиду предстоящего истечения срока действия временного соглашения о кобдо-алтайском разграничении, китайское правительство предлагает его не возобновлять при условии, что оба округа должны остаться в своих прежних территориальных пределах, и ни китайцы, ни монголы не должны вторгаться в чужой район. Окончательное же разграничение должно последовать предусмотренным в русско-китайской декларации порядком [2]. Считал бы возможным пойти навстречу желанию китайцев, оговорив в ответной ноте, что под термином „прежние территориальные пределы“ мы признаем границы, установленные помянутым соглашением. Прошу указаний. Сообщаю копию в Ургу и Шара-Сумэ.

Граве.

Приложение.

Нота китайского министерства иностранных дел российскому поверенному в делах в Пекине Граве.

№ 250 [3]. 29/16 июня 1914 г.

21/8 декабря 1913 г. между бывшим алтайским правителем князем Палтою и российским консулом Кузьминским состоялось в г. Чэн-хуа-сы (Шара-Сумэ) временное соглашение о прекращении

---

[1] Тел. Кузьминского в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] Согласно ст. V русско-китайской декларации от 5 ноября/23 октября 1913 г., „касающиеся интересов России и Китая во Внешней Монголии вопросы, порождаемые новым положением вещей в этой стране, составят предмет последующих переговоров“. В дополнение к этому пункты II и III тождественных нот, которыми обменялись в тот же день российский посланник в Пекине Крупенский и китайский министр иностранных дел Сунь Бао-ци, устанавливали, что по вопросам „политическим и территориальным“ в переговорах российского и китайского правительств „будут принимать участие“ и власти Внешней Монголии.

[3] Копия этой ноты была препровождена Граве в м-во ин. дел при отношении от 8 июля/25 июня за № 107.

военных действий между Китаем и Монголией, изложенное в четырех статьях.

Принимая во внимание истечение ныне срока упомянутого выше соглашения о прекращении военных действий, но вместе с сим имея в виду состоявшееся подписание китайско-русской декларации, обеспечивающей положение Китая и Монголии, вопрос о каких-либо военных действиях отпадает, и таким образом нет необходимости в дальнейшем продолжении истекающего соглашения, состоявшегося между алтайскими властями и русским представителем, при условии, что Кобдо и Алтай должны оставаться в своих прежних территориальных пределах и не вторгаться самовольно в чужой район. Подобное разграничение между алтайским и кобдоским округами имеет состояться на основании ст. IV сообщения, приложенного к декларации.

Предлагая алтайскому правителю[1] снестись в этом смысле с российским консулом, министерство считает своим долгом довести о сем до сведения вашего, г. поверенный в делах.

№ 21. Справка, составленная в кредитной канцелярии министерства финансов.

29/16 июня 1914 г.

Вопрос о покупке Русско-азиатским банком Салоникского банка возник в начале 1913 г.

Согласно первоначальному проекту Русско-азиатского банка, предполагалось полное поглощение Салоникского банка Русско-азиатским, с передачей нашему кредитному учреждению всех отделений Салоникского банка как на Балканах, так и в азиатских владениях Оттоманской империи. Несмотря на горячую поддержку, оказанную этому проекту министерствами финансов и иностранных дел, переговоры по сему вопросу не привели к благоприятным результатам, так как французское правительство самым решительным образом воспротивилось передаче русскому кредитному учреждению отделений Салоникского банка в Константинополе, Смирне и Сирии.

В начале 1914 г. была выдвинута новая комбинация, предусматривающая образование путем слияния Салоникского банка с Национальным турецким банком нового предприятия, финансируемого международным консорциумом, в состав коего бы вошел, наряду с французской и английской группами, и Русско-азиатский банк.

---

[1] В 1914 г. „алтайским правителем" вместо князя Палты состоял Лю Чан-бин.

Ввиду неуспеха первоначального проекта о единоличном приобретении Салоникского банка Русско-азиатским банком, русское правительство отнеслось с полным вниманием к выдвинутому плану финансирования Салоникского банка международной группой с участием русского кредитного учреждения. При этом, однако министерства финансов и иностранных дел признали совершенно необходимым, чтобы в основу переговоров по сему вопросу были положены следующие начала: 1) возможное усиление русского представительства в составе совета банка и 2) предоставление преобладающего, если не вполне самостоятельного, положения представителям России в отделениях в Армении.

Письмом от [21] 8 марта сего года министр иностранных дел сообщил министру финансов, что именно по указанным пунктам представители Русско-азиатского банка встретили весьма решительные возражения, ввиду чего соглашение о международном финансировании Салоникского банка вряд ли может состояться, и что вместе с тем вновь выдвинут проект о приобретении одним лишь Русско-азиатским банком большей части Салоникского банка, причем имелись основания рассчитывать на то, что французское правительство не окажет сему проекту прежнего решительного противодействия. Сообщая о сем, гофмейстер Сазонов просил заключения министерства финансов.

В своем ответе по сему предмету (письмо от [26] 13 марта сего года) г. министр финансов высказался в том смысле, что принципиально было бы, конечно, весьма желательно превращение Салоникского банка в чисто русское предприятие, но что, судя по ходу переговоров в минувшем году, можно опасаться, что Русско-азиатскому банку будет передана лишь наименее ценная часть Салоникского банка и что посему возможно, что участие Русско-азиатского банка в международном консорциуме обеспечивало бы нам большее финансовое влияние. Ввиду сего г. министр финансов признавал возможным дать окончательное свое заключение лишь по ознакомлении с детальными условиями нового проекта приобретения Русско-азиатским банком Салоникского.

По возвращении однако из Парижа А. И. Путилова и по получении более подробных сведений об основаниях проектируемого договора, г. министр финансов письмом от [22] 9 апреля сообщил министру иностранных дел, что он не встречает более сомнений в выгодности для нас предлагаемого соглашения о покупке Русско-азиатским банком всех турецких отделений (кроме отделений в Смирне и Сирии).

Из письма гофмейстера Сазонова от [26] 13 сего июня[1] явствует, однако, что и этот проект встретился с серьезными препятствиями, ввиду чего вновь возникло предположение о возвращении к проекту слияния Салоникского и турецкого Национального банков в одно предприятие, финансируемое французской и английской группами и Русско-азиатским банком, причем участие сего последнего определяется в третьей доле. Не встречая с своей стороны препятствий к осуществлению изложенной комбинации, министр иностранных дел просит снабдить Русско-азиатский банк соответствующими указаниями по сему вопросу.

Согласно сообщенным Русско-азиатским банком по сему вопросу сведениям, в настоящее время удалось достигнуть согласия английской и французской групп на усиление русского представительства в составе совета банка. Ввиду сего, по мнению Русско-азиатского банка, при настоящих условиях предполагаемая комбинация представляет собой наиболее благоприятное для нас разрешение вопроса о Салоникском банке, и скорейшее осуществление ее было бы крайне желательно.

№ 22. Член правления Русско-азиатского банка М. Верстрат представителю банка Н. Л. Рафаловичу[2].

29/16 июня 1914 г.

Cher Monsieur Raffalovitch,

Je m'empresse de vous accuser réception de votre lettre du 22 juin. C'est avec beaucoup de plaisir que je recevrai la visite de monsieur Gubidelnikoff, directeur général de la Banque Commerciale de Bulgarie, et que je m'entretiendrai avec lui de la question de l'établissement de rapports étroits entre l'institution qu'il dirige et la Banque Russo-Asiatique. Nous réserverons à Mr. Gubidelnikoff notre meilleur accueil.

Ainsi que je vous l'ai télégraphié dès vendredi, je partage votre manière de voir au sujet des conditions dans lesquelles l'action politique d'un gouvernement à l'étranger doit être secondée par les établissements financiers, et je ne pense même pas qu'il puisse y avoir deux opinions à ce sujet.

Il est évident qu'on ne peut pas demander à une banque d'être universelle, de prendre des engagements simultanés dans toutes les

[1] Письмо Сазонова от 26/13 июня за № 452, см. т. III, № 376.

[2] Копия этого письма была препровождена Верстратом Трубецкому при записке от 29/16 июня 1914 г.

parties du monde, ni d'avoir pour y suffire les hommes et l'argent. Une pareille tâche serait écrasante et par conséquent mal faite. Le champ d'action qui s'ouvre aux banques russes dans la Russie même est tellement immense, et les besoins du pays sont tellement grands, que je considère peu désirable leur extension directe à l'étranger. Vous devez vous rappeler que pour cette raison nous ne tenions guère à l'affaire des charbonnages Ili-Sou. Comme vous le dites justement, pour étudier, entreprendre et diriger à l'étranger des affaires matériellement rémunératrices et politiquement intéressantes, il faut créer des organismes spéciaux bien adaptés à leur objet, et pour déterminer celui de ces organismes qui, étant donné les conditions spéciales d'un pays, lui conviendra le mieux, il faut tenir compte de divers éléments.

J'estime comme vous que les hommes susceptibles d'être les auxiliaires de la politique extérieure d'un gouvernement sont assez rares. Ils doivent, en effet, joindre à une compétence spéciale des affaires une culture générale et le sens des intérêts généraux, mais ils ne font défaut dans aucun pays. L'une des raisons pour lesquelles on constate en France la contradiction que vous signalez entre la politique du gouvernement français et l'activité des banques françaises à l'étranger, c'est que, parmi les financiers qui dirigent ces établissements, se trouvent certaines personnalités qui, par leurs origines, leur nationalité ou leurs traditions, appartiennent à des pays dont les intérêts diffèrent des intérêts français. C'est contre ces personnalités très influentes qu'on devra se heurter pour opérer dans les Balkans le revirement que vous avez raison de désirer et qui consisterait à orienter les banques françaises du côté russe après les avoir soustraites à l'influence de Vienne. Vous ne constatez pareil phénomène ni en Allemagne, ni en Angleterre, ni aux Etats-Unis, ni même, je crois, en Autriche, ni en Italie, mais vous risquez qu'il ne se produise également en Russie si le gouvernement russe n'y fait grande attention. Le choix des financiers sur lesquels un gouvernement s'appuie doit être effectué avec le plus grand soin, car il est ensuite très difficile de réparer les erreurs commises, et beaucoup plus malaisé de changer un financier que de déplacer un diplomate.

Si les banques mères sont, comme en Belgique ou en Allemagne, très fortes, si elles ne dépendent d'aucun établissement étranger, et si leur marché national est susceptible de fournir tout ou même seulement partie des capitaux nécessaires à leurs entreprises à l'étranger, la meilleure combinaison est assurément celle qui consiste à créer des banques filiales. C'est ce que font la Deutsche Bank et la Société Générale de Belgique.

Mais si ces conditions ne sont pas remplies, la création de banques filiales me paraît devoir être écartée; aussi n'ai-je jamais saisi très clairement la combinaison qui vient d'échouer du fait de la Société Générale de Paris et d'après laquelle la Banque de Salonique serait devenue la banque filiale de la Banque Russo-Asiatique.

Comme la Banque Russo-Asiatique dépend dans une grande mesure de la Société Générale, dont les clients sont ses actionnaires; comme elle avait besoin d'elle pour financer la Banque de Salonique; comme la Société Générale devait avoir dans la Banque Nationale de Turquie son propre instrument en Orient, et enfin comme le marché russe n'est pas encore susceptible de fournir des capitaux pour des affaires à l'étranger, il était probable à mon avis que l'établissement par la Banque Russo-Asiatique d'une banque filiale en Orient créerait beaucoup plus de malentendus et de difficultés qu'il ne donnerait de profits. La formule qui, à mon avis, conviendrait le mieux à la Russie, c'est celle qu'a adoptée la Russie et qui paraît d'ailleurs avoir également vos préférences. Je considère qu'elle est beaucoup plus souple et mieux appropriée à nos besoins. Ainsi que vous devez vous le rappeler, c'est celle dont j'ai toujours pour ma part recommandé l'adoption, et quand nous avons eu tous deux, il y a quelques semaines, l'honneur d'être reçus par son excellence Mr. Sazonow, c'est cette même formule de la création en Orient d'une société commerciale russe que j'ai proposée au ministre des affaires étrangères. Pour qu'une société de cette nature travaille utilement, il faut évidemment qu'elle ait derrière elle un appui financier, mais précisément cette société serait assurée de cet appui vu qu'elle serait créée par la Banque Russo-Asiatique, laquelle aurait une part d'influence importante dans la Banque de Salonique appelée à devenir ultérieurement Banque Nationale de Turquie. Si la Banque de Salonique, pour une raison ou pour une autre, n'acceptait pas de financer telle ou telle affaire de la Société russe, celle-ci, aidée par nous pourrait trouver sans doute à l'étranger d'autres appuis financiers sans qu'il en résultât entre la Société Générale et la Banque Russo-Asiatique les mêmes malentendus que si cette recherche de concours étrangers émanait d'une filiale de la Banque Russo-Asiatique. Je crois comme vous qu'il serait possible et même qu'il conviendrait de remettre à la Société commerciale russe d'Orient notre holding en actions de la Banque de Salonique et que la concentration dans un organe de cette nature de tous nos intérêts en Orient formerait un groupement important sur lequel le gouvernement russe pourrait parfaitement étayer son action politique. Sur un point seulement, qui est d'ailleurs un point de détail je ne serais pas de votre

opinion; je n'aimerais pas remettre à cette même société nos intérêts en Extrême-Orient. Les affaires de ces deux grandes régions sont en effet très différentes et si nous avons deux sociétés, par conséquent deux conseils il sera beaucoup plus facile de s'assurer les concours compétents. La même critique que vous avez faite contre l'extension directe des grandes banques russes à l'étranger, dont la direction ne saurait avoir de compétence universelle, pourrait être reproduite avec les mêmes raisons contre la concentration dans une même société de nos intérêts en Orient et en Extrême-Orient. Ce ne seront certainement pas les mêmes hommes qui devront nous aider pour des chemins de fer en Mandchourie et pour des chemins de fer en Asie Mineure. J'ai déjà d'ailleurs présenté à l'agrément du gouvernement russe les statuts d'une société russe de chemins de fer et d'entreprises industrielles en Extrême-Orient. Il conviendra de préparer les statuts de la Société commerciale russe d'Orient, dès que notre participation dans la Banque de Salonique élargie par l'absorption de la Banque Nationale de Turquie sera un fait accompli.

Ces derniers statuts devront être faits sur un plan plus large. Je n'ai pas en effet l'intention de confier à la Société russe de chemins de fer et d'entreprises industrielles en Chine notre représentation dans le consortium, ni les affaires financières avec l'Etat chinois qui en relèvent, ni nos affaires de banque en Extrême-Orient, tandis que la Société commerciale russe d'Orient devra au contraire jouer un rôle non seulement commercial et industriel, mais financier, puisqu'elle devra pouvoir posséder des actions de sociétés financières pour avoir le droit d'acquérir notre -holding en actions de la Banque de Salonique.

Pour résumer ce qui précède je considère comme vous:

1° que la Banque Russo-Asiatique ne doit pas s'établir elle-même en Orient et c'est pourquoi je n'ai pas été partisan de l'absorption de la Banque de Salonique par la Banque Russo-Asiatique;

2° que la création de banques filiales est dans certaines conditions une excellente chose, mais ces conditions ne me paraissent pas remplies en Russie, et c'est pourquoi je ne regrette pas l'échec de la combinaison dans laquelle nous devions transformer la Banque de Salonique en banque filiale de la Banque Russo-Asiatique.

3° que la meilleure solution serait bien celle de la création d'un organisme spécial à l'instar de la Societá Commerciale d'Oriente que les italiens ont créée, et qu'il importe d'organiser le plus tôt possible une société russe de même nature, mais en ne perdant pas l'occasion de participer dans la combinaison Banque de Salonique—Banque Natio-

nale de Turquie qui nous assurera une influence dans une banque internationale puissante tout en ayant à côté un organisme bien à nous.

Veuillez agréer etc.

M. Verstraete.

Перевод.

Дорогой г. Рафалович,

Спешу подтвердить получение вашего письма от 22 июня. С большим удовольствием я приму визит г. Губидельникова, главного директора Коммерческого банка Болгарии, и буду беседовать с ним по вопросу об установлении тесных отношений между учреждением, которым он управляет, и Русско-азиатским банком. Мы окажем г. Губидельникову наилучший прием.

Как я телеграфировал вам в пятницу, я разделяю вашу точку зрения по вопросу об условиях, в которых политическая деятельность правительства за границей должна поддерживаться финансовыми учреждениями; я думаю даже, что не может быть двух мнений по этому поводу.

Очевидно, нельзя требовать от какого-либо банка быть универсальным, принимая на себя одновременно обязательства во всех частях света и иметь для этого достаточно людей и денег. Такая задача была бы непосильной и, следовательно, исполнялась бы плохо. Поле действия, которое открывается перед русскими банками в самой России, настолько громадно и нужды страны настолько велики, что я считаю их непосредственное распространение за границу мало желательным. Вы не можете не вспомнить, что по этой причине мы отнюдь не дорожили или-су'ским угольным делом. Как вы правильно говорите, чтобы изучить, предпринять и руководить за границей делами, материально прибыльными и политически интересными, нужно создать специальные организации, хорошо приспособленные к своей цели, а чтобы определить, какая из этих организаций, при данных специальных условиях страны, окажется для нее наилучшей, нужно учесть разнообразные данные.

Я думаю, как вы, что люди, способные быть помощниками правительства во внешней его политике, довольно редки. В самом деле, они должны соединять с специальной деловой компетентностью общую культурность и понимание общих интересов. Но они все же имеются во всякой стране. Одна из причин, по которым во Франции наблюдается отмечаемое вами противоречие между политикой французского правительства и заграничной деятельностью французских банков, заключается в том, что среди финансистов, руководящих этими учреждениями, находятся некоторые лица, которые по своему происхождению, национальности или по своим традициям принадлежат к странам, интересы которых отличны от французских интересов. Именно с этими весьма влиятельными лицами придется столкнуться, если стремиться произвести на Балканах поворот, которого вы в праве желать и который состоял бы в ориентировании французских банков в сторону России по высвобождении их из-под влияния Вены. Вы не найдете подобного явления ни в Германии, ни в Англии, ни в Соединенных Штатах, ни даже, я думаю, в Австрии и Италии, но вы рискуете, что оно проявится также в России, если российское правительство не будет внимательно следить за этим. Выбор финансистов, на которых правительство опирается, должен производиться с величайшей тщательностью, потому что впоследствии

очень трудно исправить совершенные ошибки и гораздо труднее заменить финансиста, чем отставить дипломата.

Если главные банки, как это имеет место в Бельгии или в Германии, очень сильны, если они не находятся в зависимости от какого-либо иностранного банковского учреждения и если их национальный рынок способен доставить весь или хотя бы только часть капитала, необходимого для их предприятий за границей, лучшей комбинацией является несомненно та, которая состоит в создании филиальных банков. Именно так поступают Deutsche Bank и бельгийская Société Générale.

Но если этих условий нет налицо, тогда идея создания филиальных банков, мне кажется, должна быть отвергнута; поэтому я никогда не мог достаточно уяснить себе комбинацию, ныне фактически провалившуюся из-за парижской Société Générale и согласно которой Салоникский банк стал бы филиальным банком Русско-азиатского банка.

Так как Русско-азиатский банк зависит в значительной мере от Société Générale, клиенты которой являются его акционерами; так как он нуждается в ней, чтобы финансировать Салоникский банк; так как Société Générale должна была иметь в лице Национального турецкого банка свое собственное орудие на Востоке и, наконец, так как русский рынок еще неспособен доставлять капиталы для заграничных предприятий, то, по моему мнению, представлялось вероятным, что учреждение Русско-азиатским банком филиального банка на Востоке создало бы значительно больше недоразумений и затруднений, чем дало бы выгод. Формула, которая, на мой взгляд, наилучшим образом подходит для России, это именно та, которая была принята последней и которая, между прочим, пользуется, повидимому, и вашим предпочтением.

Я считаю, что она значительно более гибка и лучше приспособлена к нашим нуждам. Как вы припомните, это именно та, которую я всегда с своей стороны предлагал, и когда мы оба несколько недель тому назад имели честь быть принятыми его превосходительством г. Сазоновым, я предлагал министру иностранных дел именно эту самую формулу создания на Востоке русского торгового общества. Чтобы подобного рода общество работало с пользой, нужно, конечно, чтобы оно имело за собой финансовую поддержку, и, разумеется, этому обществу была бы обеспечена поддержка, так как оно было бы создано Русско-азиатским банком, который обладал бы значительной долей влияния в Салоникском банке, призванном сделаться впоследствии Национальным банком Турции. Если бы Салоникский банк по той или иной причине не взялся бы финансировать то или другое предприятие русского общества, это последнее с нашей помощью могло бы несомненно найти за границей и другие финансовые опоры, без того чтобы это вызвало между Société Générale и Русско-азиатским банком такие недоразумения, которые подобные поиски иностранной помощи вызвали бы, если бы они исходили от филиала Русско-азиатского банка. Я думаю, как и вы, что было бы возможно и даже желательно предоставить русскому торговому обществу на Востоке наш пакет акций Салоникского банка, и что объединение в одной организации этого типа всех наших интересов на Востоке создало бы влиятельную группу, на которую российское правительство вполне могло бы опереться в своих политических действиях. Только по одному пункту, который, впрочем, является деталью, я не держался бы вашего мнения: я не хотел бы передать тому же самому обществу наши интересы на Дальнем Востоке. Характер дел в этих двух громадных областях в самом деле весьма различен, и если у нас будет два общества, а следователь-

но и два правления, нам будет значительно легче обеспечить себя компетентными помощниками. Те самые критические замечания, которые вы сделали против прямого распространения за границей крупных русских банков, руководящие органы которых не могли бы проявлять всестороннюю компетентность, могли бы быть воспроизведены с теми же самыми основаниями против объединения в одном и том же обществе наших интересов на Ближнем и на Дальнем Востоке. Конечно, не одни и те же люди должны будут помогать нам в деле манчжурских ж. д. и в деле ж. д. малоазиатских. Я, впрочем, уже представил на одобрение российского правительства устав русского общества ж. д. и промышленных предприятий на Дальнем Востоке. Следует подготовить устав русского торгового общества на Востоке, как только наше участие в Салоникском банке, расширенном поглощением Национального турецкого банка, станет совершившимся фактом. Этот последний устав должен быть построен на более широких началах. В самом деле, я не имею намерения доверить русскому обществу железных дорог и промышленных предприятий в Китае ни наше представительство в консорциуме, ни финансовые дела с китайским государством, относящиеся к этой сфере, ни наши банковские дела на Дальнем Востоке, в то время как русскому торговому обществу на Востоке предстоит, наоборот, играть не только торговую и промышленную, но и финансовую роль, так как оно должно будет иметь возможность обладать акциями финансовых обществ, чтобы иметь право приобрести наш пакет акций Салоникского банка.

Резюмируя вышеизложенное, я считаю, как и вы:

1) что Русско-азиатский банк не должен обосноваться в качестве такового на Востоке, и вот почему я не был сторонником поглощения Салоникского банка Русско-азиатским банком;

2) что создание филиальных банков является в известных условиях прекрасной вещью, но этих условий на мой взгляд не имеется налицо в России, и вот почему я не сожалею о неудаче комбинации, при которой мы должны бы были преобразовать Салоникский банк в филиальный банк Русско-азиатского;

3) что лучшим решением будет создание специального учреждения по образцу Societa Commerciale d'Oriente, которое создано итальянцами, и что важно образовать в возможно краткий срок русское общество подобного же рода, не упуская однако случая принять участие в комбинации Салоникский банк—Национальный банк Турции, которая обеспечит нам влияние в могущественном международном банке, имея под рукой вполне зависимую от нас организацию.

Примите и пр. М. Верстрат.

№ 23. Министр иностранных дел послу в Берлине Свербееву.

Телеграмма № 1290 [1]. 30/17 июня 1914 г.

Германский посол доверительно сообщил мне, будто наш военный агент в Берлине замешан в недавно возникшем деле о шпионстве, и высказался за желательность его отозвания [2]. Я указал

[1] На царском экземпляре помета: „Содержание сообщено военному министру".

[2] Наряду с главными обвиняемыми — Полем и неким Каулем (он же Блюменталь) — в деле фигурировал ряд их сообщников, служивших в крепостях Вост. Германии.

графу Пурталесу, насколько при нынешнем положении русско-германских отношений возбуждение подобного вопроса является в настоящую минуту особенно щекотливым и опасным. Кроме того, я напомнил, что уже Михельсон был в свое время отозван по желанию германского правительства[1], почему нам было бы весьма трудно принять такое же решение относительно Базарова без того, чтобы германским правительством были представлены, хотя бы совершенно доверительно лично вам или Татищеву, неоспоримые доказательства его виновности. Согласившись с моими доводами, германский посол собирался телеграфировать в этом смысле в Берлин.

Сазонов.

№ 24. Министр иностранных дел морскому министру Григоровичу.

Письмо № 459. 30/17 июня 1914 г.

Весьма секретно. Спешно.

Особое совещание, состоявшееся [21] 8 февраля с. г.[2] по вопросу о нашем военно-морском положении на Черном море в связи с вопросом о проливах, постановило желательным проведение военным ведомством некоторых мер для усиления боевой готовности Одесского военного округа.

Ныне военный министр уведомил меня[3], что он полагает возможным не входить в настоящее время в законодательные учреждения с законопроектом, связанным с помянутыми мерами, до того времени, когда морское министерство будет в состоянии достигнуть сокращения сроков готовности транспортов к посадке десантных войск, так как в настоящее время готовность к посадке на суда войск опережает готовность транспортов. Генерал-адъютант Сухомлинов при этом добавил, что он об изложенном ставит в известность ваше высокопревосходительство.

Ввиду того, что п[унктом] 4 заключений помянутого совещания, удостоившимся всемилостивейшего его имп. величества одобрения, признано необходимым, чтобы морское ведомство в ближайшем будущем изыскало способ сократить срок, потребный для перевозки десанта к проливам, до 4—5 дней со дня отдачи о том приказа, почитаю долгом обратиться к вашему высокопревосходительству с просьбой не отказать уведомить меня, к какому времени можно

[1] Полк. Михельсон был военным агентом в Германии в 1905—1910 гг. О нем см. Gr. Pol., Bd. 27, Teil II, № 9943.

[2] См. т. I, № 295.

[3] См. т. III, № 374.

рассчитывать на исполнение высочайше одобренных предначертаний в этом отношении.

Вместе с тем, ссылаясь на мое письмо от [28] 15 апреля с. г. № 31[1], имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать сообщить мне, в каком положении находится ныне вопрос об усилении нашего Черноморского флота второй бригадой наиболее мощных и современных дредноутов,—вопрос, составляющий предмет п. 5 постановлений того же совещания.

Сазонов.

№ 25. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 176. 30/17 июня 1914 г.

Dans discours prononcé au parlement aujourd'hui[2] Grey a dit par rapport à question de „Oil Company" entre autres: „The interest of the Admiralty in the concession will secure not only that the present development proceeds, but that the new developments will be directed, if not to the British sphere, at least to places near the coast, so as to make our obligation as light as possible and the supply of oil as sure as possible".

Benckendorff.

Перевод.

В речи, произнесенной сегодня в парламенте, Грей между прочим сказал по вопросу о нефтяной компании: „Заинтересованность адмиралтейства в концессии гарантирует не только то, что начатые ныне разработки будут продолжены, но что новые разработки будут производиться если не в области британской сферы влияния, то, по крайней мере, в расположенных близ берега местах, в целях наибольшего облегчения наших обязательств и наибольшей обеспеченности нефтяных поставок".

Бенкендорф.

№ 26. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо[3]. 30/17 июня 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Quelle horrible tragédie que celle de Sarajévo. Qu'il y ait de la haine de race au fond est indiscutable. Le malheur est que l'erreur si continuelle de rendre toute la race responsable des crimes de l'un ou de l'autre va être répétée. C'est là le danger. Il est trop tôt d'en dire plus.

---

[1] Письмо Сазонова за № 31 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] 29/16 июня; ср. № 75.

[3] Опубл. L. N., v. II, p. 328, с пропуском фразы: „Quand j'arrivai... rien".

Le hasard a voulu que dimanche, quand sur le tard la nouvelle est parvenue ici, nous dinions chez lady de Grey à la campagne. Elle avait réuni l'impératrice mère, la reine mère, la reine douairière de Grèce et le roi de Portugal, Grey, quelques hommes et nous, voilà tout le dîner.

Quand j'arrivai, personne ne savait rien. Je ne savais comment annoncer la catastrophe quand la reine fût informée par un billet. J'avoue que de voir ces souverains réunis, dont pas un qui n'eut à pleurer un mort assassiné, ou plus, m'a profondément ému.

Ici l'émotion est profonde, le roi a tout contremandé et voulait envoyer aux obsèques le prince Arthur de Connaught. Il paraît que l'empereur d'Autriche décline.

Encore mille amitiés très sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Какая ужасная трагедия произошла в Сараеве! Бесспорно, что в основе ее лежит расовая ненависть. Несчастье в том, что повторится вечная ошибка возложения на всю расу ответственности за преступление того или другого отдельного человека. Вот в чем опасность. Слишком рано сказать нечто большее. Случаю было угодно, чтобы в воскресенье, когда известие поздно вечером пришло сюда, мы обедали у лэди Грей за городом. Она пригласила к себе императрицу-мать, королеву-мать, вдовствующую королеву эллинов и короля Португалии. Грей, несколько мужчин и мы,—вот и все приглашенные к обеду. Когда я прибыл, никто ничего не знал. Я еще не решил, как сообщить о катастрофе, когда королева была извещена о ней запиской. Признаюсь, я был глубоко взволнован при виде этих коронованных особ, среди которых не было ни одной, которой не пришлось бы оплакивать одного или нескольких убитых.

Здесь царит глубокое волнение. Король отменил все празднества и хотел послать на похороны принца Артура Коннаутского. Повидимому, австрийский император отклоняет это.

Еще раз тысяча искреннейших и дружеских пожеланий.

Бенкендорф.

№ 27. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 42. 30/17 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Албанский вопрос все больше и больше осложняется, расширяющееся восстание все более и более угрожает престолу принца Вида, для укрепления которого и восстановления порядка предполагаются постоянно новые средства по инициативе „наиболее заинтересованных держав"—Австрии и Италии.

Сначала эти державы, по почину Австрии, изложенному в прилагаемом сообщении, переданном мне в Консульте [1], полагали целесообразным поручить командующему английским отрядом в Скутари, полковнику Филипсу организовать небольшое, тысячи в три человек, албанское войско, при помощи иностранных инструкторов всех национальностей из состава находящихся в Скутари европейских офицеров. Еще не успели державы притти к окончательному соглашению по этому предложению [2], как принц Вид выступил с новым проектом: призвав к себе австрийского и итальянского представителей в Дураццо, он поручил им запросить их правительства о возникшей у него новой мысли, а именно: если бы в Вене и в Риме к ней отнеслись сочувственно и ее исполнение не встретило препятствий с точки зрения общеевропейской политики, то он предлагал бы обратиться к румынскому королю с просьбой послать в Албанию румынские войска в составе трех батальонов и двух полевых батарей для замирения края [3]. Румыния в таком случае являлась бы носительницей европейского мандата.

Как я телеграфировал вашему высокопревосходительству, маркиз ди Сан-Джулиано отнесся к этому предложению сочувственно [4]. Он сообщил о таковом своем мнении в Дураццо и в Вену, и, как вам известно лучше меня, правительства Италии и Австрии согласились поддержать предложенную принцем Видом комбинацию как перед кабинетами других великих держав, так и в Бухаресте. Маркиз ди Сан-Джулиано мне сказал, что он полагает, что императорское правительство, отнесшееся благожелательно к первому предложению об европейских инструкторах, не воспротивится также этому новому проекту.

Здесь же серьезно желают поддержать принца Вида, несмотря на всю его несостоятельность, которой маркиз ди Сан-Джулиано более не отрицает. Но он боится осложнений, могущих повлечь за собою низложение князя, и для укрепления его престола он не только согласится на все предлагаемые меры, но и

---

[1] Упомянутое сообщение итал. м-ва ин. дел совпадало по содержанию с пам. запиской австро-венг. посольства в Петербурге от 22/9 июня.

[2] См. телеграмму Сазонова от 22/9 июня за № 1234, т. III, № 323.

[3] Обращение Вида к австр. и итальян. посланникам состоялось 24/11 июня, см. Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14510. По сообщению германского представителя Луциуса, Вид говорил о присылке двух, а не трех батальонов.

[4] Об обращении Вида Крупенский телеграфировал в Петербург 27/14 июня за № 39.

будет стремиться прекратить раздоры между австрийскими и итальянскими агентами в Албании, которые ослабляют албанское правительство и в которых восстание черпает надежду и силу. В Вене также, насколько я могу судить, озабочены этим раздором, и, приписывая его главным образом деятельности итальянского посланника, барона Аллиоти, венский кабинет, несмотря на все опровержения печати, в самой дружественной форме запросил итальянского министра иностранных дел, не находит ли он полезным для доброго согласия обеих держав отозвать барона Аллиоти. Маркиз ди Сан-Джулиано, как он мне конфиденциально сказал, ответил здешнему австрийскому послу, что в данный момент отозвать барона Аллиоти он не в силах, так как этот дипломат своей деятельностью в Албании сделался чрезвычайно популярным в Италии и будет поддержан общественным мнением и парламентом. О замене его можно будет думать лишь после роспуска парламента, и то лишь под непременным условием одновременного удаления австро-венгерского посланника, барона Левенталя[1]. Австрийский посол в беседе со мною об этом отрицал однако возможность отозвания Левенталя, которого, по его словам, ни в чем обвинить нельзя, и выразил мне надежду, что ему удастся достигнуть смены одного лишь Аллиоти. Маркиз ди Сан-Джулиано мне самым положительным образом сказал, что такая односторонняя уступка совершенно исключена, несмотря на то, что и он считает замену барона Аллиоти другим дипломатом в интересах Италии не потому, чтобы его деятельность не соответствовала видам римского кабинета, а потому, что он, стараясь провести эти виды, навлек на себя неудовольствие албанского князя и перестал быть в Дураццо persona grata. Но он не понимает, почему Австрии желательно удаление итальянского агента, который, именно по причине своего утраченного кредита при албанском дворе, не может продолжать противодействовать австрийскому преобладанию в той мере, в какой это будет делать более приятный принцу Виду агент. „Мы не усомнились бы поэтому,—сказал мне министр,—заменить г-на Аллиоти, но, как сказано, мы сделать этого не можем, так как такую капитуляцию перед австрийским требованием нам не простил бы итальянский народ, и хотя это отозвание, вероятно, состоится, но оно совершится,—повторил министр,—только одновременно с удалением австрийского посланника из Албании“.

Примите и пр.

Крупенский.

---

[1] См. Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, Kap. 282.

№ 28. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 43. 30/17 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В последнее время политика Италии в албанском вопросе и сотрудничество ее с Австрией подверглись здесь столь серьезной критике общественного мнения и печати, что даже официозные органы, как например „Tribuna", открыто порицают ее и требуют, чтобы правительство открыло глаза на действительность и положило предел конфликтам и недоразумениям между союзницами в Албании, которые на официальном парламентском языке министры обеих держав называют „единодушием, общностью взглядов и полной солидарностью интересов обоих государств".

С этой точки зрения заслуживают внимания две статьи, появившиеся в названной газете 18/5 и 21/8 сего июня, которые я позволяю себе препроводить при сем к вашему высокопревосходительству в вырезках [1].

Весьма известный и популярный автор их, пишущий под псевдонимом Растиньяк [2], начинает с указания на то, что соглашение между Италией и Австро-Венгрией 1902 г. [3] являлось по существу соглашением о невмешательстве и было заключено именно в предупреждение возможного и весьма вероятного конфликта интересов обеих держав в Албании. Непонятна поэтому неожиданная перемена во взглядах обоих правительств, которые ныне стремятся доказать, вопреки очевидной действительности, наличность полной согласованности их интересов в Албании. Такое неверное в корне основное положение при проведении его в жизнь естественно влечет за собою самые отрицательные результаты и сказывается особенно резко в деятельности агентов обеих держав на месте, главным образом австрийских: деятельность эта сплошь проникнута духом розни и самоволия, вопреки категорическим указаниям, исходящим из Рима и Вены и призывающим их к объединенной работе.

Растиньяк делает еще один шаг далее и приходит к заключению, что, пока не поздно, пора взглянуть смело в глаза истине

---

[1] Перечисленные вырезки здесь не печатаются.

[2] Упоминание о статье Растиньяка см. Gr. Pol., Bd. 39, № 15727.

[3] Год указан ошибочно: обмен нот между Австро-Венгрией и Италией по албанскому вопросу состоялся 20/7 декабря 1900 г. — 9 февраля/27 января 1901 г.; он подтвердил соглашение 1897 г. о необходимости сохранения status quo, а в случае нарушения последнего, о создании автономной Албании.

и полюбовно разойтись с Австрией на почве албанских дел, начертив себе программу политического действия в этой стране, отвечающую интересам Италии, а не только ее союзницы, которая, после расширения владений Сербии и Греции, закрывшего ей пути проникновения на Балканский полуостров, стала, по-видимому, искать их в Албании.

Отметив вслед за тем, что всякая дальнейшая настойчивость в проведении в жизнь упомянутых ложных начал послужит лишь к распаду и разложению Тройственного союза, уже ныне ослабленного несогласиями на почве албанских дел, Растиньяк призывает правительство вернуть итальянскую политику на путь, ее достойный. „Мы будем продолжать,—говорит он,—скромно, но твердо настаивать на том, чтобы наша политика вернула себе свою утраченную независимость; чтобы цели, которые мы преследуем, соответствовали средствам, имеющимся в нашем распоряжении, и чтобы мы не являлись орудием для осуществления австрийских интересов“.

Я привел эти две статьи ввиду их особенного значения, как принадлежащие перу лица, всегда относившегося к правительству дружелюбно. В других же органах печати и в различных общественных слоях итальянская политика осуждается гораздо резче, и недоверие к Австрии находит еще более категорическое выражение.

Из этого однако не следует заключать, чтобы союз с Австрией, по крайней мере в настоящем фазисе албанских дел, мог ослабеть. Как маркиз ди Сан-Джулиано, так и граф Берхтольд действительно стремятся к сохранению полной солидарности действий; существующие же, несмотря на это, противоречивость интересов Италии и Австрии и взаимное недоверие сглаживаются подчинением до известной степени итальянской политики австрийской. Не чувствуя в себе достаточной самостоятельности, чтобы поставить преграду австрийским вожделениям, итальянское правительство пытается, по крайней мере, ослабить их значение общностью действий с Австрией в Албании. Насколько это ему удастся,—покажет будущее[1].

Примите и пр. Крупенский.

[1] В тот же день телеграммой за № 40 и депешей за № 41 Крупенский сообщил о посещении его Турхан-пашею, направлявшимся через Рим в Вену на похороны Франца-Фердинанда, а затем в Петербург и другие столицы. Задачей его, по его словам, было убедить державы „и главным образом Россию“ в необходимости поддержать Вида, что соответствовало, по его мнению, и интересам России. Турхан намерен был предложить державам послать по одному офицеру к повстанцам, чтобы

№ 29. Выписка из частного письма посла в Риме министру иностранных дел [1].

'/. 30/17 июня 1914 г.

Политические вопросы, входящие в пределы моей компетенции, исчерпаны в сегодняшней римской экспедиции. Я однако в донесениях не мог изложить всю правду о впечатлении, произведенном в Италии гнусным убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги. К негодованию об этом злодеянии примешалось и чувство избавления от неопределенной опасности. Его недружелюбные чувства к Италии и воинственные наклонности считались установившимся фактом, и с его кончиной шансы мира увеличились. Этим объясняется повышение биржевых ценностей после получения рокового известия из Сараева. Даже в самой Австрии, в Триесте, венгерская рента, котировавшаяся в день убийства эрцгерцога 72 кроны, одним скачком поднялась до 100 крон [2]. Сан-Джулиано мне сказал: „Le crime est affreux, mais la paix du monde ne s'en plaindra pas“ [3]. Но что хуже и бессердечнее, это своего рода демонстрация в большом, по случаю воскресенья переполненном, кинематографе Рима, где публика, узнав о сараевской

убедить их не настаивать на удалении Вида, угрожая им в противном случае выступлением против них судов, находившихся в Дураццо. Телеграммой от 4 июля/21 июня за № 3950, расшифрованной российским м-вом ин. дел, Сан-Джулиано сообщил Карлотти о поручении, данном им Аварне, сообщить Берхтольду, что он посоветовал Турхану-паше посетить столицы великих держав, чтобы вызвать в них интерес к Албании и побудить их принять совместные меры в пользу Вида. Княжение последнего, по убеждению Крупенского, Италия желала продлить, „хотя, — добавляет он, — не будучи уверена в его долговечности“, она в то же время и подыскивала негласно другого кандидата (Фуада-пашу египетского).

[1] Подлинник письма в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен; сохранилась „выписка из частного письма“, в виде машинописной копии.

[2] В депеше от того же числа за № 40 Крупенский, передавая речь Сан-Джулиано в парламенте по поводу убийства Франца-Фердинанда, а также ответ на нее председателя палаты, указывал, что „в газетных статьях и общественных собраниях итальянцы не скрывают, что со смертью эрцгерцога Франца-Фердинанда исчез влиятельный принц, проникнутый самым отсталым клерикализмом, недоброжелатель Италии и глава сильной армии, полный воинственных наклонностей“. В той же депеше Крупенский передавал слова Вильгельма II германскому послу в Риме, сообщенные ему последним, что эрцгерцог, воинственные наклонности которого Вильгельм II отрицал, „действительно весьма клерикально настроенный, еще недавно недружелюбно относился к Италии, хотя в последние годы это отношение много изменилось к лучшему“. О впечатлении, произведенном в Италии убийством, см. B. D., v. XI, № 36, а также Conrad „Aus meiner Dienstzeit“, Bd. IV, S. 24—25 (письмо австро-венгерского военного агента в Италии).

[3] „Преступление ужасно, но дело мира от этого не пострадает“.

трагедии, потребовала королевский марш. „Marcia Reale, marcia Reale“,—начали кричать, и оркестр исполнил его при аплодисментах зрителей. Вот как народ любит здесь Габсбургов и на какие бестактности он способен даже при столь трагических обстоятельствах.

№ 30. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 102. 30/17 июня 1914 г.

Циммерман сказал мне сегодня, что албанский князь обратился к румынскому королю с просьбой прислать ему четыре батальона [1]. Австрия и Италия отнеслись к этой мере сочувственно, и сам помощник статс-секретаря не имеет возражений [2], si omnes. На выраженное мною сомнение в согласии румынского короля жертвовать своими солдатами на пользу князя Вида, Циммерман сказал мне так, как вчера австрийскому коллеге, что албанский князь, очевидно, уже заручился согласием своего августейшего дяди [3].

Свербеев.

№ 31. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 75. 30/17 июня 1914 г

Император Франц-Иосиф высказал пожелание, чтобы никаких военных депутаций от иностранных армий на похороны эрцгерцога Франца-Фердинанда прислано не было.

Шебеко.

№ 32. Посол в Вене министру иностранных дел.

Депеша № 38 [4]. 30/17 июня 1914 г.

Трагическая кончина эрцгерцога Франца-Фердинанда мало отразилась на здешних финансовых кругах и на бирже—этом показателе настроения деловой части населения. Курс государственной ренты не поколебался, и это объясняется здесь видами на более спокойную и миролюбивую политику правительства в ближайшем будущем. Со времени свидания в Бухлау и аннексии Боснии-Герцеговины [5], особенно же со дня кончины графа Эренталя [6],

---

[1] Ср. № 27, где говорится о „трех“ батальонах.

[2] Ср. Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, №№ 14510, 14512, 14517.

[3] Жена Карла румынского, королева Елизавета, была теткой принца Вида.

[4] Лит. копия.

[5] Речь идет о свидании Извольского с Эренталем в Бухлау 15/2—16/3 сентября 1908 г., предшествовавшем провозглашению Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины (5 октября/22 сентября 1908 г.)

[6] Эренталь умер 17/4 февраля 1912 г.

роль покойного эрцгерцога с каждым годом становилась заметнее. Дела военного и гражданского управления мало-помалу стали сосредоточиваться в его руках. Он мечтал о восстановлении монархии в прежнем ее блеске и величии, и ему приписывались широкие завоевательные замыслы. И, как часто бывает в подобных случаях, лица, его окружавшие, сгущали краски и проповедывали еще более, чем у него самого, крайние идеи. В этом легко было убедиться за последние годы из вдохновленных этими лицами статьей в „Данцерс Армѐ Цейтунг“, из таких брошюр, как недавно появившаяся „Гросс Габсбург“ и пр.

В первый период государственной деятельности престолонаследника ему приписывалось желание черпать силы внутри страны, опираться на славянские элементы и создать „триализм“. Но затем с каждым годом становилась заметнее все большая его зависимость от императора Вильгельма,—зависимость, выражавшаяся в возраставших вооружениях армии и флота, что явно сказывалось уже и в здешней печати, например, по поводу последнего свидания в Конопиште[1]. Это свидание, по отзыву печати, должно было в результате привести „к обложению населения новыми налогами для военных целей“. С другой стороны, с годами, стало заметно усиливаться и влияние Ватикана на решения покойного наследника престола, чему всемерно содействовала герцогиня Гогенберг, принадлежавшая к крайне клерикальной семье. Это влияние выразилось в усилении пропаганды католичества в монархии, особенно в Галиции, Боснии и Герцеговине, а также в Албании. Эрцгерцог Франц-Фердинанд никогда не пользовался в стране такою популярностью, как покойный кронпринц Рудольф, не говоря уже о самом императоре Франц-Иосифе. Это отсутствие популярности происходило отчасти от личных свойств его характера, а главным образом, вследствие тех честолюбивых и едва ли когда-либо осуществимых для монархии замыслов, которые ему приписывались. Эти замыслы не столько льстили народному самолюбию, сколько пугали население. Общественное мнение за исключением некоторых военных элементов, не питало большого доверия к этим замыслам и видело пока лишь отрицательные стороны подобного рода политики, выражавшейся с 1908 г. в непомерном возрастании расходов на вооружение и в усилении национальных распрей. Жертвою последних и пал сам несчастный эрцгерцог. На нового наследника престола, пока еще ничем осо-

[1] См. письмо Шебеко от 26/13 июня, т. III, № 382.

бенным не успевшего себя проявить, взирают с сочувствием и надеждою. Эти чувства выражаются не только немецкою частью населения, но и славянами, рассчитывающими уже теперь на расположение наследника к славянскому делу ввиду того, что в числе его воспитателей находился чех, родственник известного Палацкого. Пока, конечно, нельзя в точности определить, какое личное влияние окажет юный наследник на ход дел, но теперь уже есть основания предположить, что, по крайней мере, в ближайшем будущем направление австро-венгерской политики будет сдержаннее и спокойнее. Этому здесь верят, и к этому, несомненно, будет стремиться сам император Франц-Иосиф.

Примите и пр. Шебеко.

№ 33. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 122. 30/17 июня 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 121 [1].

Бауер видел сегодня Радославова и, хотя ввиду последних событий не мог формулировать точных предложений, но остался довольным свиданием. Радославов дал ему понять совершенно определенно, что надежды на сделку с Берлином, особенно после третьягоднешнего [2] убийства, мало, и что болгарское правительство обратится к Перье, но что для этого потребуется некоторое время. Бауер уезжает завтра в Константинополь, а оттуда в Париж, и готов прибыть сюда вновь, как только это потребуется. Бауер повторил мне совершенно категорически, что без участия в займе русского Государственного банка его план обречен на полное фиаско, не желая итти на которое в первый же раз [2], что он действует сообща с французским правительством, он предпочтет, к страшному прискорбию, отказаться от всей операции. Помимо всех других нежелательных от этого последствий, нам в таком случае будет не без оснований поставлено в упрек здешним общественным мнением, что мы дорожим лишь расстроить переговоры с Берлином и, достигнув этого, сами уклоняемся от займа. Ввиду этого нужно во что бы то ни стало обеспечить нравственное участие нашего Государственного банка, в котором Перье видит успокоительный для французской публики элемент в смысле сохранения мира; материальное же наше участие может быть совершенно минимальное. Савинский.

---

[1] См. № 19.

[2] Так в подлиннике.

№ 34. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 37. 30/17 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь телеграфировать [24] 11 сего июня [1] король Петр отбыл для обычного лечения во „Враньску Баньу“, сербский курорт, находящийся на пути между Нишем и Скоплье. Пред отъездом короля обнародован был особый манифест, коим бразды правления вручались престолонаследнику.

Государственный устав Сербии предусматривает два случая регентства в статьях 53-й и 69-й. В первой из них говорится: „Le roi réside à titre permanent dans le pays. S'il s'absente pour quelque temps du territoire serbe, il est remplacé, de droit, dans l'exercice des pouvoirs royaux par l'héritier du trône“ [2].

Вторая постановляет: „Si le roi se trouve empêché d'exercer le pouvoir royal, l'héritier du trône, s'il est majeur, régnera en son nom“ [3].

Регентство в силу этой последней статьи устанавливается впервые за все время царствования короля Петра. Манифест дословно гласит следующее:

> Моему дорогому народу.
>
> Так как болезнь препятствует мне в течение некоторого времени вершить мою королевскую власть, то я постановляю, чтобы, на основании 69-й статьи устава, пока будет продолжаться мое лечение, именем моим властвовал наследник престола Александр. Поручаю и в этом случае свою дорогую отчизну защите всемогущего“.

Несколько возвышенный тон манифеста и упоминание в нем, что регентство продлится на все время королевского лечения, произвели здесь большое впечатление, породив самые разнообразные толки. Произнесено было слово „абдикация“, быстро подхваченное венской печатью. Здешний правительственный орган категорически опровергнул все сенсационные известия, и в действительности, конечно, об отречении пока не было и помину.

---

[1] Телеграмма за № 175.

[2] „Король имеет постоянное пребывание в стране. Если он покидает на некоторое время сербскую территорию, его по праву заменяет в осуществлении королевской власти престолонаследник“.

[3] „Если королю что-либо препятствует осуществлять королевскую власть, престолонаследник, в случае совершеннолетия, будет править от его имени“.

В сущности дело сводится к следующему: предстоящего [12 июля] 29 июня королю исполнится 70 лет; здоровье его заметно клонится к тревожному упадку; обострившийся склероз, мучительные ревматические боли и почти полная глухота заставили его величество совершенно отказаться от официальной жизни; за последнее время король решительно никуда не показывался, ограничиваясь небольшими прогулками за город в закрытом автомобиле. Занятия государственными делами его утомляли, а то и раздражали. За время недавнего министерского кризиса[1] он дважды впадал в продолжительный обморок. Доктора, во избежание катастрофы, категорически предписали королю полный покой и самое строгое лечение. Это и побудило его величество передать управление королевичу Александру. „Я может быть скоро умру,— сказал король Пашичу,—пора же, наконец, престолонаследнику ближе познакомиться с государственными делами".

Из всего изложенного видно также, насколько вздорны слухи, проникшие и в нашу печать, о том, что наследника выдвинула какая-то военная партия, будто бы недовольная безучастным отношением короля к государственным делам и рассчитывающая чрез посредство молодого, энергичного регента склонить правительство к более решительным выступлениям на защиту жизненных интересов Сербии.

Я имею честь состоять в самых дружеских отношениях с престолонаследником; повседневные встречи и откровенные собеседования в самые тяжелые для Сербии минуты дали мне возможность близко ознакомиться с его характером, его взглядами и общим политическим миросозерцанием: несмотря на свою молодость, королевич Александр поражает зрелостью суждений и здравым пониманием истинных интересов Сербии, спокойствием и совсем несвойственною его годам уравновешенностью. Питая глубокое уважение и доверие к Пашичу, престолонаследник, одно время увлекшийся наравне с воинствующею партиею успехами сербского оружия, готов был осудить премьера за нерешительность действий; но вскоре, под влиянием дальнейших событий, он сознал свою ошибку и ныне является самым ярым сторонником

---

[1] Имеется в виду отставка кабинета Пашича 2 июня/20 мая 1914 г. в связи с конфликтом между правительством и оппозиционными группами. О роли в этом конфликте тайной офицерской организации „Черная рука" и о позиции Гартвига см. дальше письмо А. Гирса от 6 июля/23 июня, № 105 и депеши Гартвига от 16/3 июня за №№ 33 и 34 (т. III, №№ 280 и 281).

осторожной и благоразумной политики первого государственного мужа Сербии.

Все это, мне кажется, служит ручательством, что за время регентства королевича, как бы оно ни было продолжительно, не произойдет никаких перемен ни во внешней, ни во внутренней политике Сербии. Все проскользнувшие в печать сенсационные пророчества следует отнести к области досужей фантазии австро-венгерских публицистов.

Примите и пр. Н. Гартвиг.

№ 35. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

./. Депеша № 40 [1]. 30/17 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Весть о совершенном в Сараеве гнусном злодеянии, жертвами коего пали наследный эрцгерцог Франц-Фердинанд и его супруга, произвела здесь глубокое впечатление, вызвав решительно во всех слоях общества чувства самого искреннего возмущения. День [28] 15 июня—„Видов дань“ [2]—большой народный праздник в Сербии, к которому съехались в столицу из старых и новых краев, а также с того берега Дуная различные культурные, певческие, сокольские общества и иные корпорации в своих национальных одеяниях с хоругвями, флагами и значками. Торжества начались служением во всех храмах чина поминания о всех героях, „живот свой на поле брани положивших за веру и отечество“. Особенно торжественна была служба в Вознесенской церкви в присутствии регента королевича Александра, членов правительства, высших военных чинов и представителей иностранных православных государств. Засим по разукрашенным улицам столицы начались всевозможные процессии с музыкой, пением народных гимнов и национальных песен. Около 5 часов дня, как только распространилось известие о трагической сараевской катастрофе, в Белграде немедленно были прекращены все церемонии не только распоряжением властей, но и по почину самих обществ; театры были закрыты и народные увеселения отменены.

---

[1] Депеши за №№ 37 и 40 датированы 30/17 июня, депеши за №№ 38 и 39 датированы 1 июля/18 июня. В м-ве ин. дел они были получены одновременно и, очевидно, были отправлены с одним курьером.

[2] День св. Вида, связанный с воспоминанием о разгроме старого сербского королевства в Коссовской битве 1389 г., благодаря военным событиям 1-й балканской войны был признан днем национального праздника и впервые был отпразднован в 1914 г.

В тот же вечер король и королевич Александр, в качестве регента, отправили телеграммы императору Францу-Иосифу с выражением глубокого соболезнования. Соответственные изъявления по телеграфу адресованы были правительством на имя графа Берхтольда и председателем народной скупщины—рейхсрату. На другой день во всех местных газетах, без различия партий, появились трогательные некрологи и прочувствованные статьи по поводу тяжкого горя, постигшего императорский дом дружественной монархии [1].

Словом, вся Сербия сочувственно откликнулась на несчастие, поразившее соседнее государство, строго осудив преступное деяние обоих безумцев; и тем не менее здесь заранее были уверены, что известные венские и пештские круги не замедлят использовать даже столь трагическое происшествие для недостойных инсинуаций по адресу королевских политических обществ. Предположения эти слишком скоро оправдались: уже вчера и сегодня стали поступать из Австрии телеграфные известия о том, что заговор против эрцгерцога задуман был какими-то здешними, вовсе не существующими, анархическими группами; что оба преступника—воспитанники Белградского университета, отсюда наставлялись указаниями; что Чабринович получил свою бомбу из Крагуевацкого (казенного!) завода и тому подобные нелепости. В самом Сараеве и Мостаре тотчас же, без всякого предварительного следствия, подверглись жестокой расправе наиболее выдающиеся сербские общественные и политические деятели. В числе невинно-арестованных значится несомненно вполне лояльный подданный—70-летний почтенный старец Григорий Евтанович, отец супруги сербского посланника в С.-Петербурге Спалайковича. Евтанович давно уже возбудил против себя ненависть местных властей тем, что он был влиятельным деятелем в Сараеве и организатором Национального банка, приходившего на помощь мелким боснийским помещикам в их борьбе с венгерскими скупщиками сербских имений.

Подобный безрассудный образ действий австро-венгерских властей, несомненно, способен вызвать в ближайшем будущем столь же безрассудные репрессалии, что в свою очередь снова поведет к обострению австро-сербских отношений, за последнее время принявших было мирный, нормальный характер.

Примите и пр.

Гартвиг.

---

[1] Ср. B. D., v. XI, № 27.

№ 36. Посланник в Белграде вице-директору I департамента министерства иностранных дел Трубецкому.

Письмо. 30/17 июня 1914 г.

Искренно уважаемый князь Григорий Николаевич,

Я получил ваше письмо от [11 июня] 29 мая[1] и пользуюсь курьером, чтобы сообщить следующее. Ответы на поставленные министерством вопросы относительно инструкторского дела в Черногории до сих пор не могли быть даны, как вам известно из моих депеш, потому, что неожиданно затянулись переговоры между Сербией и Черногорией о соглашении.

Король Николай умышленно задерживал Миушковича в Цетинье, надеясь тем временем получить русскую субсидию[2] и тотчас же отказаться от соглашения с Сербией. Из этого видно, что в принципе промедление в решении вопроса об инструкторах может иметь только хорошие последствия: оно заставит короля Николая поскорее сговориться с сербами.

Впрочем теперь дело повернулось как будто к лучшему: недавно Миушкович вернулся в Белград с полномочиями выработать проект соглашения совместно с Пашичем. В настоящее время они постепенно обсуждают отдельные пункты, и как только дело будет закончено, я не замедлю протелеграфировать.

Сопоставляя сообщаемые вами сведения с существом проектированного сербско-черногорского соглашения, можно вывести заключение, что министерству придется потребовать сумму среднюю, так как несомненно сербы, в случае удачи соглашения, могут принять на себя часть производившихся нами расходов. Во всяком случае Пашич обещал сделать все возможное, чтобы нам облегчить и упростить задачу. Но придется еще немного повременить с окончательным решением, и я буду торопить и Пашича и Миушковича.

---

[1] В письме от 11 июня/29 мая Трубецкой, сообщая Гартвигу о затянувшихся междуведомственных переговорах по вопросу о возобновлении деятельности русских инструкторов в Черногории, прерванной в 1912 г., просил сообщить, можно ли координировать русскую помощь Черногории с тем или иным участием Сербии.

[2] Ср. тел. Обнорского от 22/9 мая за № 38 и тел. Сазонова от 24/11 мая за № 953, т. III, №№ 65 и 73.

В заключение маленькая просьба: я пишу несколько слов Нератову, прося его о 28-дневном отпуске на лечение с [18] 5 июля. Но мне говорят, что он сам уезжает или уже уехал в деревню. Если это так, то будьте добры исходатайствовать мне просимый отпуск и, если возможно, о результате телеграфируйте. Здесь теперь спокойно, и сам Пашич скоро отправится в Мариенбад. Заранее благодарю за хлопоты, желая всего лучшего и прошу верить искренним чувствам.

Преданный вам Н. Гартвиг.

№ 37. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 451. 30/17 июня 1914 г.

Получил № 1251. Ссылаюсь на свой № 332 [1].

Считаю прежде всего необходимым добиться передачи ноты Портою посольствам и в этом смысле не перестаю настаивать перед великим визирем. Он несомненно ее передаст, но, опасаясь личных на себя нападок, стремится оттянуть передачу до закрытия парламента, обещая закрыть его через 15 дней. Вчера и сегодня я вновь объяснился с ним по этому поводу. Пользуясь приездом в Константинополь генерал-инспектора Гоффа, я указывал на необходимость вручить ноту до его отъезда в сектор как посольствам, так и ему, так как эта нота и является хартиею, коею генерал-инспектора должны руководствоваться в своей деятельности. Великий визирь согласился с таким взглядом на значение ноты, но все же возвращался к вопросу о затруднительности совершить официальную передачу во время заседаний парламента, скрывая от него это обстоятельство. Он обещал дать ответ в четверг. Полагаю, что, опасаясь личной ответственности и ввиду шаткости своего положения, он постарается заручиться предварительным согласием совета министров. С почтою в четверг Нубар-паша получит ответное мое письмо на его письмо из Египта [2].

Гирс.

---

[1] В тел. за № 332 Гирс говорил о стремлении Порты затянуть передачу ноты, которой Турция обязалась перед Россией довести до сведения держав текст русско-турецкого соглашения о реформах в армянских вилайетах. Сазонов тел. от 25/12 июня за № 1251 настаивал на необходимости скорейшего вручения ее.

[2] Имеется в виду записка армянского деятеля Богос Нубара-паши о несоответствии выработанной Портой для генерал-инспекторов инструкции с содержанием русско-турецкого соглашения от 8 февр./26 янв. 1914 г.

№ 38. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 295. 30/17 июня 1914 г.

Дополнение к моей телеграмме за № 294 [1].

Посетивший меня английский посланник сообщил о передаче его правительством нашему послу в Лондоне памятной записки по персидским делам, отвечающей, по содержанию, полученной от персов ноте [2]. Тоунлей объяснил, что, исполняя просьбу посла, обращает мое внимание на допущенные нами нарушения персидского суверенитета, как-то: взимание консулами налогов, действия Шоджа-эд-Доуле, новое толкование Туркманчайского договора в земельном вопросе. Он добавил, что в записке лондонского кабинета упомянуто, кроме того, вообще о принятой нами системе покровительства персам, создающей экстерриториальность и много иных вредных последствий. Он объяснил, что это заступничество диктует ему принятое Англией по соглашению седьмого года [3] обязательство ограждать независимость.

Поблагодарив за участие и предупредив, что мною запрошена инструкция вашего высокопревосходительства касательно ответа персидскому правительству, я просил Тоунлея повлиять на персов в смысле большей сговорчивости, причем указал на желательность соглашения главного казначея с нашим банком по удовлетворению весьма скромных притязаний последнего и на необходимость урегулирования вопроса о земельной собственности в смысле узаконения существующего фактически положения.

Тоунлей обещал сделать возможное, но повторил, что не может настаивать на праве консулов взимать налоги, ибо это будет нарушением суверенитета. Что же касается внесения налогов в Северной Персии в Учетно-ссудный банк, то предварительно необходимо, чтобы персидское казначейство возместило полученный из Шахского банка аванс.

Беседа моя с Тоунлеем носила дружественный характер, причем он дал понять, что персидский протест вызван главным образом желанием кабинета оградить себя от нападок меджлиса и общественного мнения, и выразил мнение, что по всем вопросам возможен компромисс.

По частным сведениям, в составлении персидской ноты участ-

---

[1] См. № 5.

[2] См. приложение к № 64.

[3] Англо-русская конвенция по делам Персии, Афганистана и Тибета от 31/18 августа 1907 г. (см. стр. 4, прим. 6).

вовали германский и бельгийский посланники и, повидимому, турецкий посол.

Тоунлей, по собственному признанию, устранился от участия в этом выступлении, согласно предписанию из Лондона, ограничившись преподанием советов умеренности.

Коростовец.

№ 39. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 43. 30/17 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь телеграфировать вашему высокопревосходительству [27] 14 июня сего года за № 296[1], [25] 12 числа сего месяца подписан новый предварительный договор о финансировании германскими капиталистами железнодорожных линий в Шаньдуне[2]. Договор этот развивает соглашение [13 января] 31 декабря минувшего года в том смысле, что немцы дают деньги на постройку линий на большем протяжении, чем это тогда было условлено. Действительно, линия Кауми—Ичжоу-фу продолжена за пределы Шаньдунской провинции до м. Сюйчжоу-фу, пункта, соединяющего Тяньцзин—Пукоускую линию с строящейся бельгийской железной дорогой; линия же, которая соединяет Цинань-фу с Пекин-Ханькоуской железной дорогой, будет построена в более южном направлении, причем пока еще окончательно не решено, дойдет ли эта дорога до станции Чжан-дэ или же до конечной станции Дао-коу железнодорожной ветки, идущей от этого пункта до Цин-хуа-чжен. Во всяком случае, постройка этой второй линии не остановится у Пекин—Ханькоуской железной дороги, так как немцы получили преимущественное право на финансирование железных дорог на запад от перечисленных пунктов, каковым правом они, несомненно, постараются воспользоваться, в особенности, если принять во внимание, что в окрестностях Чжан-дэ по направлению к г. Люань-фу имеются богатые угольные залежи, разработка которых доставит большой доход проектируемой линии.

---

[1] Телеграммой от 27/14 июня за № 296 Граве, извещая о состоявшемся германо-китайском железнодорожном соглашении, отмечал, что „новые железнодорожные линии будут содействовать распространению германского влияния из Шаньдуна в Хэнаньскую провинцию, родину президента".

[2] См. Mac Murray, Treaties with and concerning China 1894—1919, Carnegie endowment for International Peace. New York, 1921, v. II, p. 1094.

Я справился у германского поверенного в делах, как далеко на запад распространяется право немцев финансировать железные дороги, и барон Мальцан мне указал именно на г. Люань-фу, как на конечный пункт, определяющий таковое в этом направлении.

Одним из условий соглашения является обязательство немцев учредить в Цинань-фу техническое училище для обучения мелких китайских служащих на помянутых линиях и принять на счет займа по 10 студентов в циндаоский колледж и в шанхайское промышленное училище.

Что касается самого контракта о займе, то таковой будет ныне вырабатываться в деталях на основании настоящего соглашения и постановлений, заключающихся в нотах, обмененных [13 января] 31 декабря минувшего года министром иностранных дел и германским посланником в Пекине.

В телеграмме моей от [27] 14 июня я упомянул о политическом значении нового соглашения, распространяющего германское влияние из Шаньдуна в Хэнаньскую провинцию. Это соглашение имеет также крупное экономическое значение, так как благодаря ему немцы, во-первых, получают доступ в богатый район близ Чжэндэ-ху и далее в глубь провинции, тогда как прежний проект постройки железной дороги на центр значительной торговли кожами г. Шунь-дэ, ввиду естественного расположения этого пункта, не мог способствовать дальнейшему германскому проникновению в центр Хэнани (этот город находится в гористой местности, и выход оттуда крайне затруднен); во-вторых, это соглашение соединяет Циндао с бельгийской линией, и, таким образом, все грузы последней пойдут на названный германский порт, как на более оборудованный в данный момент и приспособленный к принятию больших партий товаров пункт на берегу Желтого моря, чем гавани Ханчжоу и Тунчжоу, куда предполагают бельгийцы вывести свою железную дорогу. Последним, несомненно, придется принять какие-либо меры против подобной перспективы.

Примите и пр. Граве.

№ 40. Английский посол в Петербурге министру иностранных дел.

Письмо. 1 июля/18 июня 1914 г.

My dear Monsieur Sazonow,

I quite forgot in the hurried conversation which I had with you in the train on Monday, to tell you that, should it be absolutely necessary in order to prevent the total collapse of the gendarmerie under

Swedish officers in Fars and Kerman His Majesty's Government propose to make a final advance of £ 50 000 to the Persian Government for the purpose. We shall only do this in the last resort and pending consideration of what should be done in the future to protect the southern trade routes.

Very sincerely yours

Georges W. Buchanan.

Перевод.

Дорогой г. Сазонов,

В поспешном разговоре, бывшем у нас в понедельник в поезде, я совершенно забыл сказать вам, что, если бы представилось совершенно необходимым воспрепятствовать полному провалу дела жандармерии, состоящей под командой шведских офицеров в Фарсе и Кермане, правительство его величества предполагает для этой цели дать персидскому правительству последний аванс в 50 000 ф. ст. Мы сделаем это только в виде крайней меры и пока не выяснится вопрос, что̀ потребуется предпринять на будущее время для защиты южных торговых путей.

Искренно преданный вам

Джордж В. Бьюкенен.

№ 41. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне, Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1297. 1 июля/18 июня 1914 г.

Сообщается в Дураццо.

Итальянский посол по поручению своего правительства запрашивает, не встретится ли с нашей стороны препятствий, если румынский король сочтет возможным исполнить просьбу князя Вида о посылке трех батальонов и двух батарей в Албанию для охраны порядка до того времени, пока не будет образована местная албанская милиция.

Как можно понять из доверительного объяснения посла, мера эта поддерживается Италией из опасения посылки Австрией добровольцев [1].

[1] Имеется в виду открытие в Вене 27/14 июня бюро для вербовки добровольцев, особенно из числа бывших офицеров и унтер-офицеров австро-венгерской армии. Ср. Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14520 (депеша германского посла в Вене Чиршского от 28/15 июня об этом „критическом дне исключительной важности в австро-итальянских отношениях"). Телеграммой от 2 июля/19 июня за № 149 Петряев сообщил, что в Дураццо тайно прибыли 100 австрийских добровольцев, а через несколько дней депешей от 7 июля/24 июня за № 90 он уведомил Сазонова о постоянном притоке в Дураццо волонтеров, несмотря на официальное запрещение австро-венгерского правительства. По сведениям Петряева, таких волонтеров к началу июля (н. ст.) собралось в Дураццо около 300 чел.

Мы ответили, что примем решение сообща с Францией и Англией.

Не предрешая окончательного ответа, мы сказали послу, что с нашей стороны не может рассчитывать на особое сочувствие политика, опирающаяся на противопоставление католической части населения Албании мусульманской и подкрепленная помощью иностранных войск.

В силу этого, если будет допущена временная посылка румынского отряда, до образования самостоятельной албанской милиции, то эта мера должна была бы сопровождаться какими-либо актами, способными дать известное удовлетворение всем частям албанского населения без различия исповеданий.

Сазонов.

№ 42. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

‧/. Телеграмма № 1299. 1 июля/18 июня 1914 г.

Сообщается в Париж.

Предварительные сношения с министерством финансов выясняют, что не приходится рассчитывать на обмен бонов на долгосрочные обязательства или на действительное участие в займе наших банков. Участие последних в болгарском займе могло бы быть только номинальным. Быть может, этим было бы достигнуто условие принципиального участия России в займе, о коем говорит Бауер.

Сазонов.

№ 43. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 179. 1 июля/18 июня 1914 г.

Avions réunion à trois aujourd'hui pour discuter affaires Albanie en cours. De concert avec ambassadeur de France me suis expliqué selon instructions contenues dans lettres ministérielles №№ 393 et 395 [1]. Grey nous a demandé sursis pour examiner mémoire français. A cette occasion je parlai d'intercalation dans statut d'un article concernant chemin de fer serbe à Adriatique. Grey croyait avoir déjà répondu à cette question dans affirmative. Il l'appuiera. Avons ensuite parlé d'attitude de l'Angleterre dans affaire Vermosh [2]. Grey nous dit qu'il venait aujourd'hui même de recevoir rapports détaillés de colonel anglais. Il n'avait pas eu le temps

[1] Письма Нератова от 11 июня/29 мая, см. т. III, №. 205 и прим.

[2] См. приложение к № 14.

d'en prendre connaissance promettant de le faire incessamment. Grey était sous impression que colonel avait fait proposition intermédiaire [1]. Je lui dis que je n'en avais pas connaissance. Grey parle de proposition italienne pour milice [2]. Il nous a dit qu'il n'avait pas d'objections principielles à condition que général Philips et officiers anglais et étrangers soient chargés seulement d'instruction et organisation à Scutari de milice, sans qu'ils aient à prendre part active aux opérations dont prince d'Albanie déciderait de les charger. Il posa aussi comme condition que cette nouvelle milice formée d'éléments locaux n'entraîne pas dissolution et démission organisation hollandaise [3]. Ambassadeur de France dit que son gouvernement s'associait à ce double point de vue. Grey ajouta que délégué anglais avait soulevé en formulant son opinion question financière [4], la nécessité d'augmenter le nombre des officiers anglais et étrangers à Scutari et prévu que l'organisation et l'instruction demanderait pas seulement plusieurs semaines, mais des mois. Grey nous parla de nouvelle proposition pour milice faite par ambassadeur d'Italie, — consistant en ce que le gouvernement roumain prête à prince d'Albanie un contingent roumain. Grey sans spécifier d'objection nous dit que dans son opinion cette question dépend en premier lieu du rôle de Roumanie et que Puissances ne pourraient en conférer que mises en présence d'une acceptation de ce projet par gouvernement roumain. Il répondra en ce sens à l'ambassadeur. Ambassadeur de France releva que ce projet comme tout autre devrait avoir une base budgétaire. Il en conclut que le plus pressé est la question de l'emprunt. Je fis mention du télégramme relatif à forces épirotes rassemblées et armées sur territoire grec [5] et nécessité faire parvenir à Athènes conseils de prudence. Grey dit qu'il acceptait ce projet qu'il trouvait tout à fait justifié. La réunion n'aborda aucun autre sujet.

Benckendorff.

[1] См. стр. 30.

[2] См. № 27.

[3] В депеше от 3 июля/20 июня за № 89 Петряев сообщал о жалобах голландских офицеров на то, что возложенные на них в настоящий момент албанским правительством военные функции по защите Дураццо не соответствуют „смыслу и духу" лондонских постановлений 1913 г., возлагавших на организуемую ими жандармерию лишь обеспечение общественной безопасности и порядка (ст. 8 органического статута).

[4] Согласно австро-итальянскому предложению, расходы по снаряжению и организации милиции, за исключением оплаты инструкторов-офицеров, производимой державами, возлагались на албанское правительство под контролем международной комиссии.

[5] Имеется в виду телеграмма Сазонова от 25/12 июня, в которой сообщалось о сосредоточении эпиротами на греческой территории отряда в 800 чел. с орудиями.

Перевод.

Сегодня имели заседание втроем для обсуждения текущих албанских дел. По соглашению с французским послом, высказался на основании инструкций, содержащихся в министерских письмах №№ 393 и 395; Грей просил у нас отсрочки для рассмотрения французского меморандума. По этому поводу я говорил о включении в статут статьи, касающейся сербской железной дороги к Адриатике. Грей полагал, что уже ответил на этот вопрос в положительном смысле. Он будет это поддерживать. Затем говорили о позиции Англии в вермошском деле. Грей сказал нам, что как раз сегодня он получил подробные донесения английского полковника. Он не имел времени ознакомиться с ними, обещая сделать это незамедлительно. Грей находился под впечатлением, что полковник сделал компромиссное предложение. Я сказал ему, что об этом не осведомлен. Грей говорит об итальянском предложении относительно милиции. Он сказал нам, что не имеет принципиальных возражений при условии, чтобы генералу Филиппсу, английским и иностранным офицерам было поручено только инструктирование и организация милиции в Скутари, без возложения на них активного участия в операциях, которые князь албанский решил бы им поручить. Он поставил также условием, чтобы эта новая милиция, сформированная из местных элементов, не вызвала роспуска и отставки голландской организации. Французский посол сказал, что его правительство присоединяется к этим двум положениям; Грей добавил, что английский делегат при формулировании своего мнения поднял финансовый вопрос, указал на необходимость увеличить число английских и иностранных офицеров в Скутари, причем предусматривал, что организация и инструктирование потребуют не нескольких недель, но месяцев. Грей говорил нам о новом предложении относительно милиции, сделанном итальянским послом и состоявшем в том, чтобы румынское правительство предоставило князю албанскому румынский отряд. Не формулируя определенных возражений, Грей сказал нам, что, по его мнению, этот вопрос зависит в первую очередь от образа действий Румынии и что державы могли бы обсудить его только в случае принятия этого проекта румынским правительством. В этом духе он ответит послу. Французский посол подчеркнул, что этот проект, как всякий другой, должен иметь бюджетную основу. Из этого он заключил, что наиболее спешным является вопрос о займе. Я упомянул о телеграмме относительно эпиротских отрядов, набранных и вооруженных на греческой территории, и о необходимости преподать в Афинах советы благоразумия. Грей сказал, что он принимает этот проект, который он находит совершенно обоснованным. Совещание не затрагивало никаких других вопросов.

Бенкендорф.

№ 44. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 1 июля/18 июня 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Вы, конечно, заметили беседу г. Вивиани [2] со здешним корреспондентом „Нового времени" г. Яковлевым (Павлов-

[1] Опубл. в М., стр. 512 и L. N., II, p. 274.

[2] После отставки кабинета Думерга 1 июня/19 мая вследствие исхода выбо-

ским [1]). Выступление имеет, очевидно, двойную цель: разом объяснить французскому общественному мнению и парламенту, что нынешний кабинет, хотя он и опирается на крайние левые партии, принципиально не сочувствующие России, тем не менее вполне искренно предан русско-французскому союзу; затем слова г. Вивиани, без сомнения, обращены и к русской публике, ввиду предстоящего приезда его с президентом республики в Петербург. Мне известно, что г. Вивиани глубоко осчастливен мыслью об этой поездке и очень дорожит тем, чтобы произвести у нас хорошее впечатление. Первые сношения мои с ним вполне подтвердили первые высказанные мною о нем суждения, и я уверен, что вы оцените его ум, прямоту и такт.

Вы, конечно, знаете, что на обратном пути президент республики посетит не только датский, но и шведский и норвежский дворы. В беседе со мною г. Пуанкаре высказал, что посещения эти, по его мнению, могут принести известную долю пользы политике Тройственного согласия и что, в особенности в Швеции, он намерен приложить все старания к тому, чтобы разъяснить истинные цели этой политики [2].

Г. Вивиани сказал мне сегодня, что на этих днях его ожидают довольно трудные прения в палате депутатов (о забастовке почтовых чиновников [3]), но что 11 или 12 июля [28 или 29 июня] он надеется распустить парламент на летние вакации; 15 [2] июля президент отбывает с эскадрою из Шербурга; в тот же день я полагаю выехать с норд-экспрессом в Петербург. Имея в виду, что прием президента имеет состояться в Петергофе, позволяю себе высказать надежду, что на эти дни мне будет предоставлено постоянное помещение в петергофском дворце, ибо для меня было бы крайне обременительно каждый день возвращаться в город.

Сердечно преданный вам

Извольский.

ров, 9 июня/27 мая был образован кабинет Рибо, просуществовавший только до 12 июня/30 мая, после чего новый кабинет был сформирован Вивиани 13 июня/31 мая. См. телеграмму Извольского от 13 июня/31 мая за № 156 и письмо его от 3 июня/21 мая, т. III, №№ 232 и 152.

1 „Новое время“ № 13734 от 21/8 июня.

2 Особое значение, которое придавалось посещению Пуанкаре Швеции, было вызвано резким ухудшением русско-шведских отношений с осени 1913 г. и связанными с этим усиленными военными приготовлениями шведского правительства.

3 Забастовка почтовых чиновников 23/10 — 25/12 июня 1914 г. была выражением протеста сенату, не удовлетворившему требование об увеличении им жалованья.

№ 45. Итальянский министр иностранных дел Сан-Джулиано итальянскому послу в Петербурге Карлотти.

·/. Телеграмма № 3920 [1]. 1 июля/18 июня 1914 г.

Troupes roumaines en Albanie.

Je viens de recevoir le télégramme suivant de notre ministre à Durazzo:

„Comme il était à prévoir le Cabinet de Bucarest a refusé la demande du prince de Wied, l'accomplissement de laquelle aurait pu provoquer des difficultés entre la Roumanie et la Serbie.

Le télégramme que mon collègue de Roumanie vient de recevoir de son gouvernement est conçu dans les termes suivants: Le gouvernement roumain, à son grand regret, ne peut accorder la demande du prince de Wied concernant l'envoi de troupes roumaines en Albanie tant à cause de la situation géographique des deux pays qu'à cause du caractère européen de la question.

D'autre part le gouvernement roumain s'intéressant vivement à la conservation et à la prospérité de l'Etat albanais ne cessera pas de faire pour sa part tout le possible pour préter tout son secours au prince de Wied dans les difficultés actuelles".

Перевод.

Румынские войска в Албании.

Я только-что получил следующую телеграмму нашего посланника в Дураццо:

„Как можно было предвидеть, бухарестский кабинет отказал в просьбе князя Вида, выполнение которой могло вызвать недоразумения между Румынией и Сербией.

Телеграмма, только-что полученная моим румынским коллегой от его правительства, составлена в следующих выражениях: Румынское правительство, к своему крайнему огорчению, не может согласиться на просьбу князя Вида относительно посылки румынских войск в Албанию как по причине географического положения двух стран, так и ввиду европейского характера вопроса.

С другой стороны, румынское правительство, живо интересуясь сохранением и процветанием албанского государства, не перестанет с своей стороны делать все возможное, дабы предоставить князю Виду всяческую помощь при настоящих его затруднениях".

№ 46. Посол в Вене министру иностранных дел.

·/. Депеша № 39. 1 июля/18 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В воскресенье около полудня получены были в Вене первые известия о сараевском злодеянии, жертвою которого пали наслед-

[1] Телеграмма расшифрована и переведена с итальянского в росс. м-ве ин. дел.

ник престола габсбургской монархии и супруга его, герцогиня Гогенберг.

Известие это до того казалось чудовищным, что первое время все отказывались верить ему, и только вечером, когда появились специальные прибавления газет и многие здания вывесили траурные флаги, жители столицы поверили действительности и до поздней ночи на улицах обсуждали ужасное событие. Тогда уже стало официально известно, что эрцгерцог Франц-Фердинанд, проезжая на автомобиле в сопровождении супруги по улицам города Сараева, подвергся двум покушениям, и, оставшись невредимым после первого, вместе с супругой своей пали жертвою второго покушения.

При проезде эрцгерцога в городскую ратушу, поджидавший его типограф Габрилович [1] кинул в автомобиль бомбу, которую наследнику однако удалось отстранить рукою.

Ударившись о землю позади автомобиля, бомба разорвалась, причем ранила легко ехавших во втором автомобиле лиц свиты и более или менее серьезно 6 человек из толпы.

Остановив автомобиль и убедившись, что никто из свиты его серьезно не пострадал, эрцгерцог продолжал путь, и, по окончании приема в городской ратуше изъявил желание посетить в больнице раненого адъютанта подполковника Merizzi.

На одном из поворотов в тот момент, когда автомобиль принужден был замедлить ход, стоявший на тротуаре гимназист VIII класса Принцип произвел из револьвера, почти в упор, два выстрела, из которых первый, пробив стенку автомобиля, смертельно ранил герцогиню Гогенберг в нижнюю часть живота, второй выстрел ранил эрцгерцога в шею и, раздробив аорту, вызвал кровоизлияние, от которого наследник престола через несколько минут скончался.

Впоследствии на тротуаре по пути следования эрцгерцога найдена была вторая бомба, что указывает на вполне организованный заговор.

Убийцы тут же были схвачены, и полиции с трудом удалось спасти их от ярости толпы.

Они оба оказались местными сербами, и это обстоятельство возбудило сильнейшее возбуждение против сербов во всей стране.

В день совершения убийства и в последующие дни возмущение населения гнусным преступлением выразилось нападением как в самом Сараеве, так и в других городах Боснии и Герцеговины на

[1] Так в подлиннике.

дома, в которых проживали сербы, и разгромом сербского имущества.

В самой Вене население отнеслось к печальному событию довольно спокойно и только на третий день по совершении преступления, под влиянием разжигающих статей клерикальных и военных органов печати, а также, и в особенности, немецких элементов, с германским посольством во главе, произвело слабую анти-сербскую демонстрацию, направленную против сербской миссии, причем дело ограничилось криками „долой сербов", пением австрийского гимна и сожжением сербского флага.

Примите и пр. Шебеко.

№ 47. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо [1]. 1 июля/18 июня 1914 г.

Отвратительное злодеяние, совершенное в прошлое воскресенье в Сараеве, жертвою которого пали эрцгерцог Франц-Фердинанд и его супруга, случилось еще так недавно (тела несчастных жертв еще не прибыли в Вену), все до сих пор здесь так ошеломлены этой новой кровавой драмой в истории Габсбургской династии [2],—драмой, не уступающей по своему ужасу и бессмыслию всем предшествующим, что еще никто не мог составить себе сколько-нибудь определенного представления о том влиянии, которое это событие окажет на будущую судьбу австро-венгерской монархии и всей Европы.

Во внутренней жизни монархии с исчезновением личности покойного наследника, несомненно, рушится целое здание, хотя не вполне известное и, может быть, неустойчивое, тем не менее несомненно существовавшее, и около которого до некоторой степени группировались элементы, сознающие, что так дальше итти нельзя и что только полная перемена курса внутренней политики может спасти австро-венгерскую монархию от гибели в более или менее близком будущем.

Во внешней политике покойный эрцгерцог, насколько можно было судить, являлся сторонником активной политики, требующей выяснения существующих неопределенных положений и разрешения спорных вопросов, если не мирным путем, то при помощи сильной армии и флота.

---

[1] Лит. копия.

[2] Шебеко имеет в виду расстрел в 1867 г. эрцгерцога Максимилиана, таинственную гибель в 1889 г. престолонаследника эрцгерцога Рудольфа и убийство в 1896 г. императрицы Елизаветы итальянским анархистом Луккени.

Что теперь будет,—неизвестно. Дни императора Франца-Иосифа нужно считать сочтенными.

Хотя он и оправился от последней болезни[1], но, по свидетельству докторов, он не вернулся,—да и не может вернуться,—больше к той точке, на которой находился до заболевания. А потому приближение зимы представит серьезную опасность, и наступление холодной погоды может иметь для него роковые последствия.

Хватит ли у юного наследника престола сил и ума, чтобы справиться с такой задачей, какой является управление австро-венгерской монархией,—большой вопрос, на который в настоящий момент ни внутри, ни вне империи ни один человек ответить не может.

Кого этот вопрос должен в настоящий момент сильно озабочивать, так это, несомненно, императора Вильгельма.

Все те усилия, которые он приложил в течение последних лет, чтобы сблизиться с будущим правителем Австро-Венгрии, оказались волею судьбы потерянными как раз в тот момент, когда, казалось, они увенчались полным успехом.

Очень может быть, что молодой наследник окажется в этом отношении еще более податливым, нежели его покойный дядя; но во всяком случае ту работу приходится начинать сначала, и перспектива эта, повидимому, вызывает большое раздражение у германского представителя в Вене, напрягающего все силы, дабы надлежащим образом использовать печальное событие возбуждением общественного мнения страны против Сербии и России.

Сегодня здесь распространился слух, что австро-венгерское правительство обратилось будто бы к белградскому кабинету с требованием принять меры для раскрытия всех нитей заговора, исходившего, по его мнению, из Белграда[2].

Несомненно, что в военных и клерикальных сферах царит большое возбуждение не только против Сербии, но и против нас ввиду убеждения, что ведущаяся в пределах монархии анти-австрийская агитация, возбуждая умы славянского населения империи, косвенным образом может вызвать явления, подобные сараевскому преступлению.

Некоторые органы печати в роде „Reichspost“ договариваются

---

[1] Франц-Иосиф в мае 1914 г. был болен воспалением легких.

[2] Ср. B. D., v. XI, № 31.

до того, что устанавливают связь между сараевским событием и призывом наших резервистов[1].

Инсинуации эти, повидимому, исходят из польских источников Львова и Кракова.

От них другого и ожидать нельзя, но что вызывает большое недоумение и негодование,—это гостеприимство, которое оказывают некоторые органы английской печати в роде „Standard" и „Daily Chronicle" не только для грязных инсинуаций, но и для открытых обвинений России в соучастии в сараевском преступлении.

Сведения эти перепечатываются здешними газетами и способствуют еще бо́льшему возбуждению и без того враждебно к нам настроенных здесь умов.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 48. Генеральный консул в Будапеште в I департамент министерства иностранных дел.

Донесение № 25. 1 июля/18 июня 1914 г.

Убиение в Сараеве 28/15 июня наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги герцогини Гогенберг поразило Венгрию своей неожиданностью, а еще более, быть может, своим политическим характером. Совершенное в печальный день Коссовской битвы рукой фанатика-серба, оно сербству нанесло наибольший удар и грозит еще новыми.

Объясняют злодеяние различно. Одно из мнений сводится к следующему: в сербских кругах были убеждены, что эрцгерцог был главным вдохновителем аннексии Боснии и Герцеговины и притеснений в них затем сербского элемента, главной причиной воин-

[1] Здесь имеются в виду следующие распоряжения по военному ведомству: а) высочайшее повеление от 21/8 апреля 1914 г. о призыве на учебные сборы в губерниях и областях Европейской и Азиатской России и в полосе отчуждения Китайско-Восточной ж. д. нижних чинов запаса пехоты, артиллерии и инженерных войск сроков службы 1907 и 1909 гг. (за исключением Казанского военного округа, где предполагалось призвать запасных только срока службы 1907 г.) и о призыве, сверх того, во всех округах, кроме Московского и Одесского, нестроевых нижних чинов тех же сроков службы, причем в большинстве округов учебные сборы продолжительностью в 6 недель назначались на осень; б) пробная мобилизация, произведенная в Одесском военном округе в апреле 1914 г. с призывом запасных нижних чинов 4 уездов и поставкой лошадей от населения в одном уезде и в) увеличение контингента новобранцев на 1914 г. на 130 тыс. чел., причем общая численность призыва доводилась до 585 тыс. чел.

ственной и непримиримой по отношению к Сербии политики Австро-Венгрии. Знали его католический прозелитизм и враждебность к православным. Назначенные по его мысли и под его командой маневры в Боснии двух корпусов почти в полном боевом составе были истолкованы как демонстрация против Сербии; албанские события усиливали тревогу. Уже два месяца, как сербы тайно волновались, в особенности молодежь. Эрцгерцога предупреждали об опасности его приезда в Боснию, но другие его уверили в неосновательности этих пессимистических советов. Между тем распространилось убеждение в том, что в Боснию стянуто 325 тыс. войска, и что эрцгерцог замышляет с этими силами внезапно напасть на Сербию—„свести с ней счеты", как будто бы он сам говорил. Среди фанатичной и горячей молодежи было решено предупредить это, не останавливаясь перед преступлением. Бомбы и оружие достали, вероятно, от тех комитаджиев, коих сербское правительство снабдило ими еще во время балканской войны. Но к делу убийства сербское правительство, бывшее именно на пути переговоров с Австро-Венгрией по важным вопросам [1], совершенно непричастно, что наглядно подтверждается и пребыванием в Ницце генерала Путника. Таково одно мнение. Другие, напротив, утверждают, что именно правительство сербское в видах присоединения Боснии подготовило злодеяние, и в подтверждение приводят роспуск скупщины и временное удаление от дел короля. Некоторые („Мадьяр Хирлап") обвиняют в разжигании южно-славянских страстей „северо-славянские интриги".

Первым реальным последствием злодеяния был настоящий погром православных сербов, произведенный сараевскими мусульманами. По этому поводу здесь существует такое мнение: погром был произведен при поощрении или, по крайней мере, при невмешательстве местных властей. Причиной такого возбуждения мусульман является, повидимому, то, что принужденные под влиянием сербских побед над турками и болгарами сломить в своих отношениях с своими сербскими согражданами свою гордость, они решили воспользоваться совершенным сербом злодеянием, чтобы отомстить им и упрочить свое положение проявлением своей лояльности. К мусульманам примкнули и католики-хорваты. Однако действия погромщиков заставили опасаться противоположного движе-

[1] Имеются в виду австро-сербские переговоры о Восточных железных дорогах, вызванные исходом балканских войн 1912—1913 гг., см. Gr. Pol., Bd. 37, Teil II, Kap. 287.

ния со стороны сербов; в результате следовало ожидать общей резни и уже не в одной столице Боснии. Повидимому, главным образом для предупреждения этого было объявлено строжайшее осадное положение. Спокойствие было водворено. Подобное же движение против православных сербов и по аналогичным причинам проявилось в Хорватии со стороны сербов-католиков.

В самой Венгрии, насколько можно судить по ее столице, население отнеслось к убиению эрцгерцога довольно спокойно [1]. Сказалась нелюбовь к нему за его предполагаемое нерасположение к Венгрии и его воинственность. Однако все газеты поместили сочувственные статьи, город убран траурными флагами; в парламенте ораторы всех партий выразили негодование по поводу убийства, произнесли хвалебные речи в честь почившего эрцгерцога и его супруги. Наибольшее же сожаление, повидимому искреннее, вызвали участь несчастных сирот их и горе престарелого монарха.

Оценивая политическое значение злодеяния, газеты сходятся в том, что оно является результатом великосербского движения. Оппозиционная печать, ставя развитие этого движения в причинную связь с неправильной политикой монархии, старается выставить злодеяние доказательством необходимости для короны опираться прежде всего на мадьяр. Газеты правительственные, перенося ответственность за преступление одного серба на всю Сербию, как бы нарочно хотят разжечь с новой силой давнишнюю, едва начавшую утихать ненависть мадьяр к сербам и чуть не открыто призывают к отмщению Сербии за это преступление. Газета „Эшти Уйшаг" (вечернее прибавление к правительственному „Будапешти Хирлап") сообщает даже, что в Сараеве военные круги считают неизбежной карательную экспедицию против Сербии.

Венгерские сербы крайне удручены. Они опасаются войны и предвидят страшные репрессии, казни и выселения. Если бы война действительно разразилась,—нет сомнения, здешние сербы удвоили бы свои старания доказать свою лойяльность, пока, конечно, не почувствовали бы за собой сербских штыков. Во всяком случае вероятно, что преступление, запятнавшее сербскую национальную идею, повлечет за собой ухудшение в отношениях Венгрии к Сербскому королевству и в положении сербов Венгрии и Хорватии-Славонии.

Что касается общего значения для Венгрии самого факта пере-

---

[1] Ср. донесение английского генерального консула в Будапеште Макс-Мюллера Грею от 14/1 июля 1914 г. (B. D., v. XI, № 70).

мены личности престолонаследника, то большинство газет воздерживается пока от обсуждения этого вопроса. Можно отметить отзывы лишь двух газет „Пешти Напло“ и „Виллаг“. Первая говорит: эрцгерцог Франц-Фердинанд следовал политике, центром которой являлся Берлин. Благодаря юной мягкости (эластичности) нового наследника, быть может, будет найден путь, чтобы, оставаясь и впредь мощным другом, приобресть симпатии и у других. „Виллаг“ особенно мрачно смотрит на будущее Австро-Венгрии: „У монархии теперь,—говорится в газете,—84-летний император и 26-летний наследник, колеблющаяся, не имеющая определенной цели внешняя политика, многообразные ирредентистские движения, голодающее население, ни одного принца с необходимым авторитетом и ни одного истинно-государственного человека. Лишь благодаря тому, что вооружения России еще не закончены, пред нами уже завтра не встанет вопрос жизни и смерти“.

Газета, очевидно, сгустила краски, но то, что есть верного в ее оценке, позволяет надеяться, что опасения войны и на этот раз не оправдаются.

Примите и пр. Приклонский.

№ 49. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 1 июля/18 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Налаживающиеся греко-турецкие отношения внесли заметное успокоение, но отнюдь не уверенность в том, что удастся избежать войны. До тех пор пока не будет разрешен вопрос об островах, греки и турки никогда не будут добрыми соседями [1].

Г. Венизелос, как известно теперь, обращался по телеграфу к президенту Северо-Американских Штатов с просьбой оказать возможное содействие к уступке Греции американских броненосцев [2], в то же время председатель совета указывал г. Вильсону, что уступкой этих судов Америка будет способствовать сохранению мира. Благодаря приобретению новых боевых единиц Греция в настоящее время может без страха выжидать турецкое наступление. После прибытия в оттоманские воды нового дредноута [3] боевая мощь греческого флота будет, по словам специалистов, на 15% ниже турецкой; но эта разница восполняется качеством личного состава

[1] См. Gr. Pol. Bd. 36, Teil II, Kap. 283.

[2] См. № 7.

[3] „Султан Осман“, купленный Турцией у Бразилии в декабре 1913 г.

эллинского флота. При таких условиях Греции приходится воздерживаться от наступательного образа действий, но обороняться она может смело.

Массовое изгнание греков из Малой Азии представляет для Греции то выгодное обстоятельство, что лишает турок главного аргумента против присоединения островов к королевству. Действительно, все малоазиатское побережье против островов, так же как и оба берега Дарданелл, совершенно очищены от греческого элемента.

Ввиду единственного и главного значения островов в вопросе о том, быть ли миру или войне, почитаю долгом сослаться на мою телеграмму № 120 от [16] 3 июня с. г.[1] и повторить, что самое существенное, что могут сделать державы во избежание нового кризиса, заключается в том, чтобы повлиять на Турцию и настоять на том, чтобы Порта первая завела речь об островах и предложила свои условия. Крайне важно, чтобы вопрос этот был решен, пока г. Венизелос еще у власти[2], потому что кто бы ни был его заместитель, никто, кроме него, не способен дать благоприятный оборот этому щекотливому делу.

Греко-турецкий конфликт настолько поглощал всеобщее внимание, что я упустил упомянуть о греко-болгарских отношениях. Таковые пока мало подают надежды на улучшение. Случаи захвата греческих церквей и притеснения, коим подвергаются греки в Болгарии, заглушают слабые попытки некоторых газет в пользу примирения и сближения. В некоторых органах печати высказывается даже сожаление, что возобновились дипломатические сношения, так как под покровительством одной из великих держав греки в Болгарии пользовались бы защитой, которой они в настоящее время лишены.

Примите и пр. С. Урусов.

№ 50. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Депеша № 38. 1 июля/18 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вступив снова во власть в прежнем составе[3], кабинет Пашича решил продолжать, насколько было возможно, заседания настоя-

---

[1] В ней сообщалось о миролюбивых заверениях Стрейта.

[2] Телеграммой от 19/6 июня за № 122 Урусов сообщал, что ответная нота Турции по вопросу о гонениях в Малой Азии (см. т. III, № 304) „произвела плохое впечатление на публику“, чем воспользуется оппозиция для нападок на Венизелоса.

[3] См. стр. 63, прим. 1.

щей скупщины, чтобы таким образом, в интересах крестьянского населения, занятого полевыми работами, отдалить и время назначения новых выборов.

Задача эта отчасти удалась правительству, которое, несмотря на продолжавшуюся обструкцию оппозиционного блока, успело при помощи своих старо-радикальных депутатов, находившихся в полном сборе, провести все спешные законопроекты и в том числе важный закон о сверхсметных ассигнованиях на надобности армии, без которых военное министерство было бы поставлено в крайне затруднительное положение.

Этим и закончились занятия парламента, на последнем заседании коего, в день отъезда короля, [24] 11 июня, прочитан был указ о роспуске скупщины, назначении новых выборов на [14] 1 августа и, наконец, о созыве обновленной палаты в чрезвычайную сессию на [23] 10 сентября.

Правительственная и оппозиционные партии таким образом имеют впереди полтора месяца для обычной предвыборной агитации. Пускаться в какие-либо предсказания или даже догадки по поводу возможных результатов предстоящей парламентской кампании никто здесь не решается.

Что касается предположенного соглашения между старо-радикальной и напреднякской партиями, о котором сообщалось в депеше моей от [16] 3 июня № 35 [1], то, к сожалению, переговоры Пашича с Маринковичем пока не увенчались желанным успехом. Старо-радикальный клуб категорически воспротивился передаче двух портфелей в кабинете напреднякам до окончания выборов; между тем, как известно, напредняки поставили условием соглашения немедленную реконструкцию кабинета с тем, чтобы выборы в скупщину производились под контролем коалиционного из обеих партий министерства. Это обстоятельство вызвало разрыв, вследствие чего напредняки тотчас же присоединились к оппозиционному блоку, который совместными усилиями будет вести борьбу на выборах против старо-радикалов.

Впрочем Пашич не теряет еще надежды на соглашение с напредняками, которые в сообществе с самостальцами и либералами могут легко потерять несколько депутатских полномочий и, после выборов, разбитые, придут снова искать союза с старо-радикалами.

Примите и пр.

Н. Гартвиг.

---

[1] См. т. III, № 282.

№ 51. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Депеша № 39. 1 июля/18 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В депеше от [16] 3 июня сего года за № 36 [1] я имел честь представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства отчет о ходе австро-сербских переговоров по железнодорожным делам. Переданная сербским правительством здешнему австро-венгерскому посланнику и приложенная в копии при означенной депеше промемория о концессиях, которые Сербия готова предоставить соседней монархии, повидимому, встречена была в Вене более благоприятно, нежели все предшествовавшие белградские сообщения. По крайней мере, барон Гизль, вскоре по получении промемории, предупредил Пашича, что правительство его намерено командировать в Белград делегатов-специалистов для соответственных переговоров по существу сербских предложений.

На-днях в самом деле прибыли сюда с этой целью 6 австрийских уполномоченных специальных ведомств во главе с фон Сомером, начальником венской железнодорожной дирекции. Последний посетил Пашича и министров финансов и публичных работ. Засим делегаты обоих государств имели несколько предварительных совещаний, которые вдруг, совершенно неожиданно для сербов, прерваны были полученным Сомером из Вены предписанием покинуть Сербию. Последний, кажется, поставил внезапное отозвание в связь с полученным известием о трагической кончине наследного эрцгерцога и вчера же со своими коллегами выехал из Белграда.

Здесь однако склонны видеть в этом лишь предлог для отсрочки опять на неопределенное время переговоров о соглашении с Сербией по железнодорожному вопросу.

Примите и пр.

Н. Гартвиг.

№ 52. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 304. 1 июля/18 июня 1914 г.

На сегодняшнем приеме министр иностранных дел справлялся, не получил ли я ответа императорского правительства по баргутскому и алтайскому вопросам. Я ответил, что не имею пока такового, и по его просьбе согласился передать вашему высокопревосходительству об ускорении разрешения этих дел. В свою очередь я

[1] См. т. III, № 283.

просил ускорить ответом на наше предложение касательно железнодорожного строительства в Северной Манчжурии [1], который, несмотря на неоднократные обещания, мною до сих пор не получен. Сунь Бао-ци заверил меня, что я в скором времени получу сообщение о назначении китайского делегата для переговоров с Гойером по этому вопросу. Третьего дня мы с Гойером сообщили Мунте решение императорского правительства ограничи[ть] одним процентом с половиною размеры комиссионных [2].

Граве.

№ 53. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 305. 1 июля/18 июня 1914 г.

Получил № 1225 [3].

Предварительно ответа вашему высокопревосходительству касательно киргизов в Или, я счел полезным переговорить еще раз с министром иностранных дел. Последний готов дать от имени китайского правительства взамен гарантирования „личной неприкосновенности и земельного устройства передаваемых в китайское подданство киргизов“ обязательство в нижеследующей редакции: „Китайское правительство считает долгом заявить, что отношение его к названным выше киргизам в правовых и имущественных вопросах будет одинаковое, как и к прочим китайским гражданам, без допущения какого-либо различия“. Так как при этом не требуется с нашей стороны никаких обязательств, а копия фразы [4] дает нам при желании возможность вмешаться в судьбу киргизов, то мне казалось бы, что эта формула соответствует нашим интересам. Прошу указаний [5].

Граве.

---

[1] Речь шла, помимо других менее важных линий, преимущественно о линии Благовещенск — Харбин с веткой на Цицикар.

[2] Под „комиссионными“ подразумеваются суммы (в размере $1^1/_2$% с номинала будущей концессии), которые выговаривали себе китайские участники переговоров, в частности Лянь Шии.

[3] Телеграмма Сазонова за № 1225 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[4] Так в подлиннике.

[5] Позднее тел. от 10 июля/27 июня за № 331 Граве извещал о получении сообщения китайского министра иностранных дел в указанной редакции. Одновременно китайские власти просили „снабдить наших властей указаниями о принятии мер против дальнейшего перехода киргизов в китайские пределы“; эта просьба объяснялась, по его мнению, тем, что китайские власти усматривали в заботах русских властей о возвращении киргизов в Китай желание „иметь постоянно предлог для вмешательства во внутренние дела Илийского края“.

№ 54. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 85. 1 июля/18 июня 1914 г.

Министр иностранных дел совершенно доверительно сказал мне, что греческое правительство обращалось в Лондоне к японскому послу с просьбой продать Греции новый японский броненосец „Конго“. Японское правительство ответило отказом.

Малевский-Малевич.

№ 55. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1306. 2 июля/19 июня 1914 г.

Агентская телеграмма сообщает о подаче Восуг-эд-Доуле в отставку, что подтверждается также Исаак-ханом.

Благоволите приложить все старания к тому, чтобы отговорить Восуг-эд-Доуле от этого намерения и убедить его взять отставку назад.

Сазонов.

№ 56. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1310[1]. 2 июля/19 июня 1914 г.

Комиссар по турецко-персидскому разграничению Минорский доносит, что английские комиссары Ротислау и Вильсон очень торопятся поскорее закончить разграничение. Между тем комиссия вступила ныне в весьма важную для нас северную зону границ, от Баннэ[2], которую нужно пройти основательно ввиду обилия спорных пунктов. Минорский прибавляет, что если англичане боятся холодов северной зоны из-за непривычки к местному климату служащих индусов, то большую часть последних вообще можно было бы отпустить.

Не откажите переговорить о вышеизложенном с Греем и телеграфировать о последующем.

Сазонов.

№ 57. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

⁺/. Телеграмма № 1314. 2 июля/19 июня 1914 г.

Переговоры по делу Салоникского банка выясняют следующую комбинацию[3].

---

[1] В настоящем издании печатаются по этому вопросу лишь важнейшие телеграммы, выясняющие общий характер англо-русских трений по поводу разграничения.

[2] Банне находится к северу от Зохаба в районе, близком к Соуджбулагу.

[3] См. № 21.

Салоникский банк поглощает путем покупки Национальный банк, для чего выпускает 100 тыс. новых акций на сумму 10 млн. фр.

Половина новых акций на сумму 5 млн. отходит английской группе Касселя, в которой принимает участие банк Шредера в Лондоне, вторая половина предлагается Русско-азиатскому банку, уже обладающему 14 тыс. акций. Английская группа получит право назначить двух членов совета Салоникского банка, Русско-азиатский—четырех, из коих лишь двух русской национальности и двух французов. Остальные члены совета будут назначены Société Générale, Banque de Paris и Оттоманским банком.

Салоникский банк примет название Banque Nationale de Turquie.

Предполагается балканские отделения ликвидировать, а отделения в Греции преобразовать в филиальный греческий банк, который примет наименование Салоникского.

По мнению Русско-азиатского банка, наше участие в комбинации связано с необходимостью образовать рядом с будущим банком Русское общество для коммерческих и промышленных предприятий на Востоке.

Русско-азиатский банк просит нас ответить в кратчайший срок, согласны ли мы на указанную комбинацию.

Прошу вашего заключения.

Сазонов.

№ 58. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

⁷/. Телеграмма № 1315. 2 июля/19 июня 1914 г.

Сообщается в Париж.

Французский посол обещал телеграфировать своему правительству, что мы придаем весьма серьезное значение заключению болгарского займа в Париже, при номинальном лишь участии наших банков.

Сазонов.

№ 59. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

⁷/. Телеграмма № 1316. 2 июля/19 июня 1914 г.

Сообщается в Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Константинополе № 402 [1].

[1] См. т. III, № 316.

Ввиду приближения срока завершения переговоров Турции с другими державами[1] и крайней нежелательности оставления вопроса о нашем делегате открытым, прошу вас выяснить отношение французского правительства к комбинации введения нашего делегата, одновременно с турецким представителем „excédents“, при очередном председательстве немцев[2].

Прошу вас обратить внимание французского правительства, что для нас приемлема любая комбинация. Для нашего общественного мнения желательно, чтобы вопрос был разрешен до приезда сюда Пуанкаре[3].

Французский посол обещал мне телеграфировать в том же смысле своему правительству. Сазонов.

№ 60. Английский посол в Петербурге Бьюкенен английскому статс-секретарю по иностранным делам Грею.

⁄. Телеграмма № 148[4]. 2 июля/19 июня 1914 г.

My telegram № 144.

I have not yet succeeded to get Minister for Foreign Affairs to express any definite views on the subject of Swedish gendarmerie. In course of conversation to day he said as regards... [5] restricted in the North to the districts where they were employed at present and gendarmerie must become used as a police force on the roads. He proposed at one moment that Swedes should be replaced by British officers in the South but he added he will go to examine the question more particularly before expressing any definite opinion [6].

Перевод.

Моя телеграмма № 144.

Мне еще не удалось побудить министра иностранных дел высказать какие-либо окончательные взгляды по поводу шведской жандармерии. Во время сегодняшнего разговора он сказал относительно ... ограничена на севере ок-

[1] Имеются в виду переговоры Турции с Францией, Англией, Германией и Россией о заключении экономических соглашений.

[2] Excédents — суммы, представлявшие разницу между общей суммой турецких государственных доходов, поступавших с согласия Порты в кассу Оттоманского долга на предмет удовлетворения кредиторов Турции, и суммой фактических расходов кассы на указанную цель.

[3] О позиции Франции в вопросе о русском делегате см. Gr. Pol., Bd. 37, Teil II, Kap. 288.

[4] Телеграмма расшифрована в росс. мв-е ин. дел.

[5] В неразобранном при расшифровке месте речь шла, вероятно, о персидской казачьей бригаде.

[6] Ср. № 40.

ругами, где она занята в настоящее время, и жандармерия должна быть использована на дорогах как полицейская сила. Он предлагал между прочим, чтобы шведы были замещены британскими офицерами на юге, но прибавил, что он займется более пристальным изучением вопроса, прежде чем высказать какое-либо окончательное мнение.

№ 61. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Письмо [1]. 2 июля/19 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях меня посетил здешний итальянский посол г. Титтони (с которым за последний год я виделся довольно редко) и изложил мне нижеследующее:

Как участник русско-итальянского соглашения 1909 г. (Раккониджи) [2], он, г. Титтони, хотя и признает необходимость для Италии оставаться в системе Тройственного союза, но считает вместе с тем, что это не препятствует самым близким отношениям между Россией и Италией, основанным на общности их балканских интересов; поэтому во время недавних балканских осложнений он не всегда сочувствовал решениям маркиза ди Сан-Джулиано, который, по его мнению, давал итальянской политике слишком австро-германское направление. По убеждению г. Титтони, итальянское правительство поступило вполне правильно, согласившись на создание независимой Албании, ибо этим путем ему удалось удержать Австро-Венгрию от активных выступлений по направлению к Белграду и Салоникам; но в настоящем фазисе событий было бы опасною ошибкою со стороны Италии отождествлять свои интересы в Албании с интересами Австро-Венгрии. Г. Титтони думает, что в албанских делах итальянское правительство должно, с одной стороны, действовать в пользу возможно большей интернационализации, а с другой—искать специальных точек соприкосновения с Россией. Во время недавнего своего пребывания в Риме г. Титтони имел случай высказать вышеизложенные взгляды главе нового итальянского кабинета, своему близкому приятелю и политическому единомышленнику, и мог убедиться, что г. Саландра вполне разделяет эти взгляды. Раздумывая о том, какие именно можно было бы найти в настоящую минуту точки соприкосновения между Россией и Италией в албанских делах, г. Титтони пришел к заключению, что одною из таковых мог бы явиться вопрос о Адриатической железной дороге [3];

---

[1] Опубл. Siebert, III, № 1065 до слов: „Одновременно с вышеописанным“.

[2] Текст Раккониджского соглашения опубликован в изд. Н. К. И. Д., „Раздел Азиатской Турции“, Москва, 1924 г., стр. 355.

[3] См. приложение.

вопрос этот, решенный в принципе на Лондонской конференции, в последнее время под влиянием царствующей в Албании смуты заглох; г. Титтони думает, что Россия и Италия могли бы по взаимному уговору принять инициативу его возбуждения и этим подчеркнуть общность их интересов по отношению к албанским делам. Мысль эта принадлежит лично ему, г. Титтони, и он еще не высказывал ее в Риме, но если бы она встретила сочувствие в Петербурге, он не сомневается в том, что г. Саландра охотно пойдет ей навстречу.

Отвечая г. Титтони, я намеренно держался крайней осторожности и, не высказывая ему никаких суждений об итальянской политике и о приемлемости или неприемлемости его предложения, ограничился тем, что обещал ему довести о вышеизложенном до вашего сведения.

Одновременно с вышеописанным выступлением г. Титтони известный финансист г. Вольпи, представитель Италии в международной финансовой комиссии и участник всех итальянских финансовых предприятий в Черногории, высказал совершенно те же взгляды Н. Л. Рафаловичу, придав им лишь специально финансовую окраску.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы препроводить вам составленную Н. Л. Рафаловичем записку о положении в настоящую минуту вопроса о Дунайско-Адриатической железной дороге, в которой затронут, между прочим, и вопрос об участке этой дороги на албанской территории.

Примите и пр.

Извольский.

Приложение.

Памятная записка Н. Л. Рафаловича.

22/9 июня 1914 г

La question de l'exploitation du chemin de fer Danube-Adriatique par une compagnie privée doit être traitée aussi discrètement que possible avant le règlement final du problème des Orientaux [1], au sujet duquel le gouvernement serbe s'est placé sur le terrain de l'exploitation en régie directe par l'Etat.

A cet égard, il est préférable de se borner actuellement à faire savoir au gouvernement serbe, que, conformément au désir, qu'il a

[1] Под „Восточными" ж. д. подразумеваются дороги, соединяющие Зап. и Центр. Европу с Константинополем.

exprimé, un groupement international spécial sera constitué pour s'occuper de la ligne en territoire serbe.

Quant à la négociation elle-même, elle pourra être entamée à un moment ultérieur et c'est à cette époque, qu'il est préférable de remettre la demande de l'obtention du tronçon Pristina—Prizrend. Comme il est probable que le gouvernement serbe sera amené à concéder à l'industrie autrichienne la construction de la ligne Uvac—Mitrovitza, proposition, qui a déjà été faite par la Serbie à l'Autriche, il sera nécessaire pour le Gouvernement serbe d'obtenir la renonciation de la société franco-serbe de travaux [1] aux droits de préférence, qu'elle[1] détient sur cette ligne. Le gouvernement serbe a déjà fait pressentir cette société au sujet d'un échange de ses droits contre d'autres compensations telles qu'un arrangement pour le Danube-Adriatique en faveur d'un groupe, formé avec le concours de ladite société.

Ce groupe devra être composé, d'après des renseignements reçus de source autorisée, d'un groupe français, comprenant diverses banques, de la Banque Russo-Asiatique et de son groupe, d'éléments italiens et d'un groupe roumain, désigné par son gouvernement, l'ancien groupe 1908 [2], constitué pour la réalisation du Danube-Adriatique sur territoire turc, étant définitivement écarté par le conseil des ministres de Serbie.

Il est prématuré d'établir exactement la répartition de l'affaire entre les différents participants. En principe, les groupes russe et italien devraient avoir une part égale, quant au groupe roumain, sa part devrait dépendre des arrangements qui seraient faits pour le tronçon roumain.

Actuellement [la] société franco-serbe de travaux détient un contrat de construction et d'exploitation pour le port de Prahovo sur le Danube, avec le droit d'ériger des magasins généraux en Serbie, un contrat de construction pour la ligne Nich—Mérdaré (cette construction n'a pas encore été commencée) et un contrat d'études avec droit de préférence, pour le tronçon Mérdaré—Pristina. Ces droits devront être rétrocédés, à des conditions à déterminer, au nouveau groupe, qui formera une société d'exploitation française ou suisse et une société de construction. La société des Batignolles a été envisagée comme constructeur. L'idée de faire une société d'exploitation serbe ne paraît pas opportune, puisque d'un côté, il faut prendre en considération les lour-

---

[1] Общество, образованное в 1909 г. специально для сооружения ж. д. Ниш—Мердаре.

[2] „Прежняя группа 1908 г.“, в состав которой входилии серб., франц., русск. и итал. элементы, была образована для использования концессии на сооружение линии Ниш—Сан-Джованни-ди-Медуа.

des taxes fiscales incombant en Serbie aux sociétés anonymes, et d'un autre, le caractère serbe de la société pourrait, dans l'avenir, empêcher un élargissement de la sphère d'activité de la société, conforme aux intérêts serbes.

La société suisse présente des avantages au point de vue fiscal, mais en vue d'intérêts considérables français engagés dans cette entreprise, il serait peut-être préférable de former la société d'exploitation sous la loi française.

Cette société devrait être formée avec un capital aussi restreint, que possible, en raison de la nécessité pour chaque groupe national de conserver sa part d'influence sans s'exposer à une trop grande immobilisation.

La société de construction devra entreprendre les travaux sus-indiqués pour lesquels la Société franco-serbe de travaux a des droits, et, en outre, la construction de la ligne Pristina—frontière albanaise et la réfection des autres tronçons déjà exécutés, entrant dans la ligne Danube-Adriatique entre la frontière roumaine et la frontière albanaise, de façon à les adapter aux nécessités d'un trafic international.

Les ressources nécessaires devront être obtenues à l'aide d'un emprunt, qui devra être de préférence, pour des raisons fiscales, fait sous la forme d'un emprunt d'Etat serbe, garanti en premier lieu par les recettes de la totalité de la ligne. Il serait désirable de rapprocher, autant que possible, la formule de la constitution de la société, du versement du capital-actions, et de l'organisation de la construction, de l'exploitation de la formule russe pour les chemins de fer avec garantie de l'Etat, toutefois, avec les modifications qui seraient jugées utiles.

Le tronçon albanais sera construit conformément aux décisions de la conférence de Londres et fera l'objet de l'activité du groupe 1908, qui a déjà exprimé l'intention de se reconstituer conformément à ces décisions.

Pour l'embranchement monténégrin et les facilités maritimes d'Antivari, les groupements italien, russe et français, intéressés dans ces affaires, en feront bénéficier le groupement international, formé pour la Serbie et dont il est question ci-dessus, à des conditions à déterminer. Ces groupements, qui font également partie du groupement 1908, s'éfforceront par tous les moyens à leur disposition de donner leur concours aux desiderata du gouvernement serbe afin d'assurer l'unité de la ligne Danube-Adriatique sur territoire serbe, albanais et monténégrin, tant comme issue serbe vers la mer, que comme grande ligne de trafic international.

Les intéressés russes, français et italiens se tiendront mutuellement au courant de l'état de la question, qu'ils négocieront d'un commun accord. Ils se chargeront d'informer leurs gouvernements respectifs du présent entretien.

Перевод.

Вопрос об эксплоатации Дунайско-Адриатической железной дороги частной компанией должен обсуждаться насколько возможно секретно до окончательного разрешения вопроса о Восточных железных дорогах, в отношении которых сербское правительство стало на почву непосредственной эксплоатации их государством.

В этом смысле предпочтительно ограничиться теперь оповещением сербского правительства, что, согласно выраженному им желанию, будет образована специальная международная группа, чтобы заняться линией на сербской территории.

Что касается самих переговоров, то их можно было бы начать позднее, и именно к этому времени было бы целесообразнее приурочить пожелание о получении участка Приштина—Призрен. Так как сербское правительство, вероятно, будет принуждено уступить австрийской промышленности сооружение линии Увац—Митровица, каковое предложение уже сделано Сербией Австрии, сербскому правительству придется добиться отказа франко-сербского общества строительных работ от преимущественных прав, принадлежащих ему в отношении этой линии. Сербское правительство уже зондировало общество относительно обмена его прав на другие компенсации, как, например, на соглашение о Дунайско-Адриатической железной дороге в пользу группы, образованной при участии указанного общества.

Ввиду окончательного устранения сербским советом министров прежней группы 1908 г., образованной для осуществления Дунайско-Адриатической железной дороги в пределах турецкой территории, эта новая группа, согласно полученных из авторитетного источника сведений, должна быть составлена из французской группы, включающей различные банки, из Русско-азиатского банка и его группы, из итальянских элементов и румынской группы, по указанию тамошнего правительства.

Преждевременно точно устанавливать распределение дела между различными участниками. В принципе русская и итальянская группы должны бы принять равное участие; что же касается румынской группы, то доля ее участия должна была бы зависеть от соглашений, имеющих быть заключенными относительно румынского участка.

В настоящее время франко-сербское общество строительных работ обладает контрактом на сооружение и эксплоатацию порта в Прахово на Дунае с правом строить главные склады в Сербии, контрактом на сооружение линии Ниш—Мердаре (это сооружение еще не начато) и контрактом на изыскания, с преимущественными правами, на участке Мердаре—Приштина. Эти права подлежат переуступке на имеющих быть установленными условиях новой группе, которая образует французское или швейцарское общество по эксплоатации и общество по сооружению. Для работ по сооружению имеется в виду общество Батиньоль. Мысль о создании сербского общества по эксплоатации не представляется своевременной, так как, с одной стороны, нужно принять во внимание тяжелые

фискальные ставки, установленные в Сербии для анонимных обществ, а, с другой стороны, сербский характер общества мог бы в будущем помешать расширению в соответствии с сербскими интересами сферы деятельности общества.

Швейцарское общество представляет выгоды с фискальной точки зрения, но ввиду значительных французских интересов, связанных с этим предприятием, было бы, может быть, предпочтительнее образовать общество по эксплоатации под защитой французского закона.

Это общество следовало бы образовать с капиталом возможно более ограниченным, ввиду необходимости для каждой национальной группы сохранить свою долю влияния, не подвергая иммобилизации слишком больших средств.

Общество по сооружению должно будет взять на себя вышеуказанные работы, на которые франко-сербское общество строительных работ имеет права, а, сверх того, и сооружение линии Приштина—албанская граница и переустройство других участков, уже отстроенных, входящих в состав Дунайско-Адриатической линии между границей румынской и границей албанской, с тем, чтобы приспособить их к потребностям международного товарного движения.

Необходимые средства должны быть получены с помощью займа, который, по фискальным причинам, должен быть произведен предпочтительно в форме государственного сербского займа, гарантированного в первую очередь доходами от всей линии в целом. Было бы желательно насколько возможно приблизить текст положения об учреждении общества, о взносе акционерного капитала и об организации как строительного, так и эксплоатационного дела к русскому уставу железных дорог с государственной гарантией, с теми однако изменениями, которые были бы сочтены полезными.

Албанский участок будет построен согласно решениям Лондонской конференции и явится объектом деятельности группы 1908 г., уже выразившей намерение реконструироваться согласно этим решениям.

Что касается черногорского участка и портового оборудования в Антивари, то итальянская, русская и французская группы, заинтересованные в этих предприятиях, предоставят пользование ими международной группе, образованной для Сербии, о которой говорилось выше, на имеющих быть установленными условиях. Эти группы, составляющие равным образом часть группы 1908 г., постараются всеми доступными им средствами оказать содействие пожеланиям сербского правительства в целях обеспечения единства линии Дунайско-Адриатической железной дороги на сербской, албанской и черногорской территориях, как в качестве сербского выхода к морю, так и великого пути международной торговли.

Русские, французские и итальянские участники дела будут взаимно держать друг друга в курсе дела, переговоры о котором они будут вести с общего согласия. Они возьмут на себя осведомить подлежащие правительства о настоящей беседе.

№ 62. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Депеша № 44. 2 июля/19 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Возмутительное и гнусное убийство австро-венгерского престолонаследника и его супруги произвело здесь потрясающее впечатле-

ние и вызвало глубокое негодование против национальности, к которой принадлежат оба преступника.

Отмечая великосербские вожделения, а равно и „ненависть“ как зарубежных, так и населяющих Австро-Венгрию сербов к Двуединой монархии, германская печать возлагает, подобно и австрийской, ответственность за злодейское преступление это на всю сербскую нацию. В Белграде, говорят газеты, составлен был заговор против жизни эрцгерцога, там же заготовлены были бомбы, предназначавшиеся для покушения, и перед самым покушением преступники побывали в Белграде, где они,—подразумевается,—по всей вероятности, столковались со своими сообщниками.

Коснувшись в беседе моей с помощником статс-секретаря враждебного по отношению к Сербии направления германской печати[1], я не мог не обратить его внимания на то обстоятельство, что взводимые ею против сказанной страны обвинения лишены всякого основания. В настоящую минуту,—сказал я Циммерману,—Сербия занята как устройством вновь приобретенных ею территорий, так и залечиванием нанесенных ей войною ран. Ввиду этого ей необходимо установить самые дружеские и добрососедские отношения с Австро-Венгрией, с которой она связана первостепенными и жизненными экономическими интересами. Допустимо ли поэтому, чтобы как раз в эту минуту в Сербии могла зародиться безрассудная мысль о преступлении, которое должно было бы не только окончательно испортить ее отношения к могущественной ее соседке, но и лечь, может статься, тяжелым бременем на всем славянском, а в частности и сербском населении Австро-Венгрии?

Возлагать же ответственность за преступления частных лиц, притом же незрелых анархистов, на целую нацию, вряд ли представляется возможным. Поэтому следует надеяться, что австро-венгерское правительство не только не предпримет никаких репрессалий против Сербии и сербской народности в Боснии и Герцеговине, но и сумеет положить предел происходящим ныне в монархии анти-сербским враждебным демонстрациям, которые могли бы повести к крайне нежелательным последствиям.

Помощник статс-секретаря не мог со мною не согласиться и сказал, что сербскому правительству следовало бы с своей стороны оказать полное содействие к расследованию всего того, что могло бы способствовать выяснению подробностей сараевского злодеяния,

[1] Ср. B. D., v. XI, № 22, из которого явствует, что беседа происходила 30/17 июня.

и в случае если бы слухи о том, что злодеяние это было действительно подготовлено в Сербии, подтвердились, подвергнуть виновных строгому наказанию.

Примите и пр.

С. Свербеев.

№ 63. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 133. С парохода „Александр", 2 июля/19 июня 1914 г.

Сегодня французский посланник вручил министру иностранных дел коллективную ноту, подписанную представителями шести держав, о том, что державы одобрили соглашение, заключенное в Корфу относительно будущего статута Эпира.

Урусов.

№ 64. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 40. 2 июля/19 июня 1914 г.[1]

Чем ближе время коронации, тем больше обнаруживается несостоятельность нынешнего персидского правительства в деле упрочения государственного порядка и неспособность справиться с создавшимся положением, угрожающим серьезными осложнениями в будущем. Нежелание регента перед уходом своим предпринимать какие-либо коренные реформы или намечать программу управления передается членам кабинета, заботящимся лишь о сохранении своих постов и избегающим всего, что может навлечь на них ответственность. Даже наиболее деятельный и способный из министров Восуг-эд-Доуле старательно воздерживается от каких бы то ни было активных действий, видимо, опасаясь скомпрометировать себя в глазах общественного мнения, а может быть, рассчитывая войти в состав будущего правительства, для каковой цели уже дважды подавал в отставку, которая впрочем не была принята. Дабы оправдать свою неспособность и бездеятельность, члены правительства стали в последнее время прибегать к клеветническим нападкам на Россию, ссылаясь на невозможность управлять при создавшемся благодаря нашим противозаконным действиям положении. Недовольство русской политикой приняло конкретную форму

[1] Лит. копия, с которой печатается настоящая депеша, ошибочно датирована 19 июля ст. ст. Как явствует из содержания ее и из того, что следующие номера депеш относятся к концу июня ст. ст., она должна быть датирована 19 июня ст. ст.

устных и письменных протестов, предъявляемых мне почти ежедневно по поводу самых невинных действий наших консулов, в коих можно найти намек на вмешательство во внутренние дела Персии.

Зачинщиком в подобного рода выступлениях является, как мне передавали, сын председателя совета министров Моин-оль-Везаре, состоящий директором канцелярии министерства иностранных дел и фактически распоряжающийся, ввиду преклонного возраста отца, всеми делами министерства иностранных дел и кабинета. Этот типичный, европейски образованный представитель младоперсов не без основания считается нашим убежденным противником и руководителем анти-русской агитации. Его перу, между прочим, приписывается памятная записка, врученная мне на-днях министром иностранных дел и о которой я имел честь донести вашему высокопревосходительству телеграммой от [28] 15 июня[1]. Записка эта, в копии прилагаемая, начинается с заверений в чувствах дружбы и расположения, питаемых Персией к России, и говорит о желательности, ввиду предстоящей коронации, установления в стране спокойствия и устранения существующих затруднений. В числе таковых указывается на вмешательство русских консульских чинов в финансовое управление страны, нарушающее священные права Персии. Шахское правительство рассчитывало на помощь России для организации своих финансов, между тем действия консулов внесли в это дело полное расстройство. Ввиду сего шахское правительство просит о предписании русским консулам не вмешиваться в деятельность финансовых агентов.

Переходя к земельному вопросу, записка отмечает незаконное, вопреки статье 5 Туркманчайского договора, приобретение и арендование русскими подданными земельных имуществ. Ссылаясь на высказанный персидским правительством в последней своей ноте (приложение к депеше моей от [30] 17 апреля с. г. № 26)[2] взгляд на этот вопрос, признававшийся якобы всеми русскими представителями, министр иностранных дел просит нас положить конец подобным незаконным сделкам. Он также выражает сожаление, что мною подвергнут сомнению принцип, освященный договором, обычаем и традициями, и предостерегает от многочисленных затруднений, кои вызывает применение сказанного нововведения.

---

[1] См. № 5.

[2] См. т. II, № 334.

Далее записка останавливается на вредной деятельности азербайджанского генерал-губернатора Шоджа-эд-Доуле, послужившего орудием для создания всех нынешних недоразумений. Персидское правительство с сожалением констатирует, что Шоджа-эд-Доуле, опираясь на русского генерального консула, проявил отсутствие лояльности при распубликовании манифеста о коронации его величества шаха и неповиновение относительно центрального правительства в вопросе о выборах. Непокорность свою он довел до того, что приступил самостоятельно к сбору податей, заявляя, что пользуется поддержкой русских консулов. Ввиду сего персидское правительство рассчитывает, что консулам будут даны инструкции не оказывать дальнейшей поддержки лицам, подобным Шоджа-эд-Доуле. Затем в записке говорится, что коронация явится самым подходящим моментом для осуществления обещания нашего об эвакуации русских войск, каковая мера произведет отличное впечатление на общественное мнение и будет способствовать увеличению симпатии, которая должна существовать между обоими государствами. В заключение выражается надежда, что с удалением войск императорское правительство не будет противиться усилению жандармерии, которая имеет задачей поддержание порядка и охрану дорог и развитие коей встречало с нашей стороны серьезное противодействие.

Передавая мне эту памятную записку, Восуг-эд-Доуле объяснил, что делаемый им по поручению кабинета шаг есть дружественное ходатайство войти в положение шахского правительства, поставленного в крайне тяжелые условия благодаря накопившимся затруднениям, которые могут быть разрешены, лишь если императорское правительство откажется от своих притязаний и облегчит задачу юного монарха Персии. Восуг-эд-Доуле прибавил, что копия записки сообщается им одновременно великобританскому посланнику, с просьбой оказать содействие к улажению существующих между Россией и Персией недоразумений.

Я ответил министру, что императорское правительство до сих пор руководствовалось чувствами неизменной благожелательности к Персии и молодому ее монарху, но что шахское правительство не всегда ценило такое отношение. Так, за последнее время шахское правительство систематически отклоняло разрешение всех наших спорных вопросов и все, имеющее характер торгово-промышленных концессий, например, пароходство по Урмийскому озеру. Даже и в настоящем случае обращение к посредничеству англичан в чисто русско-персидском споре указывает на отсутствие друже-

ственных чувств и доверия к России. Предъявляемые вами протесты,—продолжал я,—не заключающие никаких примирительных предложений, подтверждают это настроение шахского правительства и показывают, что в Тегеране пока не хотят считаться с нашими правами. Восуг-эд-Доуле возразил, что шахское правительство, напротив, вполне понимает необходимость компромисса и считает, что таковой возможен почти по всем вопросам, но хотело бы до коронации получить от нас успокоительные в указанном им смысле заверения. Так, персидское правительство готово будто бы согласиться на внесение налогов в Северной Персии в Учетный банк, если мы восстановим старый порядок взыскания малиата и податей через финансовых агентов без участия консулов. На мое замечание о противодействии главного казначея нашему банку и нежелании его итти на соглашение Восуг-эд-Доуле заявил, что кабинет даст г. Морнару желательные нам указания. Он согласился также предложить своим коллегам, чтобы нашим консулам было предоставлено известное право контроля в деле уплаты налогов русско-подданными.

По вопросу о землевладении русско-подданных министр заметил, что императорское правительство всегда разделяло взгляд шахского правительства на ограничительное значение ст. 5 Туркманчайского трактата, что никто из моих предшественников никогда не оспаривал этого взгляда и что, наконец, камергер Поклевский при обсуждении вопроса о будущем займе Персии предлагал, чтобы право приобретения земельной собственности было предоставлено русским подданным в виде компенсации за эту уступку. На мое возражение, что в Туркманчайском договоре нет постановления о запрещении русским приобретать земли и что персидское правительство не имеет письменного доказательства самоограничения, Восуг-эд-Доуле заявил, что они готовы примириться с фактом существования русской земельной собственности, что же касается толкования нами Туркманчайского договора, то притязание наше может быть пересмотрено и, он надеется, решено в благоприятном для России смысле.

Вопрос о Шоджа-эд-Доуле, по словам персидского министра, является кардинальным, ибо значительная часть совершаемых беззаконий объясняется попустительством и подстрекательством. Посему шахское правительство настаивает на удалении названного генерал-губернатора и на возвращении к освященному традициями порядку назначения в Тавриз велиагда, а пишкаром к нему—принца Ферман-Ферма. Предлагаемую нами кандидатуру Решид-оль-Молька

персидское правительство вынуждено отклонить, ибо это лицо пользуется в Тегеране весьма нелестной репутацией и в случае назначения создаст в Азербайджане настоящую анархию.

По поводу нашего нежелания видеть усиление жандармерии в ущерб казачьей бригаде и распространения ее компетенции на Северную Персию Восуг-эд-Доуле заявил, что может почти поручиться, что его правительство отнесется сочувственно к идее параллельного увеличения и реорганизации бригады. Что касается просимой персами эвакуации, то, не настаивая на немедленном ее осуществлении, шахское правительство надеется получить от нас успокоительное заверение, что данное раньше обещание будет исполнено при первой возможности.

Я обещал министру иностранных дел передать вашему высокопревосходительству содержание сообщенной мне памятной записки и устных его заявлений, выразив сожаление, что последние не были также изложены письменно. Мой собеседник просил от имени регента по возможности ускорить с нашим ответом, дабы облегчить положение правительства перед коронацией и созывом меджлиса.

Трудно сказать, в какой мере Восуг-эд-Доуле явился выразителем взглядов персидского правительства и действительно ли последнее готово пойти хоть отчасти навстречу нашим пожеланиям. Во всяком случае едва ли можно довольствоваться устными обещаниями персов, и следовало бы получить от них письменные гарантии обещанных уступок. С этой целью я позволил себе запросить по телеграфу указаний вашего высокопревосходительства. Конечно, для нас в данном случае было бы весьма ценно заручиться поддержкой англичан или, по крайней мере, иметь уверенность, что они отнесутся пассивно к нашим препирательствам с персами. К сожалению, из беседы с английским посланником, доложенной мною в телеграмме от [30] 17 июня[1], я узнал, что лондонский кабинет присоединился к протестам персидского правительства и выступил с самостоятельным представлением против нашей деятельности в Азербайджане. В разговоре со мною сэр В. Тоунлей проводил мысль, что великобританское правительство обязано, в силу соглашения 1907 г., предостеречь нас против действий, идущих вразрез с этим соглашением, например, взимания налогов с русско-подданных при посредстве консулов. По его мнению, такая мера, весьма несправедливая и нарушающая верховные права Персии, может, кроме того, подать повод и другим

---

[1] См. № 38.

иностранным представителям, как то уже сделал турецкий посол, требовать подобных же преимуществ для своих подданных; это, конечно, внесет расстройство в финансовое хозяйство Персии и явится серьезным нарушением ее суверенитета.

По поводу высказанного нами пожелания, чтобы налоги в Северной Персии вносились в Учетный банк, мой английский коллега не сделал возражений, ограничившись заявлением, что нужно прежде всего, чтобы персидское казначейство возместило данный ему Шахиншахским банком крупный аванс. По его мнению, названный банк уже пошел навстречу нашему банку, предложив ему принять участие в финансовых операциях персидского казначейства, например, в деле поставки серебра. Однако, согласно имеющимся у него сведениям, Учетный банк предъявил столь крайние условия, что на них едва ли согласится казначейство, даже если бы английский банк встал на нашу сторону. Ввиду сего нельзя осуждать главного казначея за предпочтение, оказываемое им Шахиншахскому банку, соблюдающему не только свои, но и персидские интересы и предоставляющему казначейству возможно льготные условия и облегчения при всех совершаемых между ними финансовых сделках.

Попутно сэр В. Тоунлей затронул вопрос о персидско-подданных, находящихся под русским покровительством. Лица эти, по его словам, приносят большой вред, ибо, опираясь на поддержку консулов и пользуясь своим экстерриториальным положением, ведут борьбу с правительством, которое лишено возможности принять против них принудительные меры. Вообще система покровительства в Персии, как она нами практикуется,—большое зло и основа многих злоупотреблений, и было бы желательно, чтобы русское правительство не принимало новых персидских протеже и даже сократило число существующих.

Перейдя затем к земельному вопросу, мой собеседник заметил, что великобританское правительство всегда считало, что Туркманчайский договор не дает права иностранцам владеть землею, что впрочем подтверждается отсутствием в договоре постановления, разрешающего землевладение. Исходя из этого положения, представители Великобритании в Персии всегда строго следили за тем, чтобы их соотечественники не приобретали земель. Между тем предложенное нами новое толкование трактата освобождает русских подданных от такого ограничения и ставит их в привилегированное сравнительно с другими иностранцами положение. Предоставление подобного права русским подданным будет иметь,

кроме того, важные политические последствия, а именно поведет к постепенному экономическому захвату нами Северной Персии, что не соответствует принятому державами-покровительницами обязательству ограждать независимость этой страны.

Не находя нужным вступать в пререкания по поводу высказанных великобританским посланником соображений ввиду их слишком субъективного характера, я поблагодарил его за доброе участие и, со своей стороны, попросил его поддержки, дабы побудить шахское правительство встать на более реальную почву и посоветовать ему войти с нами в соглашение. Сэр В. Тоунлей заявил, что соглашение, по его мнению, вполне возможно, если мы не будем слишком притязательны, особенно в вопросах, где затронут персидский суверенитет. Это тем более вероятно, что правительство, как ему известно, предъявило протест, чтобы дать удовлетворение общественному мнению и ослабить нападки будущего меджлиса, но в душе очень желает уладить русско-персидские разногласия, хорошо понимая, что без некоторых уступок и компенсаций это не удастся. По сведениям моего английского товарища, первоначальная нота, заготовленная персами, была редактирована в гораздо более решительной форме и содержала перечисление разных обид, якобы нанесенных нами Персии за последние годы. Регент однако выразил опасение, что нота эта не будет нами принята и вызовет лишь новые пререкания и обострение. Вследствие сего был составлен препровождаемый меморандум, более безобидный по тону и охватывающий лишь последние факты. Сначала персидское правительство хотело включить в меморандум также протест против английских правонарушений на юге Персии, но затем отказалось от этой мысли, не найдя достаточных поводов, кроме существования английской почты на Персидском заливе, для двойного протеста.

Примите и пр. Коростовец.

Приложение.

Памятная записка персидского министерства иностранных дел российскому посланнику в Тегеране Коростовцу.

25/12 июня 1914 г.

A la veille du couronnement de sa majesté impériale le schah le gouvernement persan attache une grande importance à ce que cette solennité ait lieu dans une atmosphère de calme et de tranquillité; il a également à coeur de pouvoir dans la mesure du possible, résoudre les difficultés, qui gênent la marche des affaires du pays.

Or, les rapports d'amitié et de bon voisinage qui existent entre la Russie et la Perse et l'unité des vues des deux gouvernements sur la manière de voir précitée, autorise sans doute le gouvernement persan à attendre de la part du gouvernement impérial de Russie des marques sensibles d'un concours tout particulier pour atteindre ce but.

Le ministre des affaires étrangères de Perse croit, en conséquence, devoir signaler au ministre de Russie, avec franchise, les difficultés que rencontre le gouvernement persan et il a recours aux bons offices de son excellence pour appeler sur cette situation l'attention sérieuse de son gouvernement.

Monsieur Korostovetz n'ignore pas, en effet, l'ingérence des agents consulaires russes dans les affaires financières du pays en Azerbaidjan et ailleurs. Son attention a été maintes fois, tant par écrit que verbalement, attirée sur ces procédés illégaux, qui constituent tous une violation des droits les plus sacrés et essentiels de la Perse; son excellence a été priée instamment de remédier, dans le plus bref delai, à un état de choses contraire à l'indépendance de la Perse et incompatible avec les assurances données par la Russie.

Malgré les représentations du gouvernement impérial de Perse, la situation ne s'est point améliorée et les dits procédés — loin de prendre fin — s'accentuent; ces incidents, qui se répètent ont d'ailleurs soulevé une agitation dans l'esprit public, qu'il serait nécessaire de calmer dans l'intérêt même des bonnes relations entre les deux pays.

La Perse, qui par suite des assurances amicales données par la Russie, avait la conviction de pouvoir compter sur le concours de celle-ci pour continuer tranquillement son organisation financière, déjà en bonne marche, et sortir de son embarras financier, se trouve aujourd'hui, à son plus grand étonnement et regret, en proie à une désorganisation de ses finances, suscitée par les ingérences injustifiables des autorités consulaires russes, et le gouvernement persan se trouve de ce fait — surtout en Azerbaidjan — en présence d'un état de choses anormal et intolérable, qui l'empêche de rétablir sa situation financière.

Woussoug-ed-Dowleh a donc l'honneur de prier instamment le ministre de Russie — afin de remédier aux mauvais effets résultant du retard apporté à la satisfaction des justes demandes, formulées par le gouvernement persan — de provoquer d'urgence les ordres les plus précis aux agents consulaires russes en Azerbaidjan et ailleurs de s'abstenir de toute intervention dans les affaires financières du pays et de ne point entraver les agents financiers de la Perse dans le libre exercice de leurs fonctions.

Depuis quelque temps, les sujets russes se livrent avec l'appui des agents consulaires russes, à l'achat et à la location de propriétés foncières en Perse en violation de l'article 5 du traité de Turkmentchai, consacré par les usages déjà très anciens. Cette manière d'agir a fait l'objet de nombreuses communications à la légation impériale de Russie; le ministre des affaires étrangères a fait appel aux bons offices de Monsieur Korostovetz pour mettre terme à ces transactions illégales, il s'est efforcé à exprimer par sa note du 15 Djemadi-ol-aval sub № 295/2173 le point de vue de son gouvernement, qui a été d'ailleurs apprécié et confirmé par les prédécesseurs de Monsieur Korostovetz. Il est à regretter que son excellence, au lieu d'interdire à ses ressortissants l'achat et la location d'immeubles, ait mis en question, dans ses réponses, les principes mêmes posés par les traités, les usages, la tradition. Woussoug-ed-Dowleh n'a pas besoin d'énumérer les inconvénients et les conséquences fâcheuses, qui doivent résulter du fait de la continuation de cet état de choses, et les difficultés que pourrait entraîner cette innovation au point de vue judiciaire et administratif. Mais il a encore une fois recours à l'esprit d'équité du ministre de Russie pour arriver sans délai à un accord basé sur les traités.

Le ministre des affaires étrangères doit également saisir cette occasion d'appeler l'attention du ministre de Russie sur le rôle joué dans ces derniers temps par Samad Khan Chodja-ed-Dowleh, qui a été en effet un instrument pour la création des difficultés récentes. Le gouvernement persan constate avec regret que Chodja-ed-Dowleh, se portant fort de l'appui du consul général de Russie, a même abusé de cet appui en manifestant son manque de loyauté à l'occasion de la proclamation du couronnement de sa majesté impériale le schah et sa désobéissance aux ordres du gouvernement central concernant les élections. Il a poussé l'insubordination jusqu'à percevoir lui-même et illégalement les impôts en déclarant clairement qu'en cela il est soutenu par les autorités consulaires russes.

Le gouvernement persan, reposant une entière confiance en l'esprit de justice du gouvernement impérial de Russie, s'attend à ce que des instructions formelles soient données aux autorités consulaires de Russie de ne plus permettre à des personnes comme Chodja-ed-Dowleh de se croire appuyées par elles et de troubler ainsi l'harmonie qui doit exister entre les deux pays voisins.

En conclusion, le ministre des affaires étrangères se permet de faire remarquer au ministre de Russie que l'occasion du couronnement serait le moment le plus opportun pour remplir la promesse d'évacuation du territoire persan par les troupes russes. Cela ne manquerait pas

de produire une excellente impression sur l'opinion publique et contribuerait à augmenter la sympathie, qui doit exister entre les deux peuples et qu'on doit par tous les moyens entretenir dans l'intérêt des bonnes relations entre les deux pays.

D'autre part, Monsieur Korostovetz le sait, le gouvernement de St.-Pétersbourg a déclaré, qu'à son opinion, on ne pourrait procéder à l'évacuation de certaines régions à moins d'être assuré que la sécurité n'y serait point ébranlée après le retrait des troupes russes. Or, les mesures les mieux calculées à atteindre la consolidation de la sécurité et la protection des routes commerciales, telles l'organisation des finances et la création de la gendarmerie pour maintenir l'ordre dans toute l'étendue de l'empire, sont malheureusement entravées. D'un côté se produisent les ingérences, exposées ci-dessus, dans l'organisation financière, qui en reste paralysée, et d'autre part l'absence d'un concours cordial à l'extension de la gendarmerie dans tout le pays, rend difficile et précaire le développement de cette force qui, au début de sa formation, inspire déjà la confiance de pouvoir parfaitement remplir sa mission.

En portant ce qui précède à la connaissance du ministre de Russie Woussoug-ed-Dowleh, confiant dans les sentiments de conciliation et de sympathie du gouvernement impérial de Russie, prie Monsieur Korostovetz d'appeler l'attention sérieuse de son gouvernement sur un état de choses devenu intolérable pour la Perse, et il a le ferme espoir que le gouvernement de St.-Pétersbourg voudra bien y faire mettre terme d'urgence.

Перевод.

Накануне коронации его императорского величества шаха персидское правительство придает большое значение тому, чтобы это торжество состоялось в атмосфере тишины и спокойствия; равным образом оно озабочено разрешением в пределах возможного затруднений, которые мешают ходу дела в стране.

В то же время отношения дружбы и доброго соседства, существующие между Россией и Персией, и единство взглядов обоих правительств на вышеизложенное, несомненно, позволяют персидскому правительству ожидать со стороны императорского российского правительства ощутительной и существенной помощи в достижении этой цели.

Министр иностранных дел Персии считает поэтому своим долгом откровенно указать, российскому посланнику на трудности, встречаемые персидским правительством, и прибегает к добрым услугам его превосходительства, чтобы привлечь серьезное внимание его правительства на это положение.

Г. Коростовец в самом деле не может не знать о вмешательстве русских консульских агентов в финансовом деле страны в Азербайджане и в других местах. Много раз обращали его внимание как в письменной, так и в устной форме на эти незаконные действия, из коих каждое представляет собой нарушение священнейших и существенных прав Персии; к его превосходительству

обращалась настоятельная просьба положить конец в кратчайший срок положению вещей, противоречащему независимости Персии и несовместимому с заверениями, данными Россией.

Несмотря на представления императорского персидского правительства, положение не улучшилось, и указанные действия не только не прекратились, но приобрели еще более острый характер; эти повторные инциденты создали вдобавок возбуждение общественного мнения, которое было бы необходимо успокоить в интересах добрых отношений между двумя странами.

Персия, убежденная вследствие дружественных заверений, данных Россией, в возможности рассчитывать на помощь этой последней, чтобы спокойно продолжать организацию своих финансов, находящуюся уже на верном пути, и выйти из своих финансовых затруднений, оказывается ныне, к величайшему своему изумлению и сожалению, жертвой дезорганизованности своих финансов, вызванной ничем не оправдываемым вмешательством русских консульских властей; этим персидское правительство поставлено—особенно в Азербайджане—перед фактом ненормального и невыносимого положения вещей, мешающего ему привести свое финансовое положение в порядок.

Восуг-эд-Доуле имеет поэтому честь настоятельно просить российского посланника, в целях устранения дурных последствий, происходящих от замедления в удовлетворении справедливых пожеланий, формулированных персидским правительством, дать срочно самые определенные предписания русским консульским агентам в Азербайджане и в других местах воздерживаться от всякого вмешательства в финансовые дела страны и не препятствовать финансовым агентам Персии в свободном выполнении их обязанностей.

С некоторого времени русские подданные занимаются при поддержке русских консульских агентов куплей и арендой земельной собственности в Персии в нарушение ст. 5 Туркманчайского договора, освященной уже весьма древними обычаями. Такой образ действия был предметом многочисленных сообщений, врученных российской императорской миссии; министр иностранных дел апеллировал к добрым услугам г. Коростовца, чтобы положить предел этим незаконным сделкам; он старался изложить в своей ноте от 15 джемади-ол-авала за № 295/2173 точку зрения своего правительства, которая была, кстати сказать, оценена и подтверждена предшественниками г. Коростовца. Достойно сожаления, что его превосходительство, вместо того чтобы запретить своим соотечественникам куплю и аренду недвижимостей, поставил в своих ответах под вопрос самые принципы, установленные договорами, обычаями, традицией. Восуг-эд-Доуле считает ненужным перечислять затруднения и досадные последствия, которые должны произойти из фактического продолжения такого порядка вещей, и трудности, которые может вызвать это нововведение с точки зрения юридической и административной. Но он еще раз обращается к чувству справедливости российского посланника, чтобы достигнуть без замедления соглашения, основанного на договорах.

Министр иностранных дел должен равным образом воспользоваться этим случаем, чтобы привлечь внимание российского посланника к роли, сыгранной за последнее время Самад-ханом Шоджа-эд-Доуле, который действительно является орудием для создания недавних затруднений. Персидское правительство констатирует с сожалением, что Шоджа-эд-Доуле открыто опирался на поддержку российского генерального консула, даже злоупотребил этой поддержкой, проявив свою недостаточную лояльность по случаю приглашения коронации его

императорского величества шаха и свое неповиновение приказаниям центрального правительства относительно выборов. Он простер свое неповиновение до того, что взимал самолично и незаконно налоги, откровенно заявляя, что в этом он поддерживается русскими консульскими властями.

Персидское правительство, питая полное доверие к справедливости императорского российского правительства, рассчитывает, что русским консульским властям будут даны формальные инструкции, не допускающие впредь, чтобы такие лица, как Шоджа-эд-Доуле, чувствовали за собой их поддержку и тем самым нарушали гармонию, которая должна существовать между двумя соседними странами.

В заключение министр иностранных дел позволяет себе заметить российскому посланнику, что коронация явилась бы наиболее удобным поводом для выполнения обещания об эвакуации русскими войсками персидской территории. Это не преминуло бы произвести прекрасное впечатление на общественное мнение и способствовало бы увеличению симпатий, которые должны существовать между двумя народами и должны поддерживаться всеми средствами, в интересах добрых отношений между двумя странами.

С другой стороны, г. Коростовец знает о заявлении санкт-петербургского правительства, что, по его мнению, было бы невозможно произвести эвакуацию некоторых районов, покуда не будет уверенности, что безопасность не будет нарушена после ухода русских войск. А между тем мероприятия, при помощи которых лучше всего можно было бы достигнуть упрочения безопасности и защиты торговых путей, как-то: упорядочение финансов и создание жандармерии для поддержания порядка на всем протяжении империи, к несчастью, встречают препятствия. С одной стороны, производятся упомянутые выше вмешательства в финансовую организацию, которая ими парализуется, а с другой стороны, отсутствие сердечной помощи в распространении деятельности жандармерии на всю страну делает трудным и непрочным развитие этой силы, с самого начала своего формирования уже внушившей доверие к ее способности успешно выполнять свое назначение.

Доводя о вышеизложенном до сведения российского посланника, Восуг-эд-Доуле, относясь с доверием к чувствам доброжелательности и симпатии императорского российского правительства, просит г. Коростовца обратить серьезное внимание его правительства на положение вещей, ставшее нестерпимым для Персии, и питает твердую надежду, что санкт-петербургское правительство соблаговолит срочно положить этому предел.

№ 65. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

3 июля/20 июня 1914 г.

His Majesty's Government have had under their consideration the scheme put forward by the Austrian and Italian Governments for the organization and training of an Albanian military force at Scutari[1], which formed the subject of a conversation between His Excellency the Imperial Minister for Foreign Affairs and Mr. O'Beirne on June 27/14.

---

[1] См. № 27.

Provided that it be made clear how it is proposed to provide for the necessary expenditure, His Majesty's Government are prepared to agree to the scheme being proceeded with.

It appears to His Majesty's Government however, to be desirable to establish a distinction between the duties of the existing gendarmerie and those of the force to be created, in order to avoid misunderstandings which might lead to the resignation of the Dutch officers or the collapse of their work [1].

Перевод.

Правительство его величества рассмотрело выдвинутый австрийским и итальянским правительствами проект организации и обучения албанской воинской части в Скутари, что составило предмет разговора между его превосходительством императорским министром иностранных дел и г. О'Бейрном 27/14 июня.

При условии, что будет выяснено, каким образом предполагается покрыть необходимые издержки, правительство его величества готово согласиться, чтобы было приступлено к осуществлению этого плана.

Однако правительству его величества кажется желательным установить разграничение между обязанностями ныне существующей жандармерии и той воинской части, которую предполагается создать, дабы предупредить недоразумения, которые могли бы привести к отставке голландских офицеров или к крушению их работы.

№ 66. Министр иностранных дел послу в Вене Шебеко.

Телеграмма № 1319. 3 июля/20 июня 1914 г.

Удивляемся неполучению известий от консула в Сараеве [2]. Здешний сербский посланник ввиду неимения Сербией консульских представителей в Боснии обратился к нам с просьбою о выяснении судьбы его родственников Евтановича и доктора Сршкича, находящихся в Боснии и, по слухам, арестованных. Благоволите по возможности о них осведомиться и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

---

[1] Позднее пам. запиской от 17/4 июля Бьюкенен сообщил Сазонову, что Грей поручил полковнику Филиппсу, в случае согласия начальников европейских частей в Скутари оказать ему содействие, приступить к подготовительным мерам по организации милиции. Реализация этого плана ставилась однако в зависимость от изыскания денежных средств, причем указывалось на необходимость для этой цели соглашения „между Парижем и Веной по вопросу об Албанском банке". — Из памятной записки Бьюкенена от 22/9 июля явствует, что начальники европейских частей выразили сомнение в самой возможности организации милиции.

[2] См. ниже № 89, а также донесенiе генерального консула в Сараеве Игельстрома за № 5 (№ 120) и донесение второго секретаря посольства в Вене Гагарина (приложение к № 248).

№ 67. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

⁄. Телеграмма № 1320. 3 июля/20 июня 1914 г.

Телеграмма № 299 [1] получена.

Можете ответить китайцам касательно кобдо-алтайского разграничения в предположенном вами смысле.

Сазонов.

№ 68. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 171 [2]. 3 июля/20 июня 1914 г.

Телеграмму № 1297 [3] получил. Копия в Лондон.

Тотчас ознакомил с ее содержанием министра иностранных дел. Тождественное сообщение было сделано здесь во вторник итальянским поверенным в делах и поддержано австро-венгерским послом [4]. Маржери сказал мне, что французское правительство вполне присоединяется к соображениям, высказанным вами итальянскому послу. Кроме того, здесь думают, что австро-итальянское предложение является по отношению к Румынии ловушкою, ибо принятие оного неминуемо привело бы румынское правительство к столкновению с интересами Сербии и Греции. Поэтому парижский кабинет весьма мало склонен к этой комбинации. Маржери имел разговор о ней со здешним румынским посланником, который лично отнесся к ней отрицательно, но до сих пор здесь неизвестно мнение о ней румынского правительства.

Извольский.

№ 69. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 173. 3 июля/20 июня 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 1299 [5].

Боюсь недоразумения. Для успеха какой бы то ни было болгарской операции на парижском рынке необходимо, чтобы находящиеся в России боны болгарского казначейства не были предъявлены к оплате из первого предстоящего выпуска и чтобы они

---

[1] См. № 20.

[2] На подлиннике помета : „Передана в Бухарест [14] 1 июля 1914 г. № 1405“.

[3] См. № 41.

[4] Одновременно с этим телеграммой от 4 июля/21 июня за № 148, расшифрованной в российском м-ве ин. дел, Берхтольд предписал Чернину убедить Сазонова в желательности посылки румынских войск в Албанию.

[5] См. № 42.

были, в той или иной форме, отсрочены[1]. Представляется желательным объяснить болгарам, что такая отсрочка возможна лишь в случае заключения сделки с французами, а сим последним необходимо заявить о нашем согласии на отсрочку, хотя бы до второго выпуска, благодаря чему мы сохраним средства давления на болгар[2].

Извольский.

№ 70. Посол в Берлине министру иностранных дел.

½. Письмо. 3 июля/20 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Беседуя с управляющим департаментом иностранных дел об отношении здешней печати к последним событиям в Австро-Венгрии, я воспользовался случаем, чтобы, затронув вопрос о зачастую недружелюбном отношении немецких органов печати за границей, обратить внимание г. Циммермана на враждебный по отношению к нам характер деятельности телеграфного агентства „Deutsche Japan Post“. При этом я привел ему между прочим в виде примера перечисленные в секретной телеграмме гофмейстера Малевского-Малевича от 19/6 июня № 83[3] тенденциозно-лживые сообщения названного агентства.

Мой собеседник отозвался полным незнанием сообщаемого ему факта и обещал навести справку и одновременно обсудить, что он мог бы предпринять в данном вопросе. Вместе с тем Циммерман указал однако же на желательность обуздания и нашей прессы, которая, по его словам, пользуется каждым случаем, чтобы совершенно безосновательно нападать на Германию. На это я заметил помощнику статс-секретаря, что наша пресса, насколько мне известно, значительно успокоилась за последнее время[4].

Примите и пр.

С. Свербеев.

---

[1] Речь идет об обязательстве, данном в 1912 г. Болгарией уплатить по бонам казначейства из сумм, полученных от первой финансовой операции, которую Болгарии удастся осуществить. Общая задолженность Болгарии по бонам выражалась в сумме: 75 млн. фр.—Франции и 45 млн. фр.—России.

[2] Ср. тел. Савинского от 12 июня/30 мая за № 108, т. III, № 227.

[3] Телеграмма и последовавшая за ней депеша от 20/7 июня за № 45 касались „крайне тенденциозных злонамеренных сведений“ названного немецкого телеграфного агентства о России.

[4] По поводу анти-русской деятельности „Deutsche Japan Post“ Малевский имел беседу с германским послом Рексом (депеша Малевского от 4 июля/21 июня за № 49).

№ 71. Вице-консул в Хое в I департамент министерства иностранных дел.

Телеграмма № 121. 3 июля/20 июня 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Копии в Тифлис, Тавриз, Маку и Урмию.

Согласно выраженного Олферьевым желания, я предложил Саид-бею отправиться в Маку для представления новому консулу[1], снабдив его официальным письмом к Олферьеву. Близ селенья Мухур Саид-бей и сопровождавшие его 7 человек вчера вечером убиты шайкой макинцев, под начальством личных слуг сердара, Бехрам Аги, Мир-Абдуллы и известного Али-бея[2].

Систематическое истребление сердаром лиц, находящихся под нашим покровительством, нарушая отобранные от (него) императорским министерством письменные обязательства, производит крайне невыгодное для нас впечатление на население, тем более, что всем было известно, что Саид-бей отправился в Маку по требованию консулов.

Полагал бы, что убийцы Саид-бея должны быть подвергнуты самому суровому наказанию, иначе мы окончательно потеряем доверие ищущих нашего покровительства туземцев, что едва ли совместимо с нашим общим положением в Азербайджане.

Для предупреждения новых жертв среди наших сторонников в Маку было бы своевременно положить предел принятой сердаром системе, чего можно достигнуть лишь спешной посылкой отряда в Маку.

Как я неоднократно доносил, никакие переговоры с макинцами не дадут почетных для нас результатов[3].

Чирков.

---

[1] Учреждение русского консульства в Маку состоялось весной 1914 г. Первым консулом был Олферьев.

[2] Ханство макинское, занимавшее крайний северо-западный угол Персии, представляло полунезависимое владение и состояло из ряда более или менее крупных владений местных „ханов". Возглавлялось с 1895 г. самым крупным из них сердаром Муртуза Кули-ханом, род которого приобрел во второй половине XIX и в нач. XX в. постоянно возраставшую власть над краем, с постепенным распространением ее на ближайшие соседние местности.

[3] Телеграммой от 4 июля/21 июня за № 122 Чирков дополнительно сообщил, что представители различных курдских племен заявили ему протест по поводу убийства Саид-бея, выразив надежду, что российское правительство примет меры к наказанию убийц, и предупредили его, что в связи с продолжающимся истреблением макинцами людей и семьи Саид-бея они поспешат на выручку осажденным и ответят макинцам насилием, если убийцы не будут казнены.

№ 72. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 308. 3 июля/20 июня 1914 г.

Получил письмо № 365 [1].

Получил сегодня сообщение вай цзяо-бу с отказом принять наши условия пересмотра специфических ставок морского тарифа 1902 г. [2]. По словам японского поверенного в делах, китайцы также отказались принять японские условия [3]. Подробности почтой.

Граве.

№ 73. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 170. 3 июля/20 июня 1914 г.

Доверительно. В. спешное.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма от [26] 13 сего июня за № 452 [4] имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что с моей стороны не встречается принципиальных возражений против осуществления вновь возникшего в настоящее время проекта о приобретении Салоникского банка, по слиянии его с турецким Национальным банком, особым международным консорциумом с участием в сем последнем Русско-азиатского банка.

Вместе с тем, в полном соответствии с ранее высказанным вашим высокопревосходительством по сему предмету мнением, я полагал бы крайне желательным достигнуть возможного усиления русского представительства в совете приобретаемого банка, а также обеспечить, если не вполне самостоятельное, то преобладающее значение нашим представителям в армянских отделениях.

Согласно пожеланию вашего высокопревосходительства, я не замедлю поставить Русско-азиатский банк в известность об изложенных соображениях министерства финансов по сему вопросу.

Примите и пр.

П. Барк.

---

[1] Письмо Сазонова от 27/14 мая за № 365 выставляло в качестве условий согласия на пересмотр тарифа, кроме сохранения льготных тарифов, установленных с 1860 г. для сухопутной русско-китайской торговли и транзита, отказ Китая от возражений „против существования в автономной Монголии внутреннего обложения торговли с Китаем“.

[2] Вопрос о повышении специфических ставок был поднят Китаем в 1912 г.

[3] Телеграммой от 18/5 июля за № 349 Граве сообщал, что японское правительство предполагает оставить китайское сообщение об этом без ответа „и будет ожидать нового обращения китайского правительства по сему вопросу“.

[4] См. № 21, стр. 44.

№ 74. И. д. начальника генерального штаба министру иностранных дел.

Письмо № 3244. 3 июля/20 июня 1914 г.

По отделу генерал-квартирмейстера. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В ответ на письмо за № 424 [1] имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что в [30] 17 день сего июня месяца государю императору благоугодно было выразить свое принципиальное согласие на внесение в военный совет представления об уступке за плату для нужд сербской армии из запасов нашего военного ведомства 120 тыс. трехлинейных винтовок и 120 млн. патронов с тупоконечными пулями к ним [2].

Об изложенном одновременно с сим сообщается начальнику главного артиллерийского управления на зависящее распоряжение, ввиду чего прошу меня уведомить, на кого будет возложен сербским правительством прием винтовок и патронов в местах сдачи.

О времени и месте сдачи, а также о стоимости уступаемого имущества я не премину дополнительно поставить ваше высокопревосходительство в известность.

Что же касается вопроса об уступке просимых сербским правительством орудий со снарядами, а также предметов интендантского и инженерного довольствий, то в настоящее время отпуск таковых, без ущерба для русской армии, не представляется возможным [3].

Примите и пр.

М. Беляев.

№ 75. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

4 июля/21 июня 1914 г.

Sir Edward Grey understands from the Russian Ambassador in London that His Excellency the Imperial Minister for Foreign Affairs has expressed a desire to be furnished with an authoritative statement emanating from His Majesty's Government in order to assist His Excellency to correct the misapprehensions of the Russian press in their attitude towards the Anglo-Persian Oil Company's concession [4].

---

[1] См. т. III, № 313.

[2] См. письмо Пашича от 2 февраля/20 января, т. I, № 161.

[3] Содержание этого письма было сообщено Сазоновым Гартвигу тел. от 7 июля/24 июня за № 1352.

[4] См. № 10.

His Majesty's Ambassador is accordingly instructed to hand to His Excellency the accompanying copy of the official report of the speech made in Parliament by Sir E. Grey on June 29/16 [1] and to offer at the same time the following observations, for such use as Monsieur Sazonow may see fit to make:

His Majesty's Government have not acquired any rights under the concession, which were not already possessed by the Anglo-Persian Oil Company at the time of the conclusion of the Anglo-Russian convention. Sir E. Grey does not, moreover, anticipate that the acquisition by His Majesty's Government of shares in the Anglo-Persian Oil Company will lead to any action being taken by them in the neutral zone other than would be taken by any trading or commercial company on their own account, or by His Majesty's Government in the protection of the interests of a British company.

The only new steps hitherto contemplated by Sir E. Grey in the neutral zone was the loan of British officers to the Persian Government for the organisation of a Persian force to protect the trade routes. This was mentioned to Monsieur Sazonow by Sir E. Grey two years ago at Balmoral as a possible contingency in case of the failure of the gendarmerie under neutral officers [2], but the idea had no special connection with the oil concession at that time and it has, as a matter of fact, not been realized.

There is not, in the opinion of Sir E. Grey, any prospect that the oil concession will lead to the adoption of special measures of protection by His Majesty's Government.

The influence of the Admiralty in the concession would tend, not to push its development into the Russian sphere — should the concession extend so far to the North — but on the contrary to insist for strategical reasons that the first new developments should be made on the islands or at points on the mainland as near the coast as possible and preferably in the British sphere.

Sir E. Grey sincerely trusts that the Imperial Russian Government will find in the above explanations sufficient guarantees that, if His Majesty's Government consider special measures to be required in the neutral zone on account of the oil concession or for any other reason, which were not consistent with the Anglo-Russian convention or which might affect the independence and integrity of Persia, they would not fail to consult the Imperial Government before taking such action.

---

[1] Речь Грея не печатается. См. о ней стр. 8, прим. 1, а также № 25.

[2] См. всеподданнейший доклад Сазонова, „Красный архив“, т. III, 1923 г., стр. 21 и сл.

Перевод.

Сэр Эдуард Грей узнал от российского посла, в Лондоне, что его превосходительство императорский министр иностранных дел выразил желание получить авторитетное сообщение правительства его величества, которое помогло бы его превосходительству внести корректив в неправильные суждения русской прессы по вопросу о концессии Англо-персидской нефтяной компании.

Посол его величества уполномочен в соответствии с этим вручить его превосходительству прилагаемую копию официального отчета о речи, произнесенной в парламенте сэром Э. Греем 29/16 июня, и предложить вместе с тем вниманию г. Сазонова следующие замечания для использования их по его усмотрению.

Правительство его величества не приобрело по настоящей концессии никаких прав, которые не принадлежали бы уже Англо-персидской нефтяной компании ко времени заключения англо-русской конвенции. Кроме того, сэр Э. Грей не предвидит, чтобы приобретение правительством его величества долей в Англо-персидской нефтяной компании привело к каким-либо действиям в нейтральной зоне, кроме таких, которые могли бы быть предприняты какой-либо торговой или коммерческой компанией за собственный риск, или правительством его величества в защиту интересов британской компании.

Единственным новым мероприятием, имевшимся в виду сэром Э. Греем в нейтральной зоне, было предоставление британских офицеров в распоряжение персидского правительства для организации персидского отряда, предназначенного охранять торговые пути. Об этом было сообщено г. Сазонову сэром Э. Греем два года назад в Бальморале, как о возможном исходе на случай, если бы не удалась организация жандармерии под командой нейтральных офицеров, но эта мысль не стояла в то время в непосредственной связи с нефтяной концессией и фактически не была реализована.

По мнению сэра Э. Грея, нет никаких указаний на то, чтобы существование нефтяной компании побудило правительство его величества к принятию особых мер защиты.

Влияние адмиралтейства в концессии будет иметь тенденцию не распространять ее развития на русскую сферу, поскольку концессия будет простираться столь далеко на север, а наоборот, настаивать по стратегическим соображениям на том, чтобы первые новые разработки были предприняты на островах или на материке в пунктах, возможно более близких к берегу, и предпочтительно в британской сфере.

Сэр Э. Грей искренно верит, что российское императорское правительство усмотрит в вышеуказанных объяснениях достаточные гарантии того, что если правительство его величества сочтет необходимым предпринять особые меры в нейтральной зоне из-за нефтяной концессии или по какому-либо другому поводу, которые не согласовались бы с англо-русской конвенцией или могли бы нарушить независимость и неприкосновенность Персии, оно не преминет запросить мнение императорского правительства, прежде чем произвести такое действие.

№ 76. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Телеграмма № 1331. 4 июля/21 июня 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1314 [1].

Дополнительно нам сообщают, что общее число членов совета

[1] См. № 57.

нового банка по уставу не может превышать восемнадцати, но предположено назначить шестнадцать.

Верстрат указывает, что влияние наше в новом банке при указанных условиях могло бы быть значительно усилено, если бы наше министерство финансов признало возможным воздействовать на него путем помещения известного вклада[1].

Мера эта не исключается, хотя мы не можем обеспечить ее осуществление. Вместе с тем участие группы Касселя и видимая недоверчивость к участию нашему в банке, конечно, не создают особо благоприятного впечатления.

В случае, если участие наше будет все же признано желательным, признавали бы соответственным предупредить Русско-азиатский банк, что наше содействие новому банку будет определяться степенью соответствия его с нашими интересами[2]. Мы оставили бы за собой свободу, если дело не пойдет, создать новый самостоятельный банк, чего добиваются армянские капиталисты, к предложениям коих мы пока относились сдержанно, ввиду неудобства иметь лишь один чисто армянский банк[3].

Просим сообщить ваше заключение теперь же, ввиду необходимости в среду дать окончательный ответ Русско-азиатскому банку.

Сазонов.

№ 77. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 482. 4 июля/21 июня 1914 г.

М. г. Александр Петрович,

Письмом от минувшего [28] 15 мая с. г. за № 361[4] я счел своим долгом указать на тяжелое положение, в котором находится Черногория, и на нравственные обязательства держав оказать ей действительную финансовую помощь.

Я не могу не отметить вновь, что, когда Черногория подчинилась воле Европы, последняя ей обещала, по нашему мнению, действительную денежную помощь, а не только неопределенное

---

[1] „Вопрос о вкладе дальнейшего движения не получил" (прим. в подлиннике).

[2] „В этом смысле — письмо м-ру финансов № 476 от [7 июля] 24 июня 1914 г." (прим. в подлиннике); см. № 114.

[3] В марте 1914 г. член Государственной думы Пападжанов обратился в м-во ин. дел с предложением образовать в армянских вилайетах особый армянский банк. Предложение это было отклонено.

[4] Содержание этого письма, как достаточно изложенное в тексте, нами не воспроизводится.

содействие к получению займа на чисто финансовых началах[1]. Несомненно, что обещание это помогло королю Николаю оправдать перед черногорским общественным мнением свое подчинение воле держав в вопросе об уводе из Скутари своих войск.

В настоящее время такая действительная помощь может, повидимому, выразиться лишь в устройстве 2%-го займа[2]. Так как такой заем невозможен, то державам, во исполнение принятого на себя обязательства, представлялось бы соответственным гарантировать доплату остальных процентов, необходимых для реализации займа.

Австро-Венгрия (правда, с оговоркой, что гарантия дается на пять лет) и Италия уже приняли на себя такое обязательство, которое и мы со своей стороны готовы принять на себя. Тем настойчивее казалась бы желательность, чтобы Франция согласилась бы на указанную постановку вопроса, дабы не создалось впечатление, будто Черногория может рассчитывать больше на поддержку этих двух держав, чем на нас и Францию.

Ввиду вышеизложенного, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать ускорить, по возможности, согласие французского правительства на участие в гарантии займа, а также осведомиться, в какой форме намерен дать эту гарантию парижский кабинет.

К сему считаю долгом присовокупить, что французское посольство передало нам копию с врученной австро-венгерским послом французскому министру иностранных дел памятной записки, тождественной с полученной нами от графа Чернина 30 мая/12 июня сего года и в свое время доставленной в литографии вашему превосходительству, относительно черногорского займа[3]. Посольство одновременно просило наше заключение по существу возбужденных в памятной записке вопросов.

Препровождаю у сего в копии наш ответ французскому посольству[4]. В общем предложения Австро-Венгрии нам кажутся приемлемы за некоторыми оговорками.

---

[1] Имеется в виду решение лондонского совещания послов от 29/16 июля 1913 г.

[2] Об условиях займа, выработанных посланниками в Цетинье, см. тел. Обнорского от 3 марта/18 февраля 1914 г. за № 14 (т. I, № 368).

[3] Австро-венг. вербальная нота от 12 июня/30 мая служила ответом на пам. зап., с которой черногор. прав-во обратилось 27/14 апреля к державам по вопросу об условиях согласия держав на заем и об ускорении самого выпуска последнего.

[4] Пам. зап. росс. м-ва ин. дел, совпадающая по основному содержанию с настоящим письмом, была вручена Палеологу 4 июля/21 июня.

Нам представляется нежелательным установление контроля посланников в Цетинье над расходом займа, так как такой международный контроль мог бы подать повод нежелательному вмешательству во внутренние дела королевства и в будущем явиться, быть может, значительной помехой в деле соединения обоих сербских государств. Нам кажется совершенно достаточным образование контрольной комиссии государственного долга с участием иностранных экспертов, что было бы в соответствии с выработанной посланниками в Цетинье программой.

Против выбора экспертов из подданных маленьких держав мы в принципе не возражаем, но полагали бы, что бельгийцы или датчане были бы скорее для нас желательны, чем швейцарцы, в общем менее к нам расположенные[1].

Ваше превосходительство могли бы, быть может, со своей стороны в этом смысле объясниться с французским правительством, ввиду желательности установления однообразного ответа держав Тройственного согласия на помянутое австро-венгерское предложение.

Сазонов.

P. S. Копия с настоящего письма сообщается послу в Лондоне[2].

№ 78. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 104. 4 июля/21 июня 1914 г.

Прошу срочных указаний.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1290[3].

Сегодня и Циммерман заявил мне о выяснившейся будто бы причастности нашего военного агента к новому делу о шпионстве и о необходимости его отозвания, однако добавил, что не видит

---

[1] Кроме изложенных здесь соображений, в той же пам. зап. франц. посольству Сазонов указывал на желательность, ввиду истечения 14/1 июля срока моратория, предоставленного Черногории по оплате ее государственных обязательств и произведенных ею во время первой балканской войны реквизиций, согласиться на переданную в австро-венг. пам. зап. просьбу черногорского правительства о предоставлении ему немедленно аванса в 4 млн. фр. для организации земельного кредита и в 2 млн. для производства общественных работ, при условии, что эти суммы будут употреблены по указанному назначению.

[2] Копия этого письма была послана Сазоновым Бенкендорфу при письме от 9 июля/26 июня за № 483, в котором он просил объясниться с Греем по этому вопросу „ввиду желательности установления однообразного ответа“ на австро-венг. предложение.

[3] См. № 23.

все же возможности представить нам какие-либо документальные доказательства и надеется, что мы довольствуемся его словом. На это я возразил, что, хотя мы и не сомневаемся в его слове, но, как вы это заявили Пурталесу, нам тем не менее необходимы доказательства, чтобы убедить военное ведомство в необходимости отозвания полковника Базарова. Циммерман согласился добавить лишь, что полковник, будто бы, не раз платил деньги осведомителям. При условии немедленного отъезда нашего военного агента в отпуск, во время коего последовало бы назначение его на какой-либо другой пост, можно бы, по словам Циммермана, избежать огласки и шума. Прошу спешных указаний.

Свербеев.

№ 79. Посол в Берлине министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 105. 4 июля/21 июня 1914 г.

Продолжение № 104.

Как я из разговора с Циммерманом, так и первый секретарь из объяснения с одним из чинов министерства выносим впечатление, что германские власти намерены настойчиво добиваться отозвания военного агента, оставление коего в таком случае могло бы стать крайне затруднительным. Свербеев.

№ 80. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 130 [1]. 4 июля/21 июня 1914 г.

Копии в Константинополь, Софию, Белград и Афины.

Министр иностранных дел сообщил мне, что румынское правительство решило отклонить ожидаемое здесь со стороны венского и римского кабинетов предложение о посылке румынских войск в Албанию [2]. Поклевский.

---

[1] На подлиннике помета: „Передана в Париж и Лондон [5 июля] 22 июня № 1333".

[2] Из тел. Берхтольда Чернину от 5 июля/22 июня за № 151, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, явствует, что в связи с отказом Братиану послать войска в Албанию, австр. и итал. посланники запросили его, согласится ли он это сделать в случае обращения к нему всех держав. Братиану ответил, что, вероятно, и тогда он откажется, и только если все державы сами согласятся послать отряды в Албанию, Румыния сможет к ним присоединиться. (См. Oe. U. A., № 10059 и Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14529.) Тел. от 6 июля/23 июня за № 150 Петряев сообщил Сазонову об обращении алб. м-ра ин. дел к представителям великих держав с просьбой о поддержке его ходатайства в Бухаресте о посылке 5 тыс. румынских солдат в Албанию, так как, по его сведениям, Румыния согласилась бы оказать эту помощь при условии обращения к ней всех держав.

№ 81. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Письмо. 4 июля/21 июня 1914 г.

Конфиденциально.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Известие о злодейском убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги герцогини Гогенберг произвело в Румынии очень сильное впечатление и вызвало чувство неподдельного сожаления [1]. При дворе наложен траур на четыре недели, а обе румынские законодательные палаты, после прочувствованных посвященных памяти покойного эрцгерцога речей г. Братиану и г. Порумбару, единогласно постановили прервать на один день свои заседания и послать в Вену телеграммы с выражением соболезнования.

Румынский народ по обе стороны Карпат считал эрцгерцога Франца-Фердинанда своим искренним другом, и мнение это вполне разделялось здешними государственными людьми всех партий, имевшими случай несколько лет тому назад в Синайе лично ознакомиться со взглядами эрцгерцога и с его желанием примирить враждующие между собою венгерскую и румынскую национальности [2]. Ему же здесь не без основания приписывалась инициатива переговоров, которые велись сначала министром-президентом Лукачем [3], а затем графом Тиссой с румынским национальным комитетом в Трансильвании с целью выяснения и удовлетворения требований румынского населения Венгрии в областях религиозной, административной и школьного образования. Правда, переговоры эти не привели ни к какому результату и в настоящую минуту даже прерваны, но румынское общественное мнение по обе стороны Карпат отнюдь не ставит эту неудачу в вину эрцгерцогу Францу-Фердинанду, а приписывает ее исключительно непримиримому шовинизму мадьяр.

Нет также сомнения в том, что некоторые выросшие в старых традициях здешние государственные люди и политические деятели надеялись, что эрцгерцог сумеет, по восшествии на престол, настоять на осуществлении своей программы по отношению к румынской национальности в Венгрии и даст этим Румынии возможность вернуться к своей прежней политике тесной дружбы с Австрией.

---

[1] О впечатлении, произведенном сараевским покушением в Бухаресте, см. B. D., v. XI, № 30.

[2] Франц-Фердинанд приезжал в Румынию в 1909 г. по случаю пятидесятилетия короля Карла.

[3] Лукач был пред. венг. сов. мин. в 1912/1913 гг.

Ввиду вышеизложенного неудивительно, что вся без исключения румынская пресса отзывается с величайшей симпатией о покойном эрцгерцоге и считает его трагическую смерть невознаградимой потерей для румынского народа. Читая эти газетные статьи, можно даже на первый взгляд подумать, что под впечатлением печального события в Сараеве в Румынии воскресли теплые чувства по отношению к Австрии.

Подобное заключение однако было бы, по моему мнению, ошибочным. Даже в вышеупоминаемых отзывах румынских газет проскальзывает взгляд, что со смертью эрцгерцога Франца-Фердинанда исчезает надежда на улучшение положения румын в Венгрии, т. е. на устранение главной причины, ныне мешающей восстановлению традиционных дружественных отношений между Австро-Венгрией и Румынией [1]. Кроме того, смерть популярного здесь наследника австро-венгерского престола оставляет пока совершенно открытым вопрос, что̀ станется с монархией Габсбургов после ухода со сцены престарелого императора, и вполне понятно, что такая неизвестность не может иметь притягательной силы для практического ума здешних политиков. Только-что приведенные мною соображения высказываются еще более открыто в здешних политических кругах, причем считаю небезынтересным отметить, что самый импульсивный из румынских государственных деятелей г. Филиппеску заявил мне в день сараевской трагедии, что смерть эрцгерцога Франца-Фердинанда является с точки зрения Румынии могучим стимулом к дальнейшему закреплению ее дружбы с Россией.

Примите и пр. С. Поклевский-Козелл.

№ 82. Делегат в комиссии по разграничению Северной Албании посланнику в Цетинье Гирсу.

Донесение [2]. 4 июля/21 июня 1914 г.
Бивак у дер. Вусань (между г. Гусинье и Проклятыми горами).

Принимая к точному исполнению указание г. министра иностранных дел относительно неудобства негласных опросов местных жи-

---

[1] Союзный австро-рум. договор, заключенный 30/18 октября 1883 г., к которому в тот же день особым протоколом присоединилась Германия, а в 1888 г. Италия, был подтвержден 25/13 июля 1892 г., 30/18 сент. 1896 г., 17/4 апр. 1902 г. и 5 февр./23 янв. 1913 г. Срок его истекал в 1920 г.

[2] Донесение Потапова было препровождено в м-во ин. дел при депеше А. Гирса от 11 июля/28 июня 1914 г. за № 34.

телей по делам отмежевания земель,—ввиду того, что опросы эти, производимые без ведома прочих делегатов, способны возбудить нарекания на деятельность русского делегата со стороны его иностранных товарищей,—я считаю однако своим служебным долгом доложить его высокопревосходительству, что при той обстановке, при которой протекали до сих пор работы разграничительной комиссии, вышеупомянутые негласные опросы являлись, к сожалению, необходимостью.

Получив от своих правительств категорическое предписание выступать дружно и сообща по всем без исключения разграничительным вопросам (предписание это я лично прочел в секретной инструкции австро-венгерского правительства своему делегату), делегаты Тройственного союза привлекли, кроме того, на свою сторону английского делегата, действуя то на его личную бесхарактерность, то на присущую его нации слабость—являться покровителями „угнетенных“ (каковыми в глазах полковника Гренета были представлены албанцы) [1], то на личные и родственные связи полковника Гренета с Италиею, в столице которой он к тому же, на склоне своих лет и в конце своей служебной карьеры, занимает должность военного агента. В результате получилось сплоченное большинство четырех делегатов против двоих, неуклонно—с явными натяжками—истолковывающее во всех случаях в пользу Албании крайне неудачно редактированный текст лондонского разграничительного протокола [2].

С началом работ на местности [3] означенное большинство неуклонно выдвигает вперед только интересы албанцев и демонстративно пренебрегает интересами сербов и черногорцев. Пользуясь огромными денежными отпусками из казны, австрийский и итальянский делегаты сделали из работ разграничительной комиссии главным образом средство австро-итальянской пропаганды в тех диких местностях Албании, которые комиссии приходится проходить. Задерживая эти работы—чаще всего под предлогом трудности продовольствования при быстром движении вперед сопровождающих их конвоев,—австрийский и итальянский делегаты употребляют боль-

---

[1] „Документальные доказательства сего были приведены мною в одном из донесений прошлого года, представленных через имп. миссию в Цетинье“. (Прим. подлинника.) Потапов имеет в виду донесения от 6 нояб./24 окт. 1913 г. за № 188, от 8 нояб./26 окт. за № 189 и от 24/11 ноября за № 190.

[2] См. прил. к № 14.

[3] Так в подлиннике.

шую часть времени на таинственные собеседования с албанцами, на какие-то письменные сношения с влиятельным среди албанцев католическим духовенством и на вмешательство в отношения местных черногорских и сербских властей к пограничному с последними албанскому населению, причем из каждой случайной неловкости этих властей как по отношению к албанцам, так и по отношению к сопровождающим комиссию топографам и конвоям они стараются создать крупный инцидент, за которым должны следовать (и обыкновенно следуют) неприятные для сербов и черногорцев выступления представителей Тройственного союза в Белграде и Цетинье и унизительные извинения черногорских и сербских властей перед австрийским и итальянским делегатами. Изгоняя из своих лагерей черногорцев и сербов, на территории которых комиссия обыкновенно останавливается на бивак, австрийский и итальянский делегаты одновременно допускают среди своих войск албанских торговцев и приказывают состоящим при них четырем докторам оказывать широкую медицинскую помощь албанскому населению, даже далеко за пределами лагеря комиссии. Возбуждая в албанцах через своих агентов неосновательные политические надежды, связанные с направлением границы, австрийский и итальянский делегаты естественно восстанавливают одну часть пограничного населения против другой. Для дачи перед комиссией показаний, благоприятных Албании и желательных для Австрии и Италии, делегаты последних держав привлекают оплачиваемое Австриею албанское католическое духовенство и целыми месяцами содержат при себе, в качестве безапелляционных знатоков местных условий, албанских нотаблей, не только оказывая им естественное в таких условиях гостеприимство, но и щедро оплачивая их труд деньгами. Упорно настаивая на том, чтобы комиссия в полном составе выслушивала показания таких оплачиваемых (или других, случайно выгодных им) свидетелей из албанцев, делегаты Тройственного союза и английский систематически уклоняются от вызова черногорских и сербских свидетелей, а когда мне и подполковнику Фурнье путем долгих настояний удается, наконец, принудить к этому несочувствующее нам большинство наших товарищей, то последние выполняют наше желание с явною неохотою и подчеркнутым невниманием: во время опросов они беседуют между собою о посторонних вещах, а в конце концов открыто заявляют, что показаниям черногорцев (сербов) они не верят.

Но самое главное—то, что на опросах как черногорских, так и албанских свидетелей австрийский и итальянский делегаты упо-

требляют в качестве переводчиков исключительно лишь своих офицеров. Зная хорошо сербский язык, я лично имел возможность много раз констатировать, что переводчики эти из выслушанных ими показаний местных жителей передавали комиссии лишь то, что было благоприятно Албании, и умалчивали о том, что могло помешать планам австрийского и итальянского делегатов. Не зная албанского языка, я не в состоянии непосредственно проверять, насколько добросовестно производится вышеупомянутыми офицерами перевод показаний албанцев, но на основании опытов с сербским языком я в праве подозревать, что и здесь крупную роль играет тенденциозность.

Таким образом, будучи стеснен в своих действиях тенденциозным поведением „большинства“ комиссии и имея полное основание сомневаться в справедливости показаний выставляемых австрийским и итальянским делегатами свидетелей, а равно и в беспристрастии их переводчиков, я считал себя по совести обязанным во что бы то ни стало добиться истины, особенно же в тех случаях, когда вопрос касался размежевания частных и общинных владений. Но выяснить эту истину на официальных опросах местных жителей было возможно далеко не всегда, так как сербы и черногорцы, являясь массою, и к тому же часто одержимые намерением поживиться на счет Албании, бывали настолько нетактичны, что вступали тут же перед комиссией в пререкания между собою о границах их владений. Поэтому, чтобы быть хорошо осведомленным в темных вообще вопросах общинных владений, мне оставалось единственное средство—негласно опрашивать и выслушивать показания лично известных мне за мое 11-летнее пребывание в Черногории уважаемых и беспристрастных свидетелей из черногорцев,—свидетелей, которые, не имея прямого отношения к делу, не могли и фигурировать официально перед комиссией. Мое знание сербского языка, мои связи в Черногории, а главным образом то доверие, которое постоянно выказывали мне не только черногорцы, но и сербы, давали мне до сих пор возможность, негласно опрашивая заслуживающих доверия лиц, контролировать доводы „большинства“, приводимые последним ради выгод одной лишь Албании, и таким образом не только выяснять истину, но и парировать пристрастные выступления, направленные к ущербу черногорских и сербских интересов.

Считая себя ныне обязанным, вследствие указания г. министра иностранных дел, решительно отказаться от негласных опросов местных жителей по делу размежевания земель,—опросов, не имев-

ших впрочем ничего общего ни с подготовкою лжесвидетелей, ни с какими-либо иными недостойными интригами против Албании, но преследовавших исключительно цель выяснения истины ради защиты черногорских и сербских интересов,—я считаю вместе с тем долгом отметить, что, вследствие очерченной выше обстановки и являющейся в результате ее трудности установить истину, ограждение черногорских и сербских интересов при разграничительных работах, без негласного контроля даваемых перед комиссией показаний, будет представляться делом почти невыполнимым[1].

Прошу императорскую миссию не отказать представить настоящее мое донесение его высокопревосходительству г. министру иностранных дел.

Генерального штаба
генерал-майор Потапов.

№ 83. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 465. 4 июля/21 июня 1914 г.[2]

Ваша телеграмма № 1314[3] получена.

Ввиду обнаруживающейся невозможности приобресть в данный момент исключительно для нас Салоникский банк, я считаю, что крайне желательно выразить наше полное согласие на предложенную нам ныне комбинацию. Она все же дает нам некоторую точку опоры для дальнейшего развития... финансовых и экономических предприятий в Турции, необходимых и для упрочения политической нашей в ней роли. Так как выбор обоих французских членов совета от Русско-азиатского банка будет, вероятно, всецело зави-

---

[1] Вопросу о деятельности комиссии А. Гирс посвятил весьма доверительное письмо от 10 июля/27 июня 1914 г., в котором он замечал, что „военные делегаты держав несколько увлекаются полемикой по спорным вопросам и поэтому сходят с почвы, на которой им следовало бы оставаться ради скорейшего завершения порученного им технического дела". По мнению А. Гирса, деление комиссии на две группировки, „систематически и упорно враждующие чуть не по каждому вопросу", приводит к затягиванию хода ее работ, „ввиду чего окончательное установление границы окажется отложенным на совершенно неопределенное время", чем воспользуются заинтересованные балканские государства для создания различных затруднений и предъявления новых домогательств в области более коренного исправления установленной на лондонском совещании границы.

[2] В лит. копии, с которой воспроизводится эта телеграмма, она датирована ошибочно 5 июля/22 июня; следует читать 4 июля/21 июня, так как этим числом помечены следующие за ней №№ 466—470, причем тел. № 466 на нее ссылается.

[3] См. № 57.

сеть от последних[1], то я очень просил бы повлиять на банк в этом отношении, чтобы выбор пал на французов, в коих мы могли бы быть уверены и которые принимали бы близко к сердцу русские интересы.

Гирс.

№ 84. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 466. 4 июля/21 июня 1914 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1314 и на свою № 465.

Вполне сочувствую мысли образования рядом с будущим Banque Nationale de Turquie русского общества на Востоке, но не ограничивая его деятельности исключительно коммерческими и промышленными предприятиями, а предоставляя ему право заниматься, буде возможно, и финансовыми и банковыми операциями. Это дало бы нам возможность побуждать общество открывать самостоятельно банковые отделения в Армении, хотя бы и опираясь на Banque de Turquie и под некоторым его контролем. Открытие таковых отделений в Армении нам весьма желательно, а между тем я опасаюсь, что не так скоро удастся нам склонить Banque de Turquie открыть свои собственные филиальные отделения в Армении. Полагаю, что он легче согласится оказывать лишь поддержку в этом деле образованному рядом с ним русскому обществу. Насколько мне известно, будущий банк предполагает открыть в ближайшем будущем, помимо имеющегося у него отделения в Самсуне, лишь отделение в Трапезунде.

Гирс.

№ 85. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 468. 4 июля/21 июня 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 429[2].

По словам греческого посланника, в Афинах установилось уже полное согласие между Грецией и Турцией касательно деятельности греко-турецкой комиссии для определения взаимных убытков эмигрантов. Комиссия эта имеет, будто бы, определить: 1) Денежные суммы, подлежащие уплате эмигрантам, находящимся уже на греческой территории. 2) Условия водворения в прежние села христианского населения, бежавшего из них, но находящегося еще на турецкой территории. 3) Условия, при коих будет допускаться

---

[1] Так в подлиннике.

[2] См. т. III, № 389.

добровольная эмиграция. Обе стороны согласились, будто бы, уже избрать второстепенное государство, которое назначит европейского арбитра, но Греция настаивает, чтобы этот арбитр председательствовал в комиссии, тогда как турки не допускают еще его председательства, а требуют, чтобы к нему обращались лишь в случае разногласия между греческими и турецкими членами комиссии. Проверю в понедельник эти сведения у турок.

Гирс.

№ 86. И. о. управляющего Учетно-ссудным банком Персии в Тегеране председателю правления банка Львову.

Телеграмма № 62 [1]. Тегеран, 4 июля/21 июня 1914 г.

Морнар письменно просит выдать ему ссуду в сто пятьдесят тысяч томанов сроком по [14] 1 января 1915 г. для уплаты сумм, причитающихся бригаде [2]. Не найдете ли возможным обусловить выдачу этой ссуды урегулированием, путем унификации, всех долгов, уплаты которых банк требует от персидского правительства? [3]

Покорнейше прошу телеграфировать срочно.

Видеман.

№ 87. Письмо правления Петербургского Международного коммерческого банка министру финансов Барку [4].

4 июля/21 июня 1914 г.

В 1910 г. г. директор особенной канцелярии по кредитной части обратился к С.-Петербургскому Международному коммерческому банку с предложением предоставить сербской офицерской Задруге ссуду в размере 4 000 000 франков на 10-летний срок, препроводив при этом письменное заявление сербского военного министра, гарантирующее точное выполнение обществом офицеров своих обязательств перед банком.

Ввиду желания русского правительства оказать помощь сербскому офицерскому обществу, Международный банк изъявил го-

---

[1] Тел. эта была препровождена Львовым Клемму при отношении от 6 июля/23 июня за № 6400.

[2] Речь идет о персидской казачьей бригаде.

[3] См. ниже, № 230.

[4] Документ печатается с копии, которая была препровождена Международным банком в м-во ин. дел при отношении от 8 июля/25 июня. Упомянутое в качестве приложения в том же отношении письмо Задруги на имя банка в делах м-ва ин. дел не обнаружено.

товность пойти навстречу означенному обществу и открыть ему просимый кредит, но лишь при условии сокращения срока до 5 лет и получения от русского правительства заявления, что обязательство сербского военного министра является действительной гарантией правильности платежей по займу.

Лишь при наличности этих условий банк соглашался предоставить сербской офицерской Задруге ссуду в форме трехмесячного трассировочного кредита Сербскому национальному банку в парижском отделении Международного банка в сумме 4 000 000 франков, с погашением в 5-летний срок. Пользование кредитом предполагалось производить трехмесячными трассировками на отделение банка, возобновляемыми каждые три месяца в потребном количестве.

Вся переписка с сербской офицерской Задругой велась через кредитную канцелярию и российскую императорскую миссию в Белграде.

Письмом от [25] 12 июня 1910 г. г. директор кредитной канцелярии уведомил банк, что сербская офицерская Задруга согласна принять все условия банка; гарантия же, обеспечивающая выдаваемую Международным банком ссуду, должна была заключаться в следующем:

Задруга выдает письменное обязательство на имя военного министра о правильном погашении займа из ежемесячных офицерских взносов, доходящих до 90 000 фр., с обеспечением капитального долга—главным и резервными фондами, составляющими более 2½ млн. франков. Это обязательство подтверждается военным министром, как высшим начальником Задруги, который передает оное правительству. Последнее в официальной ноте на имя российского посланника в Белграде, за подписью министра иностранных дел, гарантирует с своей стороны выполнение изложенных обязательств Задруги.

Эта гарантия, по отзыву г. министра иностранных дел, гофмейстера Извольского, являлась вполне достаточным обеспечением долга Задруги.

Ввиду последовавшего отказа Сербского национального банка от участия в этом деле сербское правительство обратилось к русскому правительству с ходатайством об изыскании иной формы займа, ввиде открытия Международным банком непосредственного кредита названной Задруге. С разрешения г. министра финансов Международный банк изменил в этом отношении условия займа.

Для окончательного оформления дела банком были команди-

рованы уполномоченные в Белград. На месте выяснилось, что, вопреки мнению г. министра иностранных дел, гарантия, выдаваемая Задругой и сербским правительством, не представляет полного юридического обеспечения.

Банк немедленно довел об этом до сведения русского правительства, сообщив при этом, что заем может состояться лишь при условии принятия на себя русским правительством поручительства перед банком в правильном поступлении платежей по займу.

Письмом от [26] 13 сентября 1910 г. г. директор кредитной канцелярии сообщил, что г. министр финансов не встречает возражений против открытия сербской Задруге кредита в размере 4 000 000 фр. на вышеизложенных условиях.

На основании вышеприведенных данных соглашение с сербской офицерской Задругой было подписано [5 окт.] 22 сентября 1910 г.

Уже по истечении годичного срока со времени открытия кредита платежи от сербской офицерской Задруги стали поступать крайне неправильно. Парижское отделение неоднократно обращалось к правлению банка с жалобами, что офицерская Задруга не исполняет принятых ею на себя обязательств, о чем банк немедленно доводил до сведения кредитной канцелярии.

Задолженность офицерской Задруги составляла на [14] 1 апреля с. г. по просроченным векселям фр. 2 143 023,40 и по векселям, срок коим еще не наступил,—фр. 1 625 000. В счет первой суммы поступило на-днях фр. 290 000.

В настоящее время сербская офицерская Задруга обратилась к Спб. Международному банку с следующим предложением:

Сербская офицерская Задруга уплачивает банку немедленно все причитающиеся с нее по настоящее время проценты. Что же касается погашения капитального долга, то таковое имеет быть произведено в течение 8 лет 96-ю равными взносами.

Доводя об этом до сведения вашего высокопревосходительства, Спб. Международный коммерческий банк имеет честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать снабдить его соответствующими инструкциями, причем позволяет себе присовокупить, что со стороны банка не встретится препятствий к удовлетворению этого нового ходатайства Задруги, если русское правительство признает желательным удовлетворить таковое и примет на себя и в дальнейшем поручительство и ответственность за исправное и своевременное погашение Задругой открытого ей кредита.

Е. Шайкевич. А. Вышнеградский.

№ 88. Министр иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 61. 5 июля/22 июня 1914 г
Срочно. В. доверительно

М. г. Владимир Александрович,

На-днях германский посол доверительно сказал мне, будто наш военный агент в Берлине замешан в раскрытом недавно шпионстве и что ввиду этого желательно его отозвание. Я обратил внимание графа Пурталеса на крайнюю несвоевременность возбуждения подобного вопроса в ту самую минуту, когда взаимные отношения России и Германии не отличаются прежнею сердечностью, и прибавил, что во всяком случае я не считал бы возможным дать ход этому делу без предварительного предъявления нашему послу в Берлине доказательств, на которых германское правительство основывает свои обвинения.

Ныне тайный советник Свербеев телеграфирует мне [1], что в свою очередь помощник статс-секретаря по иностранным делам обратился к нему с такою же жалобой на полковника Базарова, присовокупив, что в случае немедленного отъезда последнего в отпуск, во время которого он получил бы другое назначение, быть может, удалось бы избежать огласки по этому делу.

Спеша уведомить ваше высокопревосходительство о вышеизложенном, покорнейше прошу вас не отказать в срочном сообщении мне вашего отзыва по сему поводу для преподания послу в Берлине соответственных указаний.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 89. Посол в Вене министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 83. 5 июля/22 июня 1914 г.

Телеграмму вашу за № 1319 [2] получил.

Ни Евтанович, ни Сршкич арестованы не были. Ввиду неполучения посольством никаких сведений от консула в Сараеве, я нашел нужным командировать на несколько дней туда второго секретаря посольства князя Гагарина.

Шебеко.

---

[1] См. № 78.
[2] См. № 66.

№ 90. Посол в Вене министру иностранных дел.

·/. Депеша № 41. 5 июля/22 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сегодня появились прилагаемые у сего в газетной вырезке манифест императора Франца-Иосифа и его приказ по армии и флоту [1].

Манифест является выражением благодарности императора всем классам населения за те патриотические и верноподданнические чувства, которые оно выказало своему престарелому монарху по случаю постигшей его тяжелой утраты в лице любимого племянника и верного сотрудника.

„Преступное деяние небольшой кучки людей,—гласит манифест,—не в состоянии порвать тех уз, которые связывают меня с моими народами“...

Что касается приказа по армии и флоту, составленного в гораздо более категорических выражениях, то, повидимому, он имеет целью способствовать успокоению возбуждения среди сторонников политики покойного наследника и дает понять, что военно-морская программа, выработанная эрцгерцогом Францем-Фердинандом и проводимая им за последнее время с большою энергиею, не подвергнется никаким изменениям или послаблениям.

Заключительные слова приказа являются, по мнению здешних кругов, определенным показателем решимости императора Франца-Иосифа не менять предначертаний последнего времени и продолжать работу создания военно-морской силы, „которая явилась бы в минуту опасности твердым оплотом монархии“.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 91. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 180. 5 июля/22 июня 1914 г.

Ввиду указаний австрийской печати на пребывание сараевских убийц в Белграде [2] здешними властями тотчас были приняты меры к проверке сообщавшихся сведений. Между прочим ныне выяснено, что белградскою полицией весною было сделано распоряжение о высылке из Сербии Габриновича [3] за неблагонадежность.

---

[1] Ср. B. D., v. XI, № 37.

[2] Оба убийцы проживали в Белграде в 1914 г., где Принцип, лично известный министру нар. просв. в кабинете Пашича Любе Иовановичу, заканчивал свое образование, а Чабринович служил в госуд. типографии.

[3] Так в подлиннике.

Однако по просьбе последнего австро-венгерское консульство письменно обратилось к полиции с заявлением о том, что названное лицо вполне прилично и вследствие сего и настаивает на предоставлении ему права дальнейшего пребывания в Белграде[1]. Документ этот хранится в архиве. Что касается Принципа, то его нищенское состояние .... и в занимавшемся им помещении ответными письмами его родителей с отказом прислать ему просимые ничтожные суммы. Для выезда из Белграда ему пришлось заложить теплое пальто за восемь франков, о чем в ломбарде имеется квитанция. Таким образом, по мнению здешних властей, факт обнаружения денег у убийц представляется весьма странным.

Гартвиг.

№ 92. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 303. 5 июля/22 июня 1914 г.

Морнар в частной беседе объяснил, что его положение становится крайне затруднительным ввиду отрицательного отношения к нему шахского правительства и отсутствия поддержки со стороны двух миссий. Все решения по важнейшим делам и по финансовым вопросам, например, дела, касающиеся выдачи концессий, обсуждаются и решаются помимо него; представляемые им проекты финансовых и экономических реформ, а равно фискальных и иных операций, направленных к пополнению средств казначейства, оставляются без движения и внимания. Вместе с тем министр финансов, члены кабинета, столичные и провинциальные власти обращаются к нему с требованием кредитов и просто подачек, совершенно не считаясь с отсутствием средств в казначействе и приписывая получаемые отказы каким-нибудь личным побуждениям. В настоящую минуту казначейство испытывает острую нужду в деньгах для удовлетворения даже текущих нужд, и все возлагают вину на Морнара, якобы не сумевшего предупредить кризиса, в результате чего вызывается осуждение и даже озлобление не только правящих кругов, но вообще всех официальных лиц, имеющих хотя какое-нибудь касательство к казначейству. Считая невозможным продолжать работать при таких неблагоприятных условиях, Морнар намерен возбудить вопрос об отставке тотчас же после коронации, тем более что вступление во власть нового пра-

---

[1] Сведения по этому поводу впервые появились в № 168 сербской газеты „Balkan“ от 4 июля/21 июня 1914 г., были воспроизведены „Temps“ и позднее подтверждены Пашичем в интервью, данном им сербской печати уже после того, как 8 июля/25 июня в „Fremdenblatt“ появилось опровержение австро-венг. прав-ва.

вительства, если таковое произойдет, не обещает улучшения его положения. Перед уходом он намерен представить бюджеты двух лет и отчет о всех поступлениях и расходах за время своего управления. Он уже предупредил регента, английского и бельгийского посланников, кои однако не дали ему никаких положительных обещаний относительно возможного изменения его положения. Я ответил Морнару, что доведу об этом до сведения вашего высокопревосходительства, но что лично затрудняюсь преподать ему какие-либо советы.

Коростовец.

№ 93. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 304. 5 июля/22 июня 1914 г.

Телеграмму № 1306 [1] получил.

Переговорил с Восугом, который благодарил за участие и объяснил, что причиной отставки является рознь среди членов кабинета, противодействующих всем его усилиям установить программу и наладить отношения с державами путем примирительных соглашений. Председатель совета не способен руководить министрами и лишен авторитета. Регент относится безразлично и ... о скорейшей ликвидации своих обязанностей и отъезде. Он согласился на уход Восуга еще до торжества месяц тому назад. Ввиду сего Восуг просит ваше высокопревосходительство не настаивать на сохранении им поста, считая, что, не принеся нам пользы, скомпрометирует себя для будущего, как член весьма непопулярного кабинета, которому придется уйти в отставку после коронации. К тому же до последней осталось лишь две недели. Полагаю, что соображения Восуга справедливы в том смысле, что при настоящем враждебном нам составе кабинета он все равно для нас бесполезен. В случае же сформирования после коронации нового кабинета он войдет неизбежно в его состав, тем более что пользуется симпатиями английской миссии.

Коростовец.

№ 94. Вице-консул в Хое в I департамент министерства иностранных дел.

*/. Телеграмма № 123. 5 июля/22 июня 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Копии в Тавриз, Тифлис, Маку и Урмию.

Ввиду продолжающегося третий день расстрела макинскими

---

[1] См. № 55.

всадниками селения Мухур, где уже убито более 20 людей Саид-бея, защищающих его семью, и необходимости предупредить истребление женщин и детей лица, находившегося под нашим покровительством, генерал Воропанов, по соглашению со мной, спешно командирует в Мухур отряд.

Чирков.

№ 95. Вице-консул в Хое в I департамент министерства иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 124. 5 июля/22 июня 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Копии в Тифлис, Тавриз и Маку.

Дополнение к моей телеграмме за № 123.

Сейчас получены сведения, что макинцы ворвались в селение Мухур и истребили семью Саид-бея. Отправленный мною сегодня утром в селение Шорык для заготовки провианта для идущего в Мухур отряда состоящий на правительственной службе по охране дороги курд Хасан-Ага окружен двумя стами макинских курдов в 3 верстах от нашего лагеря в селении Куртык, где уже расположена наша телеграфная рота. Перестрелка продолжается. Бесчинства макинцев превзошли все границы.

Наш отряд надеется подоспеть на помощь Хасану-Аге.

Чирков.

№ 96. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

⁄. Телеграмма № 1336. 6 июля/23 июня 1914 г.

Телеграмма № 304 [1] получена.

Мы не считали бы удобным в теперешний момент, когда предстоят важные переговоры по железнодорожному и монгольскому вопросам, осложнять дело еще двумя не менее затруднительными вопросами, каковы баргинский и алтайский, тем более что сохранение в них status quo нисколько не противоречит пока нашим интересам.

Желательно поэтому отложить на некоторое время формальные переговоры по двум последним вопросам, для чего вы могли бы высказаться перед китайским правительством в следующем смысле.

---

[1] См. № 52.

Мы считаем обеспечение прочного порядка в двух названных пограничных областях, нарушение которого отозвалось крайне неблагоприятно на русских интересах, достижимым лишь при соблюдении двух основных условий: предоставлении местному населению такого правового положения, которое позволяло бы ему спокойно развиваться в привычных бытовых формах, и признании со всеми его последствиями вытекающих из географической близости тесных экономических связей, создавшихся между этими областями и соседней русской территорией. В этих двух направлениях и были составлены наши предложения [1], в существе отвергнутые китайцами [2]. Если бы китайское правительство настаивало на получении от нас официального ответа, таковой свелся бы к повторению почти полностью наших прежних заявлений. Излишне указывать, насколько бесплодны оставались бы переговоры, внося лишь обоюдное неудовольствие во взаимоотношения сторон.

Мы дружески советовали бы поэтому Китаю пересмотреть свои контр-предложения в духе широкого внимания к той новой обстановке, которая создалась на этих окраинах и не считаться с которой было бы тщетно.

Если бы обнаружилось, что министр иностранных дел понял случайное сопоставление вами в разговоре с ним вопроса железнодорожного с баргинским и алтайским как готовность нашу установить между ними связь, вам надлежало бы самым категорическим образом вывести его из заблуждения.

Концессия на новые железнодорожные линии в Северной Манчжурии имеет для нас первостепенное значение, о чем было ясно заявлено китайским министрам, и из их ответа мы получили право заключить, что наша основная точка зрения усвоена ими и что теперь предстоит лишь уговориться об осуществлении принципиально решенного дела. Ставить эти переговоры, уже собственно технического характера, в зависимость от улажения двух весьма сложных задач, требующих длительного обсуждения, было бы совершенно неправильно.

О последующем благоволите телеграфировать.

Сазонов.

---

[1] См. тел. Сазонова от 19/6 февр. за № 290 (т. I, № 280) и деп. Крупенского от 3 апр./21 марта за № 29 (т. II, № 147).

[2] См. деп. Крупенского от 13 февр./31 янв. 1914 г. за № 10 и деп. его же от 6 марта/21 февр. за № 18 (т. I, № 391 и прим. к нему).

№ 97. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1339. 6 июля/23 июня 1914 г.

Сообщается в Париж.

Ссылаюсь на мое письмо № 330 [1] и на вашу телеграмму № 175 [2].

Посланник в Цетинье сообщает, что некоторые члены черногорского правительства утверждают, что долина Вермоши, фактически занятая в настоящее время черногорцами, очищена ими не будет, хотя бы Черногории пришлось вызвать этим протесты держав [3]. Считаю тем более желательным скорейшее установление однообразной точки зрения Франции и Англии на вопрос о Вермоше в благожелательном для Черногории смысле. Сазонов.

№ 98. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Коростовцу.

*/. Телеграмма № 1345. 6 июля/23 июня 1914 г.

Копия в Тавриз.

Из телеграммы Михайлова [4] осведомились о намерении персидского правительства назначить в Маку каргузаром [5] некоего Мехди-хана Фаруха из Турбети. Как известно, в Маку не было каргузара, и в согласии с мнением Олферьева [6] считали бы появление там подобного чиновника чрезвычайно вредным с точки зрения желательной для нас автономии макинского ханства. К тому же Мехди-хан в родстве с некоторыми макинскими ханами, враждебными сердару, почему его появление может вызвать беспорядок.

Крайне желательно принять возможные меры к предотвращению назначения в Маку каргузара вообще и в особенности Мехди-хана [7].

О последующем не откажите телеграфировать.

Клемм.

---

[1] См. т. III, прим. к № 110.

[2] См. тел. за № 174 (№ 14).

[3] Об этом А. Гирс сообщил деп. от 25/12 июня за № 30, полученной в м-ве ин. дел только 5 июля/22 июня.

[4] Телеграммой от 28/15 июня упр. консульством в Турбети Хайдари Михайлов известил м-во о спешном перемещении из Турбети в Маку каргузара Мехди-хана Фаруха.

[5] Каргузар — агент перс. м-ва ин. дел, преимущественно в пограничных провинциях, для надзора за соблюдением договоров с иностранными державами.

[6] Тел. от 1 июля/18 июня без номера.

[7] Одновременно Клемм предписал Михайлову тел. за № 1340 задержать в Турбети Мехди-хана. В тел. за № 1348 Олферьеву он признавал желательным, чтобы сердар макинский сам опротестовал назначение каргузара, подрывающее его автономию.

№ 99. Заведующий отделом Среднего Востока генеральному консулу в Тавризе Орлову.

⁄. Телеграмма № 1346. 6 июля/23 июня 1914 г.

Копия в Тегеран.

Телеграмма за № 490 [1] получена.

В виду крайней серьезности обвинения сердара макинского в причастности к убийству наших солдат, в случае подтверждения коей нам оставалось бы лишь настоять на его смещении и суровом наказании, благоволите телеграфировать, какие у вас имеются на этот счет данные.

Советую с осторожностью относиться к исходящим из Хоя сведениям, где легко возникают неблагоприятные для сердара слухи [2].

Клемм.

№ 100. Заведующий отделом Среднего Востока и. о. консула в Маку Олферьеву.

⁄. Телеграмма № 1347. 6 июля/23 июня 1914 г.

Копии в Тегеран и Тавриз.

Ссылаюсь на телеграммы Чиркова за №№ 121, 122, 123, 124 [3].

Благоволите расследовать дело об убийстве Саид-бея и его семьи и в случае подтверждения сообщенных Чирковым сведений, потребовать строжайшего наказания убийц, предварив вместе с тем сердара, что подобные приемы лишат его доверия и поддержки русского правительства и могут иметь самые пагубные для него последствия.

Клемм.

№ 101. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо. 6 июля/23 июня 1914 г.

М. г. Петр Львович,

Вследствие письма от [1 июля] 18 сего июня за № 286 [4] имею честь уведомить ваше превосходительство, что я поручил нашему

---

[1] Телеграммой от 4 июля/21 июня за № 490 Орлов сообщал, что „ввиду несомненной причастности к убийствам наших солдат в Хойском округе макинского сердара, желающего этим путем компрометировать хойского губернатора, и убийства Саид-бея людьми сердара“, Шоджа-эд-Доуле предлагал отправиться вместе с Орловым в Хой и Маку для расследования.

[2] Недоверие к „исходящим из Хоя сведениям“ относилось к донесениям Чиркова, в силу чего расследование дела об убийстве Саид-бея было поручено Олферьеву. См. № 100.

[3] См. № 71 и прим., №№ 94, 95.

[4] В этом письме Барк сообщал, что препровожденный ему Сазоновым проект соглашения о выдаче Монголии ссуды (см. т. III, № 373) по существу отвечает принципам, намеченным в переписке м-ва ин. дел и м-ва фин., и излагал свои замечания по поводу отдельных статей.

дипломатическому агенту в Урге войти в переговоры с монгольским правительством относительно внесения в проект контракта о 3-миллионной ссуде тех изменений, на желательность которых вы изволили указывать.

Из прилагаемой при сем копии телеграммы моей на имя д. с. с. Миллера[1] вы усмотрите, что я счел лишь необходимым предоставить дипломатическому агенту возможность не настаивать на предложенной вами редакции статьи VI[2], как расторгающей первоначально поставленные нами условия, а равно не включил в перечень требуемых изменений незначительные редакционные поправки в статье IV.

Что касается вопроса о продлении полномочий финансового советника до момента погашения ссуд, то я воспользовался вашей готовностью не настаивать на включении соответствующей статьи в проект: я учитывал при этом то тяжелое впечатление долголетнего финансового закабаления, которое неминуемо создалось бы у монголов при означенном нашем требовании. Нельзя упускать из виду, что контракт с финансовым советником был заключен весьма недавно, когда 3-миллионная ссуда была принципиально уже обещана ургинскому правительству, а между тем срок службы советника был определен лишь в 3 года. Кроме того, деятельность нашего чиновника не успела еще проявиться и внушить монголам сознание ее пользы. При таких условиях вынудить теперь же продление контракта на 30 лет было бы вредно для нашего политического положения в Монголии. Если же рассматривать вопрос с точки зрения исправности погашения ссуды, то, казалось бы, право взять в свои руки заведывание доходами, служащими обеспечением, является достаточно надежной гарантией. Но министерство ин. дел, помимо этого, твердо рассчитывает, что русское правительство всегда будет иметь настолько влияния и значения в Монголии, чтобы достигать продолжения своего финансового контроля по мере надобности, не запугивая сразу монголов перспективой лишения их на десятилетия права свободного распоряжения доходами.

Переходя к вопросу о двух первых ссудах, считаю долгом отметить, что с согласия вашего превосходительства монгольскому правительству отсрочен очередной взнос в 10 000 рублей до начала зимы, без всяких оговорок. Едва ли было бы справедливо поэтому требовать покрытия этого платежа немедленно при выдаче первого

---

[1] Речь идет о тел. Сазонова от 4 июля/21 июня за № 1328.

[2] В редакции, предложенной Барком, ст. VI читается: „Ссуда обеспечивается пошлинами и сборами с торговли".

взноса по новой ссуде. Я мог бы поручить дипломатическому агенту сделать попытку в этом направлении, но считал бы неудобным придавать ей слишком категорический характер.

Относительно же выяснения точного срока, когда должно начаться погашение 2-миллионной ссуды, д. с. с. Миллеру будут даны надлежащие инструкции.

В заключение имею честь сообщить, что из повергаемой на высочайшее благоусмотрение дипломатической переписки его величеству известно о состоявшемся постановлении совета министров по поводу ссуды монголам.

Примите и пр. Сазонов.

№ 102. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 472. 6 июля/23 июня 1914 г.
Срочно. Доверительно.

М. г. Петр Львович,

Ссылаясь на прежнюю переписку по вопросу о болгарском займе, имею честь уведомить ваше превосходительство, что согласно телеграмме императорского посла в Париже[1] для успешного выпуска означенного займа во Франции необходимо, чтобы боны болгарского казначейства не были предъявлены к оплате из первого выпуска займа, а были бы в той или иной форме отсрочены, хотя бы до второго выпуска.

Ввиду вышеизложенного имею честь покорнейше просить не отказать уведомить меня, не признает ли ваше превосходительство возможным воздействовать в этом смысле на наши банки, держащие означенные боны, ввиду известной вам крайней желательности заключения Болгарией займа во Франции. В случае же заключения займа в Германии, само собой разумеется, что болгарские боны могли бы быть предъявлены к оплате в срок.

Примите и пр. Сазонов.

№ 103. Агент министерства торговли и промышленности в Лондоне министру финансов Барку.

Письмо № 1146. 6 июля/23 июня 1914 г.

М. г. Петр Львович,

Согласно с поручением канцелярии вашего высокопревосходительства я послал некоторые документы, касающиеся контракта английского правительства с Англо-персидским обществом нефтяных промыслов (Anglo-Persian Oil C^0 Ldt), по которому отныне

[1] См. № 69.

английское правительство будет иметь в руках большинство акций указанного общества, а следовательно и руководить его делами[1].

Покупка акций вызвана желанием английского правительства обеспечить свой военный флот достаточными запасами нефти в Персидском заливе.

Англо-персидское общество было образовано в Лондоне в 1908 г.[2] для приобретения прав г. Дарси, полученных им от персидского правительства в 1901 г., на исключительную эксплоатацию нефтяных богатств Персии почти на всем протяжении сего государства, включая и провинции, которые по соглашению между русским и английским правительствами вошли в нейтральную и русскую зоны Персии, разграниченные этим договором[3].

Концессия была получена г. Дарси от персидского правительства в 1901 г., т. е. до подписания англо-русского соглашения 1907 г., не была опротестована русским правительством после ее получения, закреплена III параграфом сего соглашения (toutes les concessions existant actuellement dans les régions désignées dans les Art. I et II sont maintenues[4]) и следовательно не может быть оспариваема.

Есть до некоторой степени косвенный предлог к возбуждению переговоров между обоими правительствами ввиду того обстоятельства, что можно претендовать с нашей стороны, что принятие участия английским правительством в частном предприятии дает ему совершенно другой характер; во всяком случае нельзя отрицать, что было сделано большое упущение, когда эта концессия не была опротестована тотчас же.

Не буду останавливаться на отзывах нашей прессы (в особенности „Нового времени“), лучше меня известных вашему высокопревосходительству[5], считаю лишь полезным осветить этот вопрос с другой стороны.

Послом в беседах с г. Греем, английским министром иностранных дел, был возбужден вопрос о концессии Дарси, и им было объяснено г. Грею, как встревожено русское общественное мнение за-

---

[1] См. текст контракта в специальной Синей книге „Anglo-Persian Oil Company Ltd 1914“.

[2] Ошибка в тексте; следует читать: 1909 г.

[3] Концессия 1901 г. распространялась на всю персидскую территорию за исключением провинций Азербайджана, Гиляна, Мазандерана, Астрабада и Хорасана.

[4] „Все концессии, существующие ныне в областях, указанных в ст. I и II, сохраняются“.

[5] Рутковский имеет в виду статьи „Нового времени“: от 19/6 июня 1914 г. № 13732, 20/7 июня № 13733, 28/15 июня № 13741, 3 июля/20 июня № 13746.

хватом нефтяных богатств почти всей Персии, включая и территории в русской зоне.

Ответ г. Грея передан послом депешами нашему министру иностранных дел от 23 и 25 июня нового стиля и, без сомнения, вам уже известен[1]. Считаю лишь долгом сказать несколько слов для пояснения смысла соображений г. Грея и мотивов, их вызвавших.

Мне кажется, что с коммерческой и английской точки зрения г. Грей прав, утверждая, что концессия выдана до заключения конвенции, не оспорена и подтверждена англо-русским соглашением 1907 г. и что принятие участия в эксплоатации нефтяных земель английским правительством не увеличило прав общества, признанных по концессии, и английское правительство не вело переговоров и не заключало с правительством Персии соглашения о расширении указанных прав.

С этой точки зрения нельзя оспаривать взгляда г. Грея, тем более, что он заявил нашему послу и даже обещал телеграфировать английскому послу в С.-Петербурге, что, быть может, могло бы быть достигнуто соглашение относительно уступки прав концессии в русской зоне (вероятно, можно было бы добиться уступки и в части нейтральной зоны) русским обществам.

На основании этого заявления, переданного мне послом, я просил директора Русско-азиатского банка в Лондоне сообщить своему банку в С.-Петербурге, заинтересованному в крупных нефтяных предприятиях в России, не пожелает ли банк, совместно с другими русскими банками (например, с Международным) войти в переговоры с Англо-персидским обществом об уступке концессии в русской и части нейтральной зонах.

Я знаю, что г. Путилов уже осведомлен об этом, и ваше высокопревосходительство, если это признаете нужным, может быть, дадите практическое направление всему делу.

Идея г. Грея об уступке части концессии вызвана, по моему мнению, политическими и стратегическими соображениями.

Заявление г. Грея в парламенте, что в случае беспорядков в Персии всегда легко будет защитить нефтепроводы, вызвало не только возражения прессы, но и индийского правительства, которое находит, что ему невозможно обеспечить оборону нефтепроводов в нейтральной зоне, не ослабляя обороны Индии.

---

[1] Указанных депеш Бенкендорфа в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено. Свои беседы с Греем по этому поводу Бенкендорф передал Сазонову тел. от 24/11 и 25/12 июня за № 164, 170, см. т. III, №№ 347 и 365.

Вероятно, ввиду этих соображений г. Грей сообщил послу, что английское правительство пока намерено лишь эксплоатировать нефтяные земли в английской зоне и на прилегающих к ней островах, и то по возможности поблизости морского берега.

Г. Грей сообщил также послу, что если бы потребовалась защита нефтепроводов в нейтральной зоне или же сообщений торгового пути из Бушира в Шираз, то оно (английское правительство) об этом предварительно войдет в соглашение с русским правительством.

Мне кажется, что этими стратегическими соображениями и объясняется расположение г. Грея к уступке русским предпринимателям части концессионных прав в русской и нейтральной зонах, так как участие или покровительство русского правительства обеспечило бы все предприятие от разрушения при беспорядках в Персии.

Примите и пр. М. Рутковский.

№ 104. Посол в Вене министру иностранных дел.

Депеша № 42. 6 июля/23 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В четверг 2 июля/19 июня поздно вечером прибыли в Вену останки злодейски убитых в Сараеве эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги.

Встреченные на вокзале наследником престола эрцгерцогом Карлом-Францем-Иосифом, они были перевезены без особой торжественности в дворцовую церковь, где оставались до следующего вечера[1].

На следующий день в четыре часа пополудни состоялось торжественное отпевание в присутствии императора, всех членов императорской семьи, представителей иностранных монархов и самых высших военных и гражданских чинов.

Число присутствовавших на церемонии лиц было весьма ограниченное, и вся служба продолжалась всего только несколько минут. Вообще похороны лишены были всякой торжественности, что возбудило большое неудовольствие и сильный ропот среди военных и вообще приверженцев покойного эрцгерцога.

Так, войска венского гарнизона не только не были привлечены к участию в похоронном шествии, но только в последний момент

---

[1] О характере, приданном венским двором похоронам убитых, см. B. D., v. XI, № 34.

решено было расставить некоторые части шпалерами по пути следования печального шествия из дворца к вокзалу.

Похороны состоялись на следующее утро в Артштетене в самом тесном кругу ближайших родственников покойного эрцгерцога и его супруги и приближенных лиц.

Хотя вышеозначенные меры отчасти вызваны были необходимостью беречь силы императора Франца-Иосифа, но нет сомнения, что тут немаловажную роль играли желание избежать еще большего возбуждения умов и другие причины личного характера.

Император вчера принял бедных детей покойного эрцгерцога и обошелся с ними весьма ласково.

Отношение венского населения к вышеозначенному трагическому событию было довольно безучастным. Толпы народа, стоявшие по пути следования печального шествия, привлечены были, повидимому, больше чувством любопытства, и даже в самые дни пребывания в Вене останков убитых наследника престола и его супруги народные увеселения в Пратере не прекращались, и музыка гремела повсюду, как в обыкновенное время.

В средних классах это чувство сказалось еще сильнее; там как будто господствовало чувство некоторого облегчения, служащее показателем того, что эти классы относились с большим беспокойством к будущему и в настоящем с большим трудом и неудовольствием несли громадные тягости, которые на них накладывали колоссальные вооружения последнего времени.

Совершенно иначе отнеслись к смерти наследника престола стоявшие близко к нему военные и клерикальные, а также немецкие круги.

Там царствует до сих пор громадное возбуждение, и прилагаются все усилия, чтобы возбуждение это передать массе населения.

Все последние дни в городе устраивались шумные враждебные манифестации против сербской миссии.

Клерикальная и немецкая печать всячески возбуждала население против сербов, указывая на них, как на инициаторов заговора против наследника престола и целости монархии.

На их страницах появились весьма оскорбительные по адресу сербского представителя в Вене статьи. Надо отдать справедливость г. Иовановичу, что трудно было выказать больше такта и достоинства, нежели он выказал в эти для него столь тяжелые дни.

Если трагические события последних дней не вызовут осложнений между Австро-Венгрией и Сербией и не обострят еще более

отношений между этими соседними государствами, то этим они, несомненно, обязаны будут качествам сербского представителя в Вене.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 105. Посланник в Цетинье вице-директору I департамента министерства иностранных дел Трубецкому.

Письмо. 6 июля/23 июня 1914 г.

Дорогой Григорий Николаевич,

Некоторое время тому назад я встретился случайно с одним сербом, проживающим по делам в Белграде, происхождения и подданства одной из зарубежных сербских областей. Близко знакомое с настроениями и деятельностью политических партий в королевстве и, повидимому, посвященное в ход правительственной машины этой страны, лицо это, называть которое нужды не представляется, сообщило мне в непринужденной беседе некоторые не лишенные интереса данные о роли армии в жизни сербского королевства в связи с недавним кризисом, перенесенным министерством Пашича [1].

Писать о белградских делах совершенно выходит из круга моих обязанностей; но сведения моего собеседника показались мне настолько заслуживающими внимания, что я не могу не поделиться ими с вами в форме простого рассказа о слышанном. Разумеется, никакого ручательства за точность их я взять на себя не могу, но, по моему, в настоящее время, полное всякими неожиданными событиями, никакими сведениями, даже и документально и не проверенными, пренебрегать не следует. Я убежден, что катастрофа, стрясшаяся над Австро-Венгрией на почве отношений монархии к своим славянам вообще, а в частности к сербо-хорватам, не может не коснуться наших отношений и к Австрии, и к тем народам, которые играют роль в переживаемой ею передряге.

Вот что мне было рассказано.

Возникший между Пашичем и офицерством конфликт на почве проверки деятельности „офицерской Задруги“ [2] явление частичного порядка в общей планомерной борьбе с правительством из-

---

[1] См. стр. 63, прим. 1.

[2] В ответ на телеграмму Нератова от 20/7 марта за № 526, содержавшую в себе предложение обратить внимание Пашича на недопустимость дальнейшего промедления в уплате Международному банку по обязательствам Задруги (ср. № 87) Гартвиг тел. от 30/17 марта сообщал, что „ввиду возникших подозрений в безалаберном ведении правлением Задруги денежных операций подлежащие ведомства назначили ревизию ее хозяйства“, и добавлял, что „по выяснении дела правитель-

вестных кругов армии, получившее особую остроту благодаря тому обстоятельству, что центральной фигурой его явился в тот момент Дамиан Попович, командовавший сербскими войсками под Скутари и в некоторых других пунктах Албании.

Попович—один из самых видных участников низвержения и убийства короля Александра[1].

После того как правительство Пашича решилось, наконец, от него освободиться и уволило его в отставку (под предлогом непринятия надлежащих мер для отражения албанского набега), офицерство, в виде протеста, поспешило избрать его в совет своей „Задруги“. Конфликт был вслед за тем перенесен в скупщину, но возникший при этом министерский кризис разыгрывался не по поводу отставки Поповича, а на почве столкновения между гражданскими и военными властями в Новой Сербии, где последние, как известно, потребовали признания за ними преимущественных перед первыми прав управления. Кризис разрешился, впрочем, довольно быстро; выйдя временно в отставку, Пашич снова стал во главе правительства, и дело о Дамиане Поповиче пока заглохло, но надолго ли,—сказать нельзя.

Весь этот эпизод имел однако один вполне определившийся результат, а именно, усиление недовольства офицерства королем Петром.

Чтобы уяснить себе это обстоятельство, необходимо иметь в виду, что недовольство офицеров своим монархом существует не со вчерашнего дня. Короля Петра офицеры уже давно упрекают в том, что преувеличенно, по соображениям личного и эгоистического свойства, истолковывая свои обязанности конституционного правителя, он не только не принимает действительного участия в делах армии, но и не обнаруживает никакого интереса к жизни и трудам офицеров, уклоняясь даже от установленных обычаем внешних проявлений своей связи с армией, как ее верховного вождя.

Таково предъявляемое королю Петру офицерами обвинение. Для правильной его оценки необходимы однако характеристика самих обвинителей и выяснение роли офицерства в новейшей государственной жизни Сербии.

ством приняты будут меры к возмещению Международному банку причитающихся последнему платежей“.

[1] Имеется в виду убийство короля Александра Обреновича, его жены королевы Драги, ее братьев, председателя серб. совета министров Марковича и воен. м-ра ген. Павловича группой сербских офицеров в ночь на 11 июня/29 мая 1903 г., приведшее к воцарению Петра Карагеоргиевича.

Сербские офицеры, громадное большинство которых прямо или косвенно причастно к государственному перевороту 1903 г., всегда были, как и весь народ, демократичны до мозга костей. Патриотизм их вне всяких сомнений; но после насильственного удаления Обреновича они заразились, также несомненно, преторианским духом, а две победоносных балканских войны возрастили в них крайнее самомнение. Уверенные, что сербской армии придется в недалеком будущем сыграть крупную роль в деле укрепления сербского государства, они уже заблаговременно заботятся о сохранении за нею первенствующего в стране положения и ведут упорную борьбу с гражданскою властью, олицетворяемою в настоящее время радикалами с Пашичем во главе.

Привязанности к той или другой династии у них нет; предвидя неминуемое объединение Сербии и Черногории, они пока мало озабочены вопросом о том, кто окажется на объединенном сербском престоле, одинаково отрицательно относясь и к королю Петру и к королю Николаю. Им нужно процветание сербства, и ради него они не остановятся ни перед какими династическими соображениями.

Такие взгляды и задачи лежат в основе деятельности существующего среди офицеров общества „Црна рука", преследующего исключительно патриотическую—в вышеприведенном толковании—цель. Общество это действует негласно, правительством игнорируется, но и не преследуется; настроение членов его по отношению к королю Петру враждебное.

Во время пребывания в России наследного королевича Александра [1] несколько офицеров членов общества „Черной руки", под впечатлением известий о благосклонном приеме, которого удостоился сербский престолонаследник при русском дворе, явились к королю Петру и предложили ему воспользоваться благоприятно слагающимися для Сербии обстоятельствами и отречься от престола в пользу своего сына, отличившегося во время войны. Король, как потом рассказывали, ответил офицерам, что добровольно он не отречется ни в каком случае и предпочитает погибнуть от руки требующего такого отречения. На это офицеры ответили, что такою ценою они не желают добиться перехода престола в другие руки.

Нельзя не признать, что нынешние настроения многих сербских офицеров чреваты всякими последствиями. Трудно сказать, каково

---

[1] Королевич Александр приезжал в Петербург вместе с Пашичем в янв.—февр. 1914 г.

будет их поведение в ближайшем будущем, но очевидно, что они сохранят за собою господствующую роль во всех событиях, в которые развернется то, что ныне происходит на почве сербско-черногорского объединения, албанских дел и—last but not least—отношений Сербии к австро-венгерской монархии.

Таковы повествование и выводы моего собеседника. Передаю их вам с возможной подробностью и повторяю, что за верность этих данных взять ответственности на себя не могу, хотя полагаю, что едва ли входит в расчет сообщившего мне их лица распространять сведения сомнительные, а еще менее вымышленные, о настроениях сербского офицерства.

В настоящее время я имею случай и возможность присматриваться к взаимоотношениям сербов и хорватов: пришлось уже сделать довольно любопытные наблюдения. Но об этом—как-нибудь в другой раз.

Искренно преданный вам А. Гирс.

№ 106. Памятная записка российской миссии в Пекине китайскому министру иностранных дел Сунь Бао-ци.

№ 141 [1]. 6 июля/23 июня 1914 г.

В ответ на памятную записку от 29/16 июня [2] сего года касательно соглашения о кобдо-алтайском разграничении, императорская миссия имеет честь уведомить ваше превосходительство, что императорское правительство соглашается на ваше предложение не возобновлять помянутое соглашение при условии, что оба округа останутся в своих территориальных пределах, установленных таковым, и что ни китайцы, ни монголы не должны вторгаться в чужой район.

Окончательное же разграничение имеет состояться на основании ст. IV сообщения, приложенного к русско-китайской декларации [5 ноября] 23 октября 1913 г.

К сему императорская миссия считает долгом присовокупить, что ею даны инструкции в этом смысле императорским представителям в Кобдо и Шара-Сумэ.

---

[1] Копия этой памятной записки была препровождена Граве в м-во ин. дел при отношении от 8 июля/25 июня за № 107.

[2] См. приложение к № 20.

№ 107. Дипломатический агент и генеральный консул в Монголии товарищу министра иностранных дел Нератову.

Письмо № 173 с. ж. **6 июля/23 июня 1914 г.**
Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Представляя при сем в дополнение к секретной телеграмме моей [12 июня] 30 мая с. г. за № 152 [1] в переводе на русский язык ноту монгольского правительства с подробностями чинимых китайцами внутренним монголам притеснений, имею честь донести вашему превосходительству, что в моих объяснениях с монгольскими министрами по содержанию этой ноты я указывал им на то, что причинами страданий их единоверцев являются, с одной стороны, уклонение монгольского правительства от тройных переговоров, а с другой стороны, его агитация среди внутренних монголов в пользу присоединения их к Халхе, что, как уже давно хорошо известно ургинским властям, невозможно.

Руководствуясь преподанным мне в секретной телеграмме от [19] 6 июня с. г. за № 1214 указаниями я настаиваю пред монгольским правительством на точном указании времени начала тройных переговоров и назначении уполномоченных. Мои устные настояния я подтвердил нотой от [25] 12 июня с. г., на которую пока еще не получил ответа.

Начавшиеся обычные летние увеселения монгольских князей с их традиционной стрельбой из луков служат сильным тормозом к деловым сношениям с ними.

К сему считаю долгом присовокупить, что копия с настоящего донесения вместе с приложением представляется одновременно с сим императорскому поверенному в делах в Пекине.

Примите и пр. А. Миллер.

Приложение.

Копия с ноты монгольского министерства иностранных дел на имя российского императорского генерального консульства в Монголии от 10 числа 4 луны 4 года правления „Олана Эргукдэксэн" 3 июня/21 мая 1914 г. [2]

Недавно нами неоднократно передавались просьбы нашего правительства для предложения надлежащим властям вернуть китай-

---

[1] В этой тел. Миллер сообщал, что „ургинское прав-во очень просит нашего содействия к прекращению кит. прав-вом преследования внутренних монголов до начала тройных переговоров", дабы иметь возможность оправдать свои действия ссылкой на то, что „благодаря его стараниям и нашему посредничеству внутренние монголы... могут спокойно оставаться под кит. владычеством".

[2] Заголовок подлинника.

ские войска, вторгнувшиеся отдельными отрядами, нарушив принятое Китаем обязательство, на монгольскую территорию и причиняющие бедствия населению, а также освободить захваченного китайскими солдатами сановника Гушири Хутухту, чем предоставить мирное проживание монгольскому населению.

Ныне военное министерство передало нам донесения командующего сторожевыми отрядами на юго-восточной границе Хичиян-Гуй-Батар-Гуна Найдамчжаба, заведующего войсками чахарского аймака Бантачжонная, и. д. старшины шандуских пастухов лошадей Чжансаранчжаба и чиновника Шилугун-шара-хоничин хошуна Токтохо-Чжаргала, из коих видно, что на южной границе чахарских кочевьев в местности „Гурбан-тулга“, вновь занятой под хлебопашество, находится много китайских солдат и среди них изменник Мутэбунга, который, во главе отряда численностью около 1 000 человек китайцев и монголов, прибыл в местность „Хубэгэту-Шара-Сумэ“, занял большую Туганскую кумирню, сжег ее и, прожив несколько, окончил все припасы, уходя же ограбил у населения много лошадей. Затем, прибыв к Хаянгербасской кумирне шандуских пастухов отряд переломал там изображения богов, нанес окрестному населению большое бедствие убийствами, пожарами и грабежами, причем китайцам и монголам отрезали косы и забирали их в состав отряда. Ввиду изложенного просят прислать храбрых войск для поимки изменника Мутэбунги, охраны населения и водворения спокойствия в стране.

Старшина Чжансаранчжаб доносит: „Преступник Мутэбунга неоднократно являлся в хошун Хубэгэту-Шара для вербовки солдат и пополнения количества лошадей, причем из Бадматуской кумирни шандуских пастухов были выгнаны все ламы, прибывшие же туда 300 человек гэминданских войск расклеили прокламации с угрозой в сторону Урги, что они разрушат все постройки гандана, чиновников и солдат и уничтожат неприятеля. В земледельческой местности Гурбан-тулга находится несколько тысяч солдат (хара-цэриков), начальник коих Пурбучжаб, прибыв в кумирню Орой-Булак, захватил оставленное там оружие наших хошунных солдат, а чтобы преградить доступ ургинским войскам, захватил и заклеймил всех без остатка лошадей, которые ныне тщательно охраняются. Донося о сем, покорнейше прошу прислать чиновников и войска для охраны чахарских хошунов. К сему считаю долгом присовокупить, что большая часть наших хошунных больших и мелких чиновников ушла с гэминданскими войсками в Калган, чтобы затем действовать против монголов же. Эти лица, получив земли на китайской

стороне, вместе с их войсками приходят в чахарские кочевья, уничтожают кумирни и монастыри, убивают людей и разоряют имущество, чем приносят разный вред населению, а потому просим охранить от разграбления китайскими войсками завоеванные ранее 4 чахарских хошуна, хошун шандуских пастухов и хошун пастухов скота и овец".

Чиновник хошуна „Хоничин" Токтохо-Чжаргал и писарь Чжамьянсурун доносят: „Я, Токтохо-Чжаргал, после ареста китайскими войсками сановника Хутухты находился вместе с начальником лагеря Чэбэнсуруном. 14 числа 2 луны ночью несколько сот китайских войск хотели накрыть и захватить нас; мы, хотя и сражались несколько, боялись потерять в неравной схватке достоинство государства, отступили, причем начальник отряда был взят китайцами в плен, некоторые из солдат убиты, а некоторые ранены, из оставшихся живыми являюсь я, Токтохо-Чжаргал, раненый, с сорока слишком солдатами. Пешком добрались мы до сунитских уртонов, где нам четверым были предоставлены подводы, остальные же сорок слишком солдат без крова, пищи и лошадей остались пред мечами врага.

По полученным сведениям, захваченный ранее сановник Хутухта находится в Калгане, где ему предложено было объединить всех чахарских правителей и направить их против монголов. Помня принесенную присягу, Хутухта отказался от предложения, результатом чего была казнь его старшего брата Чэбэнсуруна, младшего Дашичжагба, сына Чэгэнсуруна Гончука и младших двоюродных братьев Лхамачжаба и Намчжилсуруна и разграбление их имущества.

Отряд китайских войск (хара-цэриков) численностью в несколько сот, прибыв в месторасположения Хаянгербасской и Бадматуской кумирен, уничтожил изображения богов, священные книги, разогнал всех служителей и учеников, кумирни же были превращены под казармы. Кумирня Лобай также переделана пришедшими солдатами под казарму, а командированным чиновником развешены объявления, которыми доводится до всеобщего сведения, что отдано распоряжение убивать всех родственников сановника Хутухты, а также тех, кто признал правительство его святейшества богдохана, а имущество их уничтожать.

Мы, Токтохо-Чжаргал и Чжамьянсурун, младшие двоюродные братья сановника Хутухты, кое-как сохранили свою жизнь, имущество же наше уничтожено. Оставшиеся из немногих мужчины, женщины, старики и дети, временно сохранив свою жизнь, укрываясь

в горах, ныне также пробираются сюда. Ввиду сего покорнейше просим не отказать в помощи и защите как находящимся в хошуне барун-сунитского вана изнемогшим раненым солдатам, так и спасшимся от рук врага беглецам, старикам и детям. Вместе с сим ходатайствую о выдаче средств на пропитание прибывшим со мной пяти человекам".

Из всего приведенного видно: несмотря на то, что при посредничестве великого российского государства были прекращены военные действия между двумя народами, китайские солдаты постоянно совершают набеги, причиняют бедствия населению и оскорбляют желтую религию; действия эти являются в высшей степени нарушающими установленные правила и, по истине, не могут быть нами терпимы. Так как заключенный договор до сих пор постоянно нарушается одной стороной, то и с нашей стороны, по правде, должны бы послаться войска для защиты чахарских хошунов, но ввиду принятого нами на себя обязательства, на этот раз, замедляя посылку войск, правительство спешно поручило нашему министерству снестись с кем следует на предмет спешного или по телеграфу предъявления Китаю требования немедленно отозвать свои войска с монгольской территории и избавить население от бедствий.

Ввиду приведенного поручения правительства и принимая во внимание то, что китайские войска, вопреки принятому на себя Китаем обязательству, постоянно делают набеги на территорию нашего монгольского государства, захватили сановника Хутухту, причиняют бедствия монгольскому мирному населению и оскорбляют желтую религию, каковые поступки являются противными законам какого бы то ни было государства, а потому, сообщая о сем, по дружественным отношениям, почтенному генеральному консульству, имеем честь покорнейше просить вышеизложенное довести до сведения императорского российского правительства, а также передать по телеграфу российскому посланнику в Пекине ходатайство наше потребовать от китайского правительства немедленного отзыва своих войск и наказания виновных, чем будет оказано содействие в избавлении монгольского населения от притеснений.

О последующем благоволите не отказать уведомить.

К сему считаю долгом присовокупить, что копии с настоящей ноты нами переданы пяти министерствам и т. д.

Шанцзодбы.

№ 108. Дипломатический агент и генеральный консул в Монголии товарищу министра иностранных дел Нератову.

Письмо № 1622. 6 июля/23 июня 1914 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вследствие продолжающихся запросов монголов о времени открытия в Урге Монгольского национального банка имею честь покорнейше просить ваше превосходительство снабдить меня по этому вопросу указаниями.

К сему считаю долгом присовокупить, что, согласно моей секретной телеграмме от [2 июня] 20 мая с. г. за № 134 и представленной при донесении от [6 июня] 24 мая с. г. за № 1361 ноте монгольского правительства[1] статья 8 концессии Юферова была изменена во время пребывания Сайн-Ноин-хана в Петербурге. В прошлом же году, как усматривается из моей секретной телеграммы от [30] 17 ноября минувшего года за № 327, монгольское правительство письменно заявило, что упомянутая статья банковской концессии Юферова не изменена.

Примите и пр.

А. Миллер.

№ 109. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

Телеграмма № 3654. 6 июля/23 июня 1914 г.

Телеграфирую председателю совета министров:

В конце апреля текущего года в городе Дильмане[2] местными жителями был смертельно ранен стоявший часовым на посту стрелок 7 Кавказского стрелкового полка Тимченко[3]. Начальник азербайджанского отряда генерал-майор Воропанов [25] 12 июня № 252 телеграфирует об окончании следствия по этому делу консулом Чирковым, который составил постановление о предании 4 персов

---

[1] См. том III, № 148 и прим.

[2] Дильман — городок на сев.-зап. от Урмийского озера, через который проходят дороги из Тавриза и Хоя на Урмию. Принадлежал к району хойского консульства.

[3] Телеграммой от 4 мая/21 апр. за № 45 Чирков донес о поранении „неизвестными злоумышленниками“ часового из 7 полка, а телеграммой от 26/13 мая за № 76 сообщал о новых вооруженных нападениях в Дильмане. На запрос Клемма от 28/15 мая за № 980 о предполагаемых Чирковым мерах воздействия последний ответил телеграммой от 31/18 мая за № 82, что двое из четырех арестованных по делу Тимченко дильманских жителей „предаются полевому суду“.

полевому суду. Генерал Воропанов находит, что для производства бо́льшего впечатления на население желательно судить обвиняемых по месту совершения преступления, посему просит меня разрешить открыть военно-полевой суд в Дильмане. Вполне разделяя это ходатайство и считая возможным открыть таковой суд на основаниях, изложенных в телеграмме вашего предшественника 1911 г. № 6076 и письме его военному министру № 6409, прошу ваше высокопревосходительство сообщить мне руководящий взгляд правительства по этому вопросу.

Граф Воронцов-Дашков.

№ 110. Военный министр министру иностранных дел.

Письмо № 863. 6 июля/23 июня 1914 г.
По главному управлению генерального штаба. Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В ответ на письмо вашего высокопревосходительства от [5 июля] 22 июня с. г. за № 61 [1] имею честь сообщить, что, по имеющимся в главном управлении генерального штаба сведениям, военный агент наш в Берлине полковник Базаров действительно проявил некоторую неосторожность, вследствие чего дальнейшее пребывание его в Германии представляется нежелательным.

Ввиду изложенного мною вместе с сим сделано распоряжение о немедленном выезде полковника Базарова в Петербург, под видом отпуска.

Примите и пр.

В. Сухомлинов.

№ 111. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

7 июля/24 июня 1914 г.

Повергая у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества секретную телеграмму посланника в Тегеране от [28] 15 сего июня за № 294 [2], приемлю смелость всеподданнейше доложить нижеследующие соображения по затронутым в упоминаемой д. с. с. Коростовцем ноте персидского министра иностранных дел вопросам.

Установленное нашим посланником по соглашению с главным казначеем Персии взимание поземельной подати с русских поддан-

[1] См. № 88.
[2] См. № 5.

ных и находящихся под русским покровительством туземцев нашими консульскими учреждениями является, с одной стороны, новой и весьма тяжелой обузой для наших консулов, уже без того переобремененных работой, а с другой,—может легко повлечь за собою бесконечные препирательства с персидским правительством и нарекания на наших представителей. Нельзя не признать и того, что до известной степени это мероприятие ведет к чрезмерному вмешательству нашему во внутренние дела Персии в ущерб достоинству шахской власти.

Я полагал бы поэтому воспользоваться предложением персидского министра иностранных дел предоставить нам, взамен взимания малиата, инкассирование всех налогов в Северной Персии нашим банком и поручить д. с. с. Коростовцу сговориться с шахским правительством относительно такового, во всех отношениях весьма выгодного для нас компромисса.

Другой вопрос из возбужденных в персидской ноте, по которому мы могли бы, как мне кажется, также пойти навстречу персидскому правительству, это—вопрос о смене правителя Азербайджана Шоджа-эд-Доуле, так как последний решительно отказывается выполнить наше требование о производстве в Тавризе выборов депутатов в меджлис и вместе с тем сам по расстроенному здоровью ходатайствует об увольнении его от тяжелой службы для необходимых ему отдыха и лечения.

Что касается назначения генерал-губернатором Азербайджана велиагда, то таковое можно было бы допустить лишь номинально, т. е. под условием, что этот неуравновешенный юноша будет только носить звание правителя этой области и в Тавриз не поедет, а управлять от его имени провинциею будет лицо, нами одобренное. Предлагаемый на должность такового помощника правителя принц Ферман-Ферма [1], ныне состоящий губернатором Керманшаха, хорошо зарекомендовал себя на этом месте и поддерживал там хорошие отношения с нашим консульством. Его следует во всяком случае признать лучшим из намечаемых тегеранским кабинетом кандидатов.

При отставке Шоджа-эд-Доуле, искреннего нашего сторонника, оказавшего нам много услуг, желательно было бы осчастливить его

---

[1] Принц Ферман-Ферма, правнук Фет-Али-шаха, зять Музаффер-Эддин-шаха, при котором пользовался особым влиянием, в 1907/1908 г. уже был ген.-губ. Азербайджана, после низложения Мохамеда-Али входил в ряд кабинетов, в 1913 г. сел в бест в русскую миссию и покинул Персию осенью того же года.

каким-либо знаком всемилостивейшего вашего императорского величества благоволения. Так как сановник этот всего около двух лет тому назад награжден был орденом св. Анны 1-й степени, то ныне, быть может, ему мог бы быть пожалован высочайший подарок. Согласие же наше на увольнение Шоджа-эд-Доуле могло бы быть поставлено в связь с предоставлением нам шахским правительством некоторых концессий, давно уже составляющих предмет наших переговоров с тегеранским кабинетом, как, например, на судоходство по Урмийскому озеру, на орошение Муганской степи и т. п.

Относительно остальных двух пожеланий персидского правительства, а именно, о признании его отрицательной точки зрения на право приобретения и владения русскими подданными земельной собственностью в Персии и об отозвании наших войск из Персии, надо заметить, что удовлетворение таковых представляется безусловно невозможным, первого—по принципиальным соображениям, второго—ввиду еще далеко не упрочившегося порядка в стране.

На случай, если бы вашему императорскому величеству благоугодно было одобрить вышеизложенные соображения, приемлю смелость повергнуть у сего на всемилостивейшее благовоззрение проект соответствующей телеграммы д. с. с. Коростовцу[1].

Сазонов.

С[огласен.]

Царское Село [7 июля] 24 июня 1914 г.

№ 112. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

⁄. Телеграмма № 1351[2]. 7 июля/24 июня 1914 г.

Сообщается в Цетинье.

Доверительно. Последние события в Австрии, вызвавшие столь резкое обострение анти-сербского настроения, побуждают нас советовать сербскому правительству с крайней осторожностью относиться к вопросам, способным еще более усилить его и создать опасное положение.

Ввиду этого полагаем, что было бы желательно повременить с переговорами о сербо-черногорском сближении, которое уже обра-

---

[1] Упоминаемая Сазоновым телеграмма была отправлена Коростовцу 8 июля/25 июня за № 1361 (см. № 126).

[2] Опубл. Siebert, III, № 1067.

тило на себя внимание австро-венгерского и даже германского правительств[1].

Прошу вас доверительно сообщить наше мнение Пашичу.

Сазонов.

№ 113. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

*/. Телеграмма № 1353. 7 июля/24 июня 1914 г.

Получил № 451[2]. Получили ли ответ великого визиря, обещанный им в четверг?

Считали бы крайне желательным, чтобы генерал-инспекторы сознавали себя менее зависимыми от Порты и поняли необходимость искать поддержки у вас, что, повидимому, недостаточно сознано было ими при подписании контракта.

Установились ли у Гоффа надлежащие отношения с посольством?

Сазонов.

№ 114. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 476. 7 июля/24 июня 1914 г.

М. г.

Письмом от [3 июля] 20 июня с. г. № 170[3] ваше превосходительство изволили уведомить меня, что с вашей стороны не встречается принципиальных возражений против осуществления вновь возникшего в настоящее время проекта приобретения Салоникского банка, по слиянии его с турецким Национальным банком, особым международным консорциумом с участием в сем последнем Русско-азиатского банка.

С своей стороны министерство иностранных дел считает желательной указанную выше комбинацию, но во избежание недоразумений полагало бы соответственным теперь же поставить правление Русско-азиатского банка в известность относительно усло-

---

[1] В телеграмме от того же числа за № 137, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Чернин передал Берхтольду свою беседу с Сазоновым, во время которой он обратил внимание последнего на „газетное сообщение, согласно коему сербский поверенный в делах открыто говорил о предстоящем сербо-черногорском объединении". По словам Чернина, Сазонов ему ответил, ссылаясь на „достоверный источник", что „Сербия не имеет в виду подобного плана и стремится лишь сохранить status quo". Ср. Oe. U. A., № 10086.

[2] См. № 37.

[3] См. № 73.

вия, при коем новый банк может рассчитывать на посильную поддержку нашего дипломатического представительства.

Условие это заключается в том, в какой мере удастся русским представителям в совете Национального банка отстаивать диктуемые нашей политикой на Ближнем Востоке интересы. Само собою разумеется, что в той же мере и сам Национальный банк может рассчитывать на нашу поддержку. Коль скоро, наоборот, мы увидели бы, что Национальный банк обслуживает интересы, расходящиеся с нашими, мы вынуждены будем подумать об ином обеспечении последних; в этом случае Русско-азиатскому банку придется, быть может, подумать о ликвидации своего участия в Национальном банке.

В беседах с представителями Русско-азиатского банка указанная точка зрения министерства иностранных дел была неоднократно устанавливаема.

Сообщая о сем, я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой не отказать с своей стороны поставить правление Русско-азиатского банка в известность, что, вполне сочувствуя его участию в новом Национальном банке, мы просим его иметь в виду указанное выше условие.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 115. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 477[1]. 7 июля/24 июня 1914 г.

М. г. Петр Львович,

В 1898 г. при содействии императорского российского правительства товариществом „Инженер А. М. Горяинов и Ф. Е. Енакиев“, переименованным затем в „Русско-персидское горнопромышленное общество“, получена была от персидского правительства концессия на разработку в течение 70 лет рудных месторождений в граничащей с Россией персидской местности, известной под названием „Карадаг“.

Северную границу упомянутой концессии составляет р. Аракс по длине около 150 вер., к востоку от Джульфы, между Ордубатом

[1] На подлиннике имеется следующая помета Клемма: „В. спешно. Переписать сегодня к подписи министра. Затем послать копию мин-рам торговли и военному с просьбой о поддержке. Наместнику пока не посылать, т. к. он, повидимому, относится не совсем сочувственно к этому делу. На этот счет надо навести подробные справки у С. К. Подгурского. — [6/VII] 23/VI 14. В. Клемм“.

и устьем р. Кара-су; крайний юго-западный пункт концессии отстоит от г. Тавриза в 60 верстах. Площадь, предоставленная обществу по концессии под разработку руд, устройство промышленных предприятия и проведение дорог, занимает более 8 500 кв. верст с населением около 250 000 человек.

По данным общества, специальными экспедициями, в 1899, 1900, 1907 и даже в текущем 1914 гг. удостоверено, что карадагские рудные месторождения весьма богаты разнообразными минералами, особенно же медными и серебросвинцовыми рудами. В записке горного инженера Н. Н. Курмакова под заглавием „Горные богатства Карадага", в одном только Сюнгюне, составляющем небольшую часть карадагской концессии, исчислен запас руды в 7% до глубины 100 саж. от поверхности приблизительно в 420 000 000 пудов, что соответствует 29 400 000 пуд. меди.

Русско-персидским горнопромышленным обществом проектированы на русской территории, на левом берегу Аракса, заводы для выплавки меди и свинца из карадагской руды, а также произведены изыскания железнодорожного пути через Мильскую и Муганскую степи и далее по долине р. Аракса, без чего разработка названной руды представляется невозможной.

Кроме громадного интереса, представляемого карадагской концессией в коммерческом отношении, эта концессия имеет несомненное политическое значение для России.

Территория концессии, равная одной десятой всей площади Азербайджана, предоставлена в полное распоряжение Русского промышленного общества на семидесятилетний срок; непосредственному влиянию этого общества могло бы подчиниться все воинственное население Карадага, которое современем обратилось бы к мирным занятиям в качестве рабочих, возчиков и поставщиков большого русского дела. Такое значение карадагской концессии было сознано еще в 1904 г., когда государь император высочайше повелеть соизволил [31] 18 марта 1904 г. предоставить Русско-персидскому горнопромышленному обществу особые льготы по вывозу руд из Карадага в пределы России; вместе с тем означенным высочайшим повелением постановлено, что передача концессии карадагских рудных месторождений другим лицам и акционерным компаниям может последовать не иначе, как с разрешения министра финансов.

Как выше указано, разработка карадагских месторождений без железнодорожного пути, вдоль этих месторождений, представляется невозможной. Но, насколько мне известно, проект такого железно-

дорожного пути был уже составлен около 2 лет тому назад и представлен председателем правления общества Тавризской жел. дороги д.с.с. Подгурским предместнику вашего высокопревосходительства графу Коковцову под заглавием „Записка о сооружении Южно-Кавказской железной дороги". Названная железная дорога имеет соединить рельсовым путем ст. Аджи-Кабул со ст. Джульфа Закавказских ж. д., прорезывая ныне орошаемую Муганскую и Мильскую степи и проходя по долине реки Аракса у самой территории карадагской концессии. Дорога эта будет иметь не меньшее значение для строящейся ныне Джульфа-Тавризской ж. д. Соединяя Аджи-Кабул с Джульфой, начальным пунктом Тавризской ж. д., Южно-Кавказская ж. д. даст сокращение пробега для следующих в Персию через Джульфу с Владикавказской ж. д. и Волжского бассейна транзитных грузов на 567 верст; вместе с тем она откроет доступ в Персию таким грузам, которые ныне в Персию проникнуть не могут из-за дороговизны и неудобств доставки.

С своей стороны признавая громадное экономическое и политическое значение осуществления карадагской рудной концессии как для России, так и для Персии, а в связи с этим значение скорейшего осуществления проекта постройки Южно-Кавказской железной дороги, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня, в каком положении находится в настоящее время этот весьма важный и интересный вопрос, и не представлялось ли бы возможным скорейшее рассмотрение его в комиссии о новых железных дорогах, дабы еще до закрытия сессии Государственного совета можно было этот проект провести через II департамент совета. Проект Прикаспийской ж. д. близок к осуществлению,—было бы крайне желательно, чтобы и проект Южно-Кавказской не отставал.

Примите и пр. Сазонов.

№ 116. Итальянский посол в Петербурге Карлотти итальянскому министру иностранных дел Сан-Джулиано.

Телеграмма № 416 [1]. 7 июля/24 июня 1914 г.

Le prince Troubetzkoi, avec lequel j'ai parlé de la démarche à faire à Athènes pour prévenir le gouvernement grec, qu'il n'encourage pas directement ou indirectement une nouvelle insurrection des epirotes, mais qu'il exerce au contraire toute son influence afin de faire accepter l'accord de Corfou par les epirotes, a dit que le gouvernement russe

---

[1] Телеграмма расшифрована и переведена с итальянского в росс. м-ве ин. дел.

à la suite de la communication de son délégué à la commission de contrôle, a attiré la plus sérieuse attention du gouvernement grec sur les conséquences très sérieuses de son attitude éventuelle à ce sujet. Mr. Venizélos a donné les assurances les plus formelles, en ajoutant qu'il a chargé Mr. Zographos de faire accepter l'accord de Corfou par les epirotes sans les moindres nouvelles prétentions.

Le prince Troubetzkoi est convaincu de l'entière loyauté de Mr. Venizélos et il est persuadé que la Grèce n'a aucun intérêt à se lier les mains et à se mettre dans une fausse position vis-à-vis des Puissances.

Quant à la communication à faire à Athènes „si omnes" le prince Troubetzkoi m'a réitéré que le ministre russe à Athènes a déjà reçu l'ordre, l'autorisant à participer à une telle démarche.

Перевод.

Князь Трубецкой, с которым я говорил о демарше, имеющем быть предпринятым в Афинах для предупреждения греческого правительства, чтобы оно не вдохновляло прямо или косвенно новое восстание эпиротов, а напротив, использовало все свое влияние, дабы побудить эпиротов принять Корфиотское соглашение,—сказал, что российское правительство в результате сообщения делегата в контрольной комиссии обратило самое пристальное внимание греческого правительства на весьма серьезные последствия его возможной позиции в этом вопросе. Г. Венизелос дал самые формальные заверения, прибавив, что он поручил г. Зографосу побудить эпиротов принять Корфиотское соглашение без малейших новых притязаний.

Князь Трубецкой убежден в полной лояльности г. Венизелоса и уверен, что Греция не имеет никакого интереса связывать себе руки и ставить себя в ложное положение перед державами.

Что касается сообщения, которое должно быть сделано в Афинах „si omnes", то князь Трубецкой повторил мне, что российский посланник в Афинах уже получил инструкцию, уполномачивающую его принять участие в таком выступлении.

№ 117. Австро-венгерский поверенный в делах в Петербурге Чернин австро-венгерскому министру иностранных дел Берхтольду.

Телеграмма № 138 [1]. 7 июля/24 июня 1914 г.

Demarschen in Bucarest und in Constantinopel.

Ew. Excellenz Auftrag № 151 [2] heute bei Herrn Sasonow im Einvernehmen mit dem italienischen Vertreter ausgeführt [3].

---

[1] Телеграмма расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] В первой части телеграммы от 5 июля/22 июня за № 151 (см. стр. 121, прим. 2), помеченной на экземпляре м-ва ин. дел № 150, Берхтольд поручил Чернину добиться совместно с Карлотти от Сазонова поддержки Россией проекта посылки румынских войск в Албанию. Ср. Oe. U. A., № 10046.

[3] Телеграммой от 6 июля/23 июня за № 3996, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Сан-Джулиано предписал Карлотти добиться содействия Сазонова.

Den ersten Teil der Instruction betreffend die erwünschte Anweisung des russischen Vertreters in Bucarest sich für die Entsendung rumänischer Truppen nach Albanien einzusetzen brachte ich mehr gesprächsweise vor, wurde aber gleich durch den Minister mit der Bemerkung, dass er dieses Project bereits categorisch abgelehnt hat, unterbrochen. Herr Sasonow fügte bei, die russische Regierung habe als einen der Ablehnungsgründe ins Treffen geführt, eine Entsendung von Truppen nach Albanien scheint ihr im Hinblick auf das rumänisch-serbische Verhältnis unliebsam [1].

Was die beschlossene Demarsche in Constantinopel anbelangt [2], so stellte sich Herr Sasonow ihr gegenüber nicht ablehnend, sagte aber, dass Frankreich dieselbe nicht mittun wolle. Deshalb würde auch England nicht für die Demarsche zu haben sein, da die englische Regierung sich nur für den Fall der Solidarität aller Mächte an einem gemeinsamen Schritt in Constantinopel beteiligt. Russland hätte gegen die Demarsche selbst nichts einzuwenden.

Перевод.

Шаги в Бухаресте и Константинополе.

Поручение вашего превосходительства № 151 выполнил сегодня в беседе с г. Сазоновым, по соглашению с итальянским представителем.

Первой части инструкции—относительно желательности предписания российскому представителю в Бухаресте настаивать на посылке румынских войск в Албанию—я коснулся скорее в форме беседы, но министр тотчас прервал меня замечанием, что этот проект уже категорически им отвергнут. Г. Сазонов добавил, что российское правительство в качестве одной из причин его отклонения указало, что посылка войск в Албанию представляется ему нежелательной с точки зрения румыно-сербских отношений.

Что касается решения выступить в Константинополе, то г. Сазонов его не отклонил, но сказал, что Франция не хочет принимать участия в этом шаге. Поэтому и Англию не удастся привлечь к выступлению, так как английское правительство только в случае солидарности всех держав участвует в коллективных шагах в Константинополе; Россия же против самого выступления не имеет никаких возражений.

№ 118. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 183. 7 июля/24 июня 1914 г.

Reçu votre télégramme № 1339 [3].

Ai repris aujourd'hui avec Nicolson affaire Vermoch, me référant

---

[1] В телеграмме от 6 июля/23 июня за № 150 (№ 2) Петряев высказал мнение, что посылка румынских войск в Албанию не улучшит положения князя, создаст еще больший беспорядок и вызовет неудовольствие Греции и Сербии.

[2] Имеется ввиду австро-итальянское предложение выступить в Константинополе с требованием о прекращении поддержки, оказываемой младотурками албанским повстанцам.

[3] См. № 97.

à ma communication sur base lettre ministérielle du [13 mai] 30 avril [1]. Il me dit que tout d'abord au début affaire, texte pris à la lettre de résolution de Londres indiquait dans opinion du Foreign Office solution favorable à Albanie, mais qu'à la suite mes démarches et observations, faites conjointement par ambassadeur de France et moi, ministère anglais avait modifié son opinion et instruit Granet de modifier la sienne et traiter question conformément nouvelles instructions. Il s'en est suivi que Granet a introduit une proposition intermédiaire [2], d'après laquelle districts Cim et Vermoch se trouvaient pra(tique)ment adjugés à Monténégro et qui assurait ses communications avec Podgoritsa; Clementi pourtant n'étaient pas entièrement coupés de Scutari. Cette proposition portait certaines conditions concernant entre autres marchés et évacuation par Monténégro de parages dévolus aux Clementi. Certains mots du télégramme, par lequel Granet rend compte de sa proposition — pas tout-à-fait clairs. Nicolson ne connaît pas encore accueil fait par commissaires à cette proposition. Il attend télégramme de Granet à ce sujet [3].

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 1339.

Вернулся сегодня с Никольсоном к вермошскому делу, ссылаясь на мое сообщение, основанное на письме министра от [13 мая] 30 апреля. Он сказал мне, что первоначально, когда началось дело, дословно понятый текст лондонской резолюции, по мнению Форейн Оффис, говорил в пользу решения, благоприятного для Албании, но что вследствие моих выступлений и замечаний, сделанных совместно со мной французским послом, английское министерство изменило свое мнение и предписало Гренету изменить его точку зрения и рассмотреть вопрос согласно новым инструкциям. В результате этого Гренет внес компромиссное предложение, по которому цемский и вермошский округа были бы практически присуждены Черногории и последней обеспечены пути сообщения с Подгорицей; Клементи однако не были бы совершенно отрезаны от Скутари. Это предложение содержало некоторые условия, касавшиеся, между прочим, рынков и эвакуации Черногорией земель, предоставленных Клементи. Некоторые слова телеграммы, в которой Гренет дает отчет о своем предложении, не совсем ясны. Никольсон еще не знает, как принято

---

[1] См. т. III, прим. к № 110.

[2] См. приложение к № 14, стр. 30.

[3] Телеграммой от 12 июля/29 июня за № 63 А. Гирс сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, разграничительная комиссия покинула Вермош, не разрешив спора о нем, и перенесла свои работы в сторону Дечан. Телеграммой от 21/8 июля за № 65 он сообщил со слов Потапова, что комиссия скоро закончит черногорско-албанское разграничение и 7 авг./25 июля перейдет на еще не установленный участок сербо-албанской границы между Призреном и Диброю.

комиссарами это предложение. Он ожидает от Гренета телеграммы по этому поводу.

Бенкендорф.

№ 119. Поверенный в делах в Берлине[1] министру иностранных дел.

⁷/. Телеграмма № 106. 7 июля/24 июня 1914 г.

Получил № 1337 [2].

Министр иностранных дел сказал мне, что получил от Пурталеса телеграмму о предстоящем безотлагательном отъезде полковника Базарова в отпуск. Я ответил, что имею также сведения об этом и потому обращаю все его внимание на необходимость в общих интересах избежать появления в прессе каких-либо сведений о предстоящем процессе, главным образом, с упоминанием имени нашего военного агента. Министр иностранных дел ответил, что, хотя не может дать в этом отношении безусловной гарантии, но обещает употребить все свое влияние для достижения этой цели и избежания излишней огласки. По его словам, это одинаково нежелательно для обеих сторон. Броневский.

№ 120. Генеральный консул в Сараеве послу в Вене Шебеко.

Донесение № 5. 7 июля/24 июня 1914 г.

Имею честь донести вашему превосходительству подробности о злодейском убийстве его императорского и королевского высочества эрцгерцога Франца-Фердинанда и супруги его герцогини Гогенберг [3].

Еще в прошлую субботу, в Илидже, главной квартире, эрцгерцог пригласил к обеду военных чинов. Его высочество был очень весел и доволен маневрами, а герцогиня очаровывала всех, в особенности босняков, своею любезностью. В воскресенье предполагались посещение ратуши, прием военных властей в конаке и обед у начальника края генерала Потиорека. В 10 часов утра автомобиль с эрцгерцогом, герцогинею и генералом Потиореком направлялся к ратуше. Путь охранялся только полицейскими. Никаких особых мер охраны принято не было. На набережной была

---

[1] Телеграммой от 5 июля/22 июня Броневский сообщил об отъезде Свербеева в отпуск в Москву и о намерении его быть в Петербурге 10 июля/27 июня.

[2] Телеграмой от 6 июля/23 июня за № 1337 Сазонов сообщил, что по распоряжению военного министра Базаров уволен в отпуск и должен безотлагательно прибыть в Петербург.

[3] Ср. № 66.

брошена бомба, которая попала в кузов автомобиля. Эрцгерцог отстранил ее рукою. Бомба разорвалась некоторое время спустя и ранила ехавшего в другом автомобиле флигель-адъютанта генерала Потиорека подполковника Мерицци и шесть человек из публики. Эрцгерцог и герцогиня остались невредимы. В ратуше эрцгерцог и герцогиня были несколько взволнованы. Начавшего говорить речь бургомистра эрцгерцог прервал словами: „Я приехал к вам как гость, а вы встречаете меня бомбами. Теперь продолжайте". Из ратуши его высочество, несмотря на уговоры генерала Потиорека, пожелал ехать в госпиталь повидать Мерицци. Мер к охране и теперь не было принято, как говорят, по приказанию эрцгерцога. На повороте с набережной во Франца-Иосифу улицу, молодой человек на близком расстоянии произвел два выстрела. Генерал Потиорек приказал шоферу повернуть в конак. Генерал не предполагал ничего серьезного: эрцгерцог и герцогиня сидели неподвижно,—но вскоре однако заметил, что у его высочества изо рта текла кровь. Вскоре их высочества потеряли сознание, а через четверть часа по приезде в конак наступила смерть. У эрцгерцога оказалась порванною шейная артерия, а герцогиня ранена в живот.

Оба преступника задержаны. Один, бросивший бомбу, типограф Габринович [1], 21 года. Другой гимназист 8 класса Принцип 19 лет. Оба уроженцы Боснии и сербы.

Убийство произвело чрезвычайное смятение в городе, имевшее следствием анти-сербские демонстрации и беспорядки, о которых я буду иметь честь донести вашему превосходительству особым донесением [2]. Во вторник в Сараеве и окрестностях установлено осадное положение. В среду останки эргерцогской четы были перевезены в Меткович на корабле „Viribus Unitis" для следования в Триест и Вену.

Примите и пр. **Игельстром.**

№ 121. Посланник в Софии министру иностранных дел.

ʼ/. Телеграмма № 125. 7 июля/24 июня 1914 г.

Заем в Берлине все еще не подписан, но, по уверению правительственных газет, почти все переговоры закончены, и проект будет внесен на-днях в народное собрание. Узнаю, что перед

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Донесением от 8 июля/25 июня за № 6 Игельстром, сообщая сведения о сербском погроме в Сараеве, указывал, что хотя расследование ведется в строгой тайне, „в обществе упорно держится убеждение", что „преступление Чабриновича и Принципа является следствием националистического сербского заговора".

его внесением правительство намерено сегодня или завтра созвать представителей оппозиции, дабы склонить их в пользу берлинского займа и ознакомить их как с немецкими, так и с французскими условиями, причем в качестве французских будут фигурировать те, которые Перье предложил до того, что они были приняты французским правительством. Очевидно, эти условия несравненно тяжелее тех, которые Перье мог бы предложить ныне, почему приходится лишний раз пожалеть, что Перье не формулировал до сих пор своих предложений. Если бы эта формулировка последовала даже теперь, то она, по крайней мере при дебатах в собрании, парализовала бы явно недобросовестный правительственный план. Я предупредил оппозицию о предполагаемом маневре правительства. Продолжаю считать, что было бы весьма важно даже теперь подвинуть наше министерство финансов и Перье сделать предложения.

Савинский.

№ 122. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 474. 7 июля/24 июня 1914 г.

Получил № 1331 [1]. Ссылаюсь на свои телеграммы № 465, 466 [2].

Вопрос о помещении известного вклада в новый банк является чисто техническим, не берусь категорически высказаться по его поводу. Во всяком случае нахожу, что не следует пренебрегать никаким средством, могущим усилить наше влияние на банк. Считаю равным образом желательным обеспечить исключительное наше влияние на имеющее образоваться рядом с банком русское общество в смысле моей телеграммы № 466. Не имея ничего против образования самостоятельного банка на армянские капиталы, я все же остаюсь при мнении, что он будет служить главным образом армянским интересам. При этих условиях он не может заменить предполагаемую ныне комбинацию. Потому вновь усиленно ходатайствую о поддержании последней.

Гирс.

№ 123. И. о. консула в Маку в I департамент министерства иностранных дел.

*/. Телеграмма [3]. 7 июля/24 июня 1914 г.

Телеграмма за № 1312 [4] получена.

Телеграфирую в Тегеран:

---

[1] См. № 76.

[2] См. №№ 83 и 84.

[3] Номер отсутствует.

[4] Телеграмма Клемма от 2 июля/19 июня за № 1312 касалась вопроса о помещении для сотни в Маку.

Только сегодня при торжественной обстановке поднят флаг над консульским зданием, подыскать и нанять которое стоило долгих хлопот и было причиной промедления отсылки донесений из Маку. Нанятый дом лучший в городе.

Ознакомившись с положением дел, пришел к заключению, что мы можем достигнуть здесь в короткое время крупных результатов. Нам необходимо лишь проявить больше активности. Это тем более необходимо, что турки и немцы пытаются ныне развить в Маку свою торговлю. По моему настоянию теперь же приступают к постройке шоссе Шахтахты—Маку. Во главе дела стоит русско-подданный, родственник сердара.

Сотню положительно необходимо оставить здесь на более продолжительный срок, ибо уход ее будет по своему понят местным населением и использован не только сердаром, но и турками. Казаки сейчас стоят лагерем за городом, зимой же живут бесплатно в доме сердара, что, конечно, крайне неудобно. Наем помещения обойдется четыре тысячи рублей в год. По словам генерала Мышлаевского, размещение каждой сотни на Кавказе обходится приблизительно то же. Следует, чтобы военные власти теперь же предписали командиру сотни озаботиться подысканием помещения для сотни, которая во всем сравнена с прочими отрядами в Персии. Полагаю, что со стороны военных властей не будет к тому препятствий, ибо всюду в Персии казна оплачивает помещения для войск.

Олферьев.

№ 124. Памятная записка китайского министерства иностранных дел российскому поверенному в делах в Пекине Граве [1].

№ 165. 7 июля/24 июня 1914 г.

Министерство путей сообщения отношением своим уведомило меня [2] о том, что для обсуждения вопроса о железных дорогах в Северной Манчжурии им назначены гг. Шуй Цзюнь-шао и Гань-до, которые имеют вступить в сношение с российским представителем г. фон Гойером [3].

Отмечая, что факт настоящего назначения китайским правительством делегатов свидетельствует о том уважении, с коим оно

[1] Телеграммой от 8 июля/25 июня за № 322 Граве довел содержание этой пам. записки до сведения м-ва ин. дел и препроводил копию ее при деп. от 15/2 июля за № 43; ср. № 140.

[2] Т. е. Сунь Бао-ци.

[3] См. телеграмму Граве за № 304 (№ 52).

относится к вашему, г. поверенный в делах, предложению, считаю долгом своим однако предварительно пояснить, что, ввиду коммерческого характера железных дорог, при займе капитала и проведении линии необходимо заблаговременно установить степень возможности развития земледелия и промышленности вдоль линии дороги и увеличения доходов, обеспечивающих капитал и проценты.

Командируемым ныне министерством специальным делегатам надлежит совместно с представителем Русско-азиатского банка г. фон Гойером подробно изучить направление линий и избрать наиболее выгодное для постройки.

Доводя о сем до вашего сведения, имею честь просить поставить о сем в известность г. фон Гойера.

№ 125. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 1356. 8 июля/25 июня 1914 г.

Сообщается в Софию.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 173 [1].

Нашим банкам необходимо знать возможно точнее, на сколько времени желательна отсрочка предъявления к уплате бонов.

Сазонов.

№ 126. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

*/. Телеграмма № 1361. 8 июля/25 июня 1914 г.

Телеграмма за № 294 [2] получена.

По возбужденным в ноте шахского министерства иностранных дел вопросам [3] вы можете дать нижеследующие ответы:

1. Установленный по соглашению с главным казначеем порядок взимания малиата с русско-подданных и покровительствуемых нами туземцев нашими консульствами может быть отменен под условием, что консульства будут наблюдать за правильным обложением этих лиц и что инкассирование всех налогов в Северной Персии будет немедленно предоставлено нашему банку на приемлемых для него основаниях, при нашем праве контролировать расходование этих налогов.

2. Ввиду отказа Шоджа-эд-Доуле подчиняться нашему требованию о производстве выборов в меджлис и собственного его

---

[1] См. № 69.

[2] См. № 5.

[3] См. приложение к № 64.

желания покинуть настоящую должность по расстроенному здоровью, мы готовы согласиться на назначение правителем Азербайджана велиагда, с тем однако, что его высочество, во избежание вмешательства его приближенных в дела местного управления, в Тавриз не поедет, а будет занимать сказанную должность лишь номинально. Зарекомендовавший себя с хорошей стороны в Керманшахе принц Ферман-Ферма может быть допущен к исправлению обязанностей пишкара с тем условием, что Решид-оль-Мольку будет им отведена подобающая роль в составе администрации. Эта последняя может, по вашему усмотрению, составить предмет непосредственного уговора вашего с принцем через управляющего консульством в Керманшахе. Кроме того, шахское правительство должно в доказательство дружеского нам расположения безотлагательно решить вопросы о нужных нам концессиях на Урмийское озеро, Муганскую степь, орошение в Исфагане и Мешедо-Гауданскую дорогу, а равно о карантинном враче в портах Каспийского моря.

3. Пожелание относительно признания нами правильности персидского толкования статьи 5-й Туркманчайского договора безусловно неприемлемо.

4. Отозвание наших отрядов из Персии признаем в настоящее время еще невозможным, и в будущем оно будет в значительной мере зависеть от развития казачьей бригады и возложения на последнюю, а не на жандармерию, поддержания порядка в Северной Персии. К реорганизации бригады будет приступлено в самом непродолжительном времени [1].

В заключение благоволите от имени императорского правительства обратить серьезное внимание тегеранского кабинета на неуместность его обращения к постороннему содействию в делах, касающихся непосредственно России и Персии.

Правительство шаха уже имело случай убедиться, что Россия ничьего вмешательства в свои отношения к Персии не потерпит и что такого рода выступления его могут лишь помешать дружественному улажению возникающих между обоими соседними государствами вопросов.

Сазонов.

---

[1] Письмом от 30/17 июня за № 4739 Сухомлинов в ответ на отношение Сазонова уведомил его, что он вполне соглашается с его мнением о необходимости реорганизации казачьей бригады, что вопрос этот уже рассматривается в главном управлении ген. штаба и что в ближайшее время он предполагает командировать в Тегеран „доверенного генерала“ для выяснения всех вопросов, связанных с предстоящей реформой.

№ 127. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 1362[1]. 8 июля/25 июня 1914 г.

Телеграмма № 3654 [2] получена.

Считал бы возобновление действий нашего полевого суда в Персии крайне нежелательным, особенно в настоящее время, когда нами ведутся серьезные переговоры с англичанами по персидским делам.

При полном подчинении нашему влиянию местных персидских властей мы можем добиться применения к виновникам нападения на нашего нижнего чина желательной нам кары и без непосредственного нашего вмешательства. Позволяю себе поэтому высказаться за предоставление суда и расправы над обвиняемыми местному губернатору под наблюдением консула.

Об изложенном мною поставлен в известность председатель совета министров.

Сазонов.

Напрасно гр. Воронцов обратился сюда. Убит был русский солдат, и за это виновники подлежат нашему полевому суду. Не надо забывать, что мы имеем дело с разбойниками-азиатами.

Петергоф, [9 июля] 26 июня 1914 г.

№ 128. Итальянский посол в Петербурге Карлотти итальянскому министру иностранных дел Сан-Джулиано.

/. Телеграмма № 418 [3]. 8 июля/25 июня 1914 г.

Confidentiel.

J'apprends d'une source sûre que Mr. Sazonow, le chargé d'affaires d'Autriche-Hongrie lui ayant parlé de la „possibilité" que l'Autriche-Hongrie demande le concours du gouvernement serbe relativement à une instruction minutieuse à conduire dans la Serbie, concernant le dernier attentat, lui aurait répondu, qu'une telle démarche de la part de l'Autriche-Hongrie ferait une très mauvaise impression en Russie et qu'il aurait vivement insisté pour que l'Autriche-Hongrie abandonne une semblable intention et pour qu'elle „ne mette pas le pied sur une voie si dangereuse" [4].

---

[1] Царск. экз.

[2] См. № 109.

[3] Телеграмма расшифрована и переведена с итальянского в росс. м-ве ин. дел.

[4] Об этом свидании Сазонова с Черниным в делах б. м-ва ин. дел никаких документов не обнаружено. Ср. Oe. U. A., № 10106.

Перевод.

Доверительно.

Я узнал из достоверного источника, что в ответ на указание австро-венгерского поверенного в делах на „возможность" предъявления Австро-Венгрией сербскому правительству требования о содействии при тщательном расследовании, имеющем быть произведенным в Сербии по делу о последнем покушении, г. Сазонов сказал, что такой демарш произвел бы в России очень плохое впечатление и горячо настаивал, чтобы Австро-Венгрия отказалась от подобного намерения и „не вступала на столь опасный путь".

№ 129. Памятная записка английского министерства иностранных дел российскому послу в Лондоне Бенкендорфу [1].

8 июля/25 июня 1914 г.

Sir Edward Grey has given his careful consideration to count Benckendorff's memorandum of the 25-th ultimo [2], in which the hope was expressed that His Majesty's Minister at Teheran might be instructed to support his Russian colleague in proposing to the Persian Government, that serdar Reshid, ex-governor of Ardebil, should succeed Shuja-ed-Dowleh as governor general of Azerbaijan.

Whilst His Majesty's Government have felt constrained to criticise the attitude of Shuja-ed-Dowleh in the conduct of the administration of the province, they have not demanded his recall and they would not have wished to give advice or to express an opinion as to the selection of high Persian officials in the provinces comprised in the Russian sphere, had not Monsieur Sazonow invited their co-operation in prompting the appointment of a successor to Shuja.

Since, however, the Russian Government suggest serdar Reshid as the particular candidate for the post which Sir W. Townley should be instructed to support, Sir E. Grey cannot disguise the fact, that, according to the information furnished to His Majesty's Government, serdar Reshid's previous history from the days of his employment as a menial in the service of the governor of Ardebil has been such, as to inspire the greatest possible mistrust both as to his capacity and as to his personal character. The appointment of such a man to the post of governor-general at Tabreez which has hitherto usually been held by the heir to the throne would necessarily be exceedingly distastful to the Persian authorities.

---

[1] Копия этой пам. записки была препровождена Бенкендорфом Сазонову при отношении от 10 июля/27 июня, полученном в м-ве ин. дел 13 июля/30 июня.

[2] Меморандум Бенкендорфа Грею был вызван тел. Сазонова от 24/11 июня за № 1247, см. том III, № 340.

Sir E. Grey has always considered it perfectly natural that the Russian Government should insist on high Persian officials in the northern provinces being selected with due regard to their ability and disposition to work amicably with the Russian authorities, and he therefore does not consider it a matter, in which he should interfere. In any case he could not give active support to a person of serdar Reshid's standing and antecedents.

Sir E. Grey believes it would be possible to choose a personage of eminence and distinction for the position, such for instance as his highness the Farman Farma, whose sympathies toward the Russian Government are, so he understands, beyond question.

Should Monsieur Sazonow desire it, Sir E. Grey would be happy to authorise Sir W. Townley to support Monsieur Korostovetz in pressing the candidature of his highness on the Persian Government.

Перевод.

Сэр Эдуард Грей подверг внимательному рассмотрению меморандум графа Бенкендорфа от 25 минувшего месяца, в котором выражалась надежда, что посланник его величества в Тегеране получит инструкцию поддержать предложение своего русского коллеги персидскому правительству о назначении сердара Решида, б. ардебильского губернатора преемником Шоджа-эд-Доуле, по должности азербайджанского генерал-губернатора.

Хотя правительство его величества считало себя вынужденным подвергнуть образ действий Шоджа-эд-Доуле в управлении им провинцией критике, оно не требовало его отозвания и не желало давать совет или выражать мнение насчет выбора высших персидских должностных лиц в провинциях, входящих в русскую сферу, пока г. Сазонов не обратился к его содействию в проведении кандидатуры преемника Шоджа.

Раз однако российское правительство указало на сердара Решида, как на достойного внимания кандидата на пост, о поддержке которого сэр В. Тоунлей должен был получить инструкцию, то сэр Э. Грей не может замолчать того факта, что согласно информации, доставленной правительству его величества, предшествующая история сердара Решида с того времени, когда он состоял в услужении у ардебильского губернатора была такова, что возбуждает самое крайнее недоверие как к его способностям, так и к его личному характеру. Персидским властям назначение подобного человека на пост генерал-губернатора в Тавризе, до сих пор обычно занимавшийся наследником престола, не могло бы не быть чрезвычайно неприятным.

Сэр Э. Грей всегда считал совершенно естественным, что российское правительство должно настаивать, чтобы высшие персидские должностные лица в северных провинциях были подбираемы с должным вниманием к их способностям и готовности дружно работать с русскими властями, и поэтому он не считал это делом, в которое ему следовало вмешиваться. Во всяком случае он не может оказать активной поддержки лицу с положением и прошлым сердара Решида.

Сэр Э. Грей полагает, что было бы возможно избрать лицо достой-

ное данного поста по своему высокому положению и знатности, вроде, например, его высочества Ферман-Ферма, чьи симпатии к российскому правительству, насколько он знает, находятся вне спора.

Если г. Сазонов пожелает этого, сэр Э. Грей был бы счастлив уполномочить сэра В. Тоунлея поддержать г. Коростовца перед персидским правительством в настоянии на кандидатуре его высочества.

№ 130. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 184. 8 июля/25 июня 1914 г.

En réponse à mon aide-mémoire [1] à ce sujet, Grey me répondit qu'appréciant entièrement vos motifs, il instruira Wratislaw de ne pas hâter les travaux au détriment de leur efficacité et de l'étude approfondie nécessaire. En même temps Grey dit, que de se passer du service des topographes indiens en les distinguant de l'escorte ne sera pas possible à cause du nombre restreint du personnel technique russe [2].

Benckendorff.

Перевод.

В ответ на мою памятную записку по этому поводу Грей мне заявил, что, оценивая вполне ваши доводы, он предпишет Ротислау не спешить с работами во вред их качеству и необходимому углубленному изучению. В то же самое время Грей сказал, что обойтись без помощи индийских топографов, выделив их из эскорта, не представится возможным, ввиду ограниченного числа русского технического персонала.

№ 131. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 177. 8 июля/25 июня 1914 г.

Вчера, в палате депутатов, при обсуждении кредита в четыреста тысяч франков на поездку президента республики в Россию глава объединенных социалистов Жорес произнес резкую речь против России. Вивиани ответил ему в самых энергичных выражениях и заявил о незыблемости русско-французского союза, отвечающего чувствам и интересам обеих стран и обеспечивающего поддержание мира. Кредит был принят огромным большинством голосов.

Извольский.

---

[1] См. № 56.

[2] Телеграммой от того же числа за № 483 М. Гирс передал сообщение Минорского, что Ротислау настаивает на сохранении всех англ. топографов и на севере от Баннэ (см. стр. 88, прим. 2). По мнению Минорского, желательно сократить их число и обеспечить России руководящую роль в ее бесспорной зоне.

№ 132. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 85. 8 июля/25 июня 1914 г.

На вчерашнем совете министров под председательством графа Берхтольда обсуждались созданное сараевским преступлением политическое положение и те административные меры, которые должны быть приняты в Боснии и Герцеговине, а также бюджет будущего года [1]. Появившееся сегодня в этом смысле правительственное сообщение имело, повидимому, целью успокоить общественное мнение, встревоженное распространяемыми некоторыми кругами воинственными слухами [2]. Из разговоров моих с графом Берхтольдом я вынес впечатление, что австро-венгерское правительство не намерено предъявлять сербскому правительству никаких требований, несовместимых с достоинством соседнего государства. Ввиду существующего здесь в настоящий момент даже среди иностранных представителей большого возбуждения, следует относиться с большой осторожностью ко всем поступающим из Вены алармистским известиям.

Шебеко.

№ 133. Посол в Вене министру иностранных дел.

⁄. Письмо. 8 июля/25 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Хотя сильное возбуждение, вызванное в стране сараевским преступлением, и начинает мало-по-малу униматься, тем не менее оно еще не улеглось и может еще вызвать нежелательные осложнения ввиду усилий, прилагаемых к тому военными и клерикальными кругами, а также немецкими и болгарскими элементами.

Возбуждение против Сербии вызвано было первоначально местными властями в Боснии, которые, желая снять с себя тяжелую ответственность за плохую охрану личности наследника престола и полную свою неосведомленность, всячески старались возбудить общественное мнение против сербов, обвиняя их и само сербское правительство в соучастии в преступлении, жертвами которого пали эрцгерцог Франц-Фердинанд и его супруга.

---

[1] См. протокол этого заседания D. A., I, № 8. Ему предшествовало совещание Берхтольда с Тиссой и Штюрком при участии герм. посла Чиршского и гр. Гойоша, вернувшегося из Берлина с герм. ответом на письмо Франца-Иосифа и пам. зап. австро-венг. прав-ва, о чем см. тел. Чиршского от того же дня K. D., № 18.

[2] См. тел. Бунзена Грею от 11 июля/28 июня за № 140, B. D., v. XI, № 46.

Преступное попустительство, которое обнаружили местные власти при возникновении беспорядков и разгрома сербского населения объясняется желанием показать лояльность насенения Боснии и Герцеговины.

Введение во всем крае осадного положения [1] решено было по словам графа Берхтольда, исключительно для водворения порядка и охраны сербов, последние же объясняют эту меру намерением правительства терроризировать сербское население.

Как бы то ни было, возбуждение из Сараева весьма быстро передалось на другие центры Боснии и Герцеговины, а также на самую Вену, где оно было сильно раздуто печатью стоявших близко к покойному эрцгерцогу клерикальных и военных кругов.

Вылилось это возбуждение в самой недостойной форме, а именно в ряде шумных, враждебных манифестаций против сербской миссии и личности сербского представителя в Вене. Манифестации эти повторялись несколько дней подряд, и хотя полиция и принимала меры, чтобы они ограничились криками и свистками, раздававшимися в некотором отдалении от здания миссии, тем не менее подобные повторные проявления вражды против иностранного представителя со стороны населения европейской столицы не должны были бы быть терпимы никаким правительством, в каковом смысле я и высказался во время беседы с графом Берхтольдом [2].

Последний сослался на неприличный, „исполненный цинизма" тон сербской печати, который подействовал крайне возбуждающе на без того разгоряченные умы населения.

На мое замечание, что нельзя возлагать на целую нацию и тем более на правительство ответственность за преступление, совершенное отдельными личностями, притом австрийскими подданными в пределах империи, министр иностранных дел возразил мне, что недавнее зверское убийство собственного монарха [3] заставляет Австро-Венгрию относиться подозрительно к государству, видные политические деятели которого принимали личное участие в этом кровавом событии.

---

[1] См. № 120.

[2] В беседе с Бунзеном об австро-сербских осложнениях, переданной последним Грею телеграммой от 5 июля/22 июня за № 137 (B. D., v. XI, № 40) Шебеко, считая, что изолированная борьба Австрии с Сербией невозможна, так как Россия будет вынуждена взяться за оружие на защиту Сербии, высказал сомнение, чтобы Австрия решилась на войну и добавил, что „сербская война означает общую европейскую войну".

[3] См. стр. 147, прим. 1.

Граф Берхтольд к этому прибавил, что австро-венгерское правительство вовсе не намерено вызывать конфликта и желает только выяснить подробности злодейского покушения, дабы все участвующие и причастные к нему лица понесли заслуженную кару и этим предупредить в будущем повторение подобных ужасных событий.

Вчера состоялся в Вене совет министров под председательством графа Берхтольда, на котором обсуждалось настоящее политическое положение и те меры, которые надлежит принять в Боснии и Герцеговине, после чего граф Берхтольд поехал с докладом к императору в Ишль.

Появившееся сегодня по сему поводу правительственное сообщение имело, повидимому, целью успокоить общественное мнение, встревоженное распространяемыми некоторыми кругами воинственными слухами. С введением осадного положения в Боснии и Герцеговине наружное спокойствие до некоторой степени восстановилось в стране, и хотя до сих пор повторяются еще отдельные случаи нападения на сербов и разгром сербского имущества, но, в общем жизнь мало-по-малу входит в нормальную колею.

Конечно, это спокойствие более внешнее, и следы кровавого сараевского события не так скоро изгладятся.

Ближайшими его последствиями для внутренней жизни края, по всей вероятности, будут: более тесное сближение католического и мусульманского элементов между собой и приостановка начавшего налаживаться сербско-хорватского движения.

Примите и пр. Шебеко.

№ 134. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 127. 8 июля/25 июня 1914 г.

Копия в Париж.

Прошу срочных указаний по телеграфу.

Вопрос о займе вступил в окончательный, но острый фазис, потому что, с одной стороны, переговоры в Берлине доведены до конца,—остается только подписание,—а с другой—оппозиция, объединившись, единодушно выступила сегодня с категорическим перед правительством протестом. Протест этот поколебал решение правительства покончить во что бы то ни стало в Берлине, и оно готово было бы обратиться в Париж при двух условиях: сохранение лица и уверенности, что его шаг не останется без последствий. Первое условие будет достигнуто ссылкой на настояние оппозиции, для выполнения второго необходимо: 1) наше кате-

горическое заявление, что, порвав с Берлином, Болгария не останется без займа; 2) что он не будет сопровождаться не только политическими условиями, но и никакими железнодорожными концессиями при низком и выгодном для банков эмиссионном курсе и широком обеспечении реальными гарантиями и крупными военными заказами. Боюсь, что Бауер плохо понял слова Радославова о необходимости ждать [1] и повторяю, что ему необходимо сейчас же формулировать самым определенным образом предложение на вышеуказанных началах, но это, конечно, для него возможно лишь при условии, если мы сверх морального согласимся принять хотя самое ничтожное материальное участие в займе. Помимо той общей выгоды, которую извлечет Перье от устройства займа впервые не под покровительством французского правительства, у него, по уверению столь опытного финансиста, как Тодоров, будет масса других материальных выгод. Поэтому, казалось бы, было легко подвинуть его на совершение займа без концессий. Это—последняя попытка, в случае неудачи которой придется преклониться пред совершившимся фактом немецкого займа. Считаю, что мы с моральной точки зрения приняли на себя в вопросе займа известное обязательство, отстать от которого и трудно и нецелесообразно, так как заем теперь в Париже будет исходной точкою восстановления нашего престижа в Болгарии и поворотным пунктом ее политики. Если вы разделяете мое мнение, может быть, вы разрешили [бы] мне, а французское правительство—Панафье, повторить письменно те заявления, которые были поручены сделать Панафье при его возвращении из Парижа, присовокупив, что до выпуска займа мог бы быть выдан сейчас аванс в размере, упоминаемом в телеграмме министерства № 1042 [2]. Получение испрашиваемого мною разрешения и предложения Перье были бы весьма желательны даже в случае немедленного подписания займа; оно оказало бы влияние на исход дебатов в народном собрании.

Прошу срочных и определенных указаний. Савинский.

№ 135. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 28. 8 июля/25 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги служит предметом самого оживленного обсуждения в здешней прессе.

---

[1] См. № 33.
[2] См. т. III, № 155.

Король Фердинанд предполагал отправить в Вену на погребение австро-венгерского наследника обоих своих сыновей, но после того как стало известно, что император Франц-Иосиф отклонил участие в погребении иностранных депутаций, отказался от этого намерения.

Председатель совета министров Радославов послал графу Берхтольду от имени болгарского правительства весьма прочувствованную телеграмму, с выражением негодования и скорби по поводу сараевского злодеяния.

Как уже было упомянуто, болгарская пресса усиленно занимается убийством Франца-Фердинанда. Но в то время как большинство органов европейской печати трезво отнеслось к злодейскому преступлению, имевшему место в Сараеве, почти вся здешняя пресса придала своей оценке этого события своеобразный характер, а именно вина в злодеянии огульно возлагается на Сербию и сербский народ. В оценке этой—весьма пристрастной—явно проглядывает та неприязнь, а пожалуй, и ненависть к Сербии, которая не может здесь улечься со времени прошлогодней войны, а также желание правительственной прессы выслужиться перед Австрией. Нельзя не согласиться с тем, что если убийца Франца-Фердинанда серб по происхождению, то этого недостаточно для того, чтобы утверждать, что самое убийство было задумано в Белграде, где, по словам болгарских официозов, уже давно замышлялась смерть эрцгерцога, считавшегося исконным врагом Сербии.

В своих обвинениях против Сербии болгарская пресса вполне сходится с австрийской. Но если резкий тон последней является понятным хотя бы в силу вековой неприязни Двуединой монархии к сербскому королевству, то злобные выпады здешней печати против соседней державы представляются весьма прискорбными, а ссылки на то, что Сербия представляет собою страну королеубийц и гнездо всевозможных покушений, едва ли могут послужить к упрочению столь трудно налаживаемых добрососедских отношений между Болгарией и Сербией. Во всяком случае здешней прессе, казалось бы, нет основания приходить к злорадному выводу, что Сербия и ее правительство подготовили и выполнили убийство австро-венгерского наследника.

В то время как большая часть прессы ополчается против Сербии, некоторые органы оппозиции придерживаются иного взгляда: так, газета „Балканска трибуна“ указывает на суровую политику Австрии против сербов в Боснии, как на причину смерти эрцгерцога, а социалистический „Народ“ считает, что вина па-

дает не на сербов, а на самую Австрию, чинящую в течение многих лет насилия над сербской народностью.

Что касается возможных последствий сараевской катастрофы, то, по общему мнению прессы, в этом отношении следует быть готовым ко всяким неожиданностям, которые могут привести к значительному изменению политического положения на Балканах.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 136. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 8 июля/25 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из моих телеграфных донесений вашему высокопревосходительству известно, в каком положении находится вопрос о займе. В моем последнем письме от [26] 13 июня я сообщал о приезде сюда представителя банка Перье и о его разговорах с гг. Радославовым и Тончевым [1].

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда приостановило, с одной стороны, берлинские переговоры, а с другой—послужило для г. Бауера сигналом к отъезду в Париж, где он хотел лично убедиться, как это событие отразится на состоянии европейских денежных рынков.

В возобновленных с тех пор в Берлине переговорах происходит однако какая-то заминка. Кроме того, в городе стали упорно циркулировать слухи об открытом разногласии, обнаружившемся по вопросу о займе в самом кабинете между его председателем и министром финансов, прибегнувшим к нелояльным приемам [2], лишь бы покончить дело в Берлине. Говорят, что будто бы г. Радославов возмутился этим поведением г. Тончева и сказал королю на докладе, что в таком случае этот заем будет не болгарский, а тончевский. С другой стороны, появились слухи, впоследствии вполне подтвердившиеся, что министр финансов собирается сделать представителям оппозиции доклад об условиях займа, о чем я телеграфировал вам вчера за № 125 [3], причем он намерен выставить в качестве французских предложений те, которые были сделаны банком Перье несколько месяцев тому назад, т. е. еще в то

---

[1] См. т. III, № 384.
[2] Ср. № 19.
[3] См. № 121.

время, когда этот банк, не получая поддержки французского правительства, действовал на свой страх и риск.

Видя столь явную недобросовестность г. Тончева, с одной стороны, и слабость г. Радославова—с другой, я посетил сего последнего и в длинной беседе старался ему доказать еще раз как невыгодность навязываемого его министром финансов займа в Берлине, так и прямой расчет для него не допустить, чтобы его имя было связано с актом, столь гибельным для его страны, которого общественное мнение ему никогда не простит. Я старался затронуть его патриотическую струну и доказывал, как ему легко теперь, с тех пор что Россия не отказывает ему в своей поддержке, получить для Болгарии заем, выгодный с материальной стороны и популярный со стороны нравственной. Я ему повторил, что г. Бауер приезжал сюда с твердым намерением заключить заем, которым он лично дорожил, так как эта операция, произведенная с согласия французского правительства, поставила бы одновременно и его банковскую группу в возможность выступить впервые в той роли, которой она давно домогалась. Я указал также на то, что, хотя г. Бауер и не мог сделать определенных предложений вследствии приема, оказанного ему Тончевым, и смерти эрцгерцога, однако он ждет в Париже болгарского приглашения и готов во всякую данную минуту сделать предложения, которые по сравнении их с берлинскими окажутся, несомненно, более выгодными. Длинными доводами мне удалось склонить Радославова на свою сторону, и он сказал мне, что если до следующего дня из Берлина не будет получено ожидаемого ответа, то он заставит Тончева обратиться в Париж.

Сегодня должно состояться также то заседание, в котором министр финансов должен сообщить представителям оппозиции берлинские условия.

Вследствие этого и дабы предохранить оппозицию от ложных разъяснений Тончевым французских предложений, я виделся вчера с двумя главными вождями оппозиции—Малиновым и Тодоровым—и дал им имевшиеся у меня сведения, которые были им неизвестны и которые они оба признали для себя весьма ценными. Оппозиция, как сказали мне ее вожди, собирается сегодня сделать род ультимативного предложения правительству, в котором она будет обещать последнему свою полную поддержку в случае обращения за займом к Франции и, наоборот, объявит открытую и жестокую борьбу, если правительство будет упорствовать в своем желании навязать стране заем немецкий, тяжелый и обременительный.

Я считал, что в настоящем положении вопроса мне следовало попытаться сделать последние усилия, чтобы не дать займу совершиться в Берлине. Но я не скрываю от себя всей непрочности намерений и обещаний Радославова, на которого сейчас после разговора со мною будут давить и влиять как г. Тончев, так и граф Тарновский, посещающий его почти ежедневно.

С другой стороны, меня немного беспокоит молчание, которое хранит Париж со времени вашей телеграммы мне и гофмейстеру Извольскому от [2 июля] 19 июня № 1315 [1] насчет номинального лишь участия наших банков.

Из слов Малинова и Тодорова я понял также вчера, что в немецком займе моментом, смущающим не только оппозицию, но и некоторых правительственных депутатов, является требование материальных концессий—на эксплоатацию угольных мин, постройку железнодорожных линий и др.

Ввиду всего этого, вполне сознавая, что не мне судить о возможности для нашего министерства финансов и наших банков привнести свое участие в займе в той или другой форме, а для французских банков отказаться от тех или других обеспечений и привилегий (все единодушно признают, что единственная привилегия, стоящая вне сомнений,—это военные заказы, которые в случае заключения займа во Франции будут отданы французской фирме Крёзо вместо немецкой Круппа, как это будет при заключении займа в Берлине), я считаю только своим долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что в случае, если бы переговоры в Берлине прервались и болгарское правительство обратилось к нам и Франции, то малейшее колебание с нашей стороны произвело бы здесь, и совершенно справедливо, самое тягостное впечатление, что мы мол хотели лишь расстроить заем в Берлине, а сами уклоняемся от него.

Дабы избегнуть этого упрека, а главное для охранения нашего престижа и интересов нужно теперь же создать такое положение как в Петербурге, так и в Париже, которое дало бы возможность откликнуться на болгарское обращение без всякого колебания, а это обусловливается, с одной стороны, участием наших банков, а с другой—отказом французских банков от материальных концессий.

Это последнее условие, при мягкости и покладистости, проявленных в разговорах со мною г. Бауером, представляется мне вполне достижимым.

Примите и пр. А. Савинский.

---

[1] См. № 58.

№ 137. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 480. 8 июля/25 июня 1914 г.

Я обратил внимание великого визиря на крайнюю необходимость положить предел насильственному бойкоту против христианского населения [1]. Он заверил о данном им распоряжении принять ныне же самые энергичные меры против бойкота. Полагаю однако, что действительное исполнение этого распоряжения находится в зависимости от результатов работ греко-турецкой комиссии [2].

Гирс.

№ 138. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 482. 8 июля/25 июня 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 468 [3].

Сведения, касательно греко-турецкой комиссии, сообщенные мне греческим посланником, подтверждены великим визирем. По его словам, соглашение состоялось и по вопросу о роли арбитра. Он не председательствует в комиссии, но находится в месте ее пребывания и в постоянных сношениях с нею, чтобы немедленно разрешать возникающие разногласия, что сведется на практике к постоянному его участию в работах комиссии. Великий визирь сообщил мне, что вчера он сделал Греции предложение поручить выбор арбитра президенту Швейцарской республики. Ответ Греции еще не получен [4].

Гирс.

---

[1] В донесении от 7 июля/24 июня русский делегат в международной комиссии при Талаат-бее Тухолка сообщал, что, несмотря на прекращение массового гонения на греков, в результате которого все побережье Смирнского вилайета очищено от греч. населения, продолжаются отдельные случаи бойкота греков, что влечет за собой дальнейшее выселение последних.

[2] Первое заседание греко-турецкой комиссии состоялось 11 июля/28 июня, о чем сообщил в I департамент м-ва ин. дел ген. консул в Смирне Калмыков донесением от 13 июля/30 июня за № 629.

[3] См. № 85.

[4] Тел. от 9 июля/26 июня за № 490 Гирс сообщил, что Греция приняла турецкое предложение и вступила по этому поводу в переговоры с швейцарским правительством через своего посланника в Берне. Тел. от 21/8 июля за № 544 Гирс сообщил, что „президент Швейцарской республики выразил согласие на арбитраж для разрешения разногласий, могущих возникнуть в греко-турецкой комиссии, но потребовал предварительно точного определения деятельности арбитра“.

№ 139. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 307. 8 июля/25 июня 1914 г.

Переживаемый Персией министерский кризис затянется, вероятно, до коронации, когда шах призовет к власти новых людей, якобы уже намеченных его величеством,—намеченных по соглашению с регентом. В числе их называют Мостоуфи-оль-Мемалека в качестве премьера, Мушир-эд-Доуле, Мотамин-оль-Молька и Мухбер-оль-Солтане. Сапехдар, заявивший себя чересчур открыто русским приверженцем, не имеет шансов попасть в кабинет, так же как и Восуг-эд-Доуле, не имеющий сторонников среди названных лиц. Кабинет этот, встречающий сочувствие Тоунлея, будет, повидимому, держаться примирительной политики в делах и, казалось бы, не может вызвать с нашей стороны принципиальных возражений. В остальном намеченная программа остается без изменений. Так как новых депутатов набрано пока лишь 35, то придется пополнить недостающее до 69 число членами бывшего меджлиса, коих имеется до 50 чел. По словам Тоунлея, меджлис будет реакционный, так же как сенат, положение о коем составлено Мушир-эд-Доуле по указаниям регента. Ввиду упорного отказа Восуг-эд-Доуле остаться во главе министерства, обязанности его, вероятно, временно перейдут к Ала-эс-Солтане. Лично думаю, что проектированный регентом кабинет будет недолговечен, и посему нам нет оснований противодействовать его образованию и проводить вопреки желанию правительства и англичан кандидатуру Саад-эд-Доуле, к которому впоследствии, вероятно, обратятся сами же персы.

Коростовец.

№ 140. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 322. 8 июля/25 июня 1914 г.

Министр иностранных дел письменно сообщил мне сегодня, что министерство путей сообщения назначило своих чиновников Шуй Цзюнь-шао—племянника Сунь Бао-ци—и Гань До делегатами для обсуждения с Гойером вопроса о железных дорогах в Северной Манчжурии. Делегаты должны будут подробно изучить направление линий и избрать наиболее выгодную для постройки.

Министр при этом делает следующую оговорку[1]: „Отмечая, что факт настоящего назначения китайским правительством делегата свидетельствует о том уважении, с коим оно относится к вашему предложению, считаю долгом своим однако предварительно пояс-

[1] Ср. № 124.

нить, что ввиду коммерческого характера железной дороги при займе капитала и проведении линии необходимо заблаговременно установить степень возможного развития земледелия и промышленности вдоль линии дороги и увеличение доходов, обеспечивающих капитал и проценты". Граве.

№ 141. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 323. 8 июля/25 июня 1914 г.

Дополнение к моей телеграмме № 322.

Я отвечаю министру уведомлением о получении этого сообщения и о передаче его вашему высокопревосходительству, причем определенно указываю в ответе, что упоминаемое в китайском сообщении мое „предложение" основано на памятных записках от [16] 3 марта [1] и [21] 8 мая [2].

Хотя означенное сообщение не является прямым ответом на помянутые памятные записки, мне кажется однако возможным согласиться на открытие переговоров с делегатами; по ходу этих совещаний можно будет установить, следует ли нам требовать оформления дела дипломатическим актом, или же достаточно будет заключения контракта между Гойером и китайскими делегатами.

По словам Мунте, неопределенность ответа китайцев вызвана желанием показать для спасения лица, что инициатива в постройке требуемых нами линий исходит от китайского правительства. Для нас важна не столько редакция ответа и сделанные в ней оговорки, сколько самый факт назначения делегатов для переговоров о постройке железных дорог в Северной Манчжурии, во время которых все недомолвки и оговорки могут быть устранены в зависимости от обстановки и степени давления, которое мы найдем необходимым при этом оказывать.

Прошу указаний. Граве.

№ 142. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 324. 8 июля/25 июня 1914 г.

Министр иностранных дел предложил Брандту занять пост юридического советника при китайском правительстве на два года с оставлением старшим профессором института русского языка

---

[1] См. тел. Крупенского от 16/3 марта 1914 г. за № 116 (т. II, № 28).

[2] Тел. от 21/8 мая за № 233 Граве сообщил о вручении им вторичной пам. записки и о новом уклончивом ответе Сунь Бао-ци.

при вай-цзяо-бу. Так как Брандт состоит чиновником особых поручений министерства финансов, то предварительно принятия этого предложения он просит содействия испрошению у министра финансов соответствующего разрешения с сохранением должности по названному министерству.

Мне кажется, что с назначением Коновалова советником контроля опасения, изложенные в телеграмме посланника от [13 августа] 31 июля 1912 года № 690[1], ныне отпадают, и разрешение Брандту принять предложение вай-цзяо-бу вполне соответствовало бы нашим интересам, ибо в его лице миссия приобретает нового весьма тактичного посредника между нею и китайскими властями[2].

Граве.

№ 143. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1367. 9 июля/26 июня 1914 г.

Телеграмма за № 304[3] получена.

Ввиду изложенных в ней соображений Восуг-эд-Доуле не встречаем препятствий к временному выходу его из состава кабинета. Надеемся твердо увидеть его вновь среди членов правительства в скором времени, к чему окажем ему охотно поддержку.

Сазонов.

№ 144. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

'/. Телеграмма № 1369. 9 июля/26 июня 1914 г.

Болгарский посланник передал мне просьбу своего правительства об оказании нами успокоительного воздействия в Бухаресте, ввиду крайнего возбуждения тамошних политических кругов и общественного мнения, вызванного новым пограничным инцидентом[4]. Болгары обещают вместе с тем дать румынам полное удовлетворение в этом деле.

---

[1] Телеграмма росс. посланника в Пекине от 13 авг./31 июля 1912 г. за № 690 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] Тел. от 18/5 июля за № 350 Граве сообщал, что вай-цзяо-бу официально уведомило его о приглашении Брандта советником по юридическим вопросам, и спрашивал, какой ответ он должен дать.

[3] См. № 93.

[4] Деп. от 7 июля/24 июня за № 36 Поклевский сообщал о происшедшем на рум.-болг. границе близ Силистрии столкновении, закончившемся убийством одного рум. солдата и поранением другого. Для расследования этого дела была назначена смешанная комиссия, приступившая к работе 7 июля/24 июня.

Не желая отказывать в просьбе болгарам, мы не можем однако не считаться с необходимостью тщательно избегать каких-либо выступлений, могущих испортить налаживающиеся отношения наши с Румынией.

Прошу вас, поэтому объясниться с министром иностранных дел в смысле болгарских пожеланий, придав беседе самый дружеский и доверительный характер, исключающий всякую мысль о непрошеном вмешательстве или тем более давления с нашей стороны [1].

Сазонов.

№ 145. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 486. 9 июля/26 июня 1914 г.

Доверительно.

М. г. Александр Петрович,

В газете „Temps“ от 3 июля с. г. (по нов. стилю) помещена корреспонденция из Константинополя об Оттоманском долге и о русском делегате в Совете этого учреждения, автор которой высказывается крайне резко против допущения нашего делегата в Совет оттоманского долга. Не рассматривая по существу ни правильности приведенных в означенной статье цифр,—по нашему мнению, весьма спорных,—ни объяснений касательно совершенно частного характера учреждения Оттоманского долга, мы не можем не обратить внимания на самый факт появления в газете, имеющей такое значение как „Temps“, статьи, направленной против наших интересов.

Действительно доводы, приводимые в статье, были бы уместны в устах наших политических противников, но никак не на столбцах органа печати союзной с нами страны и могут лишь еще более затруднить разрешение поставленной нами себе нелегкой задачи добиться допущения русского делегата в Совете долга.

Я счел поэтому полезным поручить вице-директору канцелярии Н. А. Базили, часто имеющему случай видеться с г. Палеологом, объясниться с ним по настоящему вопросу; со своей стороны,

---

[1] В ответ на эту тел. Поклевский тел. от 11 июля/28 июня за № 136 сообщил, что в Бухаресте „отнюдь не желают обострять положения“ и надеются, что инцидент будет ликвидирован в течение ближайших дней. В тел. от 13 июля/30 июня за № 139 Поклевский уведомил Сазонова, что комиссия не пришла к окончательному решению и что улегшееся было в Бухаресте возбуждение против Болгарии снова усилилось в связи с известием о новом столкновении на румыно-болгарской границе, в результате которого тяжело ранены два румынских солдата.

вы могли бы при случае высказать министру иностранных дел в мягкой и дружеской форме наше удивление по поводу содержания статьи „Temps", развив все те соображения, по которым в интересы Франции входит, казалось бы, всячески способствовать упрочению нашего финансового и экономического положения в Оттоманской империи, с усилением коего неизбежно связан и рост политического влияния России на берег[ах] Босфора.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 146. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 9 июля/26 июня 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

J'ai eu hier un entretien avec Grey, auquel il attache évidemment de l'importance, m'ayant convoqué dès la veille ad hoc, et sans qu'aucun sujet, autre que celui qu'il aborda, n'ait été traité, sauf tout à la fin, et seulement en réponse à une question que je lui posais. Grey parlait et réfléchissait tour à tour, l'entretien a duré près d'une heure. En voici le résumé.

Pour entrer en matière Grey me dit que les nouvelles qu'il recevait de Vienne, ne lui plaisaient pas, que l'esprit public devient très chaud. „Spirits run very high, higher than ever before", qu'il était question d'une démarche à Belgrade, de la teneur de laquelle il ne savait encore rien [1], mais qu'on voulait pousser Berchtold à „put his foot down", que Berchtold avait une situation fort difficile, et pourrait bien être trop faible pour les circonstances [2], la presse serbe ayant eu au début des articles imprudents, ce qui complique pour lui les choses. Je lui demandai s'il ne comptait pas sur l'esprit pacifique de l'empereur François-Joseph, qui, je le croyais sûrement, reculerait devant une guerre, au moment où il avait un pied dans la tombe. Grey me répondit, il faut distinguer entre prestige, — jamais celui du monarque autrichien n'avait été plus grand, — et autorité. Il avait toujours remarqué que non seulement les monarques, mais même les hommes d'Etat, sur la fin de leurs jours, gagnaient en prestige ce qu'ils perdaient en autorité, parce que, dit-il, on regarde au-delà. En somme, ajouta-t-il, il reste Berchtold faible. Je répondis que ce que j'enten-

[1] О сущности австро-венг. демарша в Белграде Бунзен сообщил Грею 16/3 июля тел. за № 83 (B. D., v. XI, № 50).

[2] См. стр. 175, прим. 1; K. D., №№ 49 и 50 и R. B. (1914 г.), №№ 19 и 21.

dais était bien grave, parce que si l'Autriche faisait capital de l'odieux du crime commis, l'esprit public en Russie ne resterait pas en arrière. C'est pourquoi, répartit Grey, la situation me paraît très sérieuse. — Je lui dis que pourtant l'Allemagne avait son mot à dire, et que je ne pouvais pas me persuader que l'empereur Guillaume voulût la guerre. Il me répondit qu'il pensait comme moi, pourtant que ses impressions sur les dispositions de Berlin, impressions puisées à nombre de sources, n'étaient pas très bonnes en général. Ces dernières années on a continué à y parler de politique anglaise ou russe „d'encerclement", sans y croire réellement, dans des buts parlémentaires d'armements. A force d'en parler la conviction s'établit et y fait progrès. On s'y est mis dans la tête que la Russie a des visées agressives, arme, négocie, soit avec la Roumanie [1], soit avec l'Angleterre pour une convention militaire et tout au moins pense à la guerre, de sorte que compter sur l'Allemagne autant que l'an dernier serait imprudent. Grey me demanda si vous ne pourriez faire quelque chose. Je lui demandai quel serait bien le résultat d'un entretien où vous feriez profession de foi de visées pacifiques avec l'ambassadeur d'Allemagne? Grey me répondit „en effet cela aboutit à peu de chose". Il ajouta que l'important serait d'observer avec l'Allemagne la plus grande prudence, dans le maniement journalier des affaires et d'éviter le moindre incident. Grey me dit qu'il avait parlé à Lichnowsky. Il me dit que l'ambassadeur, lui-même convaincu des exagérations répandues à Berlin, avait pourtant confirmé le fait de l'inquiétude de l'esprit public et de la méfiance à l'égard de la Russie. Grey lui a répondu: qu'il avait été le premier à prévenir le gouvernement allemand que l'affaire du général Liman à Constantinople [2] avait été une grosse faute qui avait produit en Russie une impression déplorable très sérieuse et justifiée. Mais qu'il pouvait lui certifier, que depuis que cette affaire a été arrangée, il n'avait pas constaté un seul symptôme d'hostilité de la Russie contre l'Allemagne, ni un seul fait ou intention de compliquer les choses, tout au contraire. A une autre occasion il avait déjà dit à Lichnowsky [3] qu'il était parfaitement exact qu'entre l'Angleterre, la France et la Russie on causait de tout, dans une intimité complète, mais que si on avait à Berlin considéré la visite de

---

[1] Имеется в виду свидание в Констанце Николая II с Карлом румынским 14/1 июня 1914 г., см. доклад Сазонова Николаю II, т. III, № 339 и „Константинополь и проливы", изд. Н. К. И. Д., 1925 г., т. I, стр. 356 и сл.

[2] О деле Лимана фон Сандерса см. М., стр. 629—694, и Gr. Pol., Bd 38, Kap. 290.

[3] Ср. B. D., v. XI, №№ 32 и 41, и K. D., №№ 20 и 30.

notre auguste souverain en Roumanie comme une étape de la politique d'encerclement, cela était absurde, que l'intimité de nos rapports ne faisait nullement que nous ayons à nous consulter sur nos rapports particuliers, chacun avec nos voisins. Qu'à l'occasion de la visite à Constanza, la Russie n'avait consulté personne, qu'elle n'avait personne à consulter, et qu'il n'y avait eu là aucun plan concerté hostile, que d'ailleurs le désir commun de deux pays limitrophes comme la Russie et la Roumanie, de mettre fin à une tension surannée, était absolument naturel, comme dans l'intérêt de l'un et de l'autre. Je repris pour dire que toutes ces appréhensions allemandes d'encerclement continuaient à me paraître fort peu sincères. Mais qu'en effet il ce pourrait qu'à part cette théorie commode et facile à exploiter, la situation militaire, qui n'est plus la même, considérée en soi, donne à réfléchir à l'Allemagne. Elle peut lui inspirer la prudence, comme elle peut la pousser à brusquer les évènements. Je résumai la situation militaire, la Russie considérablement plus forte en hommes et en chemins de fer, la France juste comme elle était, la Roumanie suspecte, l'Angleterre encore plus. Grey me répondit: „Oui. C'est mes impressions à ce sujet que je voudrais que M. Sazonow connût. Notre entretien est bien entendu ultra confidentiel, mais je crois que nous devons y penser". Grey pense que plus l'Allemagne sera rassurée, moins elle soutiendra l'Autriche. Si elle est inquiète, c'est dangereux.

Grey ajouta deux réflexions. Il me rappela un entretien privé où je lui avais dit, ce que je crois vous avoir écrit, que dans mon idée la Triple Alliance avait sur la Triple Entente un avantage, celui d'avoir un chef. Il me dit qu'il avait partagé cette opinion, mais qu'il y a à considérer que plus la situation militaire se transforme à son désavantage, plus son alliance avec l'Autriche devient précieuse pour l'Allemagne, et plus par conséquent l'Autriche a barre sur l'Allemagne.

Grey me dit encore qu'il tient de sources militaires, très sérieuses, qu'aux yeux de l'Allemagne le centre de gravité des opérations militaires se transporte assez rapidement de l'ouest à l'est. Il y a quelques années la France était le premier et principal objectif allemand, la Russie, affaiblie par la guerre, nécessitant un effort défensif moindre. Aujourd'hui il en serait tout différemment, peu à peu l'objectif principal devenait la Russie.

En résumé, dis-je à Grey, vous trouvez la situation sérieuse? Grey me répondit, que la pensée que de cet horrible crime pourrait surgir inopinément une guerre générale, avec tous ses cataclysmes, alors que nous avons pu l'éviter l'an dernier avec tant de peine, et que les choses en somme paraissaient lentement s'arranger, „fait dresser les cheveux

sur la tête". Mais la situation me donne à penser, je voulais vous en prévenir. Faire de manière à ce que l'Allemagne se rassure paraît à Grey le point aujourd'hui le plus important. Je le prévins que je ne vous télégraphierai pas, mais que je vous écrirai sous forme privée, et décrirai le mieux qu'il me sera possible une conversation aussi prolongée.

Grey a touché à la même question avec Cambon. Je crois plus brièvement.

Avant de me retirer je demandai à Grey s'il avait des nouvelles de Buchanan. Il me dit qu'il avait télégraphié vous avoir remis un aide-mémoire ou paraphrase au sujet de l'A. P. Oil Company [1], et que vous aviez dit qu'il n'y avait pas que le présent, mais aussi l'avenir, sur lequel l'opinion publique russe demandait à être rassurée. Grey me dit qu'il y pensera, et en causera tout d'abord avec Asquith et Churchill.

Peut-être Grey est-il un peu pessimiste, tout de même son argumentation est trop serrée, pour lui refuser de la valeur, il parlait non seulement avec grand sérieux, mais avec l'émotion qu'il dénote dans les moments gros de conséquences. J'ai hâte de vous en informer en usant du Feldjäger de l'impératrice Marie [2].

Mille amitiés trés sincéres.

Benckendorff.

Перевод.

Я имел вчера с Греем беседу, которой он, очевидно, придает значение, так как он специально пригласил меня накануне, и разговор не касался никаких других вопросов, кроме того, который он затронул,—не считая конца беседы, и то только в ответ на вопрос, который я ему задал. Грей то говорил, то обдумывал, беседа продолжалась около часа. Вот ее краткое содержание.

Для начала Грей сказал мне, что известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся, что общественное настроение сильно накаляется: „возбуждение очень велико, значительно больше, чем когда-либо раньше"; что идет речь о демарше в Белграде, о содержании которого он еще ничего не знает, но что желают побудить Берхтольда действовать, что Берхтольд находится в очень трудном положении и легко может оказаться слишком слабым для данного момента, так как вначале сербская печать помещала неосторожные статьи,—обстоятельство, которое осложняет его положение. Я спросил его, не рассчитывает ли он на миролюбивое настроение императора Франца-Иосифа, который, как я твердо уверен, не решится на войну, когда он одной ногой находится в могиле. Грей мне ответил, что следует делать различие между пре-

---

[1] См. № 75.

[2] См. передачу беседы Грея с Бенкендорфом, B. D., v. XI, № 39.

стижем—никогда последний у австрийского монарха не был более высок— и властью. Он всегда замечал, что не только монархи, но даже государственные люди на склоне лет восполняли престижем то, что они теряли в объеме власти, потому что,—сказал он,—окружающие заглядывают вперед. В итоге,—добавил он,—остается слабый Берхтольд. Я ответил, что услышанное мною весьма серьезно, потому что, если Австрия попытается извлекать пользу из содеянного убийства, общественное мнение в России не останется равнодушным. „Вот почему,—сказал Грей,—положение мне представляется очень серьезным". Я сказал ему, что тем не менее Германии еще предстоит сказать свое слово и что я не могу поверить, чтобы император Вильгельм желал войны. Он ответил мне, что он думал так же, как и я, но что его впечатления относительно намерений Берлина,—впечатления, почерпнутые из многих источников,—являются в общем не особенно благоприятными. За последние годы там продолжают говорить в парламентских видах, с целью увеличения вооружений, о русской или английской политике „окружения", не веря в нее в действительности. Чем дольше об этом говорили, тем больше упрочивалось и развивалось соответствующее убеждение. Там вбили себе в голову, что Россия имеет агрессивные намерения, вооружается, ведет переговоры то с Румынией, то с Англией для заключения военной конвенции и, по меньшей мере, думает о войне, а потому рассчитывать на Германию в такой же степени, как в прошлом году, было бы неблагоразумно. Грей спросил меня, не можете ли вы сделать что-нибудь. Я спросил его, какой был бы результат разговора, в котором вы заверили бы германского посла в ваших миролюбивых намерениях. Грей мне ответил: „это дало бы в самом деле немного". Он добавил, что было бы важно соблюдать в отношении Германии величайшую осторожность в повседневных сношениях и избегать малейшего инцидента. Грей сказал мне, что он беседовал с Лихновским. Он сказал, что посол, сам убежденный в преувеличенности распространенных в Берлине слухов, подтвердил однако факт тревожного настроения общества и недоверия по отношению к России. Грей ему ответил, что он первый указал германскому правительству, что миссия генерала Лимана в Константинополе была крупной ошибкой, произведшей в России прискорбное впечатление, очень серьезное и законное. Но что он может удостоверить, что с тех пор, как это дело было улажено, он не отмечал ни единого симптома враждебности России против Германии, ни единого поступка или намерения осложнить положение вещей,—совсем наоборот. По другому поводу он уже подтвердил Лихновскому, что вполне справедливо утверждение, что между Англией, Францией и Россией происходит в условиях полной интимности постоянный обмен взглядов обо всем, но что если в Берлине рассматривали посещение нашим августейшим государем Румынии как один из этапов политики окружения, то это нелепо; что интимность наших отношений отнюдь не обязывает нас совещаться по поводу особых взаимоотношений каждого из нас с его соседями; что по поводу визита в Констанцу Россия ни с кем не советовалась и ни с кем не должна была советоваться, и что он не был результатом какого-либо согласованного враждебного плана; что к тому же общее стремление двух сопредельных стран—России и Румынии—положить конец давнишней напряженности отношений было совершенно естественным в интересах как той, так и другой стороны. Я ответил, что все германские опасения насчет окружения кажутся мне попрежнему весьма мало искренними. Но что на

самом деле, независимо от этой удобной и легко поддающейся использованию теории, изменившееся военное положение само по себе заставляет Германию задумываться. Оно может внушить ей благоразумие, точно так же как может побудить ее ускорить события. Я кратко резюмировал военное положение: Россия значительно более сильна людским составом и железными дорогами, Франция—в том же точно положении, что прежде, Румыния—стала подозрительной, Англия—тем более. Грей мне ответил: „Да. Таковы мои впечатления по этому поводу о которых я хотел бы, чтобы г. Сазонов знал. Наш разговор, конечно, является строго конфиденциальным, но я считаю, что мы должны об этом подумать“. Грей полагает, что чем более Германия будет успокоена, тем менее она будет поддерживать Австрию. Если она беспокоится,—это опасно.

Грей добавил два соображения. Он мне напомнил частный разговор, в котором я ему сказал,—о чем, думаю, я писал вам,—что, по моему мнению, Тройственный союз имеет над Тройственным согласием преимущество в том смысле, что он имеет главу. Он мне сказал, что разделял мое мнение, но что надо иметь в виду, что чем больше военное положение видоизменяется в невыгодную для Германии сторону, тем более ценным становится для нее союз с Австрией и тем больше, следовательно, веса приобретает Австрия в глазах Германии.

Грей сказал мне еще, что он знает из очень серьезных военных источников, что в глазах Германии центр тяжести военных операций перемещается довольно быстро с запада на восток. Несколько лет тому назад Франция являлась первым и главным германским противником, тогда как Россия, ослабленная войной, требовала от нее меньших оборонительных усилий. Теперь положение будто бы совершенно изменилось; мало-по-малу главным противником становится Россия.

„В итоге,—спросил я Грея,—вы находите положение серьезным?“ Грей мне ответил, что волосы становятся дыбом при мысли о том, что из этого ужасного преступления может внезапно возникнуть всеобщая война со всеми ее потрясениями, тогда как мы избежали ее в прошлом году с таким трудом, и казалось, что все вообще медленно улаживается. Но положение заставляет меня задуматься, о чем я хотел вас предупредить. Поступать таким образом, чтобы Германия успокоилась, представляется Грею теперь наиболее существенным. Я его предупредил, что я не буду вам телеграфировать, а напишу в частной форме и изложу возможно лучше столь продолжительный разговор.

Грей коснулся того же вопроса в разговоре с Камбоном. Думаю, что более кратко.

Прежде чем удалиться, я спросил Грея, имеет ли он известия от Бьюкенена. Он мне сказал, что последний телеграфировал о вручении вам памятной записки или парафразы по поводу Англо-персидской нефтяной компании и что вы ему сказали, что надо иметь в виду не только настоящее, но и будущее, насчет которого русское общественное мнение желает быть успокоенным. Грей мне сказал, что он подумает об этом и поговорит по этому поводу прежде всего с Асквитом и Черчиллем.

Может быть, Грей немного пессимист, тем не менее его аргументация слишком сильна, чтобы отказывать ей в значении; он говорил не только с большой

серьезностью, но и с волнением, которое он проявляет в момент, чреватый последствиями. Я поспешил осведомить вас об этом, пользуясь фельдъегерем императрицы Марии.

Тысяча искреннейших дружеских пожеланий. Бенкендорф.

№ 147. Памятная записка французского министерства иностранных дел российскому послу в Париже Извольскому[1].

9 июля/26 июня 1914 г.

L'ambassade impériale a bien voulu, par une note du 3 juillet[2], rappeler au département des affaires étrangères l'intérêt très vif que le gouvernement russe attachait au prompt règlement de la question du délégué des porteurs russes au Conseil de la Dette Publique Ottomane, et marquer en même temps le désir de connaître le sentiment du gouvernement français au sujet d'une combinaison qu permettrait l'admission du délégué russe à la faveur de deux concessions, l'une au bénéfice du gouvernement turc qui obtiendrait un délégué spécial pour les excédents, et l'autre au bénéfice des porteurs allemands qui obtiendraient, pour leur délégué, un tour de présidence.

Le président du conseil, ministre des affaires étrangères, est heureux de l'occasion qui lui est offerte d'affirmer, à la suite de tous ses prédécesseurs, que le gouvernement français ne peut voir qu'avec la plus grande faveur l'entrée d'un délégué russe à la Dette, et que son concours le plus complet est acquis au gouvernement impérial pour la solution d'une question posée dès 1896 sur l'initiative du gouvernement français lui-même[3]. Il se croit fondé, en retour, à demander au gouvernement impérial toute sa collaboration pour que l'admission du délégué russe, entièrement justifiée en soi, ne serve pas de prétexte à d'autres éléments pour réclamer une modification au décret de Mouharrem, de nature à enlever à la représentation française au Conseil de la Dette, la situation privilégiée qu'elle tient de l'importance des intérêts financiers dont elle a la charge, et qui, loin d'avoir diminué depuis la création de l'administration de la Dette sont appelés en vertu des derniers accords, à se développer dans une trés large mesure.

L'évidence de cette situation est telle que ni le gouvernement ottoman ni le gouvernement allemand[4], au cours des négociations financières engagées depuis un an avec le gouvernement français au sujet des affaires

---

[1] Эта пам. записка была препровождена Извольским в м-во ин. дел при отношении от 11 июля/28 июня 1914 г.

[2] См. № 59.

[3] Предложение Франции о введении в состав Совета оттоманского долга русского делегата было тогда отклонено Россией.

[4] О франко-германских переговорах см. Gr. Pol., Bd. 37, Teil II, Kap. 286.

d'Orient, n'ont cru pouvoir soulever directement la question et formuler des prétentions que le gouvernement français n'aurait pu entendre. Le gouvernement français ne s'est d'ailleurs pas confiné dans une attitude négative. Avisé des conditions que le gouvernement ottoman voulait mettre, de son propre chef, à l'admission du délégué russe, soit en faisant attribuer la présidence du Conseil de la Dette au ministre des finances, soit en obtenant un second délégué pour représenter les excédents, le gouvernement de la République a prescrit à son ambassadeur à Constantinople d'informer de la façon la plus catégorique le gouvernement ottoman que le concours financier du marché français ne pouvait lui être assuré que si le Conseil de la Dette, complété par l'adjonction nécessaire du délégué russe, ne subissait aucune autre modification. Le gouvernement ottoman ne serait donc aujourd'hui nullement fondé à demander les bons offices du gouvernement impérial pour obtenir le consentement du gouvernement français à l'admission d'un second délégué turc pour les excédents, création qui ne peut intéresser que lui seul.

Le gouvernement français ne pourrait, de même, accepter que la question de la présidence alternative franco-anglaise soit mise en question: il a eu l'occasion de s'assurer que le gouvernement britannique n'était pas lui-même préparé à souscrire à une telle diminution. D'après un calcul récent, l'épargne française détient 54% environ des emprunts dont le service est assuré par la Dette. Cette proportion n'a fait que s'accroître par suite de l'émission sur le marché français du dernier emprunt de 500 millions, qui doit être suivi de nouvelles émissions dès aujourd'hui prévues. Une diminution de garanties, telle que celle qui résulterait du partage de la présidence entre les trois délégués français, anglais et allemand, amènerait inévitablement une sérieuse restriction du crédit fait à la Turquie sur la place de Paris. Coïncidant en outre avec la crise provoquée par la guerre balkanique et ses conséquences au point de vue de la perte de gages subie par les porteurs de différents emprunts — qui en attendent encore la compensation des Etats balkaniques — toute modification de la situation du délégué français au Conseil de la Dette ne pourrait avoir que la plus fâcheuse répercussion auprès des porteurs français, entre les mains desquels se trouvent plus de deux milliards de francs de fonds ottomans.

Le gouvernement allemand serait-il, en présence d'une telle situation, fondé à maintenir son point de vue et à refuser d'envisager l'admission du délégué russe, en elle-meme et sur son propre mérite [1].

[1] О степени заинтересованности Германии в регулировании долговых обязательств Турции, см. Gr. Pol., Bd. 37, Teil II, № 15260.

L'admission du délégué russe tant qu'il se présenterait au nom d'un syndicat de porteurs (facile à constituer) d'Unifiée et de Lots turcs, a une valeur propre qui doit lui assurer aussi bien un accueil favorable de la part du gouvernement allemand que du gouvernement français. Plus que le gouvernement français, le gouvernement allemand peut craindre l'effet d'une politique hostile au rétablissement des finances ottomanes qui serait adoptée par la Russie. Tout autant que le marché de Paris, celui de Berlin est intéressé à l'entrée en vigueur de la surtaxe douanière de quatre pour cent, comme à l'heureuse issue des travaux de la commission financière [1]. Il n'est donc pas vis-à-vis de la Russie en situation de créancier et ne saurait demander aucune compensation en échange de son consentement à l'admission du délégué russe.

Le gouvernement français, lui-même, à qui on demande indirectement de fournir une telle compensation, ne saurait répondre favorablement à une demande aussi injustifiée, si l'on tient compte surtout que seul le marché français est intervenu depuis la conclusion de la guerre pour soutenir les finances ottomanes au bénéfice commun de tous les créanciers de l'Empire ottoman, qui ont trouvé notamment dans la dernière opération le remboursement des avances qu'ils avaient faites et la consolidation de leurs entreprises. Le marché allemand est redevable au marché français de ce concours: le moment est tout au moins mal choisi pour demander à l'élément français de renoncer à la suprématie qu'il tient au Conseil de la Dette tant des actes organiques que de la prédominance réelle des intérêts qu'il représente.

La force de ces raisons est telle, et si généralement connue, que le public français, largement et directement intéressé dans les affaires ottomanes, ne manquerait pas de mettre en cause le gouvernement qui consentirait aujourd'hui à une diminution quelconque des garanties attribuées par le décret de Mouharrem aux porteurs français.

Le gouvernement français ne doute pas que si le gouvernement russe, se rangeant aux considérations ci-dessus détaillées, fait apparaître son intention formelle de subordonner, le moment venu, son consentement à la surtaxe de 4 pour cent et son adhésion aux conclusions de la commission financière à l'admission du délégué russe à la Dette, le gouvernement allemand ne pourra maintenir son opposition et sa demande de compensation.

---

[1] Международная финансовая комиссия по ликвидации первой балканской войны была созвана по инициативе Франции в Париже в конце мая 1913 г. Работы ее были прерваны в связи со второй балканской войной и не возобновлялись вплоть до мировой войны.

Le gouvernement français est prêt à donner tout son appui au gouvernement russe pour la réalisation de son désir d'être représenté à la Dette ottomane; mais il estime qu'une tactique qui conserverait à l'égard de l'Allemagne la position de défendeur éviterait les difficultés d'une négociation immédiate à Berlin où la Russie se trouverait demanderesse, et garderait aux Puissances de la Triple Entente tous leurs avantages.

Il importe donc, pour donner toute sa valeur à la concession économique, que le gouvernement russe sera amené à faire directement à la Turquie et indirectement à l'Allemagne, d'attendre le moment où le gouvernement allemand ne pourra plus s'en passer pour aboutir.

Перевод.

Императорское посольство благоволило нотой от 3 июля напомнить департаменту иностранных дел о весьма живом интересе, с которым российское правительство относится к возможно срочному урегулированию вопроса о делегате русских держателей в Совете оттоманского государственного долга, и выразило в то же время пожелание ознакомиться с точкой зрения французского правительства в вопросе о комбинации, допускающей участие русского делегата ценою двух уступок: одной—в пользу турецкого правительства, которое получило бы специального делегата по излишкам, и другой—в пользу германских держателей, делегату которых было бы предоставлено право участия в поочередном председательствовании.

Председатель совета, министр иностранных дел, рад случаю, позволяющему ему вслед за всеми его предшественниками подтвердить, что французское правительство может рассматривать лишь с величайшей благожелательностью вхождение русского делегата в администрацию долга и что императорскому правительству обеспечена полнейшая его поддержка в разрешении вопроса, поставленного с 1896 г. по инициативе самого французского правительства. За это оно считает себя в праве просить полного содействия императорского правительства в том, чтобы допущение русского делегата, само по себе совершенно законное, не послужило для других предлогом требовать изменения мухарремского декрета с целью лишить французское представительство в Совете долга привиллегированного положения, занимаемого им в силу значительности доверенных ему финансовых интересов, отнюдь не уменьшившихся со времени образования администрации долга и которым предстоит в силу последних соглашений получить весьма широкое развитие.

Положение это настолько ясно, что ни оттоманское правительство, ни правительство германское не сочли возможным, во время начавшихся год назад финансовых переговоров с французским правительством по поводу восточных дел, прямо поднять вопрос и формулировать притязания, которые французское правительство отказалось бы выслушать. Впрочем французское правительство не ограничилось отрицательной позицией. Осведомившись об условиях, которыми оттоманское правительство по собственной инициативе желало обставить допущение русского делегата, в виде ли предоставления председательствования в Совете долга министру финансов, или получения второго делегата по излишкам,

правительство республики предписало своему послу в Константинополе сообщить в самой категорической форме оттоманскому правительству, что финансовая помощь французского рынка может быть ему обеспечена лишь в том случае, если Совет долга, пополненный русским делегатом, вхождение которого необходимо, не подвергнется никакому другому изменению. Оттоманское правительство не имело таким образом никакого основания испрашивать теперь добрых услуг императорского правительства, чтобы получить согласие французского правительства на допущение второго турецкого делегата по излишкам,—организация, которая может интересовать только его.

Французское правительство не могло бы также допустить, чтобы вопрос о поочередном франко-английском председательствовании был подвергнут пересмотру: оно имело случай убедиться, что британское правительство также не склонно пойти на такое умаление своих прав. Согласно последним расчетам, французские сбережения составляют около 54% займов, обслуживание которых обеспечено администрацией долга. Эта пропорция только увеличилась вследствие выпуска на французском рынке последнего займа в 500 млн., за которым должны последовать новые, предусматриваемые уже ныне эмиссии. Уменьшение гарантий, в результате разделения председательствования между тремя делегатами—французским, английским и германским—неизбежно привело бы к серьезному сокращению кредита, предоставленного Турции на парижском рынке. Совпадая, сверх того, с кризисом, вызванным балканской войной и ее последствиями, в виде потери обеспечений разных займов, понесенной держателями их, ожидающими еще компенсаций со стороны балканских государств,—всякое изменение положения французского делегата в Совете долга могло бы вызвать лишь весьма прискорбную реакцию среди французских держателей, в руках которых находятся более 2 млрд. фр. оттоманских фондов.

Имеет ли германское правительство при таком положении дела основание поддерживать свою точку зрения и отказываться рассматривать допущение русского делегата само по себе и как факт, имеющий собственную ценность?

Допущение русского делегата, поскольку он выступал бы от имени синдиката держателей (который было бы легко конституировать) Объединенного долга и Турецких долей, имеет самостоятельную ценность, которая должна ему обеспечить одинаково благожелательное отношение как со стороны германского правительства, так и со стороны французского. Более чем французское правительство правительство германское может опасаться последствий враждебной восстановлению оттоманских финансов политики, которая могла бы быть усвоена Россией. Точно так же как парижский рынок, берлинский заинтересован во вступлении в силу 4%-ной таможенной надбавки, как удачного результата работ финансовой комиссии. Он не находится, стало быть, по отношению к России в положении кредитора и не мог бы требовать никакой компенсации за согласие на допущение русского делегата.

Само французское правительство, к которому косвенно обращены просьбы предоставить подобную компенсацию, не могло бы ответить благожелательно на столь необоснованное пожелание, особенно если принять во внимание, что по окончании войны один только французский рынок оказал поддержку оттоманским финансам на общую пользу всех кредиторов Оттоманской империи, которым именно последняя операция обеспечила возврат выданных ими авансов и упрочение их предприятий. За эту помощь германский рынок обязан фран-

цузскому рынку; момент, по меньшей мере, плохо выбран, чтобы требовать от французской группы делегатов отказа от первенствующей роли, которую она играет в Совете долга, как в силу органического статута, так и в силу действительного преобладания интересов, представителем которых она является.

Эти доводы столь убедительны и столь известны, что французское общество, широко и непосредственно заинтересованное в оттоманских делах, не преминуло бы привлечь к ответственности правительство, которое согласилось бы ныне на какое-либо уменьшение гарантий, предоставленных мухарремским декретом французским держателям.

Французское правительство не сомневается, что если российское правительство, присоединяясь к соображениям, подробно изложенным выше, проявит в нужный момент твердое намерение дать свое согласие на установление четырехпроцентной таможенной надбавки и присоединится к заключениям финансовой комиссии при условии допущения русского делегата в администрацию долга, германское правительство не сможет более ни противиться этому, ни настаивать на компенсации.

Французское правительство готово предоставить полную поддержку российскому правительству в целях осуществления его желания быть представленным в администрации Оттоманского долга; но оно считает, что сохранение по отношению к Германии положения ответчика устранило бы затруднения непосредственных переговоров в Берлине, в которых Россия находилась бы в положении истца, и сохранило бы за державами Тройственного согласия все их преимущества.

Дабы подчеркнуть всю ценность экономической уступки, которую российское правительство окажется вынужденным сделать непосредственно Турции и косвенно Германии, важно таким образом дождаться момента, когда германское правительство в своих интересах не сможет обойтись без нее.

№ 148. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 187. 9 июля/26 июня 1914 г.

Получил № 1351 [1].

Доверительно.—Сообщил содержание ее Пашичу, который сказал, что, вполне сознавая необходимость соблюдения в настоящую тревожную минуту осторожности, сербское правительство решило вовсе не реагировать на недостойные провокации Австрии. Строго осудив сараевское злодеяние, он тотчас же отозвался на просьбу здешней австро-венгерской миссии проследить за поведением еще ранее высланных из Боснии и Хорватии сомнительных элементов. Что касается вопроса сербо-черногорского сближения, то именно в силу высказываемых вами соображений Пашич приостановил переговоры об этом с Цетинье.

Гартвиг.

---

[1] См. № 112.

№ 149. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 486. 9 июля/26 июня 1914 г.

Ваша телеграмма № 1353 [1] получена.

Порта все еще оттягивает передачу ноты, ссылаясь на то, что закрытие парламента состоится через несколько дней. У Гоффа, уезжающего завтра через Трапезунд на специальном турецком судне, установились хорошие отношения и с Талаатом, и с посольством. Талаат обещал ему передать копию с ноты до его отъезда. Ему дано 11 помощников по соглашению с ним: 5 мусульман, 3 армян, означавшихся в списке армянской патриархии, 2 французских жандармских офицера и норвежец секретарь. Кроме того, он везет двух норвежских помощников секретарей. За отсутствием готового помещения в Битлисе, он проведет, вероятно, несколько месяцев в Ване, а затем поселится в Битлисе. Он будет сноситься со мною или через наших консулов, или через посылаемых ко мне своих секретарей. С ним, полагаю, возможно будет работать, но необходимо, чтобы в наших консулах он мог найти деятельных сотрудников. Вестененк, прибывший позже, начал лишь вчера переговоры с Талаатом. О нем выскажусь лишь по окончании переговоров. Он обещал во всем советоваться со мною, но, к сожалению, его главная забота—материальное его обеспечение.

Гирс.

№ 150. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 308. 9 июля/26 июня 1914 г.

Дополнение № 303 [2].

Из беседы с Тоунлеем усматриваю, что он не намерен отстаивать Морнара и подумывает о замене его другим, более подходящим лицом, непременно бельгийцем, с точным установлением полномочия и компетенции, дабы избежать наблюдаемых ныне пререканий казначея с министрами и даже с иностранными представителями. В числе возможных кандидатов он назвал помощников Морнара—Хейнсенса и Леле, и бывшего директора шахских таможен—Вибье. Нельзя ли воспользоваться случаем, чтобы пересмотреть полномочие главного казначея в смысле сокращения прав бельгийских агентов в русской сфере? Наш рассчет—усилить власть министра финансов и провинциальных персидских чиновников и сократить

---

[1] См. № 113.

[2] См. № 92.

полномочия казначейства. Тоунлей, по просьбе персов, просит предписать Орлову выдать собранный малиат бельгийской администрации, ввиду оскудения казначейства. Ответил, что препятствия, вероятно, не встретится, но нужно, чтобы передача была оформлена соглашением между банком и казначейством, при участии миссии, а на месте—генерального консульства.

Коростовец.

№ 151. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 309. 9 июля/26 июня 1914 г.

Копия сообщается в Тавриз и Маку.

Телеграмма за № 1345 [1] получена.

Ввиду систематической оппозиции персов всем нашим требованиям, поддерживаемой, повидимому, извне, считаю наиболее лучшим заявить министрам, что, по нашему мнению, назначение в Маку каргузара не вызывается обстоятельствами и не встречает нашего сочувствия.

Частным образом можно дать понять, что в случае появления там такого чиновника, мы вынуждены будем его игнорировать [2].

Коростовец.

№ 152. Генеральный консул в Тавризе в I департамент министерства иностранных дел.

Телеграмма № 494. 9 июля/26 июня 1914 г,

Телеграфирую в Тегеран, ссылаясь на вашу телеграмму за № 1345 [1].

Тавризским каргузаром сообщено в Тегеран о полной невозможности посылки в Маку каргузара [3]. С другой стороны сердару макинскому через Дабире-Хазрета приказано не принимать такового в случае, если он приедет туда. Если же каргузар поедет в Маку через Тавриз, то он будет здесь задержан и выслан.

Орлов.

---

[1] См. № 98.

[2] В ответ на это Клемм сообщил Коростовцу тел. от 12 июля/29 июня за № 1386 что желательно предоставить инициативу протеста макинскому хану с тем, что Россия поддержит этот протест, дав понять частным образом перс. прав-ву, что в противном случае Россия вынуждена будет игнорировать этого чиновника.

[3] За тавризским каргузаром фактически признавалось право на участие в назначении прочих каргузаров.

№ 153. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 326. 9 июля/26 июня 1914 г.

Записка № 387 [1] получена.

Во время моих переговоров касательно железнодорожного строительства китайского правительства в Северной Манчжурии китайцы пробовали зондировать почву, не согласимся ли мы взамен получения требуемых нами концессий, предоставить Китаю во время тройных переговоров право контроля над железными дорогами в Монголии. Мне удалось совершенно обойти этот вопрос, но предвижу, что китайцы возбудят его в Кяхте.

Так как ваше высокопревосходительство снабдили уже Миллера инструкциями касательно его образа действий в связи с предстоящими переговорами, то не найдете ли вы желательным, чтобы я осведомился у Сунь Бао-ци об условиях, которые Китай намерен выдвинуть на конференции.

По моему мнению, этот шаг устранит сомнения китайцев в искренности нашего желания созвать конференцию и в то же время даст нам возможность заранее выяснить наш дальнейший образ действий. Граве.

№ 154. Памятная записка российской миссии в Пекине китайскому министру иностранных дел Сунь Бао-ци.

№ 143 [2]. 9 июля/26 июня 1914 г.

Имею честь уведомить ваше превосходительство об исправном получении сообщения вашего от [7 июля] 24 июня сего года за № 165 [3], коим вы уведомляете меня о том, что гг. Шуй Цзюнь-шао и Гань До поручено вступить в переговоры с г. фон Гойером касательно постройки железных дорог в Северной Манчжурии, и в коем вы отмечаете, что факт назначения китайским правительством означенных делегатов свидетельствует об уважении, с коим почтенное правительство относится к моему предложению, изложенному в памятной записке от [21] 8 мая сего года [4].

Я не преминул вместе с сим довести о вышеизложенном до сведения императорского правительства.

---

[1] Записка № 387 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] Копия этой пам. записки была препровождена Граве Сазонову при деп. от 15/2 июля за № 47.

[3] См. № 124.

[4] См. стр. 185, прим. 2.

№ 155. Дипломатический агент и генеральный консул в Монголии министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 179. 9 июля/26 июня 1914 г.

Телеграфирую в Пекин:

Ввиду большого наплыва китайцев в Халху монгольское правительство ходатайствует пред императорским правительством о воспрещении дальнейшего переселения китайцев в Халху через русскую и китайскую границы. Давая обещание представить это ходатайство, я официальной нотой просил монгольское правительство принять зависящие меры к недопущению колонизации своих земель китайцами [1].

Миллер.

№ 156. Министр иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

Письмо. 10 июля/27 июня 1914 г.

Mon cher ambassadeur,

Je tiens à vous remercier de la communication que vous avez bien voulu me faire dans votre aide-mémoire en date du 4 juillet/21 juin a. c. [2] et de vous dire combien j'apprécie les explications amicales données à notre ambassadeur par Sir E. Grey au sujet de la concession de l'Anglo-Persian Oil Company. Je crois devoir pourtant attirer votre attention sur les considérations suivantes.

La presse russe, comme vous le savez, a été sérieusement alarmée par l'affaire en question, et nous serions très heureux de pouvoir disposer de certaines assurances plus positives de votre part pour calmer les appréhensions de notre opinion publique.

Tout en reconnaissant que la concession de la compagnie avait été acquise avant la convention de 1907, le fait qu'elle a passé entre les mains du gouvernement britannique modifie essentiellement le caractère de cette entreprise. Pour rester fidèle à l'esprit de notre accord, il serait fort désirable que le gouvernement britannique se désistât de ses droits d'exploitation de naphte dans la partie de la zone neutre attenante à notre sphère d'influence et à plus forte raison dans cette dernière.

Une déclaration de ce genre contribuerait considérablement à rassurer notre opinion publique, et je serais sincèrement reconnaissant au

---

[1] Копия ноты, врученной монг. прав-ву по указанному вопросу, в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] См. № 75.

gouvernement britannique de vouloir bien me la faire dès qu'il le jugera possible.

Перевод.

Дорогой посол,

Мне хочется вас поблагодарить за сообщение, которое вы изволили мне сделать в вашей памятной записке от 4 июля/21 июня с. г., и сказать вам, сколь я ценю дружественные разъяснения, данные нашему послу сэром Э. Греем по поводу концессии Англо-персидской нефтяной компании. Я считаю однако долгом обратить ваше внимание на следующие соображения.

Русская пресса, как вам известно, была серьезно встревожена упомянутым делом, и мы были бы весьма счастливы, если бы получили возможность располагать некоторыми более положительными заверениями с вашей стороны, чтобы рассеять опасения нашего общественного мнения.

Несмотря на то, что концессия компании бесспорно приобретена ранее конвенции 1907 г., однако факт перехода ее в руки британского правительства существенным образом изменяет характер этого предприятия. Было бы весьма желательно, чтобы британское правительство, дабы остаться верным духу нашего соглашения, отказалось от своих прав на эксплоатацию нефти в части нейтральной зоны, прилегающей к сфере нашего влияния, и тем более в этой последней.

Заявление подобного рода значительно содействовало бы успокоению нашего общественного мнения, и я был бы искренно признателен британскому правительству, если бы оно соблаговолило его сделать, как только оно сочтет это возможным.

№ 157. Министр иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

Письмо. 10 июля/27 июня 1914 г

Mon cher ambassadeur,

En réponse à votre lettre du [1 juillet] 18 juin ct. [1], je crois devoir vous faire savoir que nous n'avons pas d'objections à ce qu'une avance de £ 50.000 soit faite par le gouvernement britannique au gouvernement persan pour le maintien de la gendarmerie, sous les ordres d'officiers suédois, dans le midi de la Perse. Quant à notre point de vue sur l'activité de la gendarmerie dans le nord de ce pays, vous le trouverez exposé dans l'aide-mémoire ci-inclus.

Перевод.

Дорогой посол,

В ответ на ваше письмо от [1 июля] 18 сего июня считаю долгом сообщить вам, что мы не имеем возражений против предоставления британским правительством персидскому правительству аванса в 50 тыс. ф. ст. для сохранения на юге Персии жандармерии под командой шведских офицеров. Что же касается нашего взгляда на деятельность жандармерии на севере этой страны, то вы найдете его изложение в прилагаемой при сем памятной записке.

[1] См. № 40.

№ 158. Памятная записка российского министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

10 июля/27 июня 1914 г.

Le gouvernement impérial n'a pas été saisi par le gouvernement suédois de la question, faisant l'objet de l'aide-mémoire de l'ambassade britannique en date du 29/16 juin ct. [1], mais lors du passage par St.-Pétersbourg du colonel Hjalmarson le point de vue du ministère impérial sur la question de l'engagement de nouveaux officiers suédois pour la gendarmerie persane, ainsi que sur celle de la sphère d'activité de cette gendarmerie lui a été exposé, en présence du ministre de Suède à St.-Pétersbourg, dans les termes suivants.

Le gouvernement impérial n'a point d'objections à ce que de nouveaux officiers suédois soient engagés pour remplacer ceux, dont les contrats sont expirés. Quant à l'augmentation du nombre des officiers suédois en Perse en général, le gouvernement impérial ne s'oppose pas à l'engagement d'une certaine quantité d'officiers nécessaire pour le service de la gendarmerie dans le midi de la Perse. En ce qui concerne le nord de ce pays, le gouvernement persan a déjà été informé de ce que le gouvernement impérial trouve essentiel que le maintien de l'ordre et de la sécurité y soit confié à la brigade de cosaques persans sous les ordres d'officiers russes. Le gouvernement russe a été poussé à faire cette proposition par les considérations suivantes.

Le nord de la Perse, étant habité par un grand nombre de sujets russes, possédant de vastes intèrêts commerciaux et économiques, les interventions, forcément fréquentes, d'une force policière sous le commandement d'officiers étrangers ne manqueraient pas de créer un état de choses également peu rassurant. De là possibilité de conflits, qui pourraient entrainer des complications sérieuses.

Le gouvernement russe est en train d'examiner la question de la réorganisation de la brigade de cosaques, en vue de rendre cette force plus active et d'écarter certains griefs, que le gouvernement persan a contre elle. Le gouvernement impérial s'occupe également de la délimitation des sphères d'activité de cette brigade et de la gendarmerie, aux soins de laquelle on pourra peut-être confier la sécurité de certaines routes dans le nord.

N'ayant pas de raison pour modifier son point de vue depuis le passage par Pétersbourg du colonel Hjalmarson, le ministère impérial croit devoir porter à la connaissance de l'ambassade britannique, qu'il compte régler son attitude dans la question de la gendarmerie persane sur les principes ci-dessus exposés.

---

[1] См. № 8.

Перевод.

Императорское правительство не было извещено шведским правительством о вопросе, составляющем предмет памятной записки британского посольства от 29/16 июня с. г., но во время проезда через С.-Петербург полковника Яльмарсена точка зрения императорского министерства по вопросу о приглашении новых шведских офицеров для персидской жандармерии, а также относительно сферы деятельности этой жандармерии была ему изложена в следующих чертах в присутствии шведского посланника в С.-Петербурге.

Императорское правительство не имеет никаких возражений, чтобы новые шведские офицеры были приглашены для замещения тех, контракты которых истекли. Что касается увеличения вообще числа шведских офицеров в Персии, то императорское правительство не возражает против приглашения некоторого числа офицеров, необходимых для службы жандармерии на юге Персии. Относительно же севера этой страны персидское правительство уже поставлено в известность, что императорское правительство считает существенным, чтобы поддержание порядка и безопасности там было поручено персидской казачьей бригаде под командой русских офицеров. Следующие соображения побудили российское правительство сделать это предложение.

Так как на севере Персии проживает значительное число русских подданных, имеющих обширные коммерческие и экономические интересы, то вызываемые необходимостью частые вмешательства полицейской силы под командой иностранных офицеров не преминули бы равным образом создать мало успокоительное положение вещей. Отсюда возможность конфликтов, которые могли бы вызвать серьезные осложнения.

Российское правительство собирается рассмотреть вопрос о реорганизации казачьей бригады, с целью сделать эту силу более активной и устранить некоторые жалобы на нее персидского правительства. Императорское правительство занято равным образом разграничением сферы деятельности этой бригады и жандармерии, заботам которой, быть может, можно было бы поручить охрану некоторых дорог на севере.

Не имея основания для изменения своей точки зрения со времени проезда через Петербург полковника Яльмарсена, императорское правительство считает долгом довести до сведения британского посольства, что оно предполагает руководиться в вопросе о персидской жандармерии вышеизложенными принципами.

№ 159. Меморандум российского министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену[1].

10 июля/27 июня 1914 г.

В меморандуме, переданном великобританским министерством иностранных дел императорскому посольству в Лондоне, от 10 июня

[1] В архиве б. м-ва ин. дел не имеется точных данных о времени вручения настоящего меморандума Бьюкенену. На заглавном листе перебеленной копии, с которой печатается документ, имеется лишь надпись: „Проект памятной записки великобританскому посольству на благоусмотрение“, с пометой Шиллинга: „Одобрено министром. Ш.“ На черновике меморандума (дело № 287 б. П. с.) имеется следующая помета карандашом: „27 июня 1914 г. 607 ? исх. с. ж. перс. — ср.-аз. отд.“,

[28 мая] сего года [1], изложен взгляд лондонского кабинета на современное положение, занятое Россиею в Персии, причем выраженное им мнение сводится к тому, что действия русских представителей в Северной Персии подрывают принцип независимости и неприкосновенности этой страны, положенный в основу англо-русской конвенции 1907 г. [2].

В подтверждение этого мнения приводятся следующие данные.

Генерал-губернатор Тавриза превратился в автономного правителя, не подчиняющегося приказаниям центрального персидского правительства и действующего иногда даже прямо наперекор даваемым ему инструкциям. Он вместе с тем находится полностью под контролем русского генерального консульства, указаниям коего он всецело повинуется и поддержка коего лишает центральное правительство возможности привлечь это лицо к ответственности [3].

Далее, персидские губернаторы, как например, в Реште, Казвине и Джульфе (Исфагани) в действительности избираются или, по крайней мере, поддерживаются в их должностях русскими консулами, и их пребывание на местах обусловлено тем, что они должны действовать во всем согласно желанию русских представителей. Центральное правительство не смеет увольнять их иначе, как с согласия русских, как бы ни было революционным, бесчестным или вообще неудовлетворительным их поведение. Российский посланник в Тегеране недавно вызвал отставку министра внутренних дел, который де является одним из наименее неспособных и бездеятельных чиновников государства и которого в свое время избрали на эту должность по рекомендации самого русского правительства.

Путем предоставления русского покровительства отдельным

со следующей сноской: „не передан, переделывается?“ Однако датой 10 июля/27 июня разрешается только вопрос о времени составления документа, но не о времени его вручения послу. В архиве б. российского посольства в Лондоне имеется недатированная копия печатаемого нами меморандума, препровожденная м-вом ин. д. при отношении от 23/10 июля за № 542 следующего содержания: „Третий политический отдел имеет честь препроводить при сем в императорское посольство для сведения копии с меморандума великобританского правительства от 10 июня с. г. и с ответного меморандума российского правительства от... с. г. по персидским делам“. Этим в свою очередь подтверждается лишь факт вручения меморандума Бьюкенену (см. также англ. пам. записку от 29/16 июля, в томе V настоящего изд.). Текст, препровожденный Бенкендорфу, совпадает с печатаемым здесь текстом.

[1] См. т. III, № 197.

[2] См. стр. 4, прим. 6.

[3] Об отношениях ген.-губ. Азербайджана Шоджа-эд-Доуле к русским властям дает представление недатированное письмо его, относящееся, повидимому, к этому времени и воспроизводимое ниже в виде приложения к настоящему документу.

лицам в Азербайджане, Мешеде и даже настолько южных местностях, как Исфагань, русский административный контроль распространен в значительной степени на финансовую администрацию, которая вследствие этого по временам серьезно этим стеснена. В Азербайджане бывали примеры, когда большая часть податей, причитавшихся с лиц, состоящих под русским покровительством, собиралась совершенно помимо персидской финансовой администрации русскими консулами, которые вносили деньги в русский банк, не отдавая при этом отчета в суммах, таким образом изъятых у персидского казначейства. Последствием сего была полная дезорганизация финансов этой провинции.

Не аннексируя в полном смысле слова Северную Персию, русское правительство фактически приобрело верховную политическую власть и преобладающее влияние через своих агентов во всей администрации, которая, если не по имени, то фактически, стала русской.

Результатом русского образа действий в Северной Персии, в связи с неудовлетворительным положением вещей на юге этой страны, было создание почти монополии на севере и северо-западе для русской торговли. При толчке, данном этой торговле заменою персидской власти русскою на севере, у нее неизбежно должна явиться тенденция проникнуть и на юг, заменив собою и тут, и там британскую и иную иностранную торговлю, которая не может проникать в Персию иначе, как южными торговыми путями, и совсем не может проникать, когда пути эти закрыты.

Засим наблюдается де общее стремление русского политического влияния распространиться на нейтральную зону, как явствует из деятельности русского консула в Исфагани и его вмешательства в обязанности генерал-губернатора этой провинции, а равно из проекта ирригационной концессии в истоках Каркунана [1].

Прежде чем перейти к рассмотрению приведенных выше пунктов меморандума лондонского кабинета, императорское министерство иностранных дел считает нужным высказать некоторые общие соображения по вопросу об образе действий России в Персии, в связи с положением дел в этой стране.

---

[1] Речь идет о концессии на оросительные работы с соединением рек Каруна и Зейенде-Руда каналом,—предприятии, которое, по мнению упр. консульством Евреинова, должно было отдать исфаганский округ „окончательно и бесповоротно... под наше экономическое влияние“ (донесение Евреинова от 10 окт./27 сент. 1913 г. за № 639). В телеграмме от 15/2 апр. 1914 г. за № 138 Коростовец предусматривал упорное, хотя и глухое, сопротивление англичан.

Великобританскому правительству хорошо известно, какими осложнениями сопровождалась перемена государственного строя в Персии и как разыгравшиеся в этой стране события вредно отразились на русских интересах, которые вследствие смежности обеих стран и существующей издавна тесной экономической связи между ними значительно превосходят,—по крайней мере, в северной части Персии—интересы какой-либо другой державы. Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что упадок власти правительства и возникшие вследствие анархии в стране беспорядки причинили многомиллионные убытки русским подданным и привели даже к немалым человеческим жертвам. Вместе с тем в этот период времени, за редкими исключениями, наблюдалось систематическое недоброжелательное отношение к России персидских правящих сфер, проникнувшихся ультра-националистическими идеями, не соответствовавшими ни культурному, ни этическому уровню этих сфер, ни общему экономическому и политическому положению Персии вообще. При таком положении вещей императорское правительство, к крайнему своему сожалению, увидело себя вынужденным взять в свои руки охрану интересов своих в Северной Персии, вводя в наиболее важные местности последней свои войска. Мера эта, сопряженная для России с значительными материальными жертвами и иными неудобствами, имела последствием водворение сравнительного порядка в означенных местностях к общей выгоде не только русских подданных, но и других иностранцев и прежде всего самого местного населения. Пребывание русских отрядов в Персии не носило и не носит однако поныне никакого оккупационного характера, так как русские войска ни в чем не касаются внутренней жизни и администрации страны. Задача отрядов сводится к поддержанию порядка путем недопущения кровопролития и вооруженных выступлений взаимно враждующих местных партий. С другой стороны, такие обстоятельства, как слабая связь провинций с центром и упомянутое выше настроение последнего, а равно недопустимость как антирусской агитации, так и беззаконий, насилий, вымогательств и тому подобных явлений в местностях расположения русских войск, неизбежно потребовали известного воздействия на местные власти со стороны русских консульских представителей, которым поневоле пришлось принять на себя до некоторой степени руководящую роль в местных делах, во избежание таких осложнений, которые могли бы иметь значительно более серьезные последствия. С другой стороны, местные персидские администраторы, искренно желавшие поддерживать порядок во вверенных им обла-

стях, а не стремившиеся лишь угождать националистическим тенденциям крайних либеральных партий в столице или извлекать личные материальные выгоды из своего служебного положения, естественно искали сближения с русскими представителями, ясно сознавая, что только при их поддержке и при наличии русских отрядов они могут достигнуть намеченной ими цели. Вследствие сего и создалось необходимое [1] ныне положение вещей, в силу коего в большинстве северных областей Персии наблюдается преобладающее влияние русских консульских представителей. Влияние это вносит с собою те условия, при которых только и мыслимо мирное развитие местной жизни, личная и имущественная безопасность и, как естественное последствие,—преуспеяние торговли и промышленности. Хотя, быть может, сознание этого и неприятно национальному самолюбию персидских правящих сфер, зато народ повсеместно вполне оценивает приобретаемые им этим путем блага, которых он едва ли скоро мог бы дождаться при слабом и непоследовательном правительстве, деятельность коего тормозится отсутствием солидарности и почти непрерывною борьбою отдельных личностей за власть.

Императорское правительство, попрежнему чуждое агрессивных целей и отнюдь не помышляющее о каких-либо захватах, считает, что, кроме обеспечения своих узко торговых и промышленных интересов в Персии, на нем лежит и культурная миссия умиротворения смежных с нею [2] персидских областей и дарования спокойствия их населению, тесно связанному в экономическом и бытовом отношении с населением его собственных окраин. Оно полагает, что этот долг будет лежать на нем до тех пор, пока персидское правительство само настолько не окрепнет, что будет в силах обеспечить повсеместно законность и порядок в стране.

Обращаясь за сим к отдельным пунктам британского меморандума, императорское правительство, считает своей обязанностью привести нижеследующие разъяснения.

Самою важною, с точки зрения русских интересов, провинцией Персии является Азербайджан, искони тесно связанный с Кавказом. Императорское правительство не может относиться безразлично к тому, кто стоит во главе этой области, бывшей еще недавно ареною крупнейших беспорядков и самых разнузданных выступлений подонков так называемой персидской революции. После ряда неудачных местных правителей, назначавшихся центральным

---

[1] Так в подлиннике.
[2] Т. е. с Россией.

персидским правительством, власть перешла, наконец, в руки настоящего генерала-губернатора Шоджа-эд-Доуле, который с самого начала проявил большую твердость и полное знание местных условий и сумел в сравнительно непродолжительное время водворить порядок в провинции, внушив должное к себе уважение. Естественно, что такая личность заслужила одобрение русского правительства и стала пользоваться полною поддержкою его местных представителей. К сожалению, однако тегеранский кабинет до сих пор не может примириться с тем фактом, что Шоджа-эд-Доуле упрочился в Азербайджане необычным порядком, т. е. без соответствующих поклонов и подачек в Тегеране. Приписываемые же ему обыкновенно симпатии к бывшему шаху нашли себе полное опровержение в его образе действий во время попытки Мохамеда Али вернуть себе утраченный престол. Упорно преследуя одну лишь цель—водворение и поддержание порядка в области, Шоджа-эд-Доуле, оставаясь верным слугою правительства, уклонялся лишь от выполнения таких предначертаний последнего, которые либо противоречили означенной цели, либо грозили вовлечь его в конфликт с русскими, поддержкою коих он естественно дорожил, как единственным средством для успешного осуществления своей задачи. Ценя дарование и большую энергию этого деятеля, императорское правительство не может не дорожить им и не желать возможно дольшего пребывания его у власти. К сожалению, однако сам Шоджа-эд-Доуле ныне все чаще жалуется на расстроенное здоровье и стремится к необходимому отдыху, а потому вопрос о замене его другим лицом поневоле становится на очередь и уже составляет предмет обсуждения с шахским правительством.

Что касается выбора лиц на административные посты, а равно смены таковых, то, по установившемуся издревле обычаю, то и другое всегда делалось по соглашению между императорским и шахским правительствами. Насколько известно, этим правом пользовалось и продолжает пользоваться и великобританское правительство, пример чему еще недавно наблюдался в Сеистане и Каинате. Это право голоса в подобных вопросах обеих наиболее заинтересованных в персидских делах держав вытекает из необходимости для них обеспечивать надлежащим подбором лиц свои насущные интересы в обоюдных сферах влияния. Нельзя при этом не отметить, что русские представители, конечно, никогда не поддерживают губернаторов с „революционым, бесчестным и неудовлетворительным поведением“. Отставка бывшего министра внутренних

дел принца Эйн-эд-Доуле, типичного перса старого закала, была именно вызвана главным образом тем, что он в полной мере возобновил прежний порядок продажи должностей и ради своих корыстолюбивых целей сменял полезных с русской точки зрения деятелей. Независимо от этого принц, в погоне за популярностью среди крайних националистов, стал вести явно недоброжелательную России политику, с другой стороны, как хорошо известно императорскому правительству, ведя двойную игру и тайно заигрывая с реакционными элементами, уверяя их в своей неизменной приверженности абсолютизму. Такая двойственность могла лишь иметь самые пагубные последствия с точки зрения внесения столь желательного умиротворения в страну. Нельзя не упомянуть, между прочим, и о тех интригах, которые Эйн-эд-Доуле вел против других членов кабинета, как, например, Восуг-эд-Доуле, которые, по признанию русского и великобританского правительств, являлись полезнейшими лицами в составе этого кабинета [1].

В тяжелые времена, которые переживала и отчасти еще переживает Персия, и при необеспеченности зачастую личной и имущественной безопасности, число туземцев, ищущих покровительства иностранных представителей, несомненно, значительно возросло. В эту категорию входят преимущественно такие лица, которые состоят в денежных обязательствах к банкам и торговым фирмам и разорение коих повлекло бы за собою чувствительный ущерб для последних, а равно такие люди, которые в тяжелое время гонения на все русское в Персии имели мужество попрежнему проявлять дружественные чувства к России. Ограждение подобных лиц от преследований и насилий составляет естественную обязанность русских представителей в Персии. Этот институт покровительствуемых, в принципе, конечно, нежелательный и доставляющий немало хлопот, сам собою исчезнет, когда в стране водворятся порядок, законность и уважение к чужим политическим убеждениям. Отмечая попутно, что Исфагань, хотя и лежащая довольно южно, все же составляет часть зоны, отмежеванной русскому влиянию по соглашению 1907 г., императорское правительство не может признать правильность мнения, что покровительство, оказываемое упомянутым выше лицам, причиняет стеснение или ущерб финансам Персии; оно, напротив, утверждает, что лишь благодаря содействию, оказываемому

[1] „Назначение Восуга-эд-Доуле на должность м-ра ин. дел 3 июня/21 мая 1912 г. последовало по настоянию обеих, русской и английской, миссий перед регентом Наср-оль-Мольком ввиду выказанных Восугом умеренности и деятельности" (справка, составленная в м-ве ин. дел).

русскими представителями персидскому финансовому управлению, последнее в состоянии осуществлять свои функции и постоянно увеличивать доходы шахской казны. Те затруднения, которые иногда встречает на своем пути эта администрация, большей частью являются последствием неумелых приемов и нежелания считаться с местными бытовыми и иными особенностями со стороны отдельных органов ее, в том числе, к сожалению, и некоторых бельгийских чиновников, не прислушивающихся к добрым советам, преподаваемым им всегда благожелательно относящимися к ним русскими представителями. Возникавшие вследствие этого частые конфликты между чинами малиатного управления, с одной стороны, и русско-подданными и покровительствуемыми—с другой, побудили императорского посланника, по соглашению с главным казначеем Персии, поручить взимание налогов с этих лиц российским консулам при участии Учетно-ссудного банка Персии. Этой мерой, между прочим, разрешался отчасти вопрос о поступлении в кассы означенного банка правительственных доходов Северной Персии, которые, противно духу англо-русского соглашения 1907 г., с минувшего 1913 г. стали сдаваться г. Морнаром в английский банк. Однако при первой же попытке завести новый порядок, обеспечивающий шахскому правительству исправное поступление налогов и предотвращающий столь нежелательные взаимные трения и пререкания, персидское правительство усмотрело в этом нарушение своих прав, и г. Морнар поспешил не только отречься от состоявшегося с ним соглашения, но даже заговорить о произвольных действиях русских консулов. Ныне вопрос о сборе малиата с русских подданных и protégés составляет также предмет переговоров между императорским и шахским правительствами и при готовности последнего пойти навстречу законному пожеланию относительно поступления доходов северных провинций в кассы русского банка, как то было в 1912 г. и при установлении известного контроля консульств над правильностью обложения, благоприятное разрешение сказанного вопроса представляется вполне возможным. Едва ли есть надобность упоминать о том, что всем взимаемым российскими консулами суммам ведется точная отчетность, и ни одна копейка из них не изъемлется из персидской казны. Если персидское финансовое ведомство утверждает противное, то таковое его заявление не заслуживает веры.

Благодаря главным образом географическому положению обеих стран русская торговля всегда преобладала в северной и северо-западной Персии перед торговлею всех других государств. Если ввоз

последних особенно понизился за минувшие годы, то это, как справедливо отмечено в британском меморандуме, должно быть главным образом приписано отсутствию безопасности движения на караванных путях Южной Персии. Однако императорское правительство не может не напомнить, что со своей стороны оно никогда не ставило каких-либо препятствий к обеспечению заботами великобританского правительства исправной постановки дела охраны южных дорог. Что касается проникновения русских товаров в Южную Персию, то таковое пока не наблюдается и даже представляется маловероятным за пределами Исфаганской провинции, составляющей, как выше было указано, часть русской сферы влияния.

Наконец, относительно отмеченной в меморандуме тенденции русского влияния распространиться на нейтральную зону можно лишь высказать, что такая тенденция может до известной степени проявиться лишь в той же Исфаганской провинции, на что и указывает приведенный в британском меморандуме пример проектируемых оросительных работ в этом районе. К тому же проявление влияния и осуществление экономических начинаний в пределах нейтральной зоны отнюдь не возбраняется англо-русским соглашением ни той, ни другой державе, и, насколько известно, Великобритания широко пользуется этим правом в Бахтиарии и по отношению к таким лицам, как например, шейх Хазаль мохаммерский.

Заканчивая на этом свои возражения, основательность коих едва ли возможно отрицать, императорское правительство не может скрыть своего глубокого сожаления по поводу того, что его выступления в Персии, вызываемые насущною необходимостью, встречают постоянно столь явное недоверие со стороны великобританского общественного мнения, невзирая на неоднократно данные заверения в совершенно бескорыстных побуждениях России, подтвержденные всем образом действий ее во время тяжелого персидского кризиса. Это явление тем более прискорбно, что действие его может выйти далеко за пределы узкой сравнительно рамки персидских дел и иметь отголосок в других точках соприкосновения интересов обеих держав. Признавая таковые последствия в одинаковой мере нежелательными и даже опасными для обоих дружественных правительств и стремясь всемерно способствовать устранению упомянутого недоверия, питаемого, повидимому, в значительной мере традиционными опасениями в Индии перед возможностью русского нашествия на эту страну, императорское правительство готово с полным вниманием и благожелательностью обсудить совместно с лондонским кабинетом меры, какие могли бы быть приняты в видах

прочного установления взаимного правильного понимания и столь важного в обоюдных интересах полного доверия.

Приложение.

И. д. азербайджанского генерал-губернатора Шоджа-эд-Доуле российскому министру иностранных дел.

Письмо [1].

Императорскому министерству, конечно, хорошо известна моя прошлая деятельность.

В течение последних нескольких лет, когда беспорядки охватили всю территорию Персии, я не примкнул ни к какой партии, надеясь, что когда-либо персидское правительство овладеет положением, и население свободно вздохнет от революции.

Но, к несчастью, положение Персии с каждым днем становилось все хуже и хуже, и в конце концов страна окончательно лишилась безопасности и спокойствия.

Это обстоятельство повело к тому, что я в течение более чем шести месяцев, по приказанию правительства находясь в Сердеруде, занят был строгим преследованием лиц, которые служили источником революции.

Как только русские войска вступили в Тавриз и до некоторой степени наступил порядок и появились признаки общественного спокойствия, я с разрешения правительства прекратил преследование вышеупомянутых лиц.

По истечении некоторого времени, когда те же лица вновь подняли беспорядки и грабежи, когда спокойствие покинуло страну настолько, что никто не мог уже безопасно оставаться в своих домах, когда революция охватила жестоко всю страну, в частности Азербайджан, я, не видя никакого другого исхода, вторично решил обуздать революционеров Тавриза.

Одно время я находился в расстоянии двух фарсахов от Тавриза, искореняя смуту.

Когда русские войска, столкнувшиеся с создавшимся невыносимым положением, вынуждены были защищаться и в конце концов анархия была сломлена путем репрессивных мер против восставших и наступило успокоение, я с соизволения императорского правительства был призван стать во главе управления азербайджанским краем, коим и управлял до настоящего времени.

---

[1] См. стр. 207, прим. 3. Перевод с персидского, сделанный в ген. консульстве в Тавризе.

Наступившая новая эпоха вызвала ряд недостатков, которые, по моему мнению, могут отразиться тяжело на управлении Азербайджаном и повести к нежелательным осложнениям. К числу таковых я отношу:

1. Отсутствие единства во взглядах среди императорских консулов, призванных к службе в разных местах азербайджанской провинции, полное нежелание их считаться в принципиальных и важнейших вопросах с мнениями императорского генерального консульства в Тавризе, а через сие последнее и с заключениями азербайджанского генерал-губернатора. Все это служит причиной осложнения некоторых пограничных дел азербайджанской провинции.

2. Отсутствие поддержки со стороны бельгийцев. Будучи совершенно незнакомыми с малиатными вопросами азербайджанской провинции, пользуясь указаниями некоторых лиц, заведомо политически преступных, бельгийцы провели в бюджете только 300 тыс. томанов на содержание администрации, тогда как на таковую вполне было достаточно 50 тыс. [1]. При всем моем содействии бельгийцам и при серьезном покровительстве, оказываемом им представителями императорского правительства, они никогда и ни в каком случае не считают себя за что-либо ответственными, а равно не принимают никаких советов ни со стороны императорского генерального консульства, ни со стороны моей, как и. д. азербайджанского генерал-губернатора. В отношении жителей Азербайджана бельгийцы чинят всевозможные притеснения и строгости. Было бы во всех отношениях предпочтительнее заменить бельгийцев русскими, назначением нескольких русских советников, которые при содействии опытных и знающих дело персидских чиновников могли бы заняться упорядочением податной системы провинции.

3. Как я уже имел честь докладывать и шахскому советнику министров [1], какой-либо военной организации в Азербайджане в настоящее время не существует. Необходимо учреждение в трех пунктах азербайджанской области казачьих бригад, а также выделение из азербайджанских войск некоторого количества пеших и конных для несения военной службы под руководством русских инструкторов.

4. Все жители Персии знают, что я ожидал все это время в Персию, с соизволения императорского правительства, Мамед-Али-шаха. Теперь, когда мысль об этом отложена и не получила

---

[1] Так в подлиннике.

осуществления, мне стало тяжело служить при теперешнем кабинете министров, благодаря их программе. До настоящего времени, следуя указаниям императорской миссии и генерального консульства, внешним образом я оказывал содействие кабинету министров, хотя постоянно в течение двух последних лет моего пребывания в Тавризе я продолжал ожидать возможного получения от представителей императорского правительства определенных инструкций для выяснения моего настоящего положения. Таковых инструкций я пока не удостоился получить. И до сих пор я не уясняю себе достаточно своих обязанностей в отношении императорских консульских представителей и подчиненных мне губернаторов, а равно отношений сих последних к консулам.

Был бы очень признателен, если бы императорское министерство испросило мне разрешение временно прибыть в Петербург для личного доклада по затронутым мною вопросам в настоящем докладе и для получения необходимых инструкций в интересах дела. Если настоящая просьба будет признана несвоевременной, я осмеливаюсь ходатайствовать о разрешении мне непродолжительного для лечения выезда в Европу с тем, чтобы я мог проездом через Петербург удостоиться быть представленным его императорскому величеству.

Осмеливаюсь резюмировать все вышеизложенное.

Настоящий порядок вещей и создавшееся положение дел не соответствует ни моим воззрениям, ни опытности. Тем не менее я желал бы, несмотря на свои 60 лет, удостоиться еще послужить российско-императорскому правительству.

Пользуюсь и пр. Печать Шоджа-эд-Доуле.

№ 160. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Письмо. 10 июля/27 июня 1914 г.

М. г. Михаил Николаевич,

В ожидании получения г. Панасом инструкций, которые, согласно секретной телеграмме нашего поверенного в делах в Афинах от [7 июля] 24 сего июня за № 135, ныне вырабатываются, считаю нужным высказать вам некоторые соображения по афонскому вопросу [1].

---

[1] См. т. III, №№ 324 и 353. Тел. от 9 июля/26 июня за № 137 Урусов известил Сазонова о посылке Панасу инструкций. Тем не менее тел. от 19/6 июля за № 533 Гирс сообщал, что он не имеет никаких указаний, свидетельствующих об их получении Панасом.

Мы продолжаем думать, что предпочтительно было бы притти к установлению с Грецией временного modus vivendi, в коем точно определены были бы наши взаимоотношения в области гражданской власти и юрисдикции, а также устранена была бы возможность притеснения греческими монастырями-владельцами наших скитов и келий. Для этого необходимо урегулирование земельных отношений, что может произойти лишь, если греческое правительство обяжется оказать соответствующее воздействие на монастыри и протат. Нашей целью является достижение возможного ограждения самостоятельности всех обителей, включая келии, путем точного определения объема их прав на основе не нынешнего формального права, а фактического положения вещей, что и будет отвечать понятию реального status quo.

Возведение некоторых скитов в монастыри, конечно, желательно, но едва ли осуществится, не вызывая на самом Афоне опасную смуту и борьбу.

Весьма желательно было бы придать соглашению характер временного modus vivendi. В то же время все выговоренные нами для наших обителей права, конечно, следовало бы распространить и на прочие народности на Афоне. При этом, конечно, необходимо избежать в соглашении всего, что могло бы подать грекам повод думать, что мы признаем их верховенство на Афоне [1].

Сазонов.

№ 161. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 108. 10 июля/27 июня 1914 г.

В сегодняшнем „Berliner Tageblatt“ появились все подробности предстоящего процесса фельдфебеля Поля о шпионаже [2], упомянута также фамилия нашего военного агента и изложены подробности его свидания с Полем и Блюменталем. Процесс начинается во вторник; полагаю поэтому, что возвращение сюда полковника Базарова, хотя бы временно и для ликвидации дел, отнюдь не должно последовать в ближайшее время. Увижу завтра Циммермана, дабы напомнить обещание постараться избежать лишней огласки, данное им послу, а Яговым—мне; предвижу его ука-

---

[1] Тел. от 22/9 июля Гирс передал заявление Панаса о получении им инструкций 20/7 июля. По словам Гирса, переговоры по афонскому вопросу должны были начаться 24/11 июля.

[2] См. стр. 50, прим. 2.

зание на то, что сообщение появилось впервые в „Berliner Tageblatt“, на который министерство иностранных дел не имеет способов воздействия.

Броневский.

№ 162. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 109 [1]. 10 июля/27 июня 1914 г.

Продолжение № 108.

По словам статс-секретаря, он еще во вторник после свидания со мною конфиденциально снесся с военным ведомством и получил заверение, что там с своей стороны будут всячески способствовать сохранению тайны о подробностях процесса о шпионаже. Я выразил надежду, что сегодняшние разоблачения „Berliner Tageblatt“ не изменят этого решения, и что та немецкая пресса, на которую власти могут оказать умеряющее влияние, не подхватит сенсационного сообщения „Berliner Tageblatt“. Ягов заверил, что власти попрежнему будут хранить тайну, что же касается прессы, то на обращения ее представителей в министерстве иностранных дел будет сказано, что там ничего по этому делу не известно. Было бы крайне желательно, чтобы и наша пресса обошла предстоящий процесс молчанием, не посвящая ему раздражающих здешнее общественное мнение статей.

Броневский.

№ 163. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 135. 10 июля/27 июня 1914 г.

Дополнение к моему № 130 [2].

Австрийский и итальянский посланники действительно запросили на-днях румынское правительство, согласно ли оно послать незначительный контингент румынских войск в Албанию. Встретив отказ, оба посланника попытались узнать от Порумбару, согласилось ли бы здешнее правительство послать войска в эту страну, если бы все великие державы либо дали Румынии мандат на восстановление порядка в Албании, либо просили ее о военной кооперации с некоторыми из великих держав. По словам министра, он отказался от обсуждения этих гипотез, а ограничился лишь ответом, что румынское правительство не преминуло бы са-

[1] На подлиннике помета: „№ 1370, уже сделан“ (см. стр. 242, прим. 1).

[2] См. № 80.

мым тщательным образом изучить любое из этих двух предложений всех великих держав [1]. Из разговора с министром я мог вывести заключение, что румынское правительство ни в коем случае не согласится стать в Албании орудием политики отдельной группы великих держав, но что коллективное обращение последних к Румынии, может быть, побудило бы ее к принятию на себя роли исполнительницы решений Европы по отношению к Албании.

Поклевский.

№ 164. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 189. 10 июля/27 июня 1914 г.

Срочная.

Сегодня в 9 вечера посланник отправился к барону Гизлю объясниться по поводу распространявшегося здесь австрийской миссией злонамеренного и ложного слуха, будто на императорской миссии в день похорон эрцгерцога Франца-Фердинанда демонстративно не был поднят и приспущен флаг. Слух этот поддерживался советником австрийской миссии Сторком [2], бывшим до вчерашнего дня поверенным в делах. Без труда убедив Гизля в несправедливости наговора, посланник перевел разговор на предстоящий ему отпуск, указывая на невозможность, невзирая на появившиеся признаки расширения сердца, уехать до [12-го] 29-го—дня рождения короля Петра. Внезапно смолкнув, он опустился и тут же, поддерживаемый Гизлем, тихо скончался. Тело было без замедления перенесено в императорскую миссию. Из семьи в Белграде находится только дочь покойного, которую теперь же ночью посетили королевич Александр и принц Павел. Супруга посланника в среду выехала в Константинополь, и до ее возвращения вряд ли будет принято решение о месте и времени похорон. Как удар грома, поразило Белград печальное известие, а обстановка смерти горячо любимого представителя России уже вызывает проявление крайних чувств.

Штрандтман.

---

[1] Тел. от 10 июля/27 июня за № 178 Извольский сообщал, что, несмотря на вторичное предложение Италии сделать коллективное представление румынскому прав-ву о посылке отряда в Албанию, франц. прав-во продолжает отрицательно относиться к этому плану по причинам, изложенным в тел. за № 171 (см. № 68).

[2] В царском экземпляре слова: „Слух этот... Сторком" подчеркнуты красным карандашом.

№ 165. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Депеша № 33 [1]. 10 июля/27 июня 1914 г.

[6 июля] 23 июня в Цетинье состоялся, с разрешения полиции, митинг протеста против открытых в Австро-Венгрии гонений на православное сербское население в связи с обстановкою убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Собравшаяся на площади перед городским театром толпа манифестантов, в количестве около 400 человек, в том числе женщин и подростков, после нескольких весьма резких по адресу Австрии речей, произнесенных организаторами сходки, вынесла резолюцию, осуждающую образ действий австрийских властей, „постыдно одобривших погромы и принявших в них преступное участие“.

По окончании митинга толпа, невзирая на протесты крайне немногочисленной полиции, двинулась к зданию австро-венгерской миссии с кликами „долой австрийцев“. Дело могло бы принять нежелательный по своим последствиям оборот, если бы король Николай не выехал спешно на автомобиле навстречу подходившим уже к самой миссии манифестантам и лично не разогнал толпу, в резкой форме приказав ей разойтись и даже пустив в ход палку. Манифестанты повиновались.

Среди моих коллег и других лиц держится впрочем и такая версия, что черногорским властям было заранее хорошо известно о намерении участников митинга произвести враждебную австрийской миссии демонстрацию и что в основу личного вмешательства в дело усмирения манифестантов легло будто бы намерение короля выступить в роли непосредственного охранителя австрийского правительства.

В беседе по этому делу с министром иностранных дел, желавшим меня уверить, что существующий закон не давал правительству возможности воспретить созыв митинга, я счел долгом отметить, что соблюдение формального закона в подобного рода случаях едва ли уместно, ибо правительство понесло бы полностью ответственность за все печальные и опасные для страны последствия, к которым могла привести предпринятая демонстрация, если бы она была доведена до конца.

Гирс.

---

[1] Лит. копия.

№ 166. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 496. 10 июля/27 июня 1914 г.

Ссылаясь на мою телеграмму № 396 [1].

Насколько я мог выяснить, английский синдикат барона Гирша добивается получения концессии на разработку минеральных залежей „Теджар" в Эрзерумском вилайете. Конкурентом является „Standart Oil". Пока Порта не связана еще никаким обязательством. Крайне желательно получить эту концессию для нас самих. Достаточно было бы для этого пока ныне же получить право производства разведок. Для этого необходимо внести 2 500 фунтов залога и иметь необходимую сумму для производства разведок. Если бы нашелся русский предприниматель, то он мог бы, полагаю, рассчитывать на некоторое участие в предприятии Салоникского банка, даже в нынешней его формации. Прошу срочного ответа, чтобы в случае невозможности выставить русского предпринимателя—Русско-азиатский банк или другое наше финансовое учреждение—успеть составить здесь общество с участием русских подданных.

Гирс.

К мин. финанс. и торговли.

Петергоф, [12 июля] 29 июня 1914 г.

№ 167. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 497. 10 июля/27 июня 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 474 [2].

Салоникский банк.—По словам посетившего меня Салема, необходимо, чтобы окончательный наш ответ касательно предполагаемой комбинации был сообщен в Париж не позже [13 июля] 30 июня, т. е. через три дня. Усиленно ходатайствую о немедленном принятии нашей комбинации. Вопрос о помещении известного вклада мог [бы] быть разрешен со временем, но полагаю, что не следовало бы совершенно отклонить его, чтобы не охлаждать согласия Верстрата.

Гирс.

---

[1] См. т. III, № 312.
[2] См. № 122.

№ 168. Генеральный консул в Тавризе в I департамент министерства иностранных дел.

Телеграмма № 500. 10 июля/27 июня 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Шоджа-эд-Доуле получил приказание министерства внутренних дел праздновать в Азербайджане коронацию. Он желал бы знать, представляется ли исполнение этого приказания желательным, или он должен воспользоваться этим случаем с целью указать Тегерану лишний раз на значение Азербайджана, запросив Тегеран, кто выбрал шаха, кто будет короновать его и как, согласно ли с древними персидскими обычаями, или по-новому, и в зависимости от ответа устроить или не устроить празднества, известив о своем решении министра.

Орлов.

№ 169. И. о. консула в Маку в I департамент министерства иностранных дел.

Телеграмма [1]. 10 июля/27 июня 1914 г.

Копии в Тегеран, Тифлис, Тавриз и Хой.

Нет сомнения, что убийство Саид-бея дело рук сердара, который однако уверяет, что Саид-бей убит своими людьми. Думаю, что организатором убийства был Али-бей. Мною арестованы Мир-Абдулла и Бехрам-ага. Я потребовал от сердара представить в консульство Али-бея.

Посылка отряда в Мухур произведет нужное впечатление. Необходимо строгое расследование и наказание виновных.

Предполагаю лично побывать в Мухуре, где, надеюсь, отряд останется до конца расследования. Нам вообще следовало бы усилить в Маку наши силы посылкой сюда роты пехоты с пулеметами. Присутствие нашего отряда в Маку заставит сердара бросить двойную игру и раз и навсегда укрепит наше влияние в этой особо важной для нас пограничной области.

Олферьев.

№ 170. Морской министр министру иностранных дел.

Письмо № 3929/284. 10 июля/27 июня 1914 г.
По морскому генеральному штабу. Секретно.

Секретным отношением № 459 [2] ваше высокопревосходительство ставите два вопроса: 1) о сроке постройки 2-й бригады чер-

---

[1] Номер отсутствует.
[2] См. № 24.

номорских кораблей и 2) о мирном составе войск, предназначенных для десантных операций. Имею честь сообщить вам по ним нижеследующее.

1. Вряд ли представится возможным обычным путем получить ассигнование для военного судостроения сверх той суммы (около 500 млн. руб.), которая намечена для следующей программы судостроения по соглашению моему с министром финансов. В этой очередной программе судостроения для Черного моря возможно уделить сумму для постройки 2 линейных кораблей с соответственными придаточными частями. Увеличение черноморской программы судостроения на других 2 линейных корабля было бы возможным лишь в качестве меры совершенно исключительного характера, проводимой по высочайшему его императорского величества повелению, вследствие выяснившегося ускорения в военном судостроении Австро-Венгрии и попыток Турции приобрести еще 2 линейных корабля, сверх трех уже приобретенных.

Становясь на такую точку зрения, я предлагаю в очередной части нашей нормальной программы судостроения, исходящей из данных обычного напряжения морских вооружений иностранных государств, а не из данных совершенно исключительного и случайного напряжения морских вооружений, делаемого в настоящее время Турцией и Австро-Венгрией, оставить то, что в ней имеется для Черного моря, т. е. 2 линейных корабля с придаточными частями; другие же 2 линейных корабля, требуемые п. 5 особого совещания [21] 8 февраля, внести в совет министров и в законодательные учреждения в виде особой программы, выполнение которой не укладывается в очередную программу военного судостроения.

Мною отдано распоряжение разработать обе упомянутые выше программы. Первая, обнимающая судостроение в Балтийском и Черном морях, будет внесена в законодательные учреждения в начале ближайшей сессии. Морское ведомство полагает, что уже в начале 1915 г. окажется возможным приступить к постройке 2 линейных кораблей, намеченных в ней для Черного моря. Вторая программа, носящая исключительный характер и намечающая два других линейных корабля только для Черного моря, будет мною внесена в совет министров, причем от последнего будет зависеть срок, в который можно будет получить соответственное ассигнование и приступить к постройкам.

2. По второму вопросу—относительно мирного состава войск—сделанные морским генеральным штабом подробные расчеты по-

казывают, что при хорошей организации пароходы будут готовы для посадки войск на пятый день мобилизации. Тогда необходимо будет содержать десантные войска в мирном составе 84 рядов в роте и запряжке 6 орудий и 12 зарядных ящиков. До улучшения организации десантных средств эта мера представляется лишней, так как в настоящее время на оборудование пароходов потребно даже не 10 дней, а больше 2 недель. Таким образом доведение до указанной высокой нормы мирного состава войск, назначенных для десантной операции, должно быть осуществлено к моменту осуществления новой организации десантных средств.

Я полагаю, что рациональнее всего было бы принять следующее решение.

В октябре месяце, т. е. после опыта десантного маневра в Черном море, а также после того как генеральный штаб (сухопутный) ознакомится с составленными в морском генеральном штабе расчетами технической стороны десантной операции, совместным обсуждением генеральных штабов установить основные черты новой организации десанта согласно с п. 4 заключений Особого совещания [21] 8 февраля. Тогда выяснится точнее время, в течение которого новая организация войдет в жизнь, а следовательно, и точный срок, с которого будет необходимо начать доведение десантных войск до вышеуказанной высокой нормы мирного состава.

Генерал-адъютант Григорович.

Штаб-офицер морского генерального штаба
капитан II ранга Немитц.

№ 171. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [1].

11 июля/28 июня 1914 г.

According to a telegram, received from His Majesty's Principal Secretary of State for Foreign Affairs it appears that the Chinese Government have declined to agree to the frontier line of Thibet, which was laid down in the convention as initialled. They demand a line in

[1] Пам. записка была препровождена Бьюкененом Сазонову при письме от того же числа согласно „только-что“ полученной им от Foreign Office телеграммы; письмо, содержание которого совпадает с заключительной частью пам. записки, кончается сообщением о том, что Бьюкенен предполагает обсудить вопрос с Сазоновым после своего возвращения „на предстоящей неделе“ из Гельсингфорса.

Eastern and Northern Thibet, which the Thibetan Government could not be expected to accept and which is not justified by the evidence laid before the Conference.

These considerations were pointed out to the Chinese Government and the latter were urged to sign the convention in the form, in which it had been initialled. It was at the same time hinted to them, that if they did so His Majesty's Government would press the Thibetan Government to concede a tract on their northern boundary to China.

However the Chinese Government merely offered to agree to the majority of the articles of the convention while maintaining their refusal to yield on the question of the boundary. On July 3 (N. S.) a final meeting of the conference was held at which fresh copies of the convention were initialled by the Thibetan and British delegates, including two new articles №№ 10 and 11, and omitting article 10 as originally drafted in accordance with the desire, expressed by the Imperial Government. The two new articles respectively provide that the English version shall be authoritative and that the convention shall come into force immediately after its signature. Final copies of the trade regulations were also signed. Before the Conference rose Sir H. MacMahon stated, that the considered views of His Majesty's Government as regards the boundaries and status of Thibet were represented by the convention as initialled.

In bringing the above to the notice of the Imperial Government, His Majesty's Ambassador is instructed to explain, that every effort has been exhausted by His Majesty's Government to induce the Chinese Government to sign the Tripartite Agreement; that, with the exception of the boundary clause, the Chinese Government have accepted without difficulty the whole convention; and that His Majesty's Government hope that the Chinese may still agree to sign the Agreement after reflection[1].

His Majesty's Ambassador is instructed to add that meanwhile His Majesty's Government will not, without first consulting the Russian Government, act on any provisions of the convention as initialled which may conflict with the Anglo-Russian Agreement of 1907.

Перевод.

Из телеграммы, полученной от главного секретаря его величества по иностранным делом, явствует, что китайское правительство отказалось принять пограничную линию Тибета, установленную парафированной конвенцией. Оно

[1] Телеграммой от 16/3 июля за № 340 Граве уведомил, что по доверительному сообщению китайского министра ин. дел, „парафирование китайским делегатом соглашения было вызвано угрозами англичан устранить китайцев от участия в переговорах и договориться непосредственно с тибетцами".

требует такой линии в восточном и северном Тибете, принятие которой тибетским правительством нельзя ожидать и которая не оправдывается данными, представленными на конференции.

Эти соображения были сообщены китайскому правительству с настоянием на подписании конвенции в той форме, в которой она была парафирована. В то же время ему дали понять, что если оно это сделает, то правительство его величества заставит тибетское правительство уступить полосу земли на его северной границе Китаю.

Однако китайское правительство предложило лишь дать согласие на большинство статей конвенции, оставляя в силе свой отказ уступить в вопросе о границе, 3 июля [20 июня] состоялось окончательное заседание конференции, на котором тибетским и британским делегатами были парафированы новые копии конвенции, включавшие две новые статьи, 10 и 11, и опускавшие согласно выраженному императорским правительством желанию ст. 10 в ее первоначальной редакции. Две новые статьи предусматривают по принадлежности, что английский текст должен почитаться решающим и что конвенция вступает в силу немедленно по ее подписании. Окончательные копии торгового регламента также были подписаны. Раньше чем конференция разошлась, сэр Г. Мак-Магон заявил, что в парафированной конвенции изложена обоснованная точка зрения правительства его величества относительно границ и статута Тибета.

При сообщении вышеизложенного императорскому правительству послу его величества поручено указать, что правительством его величества были исчерпаны все усилия, чтобы побудить китайское правительство подписать тройное соглашение; что за исключением статьи о границе китайское правительство приняло без затруднений всю конвенцию; и что правительство его величества надеется, что китайское правительство по размышлении все же согласится подписать конвенцию.

Послу его величества поручено добавить, что за это время правительство его величества не будет без предварительного совещания с российским правительством действовать на основании какого-либо постановления парафированной конвенции, которое могло бы противоречить англо-русскому соглашению 1907 г.

№ 172. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

⁄. Телеграмма № 1378. 11 июля/28 июня 1914 г.

Сообщается в Софию.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 173 [1] и на мою телеграмму № 1299 [2].

Наши банки согласны на отсрочку предъявления к уплате бонов болгарского казначейства и готовы номинально участвовать в займе [3]. Что касается аванса, остаются в силе условия, сообщенные в нашей телеграмме № 1042 [4]. Сазонов.

[1] См. № 69.
[2] См. № 42.
[3] Ср. № 186.
[4] См. т. III, № 115.

№ 173. Вр. управляющий отделом Дальнего Востока дипломатическому агенту и генеральному консулу в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 1379. 11 июля/28 июня 1914 г.

Personnel.

Донесение № 157 [1] получено.

Для исчерпывающего доклада министру был бы признателен за разъяснение следующих пунктов:

Статья первая вашего проекта, даже при сопоставлении со статьей второй, может быть толкуема в том смысле, что нам предоставляется постройка только одной линии Кяхта—Урга или какой-либо другой, между тем как ранее в вашей телеграмме № 107 [2] упоминалось об обязательстве монголов выдать концессии на железные дороги Кяхта—Урга и другие.

В общем ваш проект, при условии только-что упомянутого изменения, вероятно, не вызвал бы особых возражений, как обеспечивающий нам право железнодорожного строительства в Монголии и позволяющий устранять проведение нежелательных нам линий. Было бы однако желательно знать, не создалось ли более благоприятного в нашу пользу настроения в этом вопросе в связи с нашим согласием на выдачу ссуды и выбытия за смертью из правительственных рядов столь влиятельного противника нашей политики как Да-Лама.

Юдин.

№ 174. Заведующий отделом Среднего Востока генеральному консулу в Тавризе Орлову.

Телеграмма № 1381. 11 июля/28 июня 1914 г.

Копии в Тегеран и Маку.

Телеграмма за № 495 [3] получена.

Какого-либо насилия, в виде высылки, над назначенным каргузаром в Маку лицом отнюдь допускать не следует. Если не удастся путем переговоров предотвратить его появление в Маку, то лучшим исходом было бы полное игнорирование его как сердаром, так и нашим консульством.

Клемм.

[1] См. т. III, № 266.

[2] См. т. II, № 216.

[3] Ошибка в номере; следует читать: 494 (см. № 152).

№ 175. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁒/. Телеграмма № 185. 11 июля/28 июня 1914 г.

Grey me dit que l'ambassadeur d'Italie est venu demander son appui auprès de Roumanie, concernant envoi détachement roumain en Albanie. Grey a répondu, que si toutes les Puissances avaient approuvé ce projet, il n'aurait pas élevé d'objections de principe, mais qu'ayant été dans le cas de devoir refuser détachement anglais pour Scutari [1], il lui était impossible appuyer aucune demande de même nature, adressée à gouvernement roumain.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне, что итальянский посол обратился к нему с просьбой о поддержке перед Румынией в вопросе о посылке румынского отряда в Албанию. Грей ответил, что если бы все державы одобрили этот проект, он не выдвинул бы принципиальных возражений, но что ввиду того, что ему уже пришлось отказать в посылке английского отряда в Скутари, он лишен возможности поддержать всякую просьбу такого же характера, адресованную румынскому правительству.

Бенкендорф.

№ 176. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 186. 11 июля/28 июня 1914 г.

Dans discours supplémentaire sur vote budget des affaires étrangères Grey n'a ajouté rien de spécialement important concernant Perse. Mais il a dit que si protection du commerce anglais dans midi ou toute autre circonstance devaient nécessiter des mesures, qui affecteraient convention anglo-russe ou le principe de l'integrité de la Perse, telle mesure devra être au préalable discutée avec gouvernement russe.

Benckendorff.

Перевод.

В дополнительной речи по голосованию бюджета ведомства иностранных дел Грей не добавил ничего важного насчет Персии. Но он сказал, что если бы покровительство английской торговле на юге или всякое другое обстоятельство потребовали мероприятий, задевающих англо-русскую конвенцию или принцип неприкосновенности Персии, такое мероприятие подлежало бы предварительному обсуждению с российским правительством.

Бенкендорф.

---

[1] Речь идет об отказе Грея в мае 1914 г. удовлетворить просьбу итал. прав-ва о посылке международного отряда не в Скутари, а из Скутари в Дураццо. (См. Gr. Pol., B. 36, Teil II, №№ 14453 и 14459.)

№ 177. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 179. 11 июля/28 июня 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Савинского № 127 [1].

Маржери только-что сказал мне, что представитель банка Перье Бауер сообщил вчера по телеграфу Радославому и Тончеву подробные условия предлагаемого займа. Панафье получил предписание поддержать эти предложения и указать болгарским министрам, что в них не заключается никаких условий политического свойства или могущих так или иначе вызвать противодействие со стороны болгарского общественного мнения.

Извольский.

№ 178. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 110. 11 июля/28 июня 1914 г.

По частным сведениям, здесь недовольны ходом переговоров, торые ведутся в Константинополе между представителем „Deutsche Bank“ и Джавидом. О несговорчивости последнего в некоторых вопросах на-днях упоминал директор этого банка Гвиннер, с раздражением указывая, что упорство турок значительно возросло после реализации ими займа в Париже. С своей стороны Циммерман говорит, будто переговоры протекают благополучно [2].

Броневский.

№ 179. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 111. 11 июля/28 июня 1914 г.

По словам сербского поверенного в делах, им получены из заслуживающего доверия источника сведения, будто австрийские гарнизоны вдоль сербской и русской границы, по возможности незаметно, получают усиления [3].

Броневский.

К воен. мин.

Петергоф, [13 июля] 30 июня 1914 г.

---

[1] См. № 134.

[2] Ср. Gr. Pol., Bd. 37, Teil II., Kap. 286.

[3] Тел. эта была препровождена Сазоновым Сухомлинову при отношении от 15/2 июля 1914 г.

№ 180. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 499. 11 июля/28 июня 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 418 [1].

Морской агент доносит, что в четверг на транспорте „Решид" отправлено в Англию 400 человек турецкой морской команды.

Гирс.

№ 181. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 311. 11 июля/28 июня 1914 г.

Телеграмму № 1361 [2] получил.

Ввиду отставки Восуг-эд-Доуле и дезорганизации кабинета, еще раньше уклонявшегося от переговоров и принятия решений, связанных с ответственностью, предвижу, что безотлагательное сообщение персам наших требований не даст практических результатов и лишь ослабит положение миссии ко времени образования нового правительства, что должно произойти после коронации. Тоунлей по этой причине отложил переговоры о керманской концессии. Прошу разрешить передать персам наш ответ, когда по обстоятельствам найду это более выгодным. Коростовец.

№ 182. Посланник в Тегеране и. о. управляющего Учетно-ссудным банком Персии в Тегеране Видеману.

Письмо № 1261 [3]. 11 июля/28 июня 1914 г

Вследствие письма вашего от [18] 5 июня с. г. № 146/с [4] касательно предстоящей [13 июля] 30 сего июня выдачи главному казначейству Персии значительной суммы остатков таможенных поступлений имею честь просить удержать из этой суммы 1 992 694 кр. 8 шай, составляющих долг главного казначейства бригаде; кроме того, 60 тыс. томанов на удовлетворение некоторых бесспорных претензий русско-подданных, в том числе и на покрытие причитающихся банку по векселям Адлос-Солтане процентов.

О подробном распределении означенной суммы не премину сообщить вам дополнительно.

В ожидании ответа вашего пользуюсь и пр.

Коростовец.

---

[1] См. т. III, № 356.

[2] См. № 126.

[3] Копия этого письма была препровождена Коростовцом при письме на имя Нератова от 23/10 июля за № 1332.

[4] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

№ 183. Вице-консул в Хое в I департамент министерства иностранных дел.

Телеграмма № 125. 11 июля/28 июня 1914 г.

Задержанные по обвинению в смертельном поранении стрелка Тимченко и ограблении казенного имущества у раненого четыре перса еще не преданы полевому суду [1]. Постановление было сделано мною на основании прецедентов, указывающих, что вооруженные выступления против наших войск до последнего времени рассматривались нашим полевым судом. Об отмене таковой практики и о желательности передачи такового рода дел на рассмотрение персидских властей вице-консульство не было почтено указаниями императорского министерства до получения последней телеграммы вашего превосходительства [2]. Во всяком случае постановления консулов о предании полевому суду всегда носили характер лишь заключения следователя, фактическое же предание полевому суду зависело от начальника азербайджанского отряда, с коим в указанном деле я действовал согласно, ввиду чрезвычайных обстоятельств, выразившихся в троекратном подряд ночном нападении на наш дильманский гарнизон.

Считаю себя обязанным доложить, что передача на рассмотрение персидских властей дел о вооруженных нападениях на наших воинских чинов ведет лишь к сокрытию и безнаказанности преступников. Так, в последнем деле об убийстве днем, близ города, казака Николенко, переданном мною местным властям, убийцы не обнаружены, несмотря на очевидность участия в преступлении местных жителей.

Опасаюсь, что отсутствие суровых наказаний мерами наших военных властей в случаях, подобных указанному, подвинет враждебные нам элементы на новые выступления.

Чирков.

№ 184. Вице-консул в Хое в I департамент министерства иностранных дел.

Телеграмма № 127. 11 июля/28 июня 1914 г.

Копия в Тавриз, Тифлис и Маку.

Телеграфирую в Тегеран, ссылаясь на телеграмму Олферьева от [10 июля] 27 июня [3].

---

[1] См. № 109.

[2] Ср. № 127.

[3] См. № 169.

Имею совершенно положительные данные об организации убийства Саид-бея сердаром, поспешившим уведомить турок об оказанной им услуге.

Нашим мухурским отрядом перехвачено письмо сердара к милянским курдам, в коем он просит их ничего не бояться и обещает уладить дела, напоминая им, что они могут быть ответственны только перед ним, сердаром. Он также выражает им благодарность за службу. Версия об убийстве Саид-бея своими людьми, попытка повторить объяснение смерти Экрем-эд-Доуле, должна быть решительно отвергнута. Последующий трехдневный расстрел Мухура макинскими курдами, разогнанными нашим отрядом, подтверждает ее несостоятельность.

Для успокоения умов и восстановления значения русского покровительства необходимо решить вопрос об ответственности самого сердара, независимо от обязательной казни убийц.

Отряду приказано ждать прибытия Олферьева в Мухур.

Чирков.

№ 185. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 334. 11 июля/28 июня 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 240 [1].

Английский посланник сообщил мне, что китайское правительство отказалось утвердить соглашение о Тибете, парафированное с делегатом, ссылаясь на то, что последний не был уполномочен на это. Переговоры считаются таким образом прерванными, и Мак-Магону разрешен отпуск.

Англичане готовы возобновить таковые, но считают, что инициатива должна исходить теперь от китайцев.

Граве.

№ 186. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 56. 11 июля/28 июня.

Доверительно.
Срочное.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма от [6 июля] 23 июня сего года за № 472 [2]

[1] Этой тел. от 22/9 мая Грaве передал сообщение англ. посланника, что в основу достигнутого соглашения о Тибете положено деление его на Внешний и Внутренний, причем первый признается Китаем автономным, а второй (Кукунор и вост. часть Тибета) остается под суверенитетом Китая.

[2] См. № 102.

имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что, по сношению министерства финансов с русскими банками, последние не возражали против участия их в выпуске болгарского займа во Франции, с тем однако, чтобы они не несли при этом материальных затрат.

Что же касается возбужденного в связи с сим вопроса об отсрочке уплаты аванса, выданного Болгарии в свое время русскими банками под обеспечение бонами казначейства, до второго выпуска займа, то с своей стороны я постараюсь оказать влияние к предоставлению банками желаемой отсрочки, против каковой отсрочки на непродолжительное время банки не возражают принципиально и ныне.

Примите и пр.

П. Барк.

№ 187. Заведующий отделом Среднего Востока консулу в Астрабаде Иванову.

Телеграмма № 1382. 12 июля/29 июня 1914 г.

Не откажите сообщить, когда можно будет получить сведения, которые поручено было собрать чинам главного управления землеустройством и земледелием относительно количества еще имеющихся свободных земель в астрабадо-гюргенском районе и их приблизительной стоимости. Полагаю желательным ускорить скупку этих земель нашим банком.

Клемм.

№ 188. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1385. 12 июля/29 июня 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Орлова за № 500 [1].

Не подлежит, казалось бы, сомнению, что Шоджа-эд-Доуле не должен уклоняться от празднования коронации, на которую последовало согласие России, не усложняя и без того натянутых отношений с Тегераном и не навлекая новых нареканий на наше генеральное консульство.

Если с вашей стороны возражений нет, не откажите дать соответствующие указания Орлову.

Клемм.

---

[1] См. № 168.

№ 189. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 128. 12 июля/29 июня 1914 г.

Заем в Берлине, говорят, подписан и в понедельник будет внесен в народное собрание, где его ожидают самые сильные нападки единодушно объединившейся оппозиции, которой я даю широкое содействие в пользовании аргументами [как] для воспрепятствования голосованию, так и для дискредитирования займа перед общественным мнением, в случае его принятия. Впрочем, в случае его принятия в числе последних средств самым действительным явилось бы настояние французского правительства на немедленной уплате 75 млн. бонов [1]. Болгарское правительство рассчитывает уклониться от уплаты под предлогом, что получает теперь не заем, а аванс; между тем в тексте соглашения сказано совершенно определенно, что боны возмещаются „при первой финансовой операции“, каковой никак нельзя не признать 120 млн. аванса. Ввиду этого было бы весьма важно, чтобы Banque de Paris в силу каких-либо своих соображений не согласился на отсрочку, а потребовал бы уплаты ныне же и даже принял вполне необходимую при недобросовестности здешнего правительства меру предосторожности и просил теперь же Disconto Gesellschaft наложить секвестр на 75 млн. В этом вряд ли могло бы быть отказано Bankue de Paris, оказавшему в свою очередь немецким банкам подобную услугу при недавнем турецком займе, но для энергичного выступления Banque de Paris нужна настойчивость французского правительства. Казалось бы, что во имя высших политических интересов последнее не может отказать нам в этом шаге, который имел бы тот же характер репрессии по отношению к нынешнему правительству, как и рекомендованное мне вами в телеграммах №№ 1249 [2] и 1350 [3] воздержание от согласия на повышение пошлин на керосин или положение, которое министерство иностранных дел предписало мне занять телеграммой № 1171 [4]. В согласии с последней я своевременно напомнил болгарскому правительству его обязательства к нам по бонам и военным заказам. Недавно французский посланник по приказанию из Парижа обменялся с

---

[1] См. стр. 112, прим. 1.

[2] См. т. III, № 341.

[3] Телеграммой от 7 июля/24 июня за № 1350 Сазонов сообщал Савинскому о принципиальном согласии росс. прав-ва на повышение пошлин на керосин при условии отказа Болгарии от заключения займа в Берлине.

[4] См. т. III, № 242.

болгарским правительством по вопросу возмещения бонов нотами, в которых посланником было повторено выражение контракта—„первая финансовая операция“, а болгарским правительством—„первый консолидированный заем“; Тодоров, заключавший в качестве министра финансов соглашение о бонах, утверждает, что настояния французских банков не могут не быть уважены.—Совершенно доверительно.—В интимном разговоре Панафье сказал мне, что его недавние личные сношения в Париже с Banque de Paris оставили в нем чувство неприязни к его заправилам, обнаружившим несговорчивость, в силу чего он не будет особенно печалиться, если банк не получит по бонам. Панафье не собирается привносить в дела этот личный элемент, но его полезно иметь в виду. В заключение считаю обязанностью доложить, что на все запросы оппозиции, боящейся, что в случае провала займа в Берлине Болгария останется без денег, отвечаю совершенно категорически, что после заверений французского посланника, сделанных по соглашению с нами, Болгарии нечего опасаться в этом отношении. До меня доходят слухи о существовании некоторых секретных статей займа [1], которые лишний раз доказывают, что заем имеет высокое политическое значение и назначение привлечь и закрепить Болгарию за Тройственным союзом.

Савинский.

№ 190. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 62. 12 июля/29 июня 1914 г.

Ссылаюсь на свое отношение № 27 [2].

Посетивший меня министр иностранных дел, снова ссылаясь на нужду в деньгах, запросил о судьбе ходатайства черногорского правительства относительно оказания нами сепаратной помощи выдачею 6 млн. в счет займа. При этом Пламенац указал на готовность будто бы Австрии и Италии выдать этот аванс, который правительство предпочитало бы однако получить от России. О вышеизложенном сообщаю в видах заблаговременного уведомления вашего высокопревосходительства.

Гирс.

---

[1] См. № 220.

[2] Депешей от 13 июня/31 мая 1914 г. за № 27 Гирс сообщал об обращении к нему черногорского мин. финансов Поповича с просьбой о том, чтобы российское правительство не отказало ныне же поручить русским банкам ссудить черногорской казне аванс в размере выпадающей на долю России части займа, т. е. около 6 млн. крон.

№ 191. Дипломатический агент и генеральный консул в Монголии товарищу министра иностранных дел Нератову.

Письмо № 181. 12 июля/29 июня 1914 г.

М. г. Анатолий Анатолиевич,

Представляя при сем на благовоззрение вашего превосходительства ноту монгольского правительства в переводе на русский язык от [5 июля] 22 сего июня, имею честь донести, что в моей ответной ноте я вновь подчеркнул настоятельную необходимость скорейшего начала тройных переговоров. При этом я указал ургинским властям, что если бы они, последовав совету императорского правительства, приступили к упомянутым переговорам минувшей весной, то никаких недоразумений между монгольским правительством и Китаем, с одной стороны, и внутренними монголами, с другой стороны, не было бы.

Кроме того, монгольскому правительству не пришлось бы расходовать свои скудные средства на содержание бежавших в Халху внутренних монголов и туметов, горько в настоящее время раскаивающихся в оставлении своих родных хошунов вследствие заманчивых обещаний монгольского правительства присоединить Внутреннюю Монголию к Халхе.

Непосредственное знакомство с монгольскими министрами передавшихся на сторону Внешней Монголии чахаров, туметов и внутренних монголов в связи с высокомерным, подчас грубым и вообще крайне неумелым с ними обращением ургинских властей привело, по моим наблюдениям, к значительному охлаждению отношений между Внутренней и Внешней Монголией.

Посетившие меня перед своим отъездом из Урги туметские депутаты заявили мне, что они воочию убедились в том, что ургинские власти взыскивают подати в значительно большем размере, чем китайские власти, притом без какой-либо системы. Что же касается работоспособности и вежливости ургинских властей, то туметы без какого-либо стеснения жаловались мне на невозможность увидеть монгольских министров для деловых переговоров с ними и на ничем, кроме невоспитанности, не объяснимое заносчивое отношение к ним ургинских властей.

Туметские делегаты не были даже допущены на поклонение к его святейшеству хутухте.

К сему считаю долгом присовокупить, что копия с настоящего донесения вместе с приложением представляется мною г. императорскому поверенному в делах в Пекине.

Примите и пр. А. Миллер.

Приложение

Копия с ноты монгольского министерства иностранных дел на имя российского императорского генерального консульства в Монголии [1].

5 июля/22 июня 1914 г.
(12 числа 5 луны 4 года.)

Министерство внутренних дел передало нам следующее заявление председателя Уланцабского сейма цинь-вана Лхаван-Норбо: „По прибытии на смену Кухэ-хотоского цзянь-цзюня Чжан-Шичжена другого цзянь-цзюня заведующий войсками в названном городе полковник Чжоу командировал солдат, которые, прибыв в мою, вана, ставку 27 числа 3 луны, заявили: „князь, мы вас вперед ставим в известность, что ввиду серьезности военного положения в провинции и городе телеграммы президенту будут посылаться от вашего, князь, имени“,—затем солдаты вскоре же возвратились.

По отъезде посланцев я, ван Лхаван-Норбо, вместе с хошунными чиновниками, обсудив сделанное заявление, пришли к тому заключению, что хотя наше монгольское правительство и достаточно окрепло, но так как государственные границы еще не выяснены, то, не говоря о должной быть осторожности, заявление заведующего китайскими войсками во всяких делах телеграфировать от моего имени является весьма подозрительным, ввиду чего, став в такое безвыходное положение, я спешно сообщаю изложенное на благоусмотрение министерства внутренних дел“.

Передавая изложенное, министерство внутренних дел, одобряя поступок вана Лхаван-Норбо, сделавшего подобное заявление, присовокупляет, что так как неизвестно, о чем будет сообщаться от имени князя заведующим китайскими войсками, то из этого можно заключить, что здесь непременно скрывается неизвестно какой-то коварный план, а потому наше правительство, чтобы раскрыть этот подозрительный вопрос в начале его, решило просить сановника дипломатического агента и генерального консула довести изложенное до сведения российского правительства.

Из приведенного видно, что, с одной стороны, неизвестно, о каких делах будет телеграфироваться заведующим китайскими войсками от имени князя Лхаван-Норбо, с другой стороны, хотя между Монголией и Китаем установлен мир, но китайцы всяческими хитростями и неправдами стараются направить как наше прави-

---

[1] Заголовок подлинника.

тельство, так и князя Лхаван-Норбо на ложный путь, ввиду чего, сообщая о сем по дружественным отношениям почтенному генеральному консульству, имеем честь покорнейше просить о вышеизложенном по телеграфу поставить в известность императорское российское правительство с ходатайством нашим оказать содействие к устранению могущих в будущем возникнуть недоразумений.

№ 192. Министр иностранных дел поверенному в делах в Белграде Штрандтману.

·/. Телеграмма № 1387. 13 июля/30 июня 1914 г.

Срочная.

Если вдова и дочь согласны на погребение Гартвига в Белграде, то и со стороны министерства иностранных дел к этому не встречается препятствий [1]. Обращаю только ваше внимание на крайнюю желательность избежать каких-либо антиавстрийских демонстраций по этому поводу. Сазонов.

№ 193. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

·/. Телеграмма № 1391. 13 июля/30 июня 1914 г.

Нами дано Русско-азиатскому банку согласие участвовать в Салоникском банке.

По словам Верстрата, сегодня окончена сделка между банком и французско-английской группой. Сазонов.

№ 194. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

·/. Телеграмма № 1392. 13 июля/30 июня 1914 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 127 [2] и на телеграмму посла в Париже № 179 [3].

Можете, сговорившись с Панафье, сделать болгарскому правительству необходимые заявления.

Сазонов.

---

[1] Тел. от 11 июля/28 июня за № 190 Штрандтман сообщал Сазонову, что „решительно все круги сербского общества“ высказали пожелание, чтобы Гартвиг был похоронен в Сербии. По словам Штрандтмана, вдова и дочь Гартвига не возражали против этого.

[2] См. № 134.

[3] См. № 177.

№ 195. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

*/. Телеграмма № 1393. 13 июля/30 июня 1914 г.

Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 396 и 496 [1].

Русско-азиатский банк, которому сообщено содержание этих телеграмм, запрашивает сегодняшней вализой заключение Салема.

В принципе банк готов участвовать в предприятии.

Сазонов.

№ 196. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 46. 13 июля/30 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Спрошенный мною по поводу распространенного сегодня телеграфом известия о призыве итальянским правительством одного класса запасных [2], г. Ягов высказал убеждение, что мера эта вызвана исключительно внутренними причинами, причем охарактеризовал крайне опасным охватившее недавно Италию движение [3]. Он тем более убежден, что внешняя политика тут ни при чем, что получил сегодня утром деловую телеграмму от германского посла из Фиуджи, где барон Флотов посетил маркиза Сан-Джулиано, и в ней нет на призыв запасных никаких указаний, каковые, несомненно, были бы, если бы мера эта стояла в связи с какими-либо планами Италии в области политики внешней [4].

Примите и пр. А. Броневский.

№ 197. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

Письмо. 13 июля/30 июня 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Мое первое по вступлении в управление императорским посольством свидание с статс-секретарем по иностранным делам [7 июля] 24 сего июня всецело было посвящено урегулированию вопросов, связанных с отъездом из Берлина нашего военного агента и с предстоящим процессом фельдфебеля Поля о шпионаже.

---

[1] См. № 166 и прим.

[2] Призыв запасных 1891 г., объявленный 13 июля/30 июня 1914 г.

[3] Ягов имел в виду так наз. „красную неделю“ с 1 по 13 июня (19 по 31 мая) 1914 г.

[4] Ср. Gr. Pol., Bd. 38, № 15555.

Г. Ягов оказался уже осведомленным в тот же день [7 июля] 24 июня телеграммою графа Пурталеса о состоявшемся спешном вызове в С.-Петербург полковника Базарова. Я счел возможным указать статс-секретарю, что если мы в данном случае оказали склонность пойти навстречу пожеланиям германского правительства о скорейшем отъезде полковника Базарова, не настаивая даже на предъявлении нам каких-либо доказательств причастности его к делу Поля, то мы, очевидно, в праве рассчитывать, что, при возникновении когда бы то ни было аналогичного случая, и германское правительство отнесется так же к подобному же требованию наших властей. На это г. Ягов ответил, что германские власти будто бы первые подали пример подобной податливости: совершенно таким же образом—без замедления и без предъявления документальных доказательств—отозван был в свое время из С.-Петербурга морской агент капитан Плессен. Так как мне ничего об инциденте Плессена не было известно, то я ограничился ответом, что принимаю это указание статс-секретаря к сведению, и перешел к вопросу о желательности избежать упоминания имени полковника Базарова на суде, а если это представляется невозможным, то, во всяком случае, избежать этих упоминаний в прессе путем строгой тайны судоговорения. Я указал, что уже по поводу кончины эрцгерцога Франца-Фердинанда в германской прессе появилось столько недружелюбных по отношению к России статей, вызывающих, естественно, подобный же отпор и в наших газетах, что следовало бы приложить все усилия, чтобы по возможности изъять из области газетных статей и комментарий известные подробности предстоящего шпионского процесса. Г. Ягов сказал мне, что он сам того же мнения и находит, что избежать газетного шума вокруг этого дела—в наших общих интересах. Он обещал переговорить в этом смысле со всеми заинтересованными в процессе ведомствами. С указанием статс-секретаря на желательность, чтобы и наша пресса не слишком интересовалась делом Поля, я не мог не согласиться и позволил себе выразить это пожелание в секретной телеграмме от [10 июля] 27-го с. м. за № 109 [1], после того как г. Ягов привел мне в пример „Новое время", по его словам, указавшее в одной статье, насколько далеко зашла испорченность немецких нравов, что находятся в Германии военные элементы, продающие свое отечество, на что г. Шиман в „Kreuz-Zeitung" с своей стороны ответил в соответствующем озлобленном тоне.

[1] См. № 162.

После того как несколько дней спустя в „Berliner Tageblatt“ появились по поводу предстоящего процесса очень подробные разоблачения с упоминанием имени нашего военного агента, г. Ягов распорядился помещением в газете „Lokal Anzeiger“ заметки, согласно которой компетентным властям о каком-либо отношении полковника Базарова к делу Поля ничего не известно. Как сказал мне сегодня статс-секретарь, произведенное расследование показало, что „Berliner Tageblatt“ почерпнул свои сведения из опроса различных членов семьи Поля, его невесты и других. Прочие же здешние серьезные газеты до сих пор хранят молчание, очевидно, не без воздействия Wilhelmstrasse.

Сегодня я видел статс-секретаря, чтобы узнать, как отнеслись бы здесь к возвращению сюда в настоящее время полковника Базарова для устройства личных и иных дел,—предположение, о коем я осведомился из секретной телеграммы г. старшего советника от [10 июля] 27-го с. м. за № 1370 [1]. Как ваше высокопревосходительство изволили усмотреть из моей сегодняшней телеграммы за № 113, статс-секретарь выразил самым определенным образом надежду, что возвращение это—да еще в самый момент процесса Поля—во имя дружеских русско-германских отношений не состоится; к тому же только при этом условии видит он возможность продолжать успешно влиять на серьезную немецкую прессу в условленном между нами смысле.

Не могу и от себя не прибавить, что я считаю ныне возвращение полковника Базарова, хотя бы всего на несколько дней, для нас нежелательным [2].

Примите и пр. А. Броневский.

---

[1] В этой тел. Арцимович сообщил Броневскому, что Базарову необходимо приехать на несколько дней в Берлин для устройства личных дел и дел русско-германской разграничительной комиссии по Неману и просил его довести об этом до сведения германского прав-ва, выразив при этом надежду, что приезд Базарова не нарушит „состоявшегося соглашения о ликвидации дела и об избежании огласки“.

[2] Тел. от 15/2 июля за № 1412 вице-директор второго департамента м-ва ин. дел Березников сообщил Броневскому, что Базаров отложил свой отъезд и если выедет, то лишь получив согласие м-в ин. дел и военного. — Письмом от 17/4 июля Броневский уведомил Сазонова, что вопреки ожиданиям процесс закончился в один день, разбирательство происходило при закрытых дверях, и Поль приговорен к 15 годам тюрьмы; дело же Блюменталя еще не разбиралось. В том же письме Броневский сообщал, что в связи с появившимися в германской печати намеками на участие в этом деле Базарова 16/3 июля в „Кельнской газете“ было опубликовано сообщение, в котором говорилось, что „в статьях по делу Поля не раз появлялись упоминания о причастности к указанному делу русского военного агента... Мы до сих пор имеем основания считать эти обвинения, повидимому, почерпнутые из рассказов самого Поля, преувеличенными“.

№ 198. Генеральный консул в Будапеште в I департамент министерства иностранных дел.

Донесение № 26. 13 июля/30 июня 1914 г.

Сараевское злодеяние послужило [8 июля] 25 июня предметом обсуждения в венгерском парламенте, в который по этому поводу было внесено несколько интерпелляций. Важнейшая из них принадлежит графу Юлию Андраши. Она сводится к трем главным вопросам: 1) почему было допущено путешествие наследного эрцгерцога в Боснию в столь тревожное время и не принято надлежащих мер для его охраны; 2) действительно ли пострадало сербское население и 3) действительно ли следы преступления ведут к Белграду и что в таком случае намерено предпринять правительство? В своей вступительной речи граф Андраши коснулся также и общей южно-славянской политики монархии, создавшей почву для преступления. „Из года в год усиливается сила сербов,—сказал он,—и в той же мере растет их ненависть к нам. Когда наследник ехал в Сараево, в Боснии ежеминутно могла вспыхнуть революция в целях объединения сербства и создания республики—великого южно-славянского государства, враждебного нам. Громадную опасность представляет развитие центробежных стремлений в столь великом народе. Такова же опасность и в Хорвато-Славонии".

На интерпелляцию тотчас же ответил граф Тисса. По поводу первого вопроса графа Андраши министр-президент, заметив, что наследник не состоял ни в опеке, ни под надзором, чистосердечно сознался, что „не только оба правительства, но даже и общий министр финансов не имели заранее никаких сведений о программе и подробностях этого путешествия". Граф Тисса затем старался оправдать образ действий местных властей, не сумевших предупредить ни первого, ни второго нападения. Он отмечает при этом проявления преданности к монархии со стороны населения, собравшегося приветствовать наследника, и что именно эти проявления и не позволили после первого покушения удалить публику в целях предупреждения дальнейших нападений. В Боснии,—говорит далее граф Тисса,—действительно ведется опасная пропаганда, но страна вовсе не находится накануне революции, и порядок в ней всегда может быть поддержан.

Относительно сношений с Сербией министр-президент, не находя возможным входить в подробности, ограничивается следующим замечанием: „Правительство и все ответственные за внешнюю поли-

тику монархии факторы обязаны сознавать свой долг во всех отношениях—как с точки зрения великих интересов сохранения мира, так и с точки зрения жизненных интересов и престижа монархии... Правительство исполнит всецело свой долг".

„Что касается венгерского [1] населения, то оно,—заявляет министр-президент,—действительно понесло имущественный урон, но размеры его преувеличены газетами. К сожалению, не было в первый момент достаточной силы для предотвращения этих опустошений. Изменение режима, существующего в Боснии, не является необходимым. Но местному правительству должно быть предоставлено больше средств и полномочий. В особенности должна быть прекращена агитация, которая заражает молодое поколение, и именно среди интеллигентных классов". Мнение, чреватое последствиями!

Переходя к вопросу хорватскому, венгерский министр-президент делает весьма ценные заявления. „Значительное большинство хорватских сербов является безусловными приверженцами монархии и единения с царством св. Стефана. Среди хорватов имеется одна фракция (намек на партию д-ра Франка), которая постоянно выставляет на вид свой „хорватский патриотизм" и подвергает сомнению патриотизм сербов, и ей бы теперь хотелось воспользоваться ужасным преступлением, чтобы установить различие между ее безграничной верностью и сомнительным, по ее мнению, патриотизмом сербов. Но именно эта группа является наиболее озлобленным радикальным противником всякого единения с короной св. Стефана. Именно к этой группе принадлежат наиболее последовательные и честолюбивые поборники тех южно-славянских мечтаний, в которых отрицается дуалистическое построение монархии. Та часть общественного мнения, которая увлекается проявлениями весьма сомнительной лояльности этих господ, является жертвой роковой ошибки. Мы видим, слава богу, что сербско-хорватская коалиция все более сливается с старым унионистическим элементом, которого верность и лояльность выше подозрений".

„Что касается сербского населения собственно Венгрии,—добавил граф Тисса,—то лояльность подавляющего его большинства вне всяких сомнений. Мы должны с открытыми глазами смотреть на события, искоренять в зачатке всякое антипатриотическое движение, но не относиться с неосновательной подозрительностью и неосновательной антипатией к тем нашим сербским согражданам,

---

[1] Так в подлиннике; повидимому, „сербского".

которые не дают к тому никакого повода и которые, по моему мнению, и в час опасности покажут себя верными гражданами страны".

После краткого обмена мнений между интерпеллянтом и министром-президентом ответ последнего был принят к сведению.

Вторая интерпелляция внесена была гр. Альбертом Аппоньи, запросившим министра-президента о причинах недостаточной торжественности похорон почившего наследника престола и геройски разделявшей с ним его участь его супруги. С обычным красноречием гр. Аппоньи оттенил, что ввиду столь трагических обстоятельств их кончины именно особо торжественная обстановка их похорон являлась необходимой с точки зрения интересов монархии и чувств ее подданных. Министр-президент ограничился кратким, но знаменательным заявлением: „за происшедшее (т. е. относительно похорон) он принимает на себя ответственность, которая падает на него как на ответственного советника короля". Ответ этот, вполне удовлетворивший интерпеллянта, был принят к сведению при оживленных рукоплесканиях палаты. [1]

Равным образом был принят ответ министра-президента на интерпелляцию г. Раковского, который лишь развил некоторые мысли, содержавшиеся в запросе графа Андраши.

Тем окончились прения в венгерском парламенте по поводу сараевского злодеяния.

Приклонский.

№ 199. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 504. 13 июля/30 июня 1914 г.

Продолжение моей телеграммы № 503 [2].

Вчера я имел объяснение с Талаатом по поводу генеральных инспекторов Восточной Анатолии. Он обещал мне вручить обоим генеральным инспекторам ныне же копии с ноты, которую Порта должна адресовать посольствам, и действительно вчера же передал уже ее Гоффу. Он категорически заявил мне, что в оба сектора не будут более посылаться Турцией эмигранты-мухаджиры.

Гирс.

---

[1] Ср. B. D., v. XI, № 70, донесение Макса-Мюллера от 14/1 июля, а также №№ 44, 55; С. с. к., № 23; K. D., № 41a; L. J., № 11.

[2] Тел. за № 503 от того же числа касалась задержки отъезда Гоффа в Армению.

№ 200. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 505. 13 июля/30 июня 1914 г.

Доверительно.

Третьего дня Талаат сообщил мне, что он находится в сношениях с Венизелосом по вопросу об островах через корреспондента Диллона. Талаат настаивал на турецком сюзеренитете, соглашаясь применить к островам режим, существовавший на Самосе. Талаат утверждал мне, что от сюзеренитета Турции он не откажется. Вернувшийся вчера из Афин Диллон привез следующее предложение Венизелоса: острова присоединяются к Греции, но образуют отдельное губернаторство, причем губернатор будет назначаться по соглашению между Грецией и Турцией. Такой порядок будет соблюдаться при каждой смене губернатора. На первый раз Венизелос предлагает кандидатуру одного из сыновей короля. В случае принципиального согласия Турции Венизелос предлагает встретиться с Талаатом для выработки подробностей соглашения. Венизелос утверждает, что он должен объявить о присоединении островов не позже вторника, среды [1]. По впечатлению присутствовавшего на свидании Талаата с Диллоном английского посла, Талаат колеблется и лично, может быть, готов был бы принять предложение, но опасается возражений других министров. Он уклонился от ответа, говоря, что должен запросить мнение совета министров.

Гирс.

№ 201. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 318. 13 июля/30 июня 1914 г.

Тоунлей сообщил мне, что наш консул в Исфагани, покровительствуя русско-подданному Карабекову, арендатору нескольких имений принцессы Бану-Осма, и русскому землепользованию в крае, парализует права и деятельность генерал-губернатора, что грозит затруднениями даже за границами исфаганского округа. Он опасается, что игнорирование авторитета Самсам-эс-Солтане в конце концов может привести к конфликту с английскими торговыми интересами даже в нейтральной зоне.

По имеющимся однако у меня сведениям, подтвержденным Бахом, посетившим на этих днях Исфагань, консульство безусловно встречает известное уже министерству враждебное отношение, и

---

[1] См. об этом тел. герм. посланника в Афинах Квадта от 2 июля/19 июня за № 208, Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14639.

сетование Тоунлея, по всей вероятности, вызвано интригами Самсам-эс-Солтане.

Считает ли министерство нужным, чтобы я, исполняя просьбы Тоунлея, предписал Преображенскому воздержаться от каких-либо неприятных для англичан действий? Коростовец.

№ 202. Консул в Исфагани в I департамент министерства иностранных дел.

Телеграмма № 672. 13 июля/30 июня 19 4 г.

Вчера тысячная толпа из крестьян Зилль-эс-Султана и Бану-Осма собралась перед консульством и просила моей защиты против губернатора, не дозволившего им принять участие в выборе депутатов в меджлис. Я вошел в переговоры с Самсам-эс-Солтане. Последний отнесся к требованиям крестьян с полным безучастием.

Выборы действительно происходят под сильным административным давлением. Допущены были к подаче голосов лишь 2 тыс. человек из более чем 200 тыс. имеющих право выбора. Полагал бы поэтому справедливым принять меры к назначению новых выборов.

Ходатайствую об указаниях. Преображенский.

№ 203. Главноуправляющий землеустройством и земледелием министру иностранных дел.

Письмо № 1747. 13 июля/30 июня 1914 г.
По переселенческому управлению. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич.

Туркестанский генерал-губернатор в письме на мое имя от [13 июня] 31 мая с. г. за № 11 уведомил меня, что единственной мерой, действительно способной привлечь в Северную Персию стойкий русский элемент, следует признать закупку достаточно крупного земельного запаса для последующей распродажи его более мелкими участками русским переселенцам на началах долгосрочного кредита. Только при условии проведения этой меры дело заселения приграничных пространств Северной Персии русскими переселенцами может, по мнению его высокопревосходительства, стать на твердую почву, и вместе с тем обеспечены будут интересы и самих засельщиков, которые в настоящее время всецело предоставлены собственным силам и по недостатку денежных средств не имеют возможности оформливать сделок по скупке персидских земель, так как непременным условием этих сделок является уплата в мо-

мент их заключения если и не всей, то, во всяком случае, значительной части обусловленной с продавцом суммы.

Разделяя всецело изложенные соображения туркестанского генерал-губернатора, но отказываясь вместе с тем ввиду целого ряда обстоятельств от проведения настоящего мероприятия казенными средствами, я полагаю необходимым привлечь к этому делу Учетно-ссудный банк Персии, причем условия, на которых это привлечение могло бы состояться, считал бы необходимым подвергнуть предварительно обсуждению в особом междуведомственном совещании, если бы таковое ваше высокопревосходительство нашли возможным созвать при вверенном вам ведомстве.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить не отказать о последующих ваших по сему поводу предположениях поставить меня в известность.

Примите и пр. А. Кривошеин.

№ 204. Письмо правления Русско-азиатского банка министру финансов Барку [1].

13 июля/30 июня 1914 г.

Ваше высокопревосходительство,

Вследствие доклада г. Верстрата вашему высокопревосходительству [4 июля] 21 июня и письма директора кредитной канцелярии от [8 июля] 25 июня с. г. на имя г. Путилова [2] мы имеем честь доложить вашему высокопревосходительству, что Русско-азиатский банк дал Société Générale в Париже свое согласие на осуществление сделки с Салоникским банком. При сем имею честь доложить вашему высокопревосходительству копию писем, посланных нами по этому поводу Салоникскому банку [3] и Société Générale [4].

---

[1] Документ печатается с копии, препровожденной Русско-азиатским банком м-ру ин. дел.

[2] Упоминаемые здесь документы в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены.

[3] В письме Салоникскому банку сообщалось, что Русско-азиатский банк подписывается на вновь выпускаемые Салоникским банком для увеличения его капитала 10 тыс. акций (по 500 фр. ном.) в 50 000 купюрах (по 100 фр. ном.) по определенной цене, что дает ему право ввести в состав правления Салоникского банка четыре новых члена правления на ранее установленных началах (ср. № 57). Пользуясь этим правом, Русско-азиатский банк вместе с тем указывает своих представителей и предлагает правлению Салоникского банка утвердить их согласно ст. 16 его устава.

[4] В письме на имя Société Générale давались технические распоряжения об условиях и порядке кредитования указанным обществом операций Русско-азиатского банка по приобретению вышеупомянутых акций Салоникского банка.

Русско-азиатский банк примет со своей стороны все меры, чтобы проектированное соглашение дало наилучшие результаты, но мы считаем долгом добавить, что успех дела будет главным образом зависеть от того содействия, которое ему будет оказываемо правительством. Посему и принимая во внимание, что Русско-азиатский банк, оказывая свое содействие к развитию торговой деятельности на Востоке, не может рассчитывать на коммерческие выгоды в близком будущем, мы позволяем себе надеяться, что правительство не откажет в благожелательном отношении к этому делу и что к обещанной министерством иностранных дел политической поддержке присоединится и финансовая помощь министерства финансов.

Правление Русско-азиатского банка

А. Путилов, Верстрат.

№ 205. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

14/1 июля 1914 г.

His Majesty's Government are informed that on the 10 July/27 June His Highness the Prince of Wied invited the four representatives of the great Powers to his palace and read a statement to them, in which he made an urgent appeal for military and financial assistance and attributed the present situation of Albania to insufficient support on the part of the Powers [1].

This action, His Majesty's Government understand, is regarded as a prelude to the abdication of the Prince, although no allusion is made thereto in the statement in question.

His Majesty's Ambassador has the honour, under instructions from Sir E. Grey, to enquire of His Excellency the Imperial Minister for Foreign Affairs what are the views of the Imperial Government with regard to this information [2].

---

[1] Тел. от 11 июля/28 июня за № 154 Петряев сообщал Сазонову об этом обращении Вида, вызванном успехами повстанческого движения и наступлением эпиротов на Берат и Валону. — Сообщая тел. от 13 июля/30 июня за № 157 и от 14/1 июля за № 158 о захвате Берата и вероятном занятии повстанцами и эпиротами Валоны, Петряев уведомил Сазонова о состоявшемся в Валоне совещании консулов и командиров судов, на котором как он, так и ком-дир канонерской лодки „Терец" заявили, что лодка ни в каких операциях участия не примет.

[2] В ответ на эту пам. записку Сазонов пам. запиской от 21/8 июля уведомил англ. посольство, что ни сообщения Петряева, ни заявления Турхана-паши во время его пребывания в Петербурге (см. № 211) не дают оснований заключить о намерении Вида отречься от престола.

Перевод.

Правительство его величества осведомилось, что 10 июля/27 июня его высочество князь Вид пригласил четырех представителей великих держав во дворец и прочитал обращение к ним, в котором просит о срочной военной и финансовой помощи, приписывая нынешнее положение Албании недостаточной поддержке держав.

Это выступление, по данным правительства его величества, рассматривается как прелюдия к отречению князя, хотя никакого намека на это не было сделано в обращении, о котором идет речь.

Посол его величества, согласно инструкции сэра Э. Грея, имеет честь осведомиться у его превосходительства императорского министра иностранных дел, какова точка зрения императорского правительства на это сообщение.

№ 206. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

14/1 июля 1914 г.

Urgent.

His Majesty's Government have received from His Majesty's Consul at Kermanshah information to the effect that the situation in that town and province has become such as to seriously affect legitimate British trade [1].

It appears, that in Kermanshah, where the elections are in progress and the voting stations have been closed at the instance of the governor general, the Bazar is closed and disturbances are expected, as both sides are armed. Sirdar Akram has moreover entered the province with a force presumably to attack the local chief, who has guaranteed the security of the road. The result is that 10 000 packages of goods are delayed at the frontier owing to the insecurity of the road and that the stoppage of trade is likely to cause the failure of the merchants, who trade with Manchester [2].

His Majesty's Minister at Teheran has made representation on the subject to the Persian Government and His Majesty's Ambassador is instructed by Sir E. Grey to bring the above state of affairs to the notice of His Excellency the Imperial Minister for Foreign Affairs and to ask for the energetic support of the Imperial Government in sending instructions to the Imperial Minister at Teheran and the Imperial Consul at Kermanshah to exert their influence in concert with their British colleagues with a view to the adoption of effective measures at Kermanshah to prevent goods being delayed and trade being held up.

---

[1] Расшифрованная в м-ве ин. дел тел. Грея от 13 июля/30 июня за № 313 поручала Бьюкенену добиваться от российского прав-ва инструкций консулу в Керманшахе в смысле этой пам. записки.

[2] См. № 292.

Перевод.

Срочно.

Правительство его величества получило от консула его величества в Керманшахе сообщение, согласно которому положение в этом городе и провинции стало таковым, что наносит серьезный ущерб законной британской торговле. Имеются сведения, что в Керманшахе, где происходят выборы, а избирательные участки заперты по настоянию генерал-губернатора, закрыт базар и ожидаются беспорядки, так как обе стороны вооружены. Кроме того, в пределы провинции вторгся сердар Экрем с вооруженным отрядом, вероятно, с целью нападения на местного вождя, гарантировавшего безопасность пути. В результате ввиду небезопасности дороги 10 тыс. тюков товаров задержано на границе, каковая задержка в торговле способна вызвать банкротство купцов, ведущих торговлю с Манчестером.

Посланник его величества в Тегеране сделал по этому поводу представления персидскому правительству, и сэром Э. Греем дана инструкция послу его величества довести о вышеизложенном положении дел до сведения его превосходительства императорского министра иностранных дел и просить об энергичной поддержке императорского правительства посылкой инструкции императорскому посланнику в Тегеране и императорскому консулу в Керманшахе с предписанием им оказать, в согласии с их британскими коллегами, воздействие в целях принятия в Керманшахе действительных мер для предотвращения задержки товаров и приостановки торговли.

№ 207. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 1398. 14/1 июля 1914 г.

Телеграмма № 326[1] получена.

Так как нами уже выработан перечень подлежащих обсуждению в Кяхте вопросов и намечено желательное их разрешение, то нам выгоднее положить в основу переговоров нашу программу, а не передавать инициативу китайцам.

Кроме этого общего соображения, надо иметь в виду, что наши предварительные объяснения с китайским правительством могли бы, при соответственном использовании их китайцами, возбудить подозрения в Урге, что мы стремимся договориться с Китаем за спиной Монголии, и затруднит нам солидарное выступление с монголами в Кяхте.

Что касается желательности убедить китайцев в искренности нашей готовности скорее приступить к тройным переговорам, то мы надеемся, в связи с согласием нашим на выдачу трехмиллионной ссуды монголам, заручиться с их стороны определенным обещанием назначить в ближайший срок своих делегатов, что и положит конец всяким дальнейшим сомнениям в этом отношении.

Сазонов.

[1] См. № 153.

№ 208. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1400. 14/1 июля 1914 г.

Телеграмма за № 307[1] получена.

Мы согласны с тем, что не следует препятствовать шаху составить кабинет по своему выбору. Необходимо было бы только дать понять его величеству, что пребывание Восуг-эд-Доуле в должности министра иностранных дел было бы весьма желательно. Вместе с тем вы могли бы переговорить с Тоунлеем и обратить его внимание на непригодность намеченного регентом состава кабинета, в особенности Мухбер-эс-Солтане, известного германофила, удаления которого из Тавриза мы в свое время добились с таким трудом.

Сазонов.

№ 209. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1401. 14/1 июля 1914 г.

Телеграмма № 311[2] получена.

Судя по последним агентским телеграммам, Восуг-эд-Доуле, по желанию шаха, взял назад свою отставку. Вы могли бы ввиду этого переговорить с ним предварительно неофициально по поводу нашего ответа на его ноту и выяснить его взгляд на наши предположения[3]. Вы могли бы при этом дать ему понять, что в случае уклонения персидского правительства от переговоров с нами мы вынуждены будем его игнорировать и разговаривать только с англичанами.

Сазонов.

№ 210. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1402. 14/1 июля 1914 г.

В январе между Минорским и Ротислау состоялось соглашение, в силу коего преимущественное положение в работах на юге должны были занять англичане; а к северу от Чия-Сурха англичане сохраняют лишь 2 офицеров и 4 индусов съемщиков; право же триангуляции перейдет в наши руки[4]. Ввиду некоторого замедления

[1] См. № 139.

[2] См. № 181.

[3] Речь идет о тел. Сазонова за № 1361 (см. № 126).

[4] Черта, за которой преобладающая роль должна была перейти к русским, проходила к югу от Зохаба, приблизительно на полпути между этим городом и Мендели.

прибытия русских топографов Минорский вынужден был согласиться на сохранение английских топографов до Баннэ [1], откуда съемка должна была перейти в наши руки. Между тем Ротислау ныне категорически отказывается отпустить своих съемщиков.

Считаем справедливым, чтобы часть английских чинов была отпущена, оставив при комиссии лишь столько, сколько приблизительно было русских чинов на юге. Наших топографов теперь вполне достаточно; англичане же, вынужденные содержать громадный лагерь и поневоле спешащие закончить работу, вносят в дело излишнюю торопливость, могущую отразиться на качестве работы.

Имейти в виду, что ссылка Ротислау на невозможность отправить своих топографов через Курдистан представляется несостоятельной, ибо, как справедливо замечает Минорский, от Баннэ имеется удобная дорога на Мосул.

Благоволите переговорить с сэром Э. Греем в вышеизложенном смысле и попросите его снабдить Ротислау соответствующими указаниями.

О последующем телеграфируйте. Сазонов.

№ 211. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1404. 14/1 июля 1914 г.

Сообщается в Берлин, Вену, Рим, Константинополь, Бухарест и Валону.

Итальянский посол обратился ко мне с предложением предпринять шаги в Бухаресте в видах отправки в Албанию румынского отряда; австрийский поверенный в делах придал своему обращению по тому же предмету форму весьма осторожного запроса.

Обоим названным представителям, равно как Турхану-паше, возбудившему подобное же ходатайство, я ответил, что Россия не имеет оснований отступать от усвоенного ею сдержанного отношения к албанскому вопросу.

На просьбу Турхана об оказании финансовой помощи Албании я сказал, что мы не отступим от решения участвовать в займе вместе с другими державами, при непременном однако условии интернационализации Албанского банка [2].

Сазонов.

---

[1] См. стр. 88, прим. 2.

[2] В тел. от 11 июля/28 июня за № 141, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Чернин сообщил Берхтольду, что, помимо затронутых в настоящей тел. вопросов,

№ 212. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

⁒/. Телеграмма № 1406. 14/1 июля 1914 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1404 и на телеграмму посла в Париже № 171 [1].

Вполне разделяя подозрения парижского кабинета относительно скрытой цели обращения к Румынии, полагаем, что в Бухаресте должны были бы выказать величайшую осторожность в этом вопросе.

Можете при случае совершенно доверительным и дружеским образом объясниться в этом смысле с министром иностранных дел.

Сазонов.

№ 213. Товарищ министра иностранных дел послу в Токио Малевскому и поверенному в делах в Пекине Граве.

Письмо №№ 434 и 435. 14/1 июля 1914 г.

В последнее время в газеты проникают сведения об усилении экономической деятельности японцев в Северной Манчжурии и о переходе к ним разных предприятий из русских рук, например, мукомольных. Такие же впечатления вынес и д. с. с. Виленкин, который после пребывания своего в Токио вернулся в Россию через Манчжурию и присматривался к успехам японской деятельности как на юге, так и на севере этой области.

Это печальное явление, несомненно, привлекает к себе внимание правления КВЖД, которое по мере возможности изыскивает средства к удержанию за нами Северной Манчжурии в экономическом отношении. Намеченное, между прочим, в ближайшем будущем распространение закона о застройках... [2] года на полосу отчуждения КВЖД, что должно дать возможность ввести там ипотечный кредит, должно оказать свое благоприятное экономическое влияние наряду с другими мероприятиями.

Турхан-паша в беседе с Сазоновым высказал мысль, чтобы „российское прав-во предложило в Вене и Риме совместные австро-итальянские действия, на что Сазонов ничего не ответил. Когда же албанский премьер-министр добавил, не согласится ли российское правительство присоединить свои войска к обеим державам в случае, если сепаратные австро-итальянские действия будут сочтены нежелательными, г. Сазонов чрезвычайно решительно заявил, что посылка хотя бы одного русского солдата в Албанию исключается“.

[1] См. № 68.

[2] В черновом отпуске письма пропуск. Имеется в виду общеимперский закон о праве застройки от 6 июля/23 июня 1912 г. (Собрание узак. и расп. прав-ва, 1912 г., отд. I, № 130.)

С политической точки зрения протестовать против проникновения японской торговли и промышленности в нашу сферу влияния, пока такое проникновение носит характер частной предприимчивости, без открытой и планомерной поддержки японского правительства, мы не имеем оснований. Но имея в виду, что, благодаря бо́льшей приспособленности японцев к борьбе за азиатские рынки сравнительно с русскими предпринимателями, нам важнее оградить по возможности Северную Манчжурию от экономического захвата японцами, чем стремиться к овладению рынками на юге, для России выгоднее толковать распространительно права, вытекающие для обеих сторон из принципа разделения Манчжурии на две сферы влияния. С этой точки зрения министерство отнеслось к поступившему недавно от консула нашего в Куанченцзы запросу о том, можно ли поддержать перед китайским правительством ходатайство русского подданного или русской компании о выдаче концессии на трамвай в названном городе. Хотя при отсутствии определенных указаний в секретных договорах с Японией на этого рода концессии можно было бы, при желании, отнести трамвайную концессию к числу обычных промышленных предприятий, мы предпочли взглянуть на дело иначе и поручили консулу отклонить означенное домогательство. Это наше решение не принесло бы ожидаемых от него последствий, если бы осталось неизвестным японскому правительству. Я просил бы поэтому ваше превосходительство (вас) при удобном случае указать японскому министру иностранных дел (вашему японскому коллеге), что мы рассматриваем устройство предприятий такого крупного значения, как трамвайное, и т. п., в сфере японского влияния, как противоречащее духу наших соглашений и вследствие этого воспротивились осуществлению русской трамвайной концессии в Куанченцзы, рассчитывая на такое же отношение Японии к соответственным предприятиям в русской сфере влияния.

Примите и пр. Арцимович.

№ 214. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 187. 14/1 июля 1914 г.

Reçu № 1383 [1].

Comme ce télégramme s'est croisé avec le mémoire anglais [2] trans-

---

[1] Телеграммой от 12 июля/29 июня за № 1383 Сазонов передал Бенкендорфу телеграмму Гирса за № 483 (см. стр. 174, прим. 2).

[2] Меморандум англ. прав-ва от 10 июля/27 июня тождествен по своему содержанию с заявлением Грея, переданным Бенкендорфом в телеграмме от 8 июля/

mis par courrier, n'en ai pas encore fait usage. Opinion ici est que travaux devraient traîner en longueur si nombre d'ingénieurs topographes, peu nombreux de notre côté, était diminué, section frontière du nord étant la plus difficile à étudier. Ne serait il pas possible d'augmenter notre personnel topographique ce qui répondrait à argument anglais et en même temps consoliderait autorité de Minorsky nécessaire dans section appartenant à notre zône.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 1383.

Так как эта телеграмма разошлась с английской памятной запиской, препровожденной (мною) курьером, я ею еще не воспользовался. Здесь господствует мнение, что работы должны затянуться, если число инженеров-топографов, небольшое с нашей стороны, будет уменьшено, так как северный участок границы представляет наибольшие трудности для изучения. Не представляется ли возможным увеличить наш топографический персонал, что служило бы ответом на английский аргумент и в то же самое время укрепило бы авторитет Минорского, необходимый на участке, входящем в нашу зону?

Бенкендорф.

№ 215. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 188. 14/1 июля 1914 г.

Grey me dit qu'à Kermanchah sécurité des routes commerciales, jusqu'ici satisfaisante, avait été récemment très troublée, et que gouverneur général ne se déciderait à aucune mesure propre à la rétablir. Grey sollicite appui consul russe pour démarches, dont consul anglais est chargé. Il me dit que résultat d'amoncellement des marchandises anglaises est si considérable, que des maisons commerciales, affiliées à Manchester, risquent la faillite, qu'il croit qu'il y a dix mille ballots importants arrêtés. Il prévoit interrogations à la Chambre dans état actuel d'affaires très difficile à répondre. Interrogations par conséquent sont très peu désirables au point de vue général. Grey a télégraphié à Buchanan [1].

Benckendorff.

Перевод

Грей сказал мне, что безопасность торговых путей в Керманшахе, до сих пор в общем обеспеченная, подверглась в последнее время значительным на-

25 июня за № 184 (см. № 130). Содержание этого меморандума было передано Клеммом через консула в Соуджбулаге Минорскому телеграммой от 15/2 июля за № 1419 с предписанием переговорить по этому поводу с Ротислау.

[1] См. № 206.

рушениям и что генерал-губернатор не решается ни на какие меры, способные ее восстановить. Грей просит, чтобы российский консул поддержал шаги, предписанные английскому консулу. Он сказал мне, что скопление английских товаров столь значительно, что торговые дома, связанные с Манчестером, рискуют банкротством; он считает, что задержано десять тысяч ценных тюков. Он предвидит запросы в палате, на которые весьма трудно ответить при настоящем положении вещей. Поэтому запросы весьма мало желательны с общей точки зрения. Грей телеграфировал Бьюкенену.

Бенкендорф.

№ 216. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 189. 14/1 июля 1914 г.

Me réfère à votre lettre № 483 [1] et annexes. Copie Paris.

J'ai remis copie de l'aide-mémoire du [4 juillet] 21 [juin]. Grey me dit qu'il le considérerait. Il partage d'ailleurs en principe votre opinion. l dit que gouvernement anglais est engagé. Il approuve projet de conseillers étrangers, choisis parmi Puissances de seconde ordre. Il croit plus sûr que grandes Puissances participent à ce choix. Mais comme vous Grey est contraire à idée que ces experts, dans l'exercice de leurs fonctions, relèvent du représentant diplomatique à Cettigné, ce qui constituerait ingérence directe dans gouvernement du pays, qui [n'] existe ni en Turquie ni ailleurs. Grey me dit que ambassadeur d'Italie était venu proposer que puisque l'Allemagne refuse garantie, les autres Puissances prennent à leur charge partie allemande de garantie. Grey dit que Cabinet a accepté sa partie de garantie pour emprunt dont montant a été déjà augmenté. Cabinet n'accepterait pas augmentation, résultant d'abstention d'une des Puissances. Grey ne voit d'autre solution possible que la réduction du montant total proportionnel. Il a ajouté que bien entendu, si une ou deux des Puissances, qui portent le plus d'intérêt au Monténégro, désiraient parachever la différence, il n'y verrait aucune objection.

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на ваше письмо № 483 и приложения. Копия в Париж.

Я вручил копию памятной записки от [4 июля]. Грей сказал мне, что он рассмотрит ее. В принципе он впрочем разделяет ваше мнение. Он заявил, что английское правительство связано обязательством. Он одобряет проект об иностранных советниках, избираемых среди подданных второстепенных держав. Он считает более верным, чтобы великие державы приняли участие в этом

[1] См. стр. 120, прим. 2.

выборе. Но так же, как и вы, Грей является противником идеи, чтобы эти эксперты при выполнении своих обязанностей зависели от дипломатического представителя в Цетинье, что создало бы прямое вмешательство в управление страны, чего нет ни в Турции ни в других странах. Грей сказал мне, что посетивший его итальянский посол предложил, чтобы, ввиду отказа Германии участвовать в гарантии, другие державы взяли на себя немецкую долю гарантии. Грей сказал, что кабинет принял на себя свою часть гарантии займа, сумма которой уже увеличена. Кабинет не согласился на увеличение, являющееся результатом уклонения одной из держав. Грей не видит другого возможного решения, кроме пропорционального уменьшения общей суммы. Он прибавил, что само собой разумеется, если одна или две державы, которые больше других интересуются Черногорией, пожелали бы покрыть разницу, он не видел бы к этому никаких препятствий.

Бенкендорф.

№ 217. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Письмо. 14/1 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Правительство, печать и общественное мнение немало озабочены полученным на этих днях известием о занятии эпиротами Корицы, будто бы при содействии, как это утверждают голландские офицеры, которые были де очевидцами, регулярных греческих войск, то есть офицеров, солдат и артиллерии с греческим знаменем.

Маркиз ди Сан-Джулиано мне сказал, что он телеграфировал об этом всем итальянским послам, прося их обменяться взглядами с кабинетами, при коих они аккредитованы, относительно принятия необходимых мер, в случае если бы это тревожное известие подтвердилось. Министр иностранных дел однако надеется, что полученное уже здесь опровержение афинского правительства соответствует истине [1].

Из непосредственных донесений наших агентов и из объяснений с маркизом Карлотти ваше высокопревосходительство точнее и подробнее меня осведомлены об обстоятельствах падения Корицы, тем более осложнивших албанский вопрос, что здесь одновременно получено известие о взятии мусульманскими повстанцами города Берата [2], что угрожает также Валоне, то есть самому

---

[1] Деп. от 16/3 июля за № 25 Урусов сообщал, что греч. прав-во „категорически отрицает“ возводимое на него итал. печатью обвинение в участии регулярных греч. войск в занятии Корицы и считает, что речь идет, по всей вероятности, о „дезертирах отряда Папулоса, перешедших самовольно границу“.

[2] См. стр. 249, прим. 1.

чувствительному пункту для Италии. Итальянское правительство тем более озабочено этими успехами повстанцев, что оно, ввиду осложнений, которые не замедлили бы возникнуть в случае оставления принцем Видом страны,—и теперь, несмотря на всю доказанную его несостоятельность, продолжает желать сохранить его на албанском престоле.

При предварительном беглом осмотре литографий, полученных со вчерашним курьером, мое внимание было привлечено интересным письмом нашего посла в Париже от [2 июля] 19 июня [1], в котором А. П. Извольский передает разговор с ним г. Титтони о русско-итальянских отношениях и о желании Италии сблизиться с Россией на почве общности балканских интересов.

Ваше высокопревосходительство, благоволите вспомнить, что я не раз писал вам о том же, как со слов маркиза ди Сан-Джулиано, так и со слов председателя совета министров г. Саландра, неоднократно выражавших мне те же мысли, которые однако до сих пор не приняли конкретной формы, да, вероятно, еще не так скоро облекутся в нее. Желание не ссориться с Австрией, которой здесь в то же время опасаются, не позволит итальянскому министру иностранных дел, по крайней мере, пока албанский вопрос не будет окончательно ликвидирован, выступать против Австрии в чисто политических делах. В вопросе же Адриатической железной дороги, которая для Италии имела бы, помимо политического, и большое экономическое значение, итальянское правительство, как я вам также доносил, не будет действовать совместно с Австриею, тем более, что оно в этом будет поддержано общественным мнением. Как вы вспомните, по этому вопросу было даже заключение соединенных коммерческих палат, настаивавшее пред правительством о скорейшем осуществлении этой дороги.

Как ваше высокопревосходительство усмотрели из газет, итальянское военное министерство мобилизует значительное количество войск, численность которых определяется различно—от 60 до 100 тысяч человек. Наш военный агент, без сомнения, доносит об этом с должными подробностями своему начальству. Я этой мобилизации не придаю политического значения; по наведенным мною частным справкам, военный министр и новый начальник главного штаба генерал Кадорна, заменивший скончавшегося генерала Поллио [2], пожелают, вероятно, пополнить войска, дезорганизованные триполи-

---

[1] См. № 61.

[2] Ген. Поллио скончался 2 июля/19 июня 1914 г.

танской войной. Это позволит подготовить армию к маневрам, не имевшим места за последние годы, а также, в случае внутренних осложнений, возможность которых не исключена, обеспечит правительству достаточную силу.

Маркиз ди Сан-Джулиано, как и в прошлом году, воспользовался сравнительным затишьем в политике, чтобы предпринять в Фиуджи курс лечения и отдохнуть затем в лесах Валломброза. Таким образом до конца сентября его будет трудно видеть.

Помимо изложенного мне, на этот раз, ничего не остается сообщить императорскому министерству и я могу ограничиться этими несколькими строками.

При одном из моих сегодняшних донесений препровождается записка второго секретаря посольства, Петрова, об итальянской эмиграции, второе же донесение, составленное первым секретарем посольства, Мясоедовым, содержит весьма наглядные и интересные данные о деятельности итальянского парламента и об особенностях его наказа [1].

Примите и пр.

Крупенский.

№ 218. Австро-венгерский министр иностранных дел Берхтольд австро-венгерскому поверенному в делах в Петербурге Чернину.

Телеграмма № 157 [2]. 14/1 июля 1914 г.

Ersuche Ew. Excellenz mir umgehend Tag der dortigen Ankunft und Abreise Herrn Poincarés [3], sowie die hauptsächlichsten ihm zu Ehren während seines St.-Petersburger Aufenthalts zu veranstaltenden Festlichkeiten direct zu melden [4].

Перевод.

Прошу ваше превосходительство срочно сообщить мне день приезда и отъезда г. Пуанкаре, а также главнейшие устраиваемые в его честь празднества за время пребывания его в С.-Петербурге.

---

[1] Указанных записок при письме Крупенского не имеется.

[2] Телеграмма расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[3] См. D. A., №№ 19, 21, 26, 36, 39, 57, 62; K. D., №№ 50, 65, 69, 80, 93, 108, 112 и 127; Poincaré, „Au service de la France“, v. IV, p. 283 ss.

[4] В ответ на это Чернин тел. от 16/3 июля за № 144 и от 17/4 июля за № 145 расшифрованными в росс. м-ве ин. дел, сообщил требуемые данные и в частности о том, что вечером 23/10 июля Пуанкаре устраивает на борту „France“ в честь Николая II торжественный обед, после которого немедленно состоится его отъезд из России.

№ 219. Фердинанд болгарский посланнику в Петербурге Радко Димитриеву.

*/. Телеграмма[1]. 14/1 июля 1914 г.

Прочел с величайшим вниманием ваше доверительное письмо от [7 июля] 24 июня.

Одобряю ваши справедливые и государственно мудрые ответы и храбрую защиту вашего царя. Обвинения вашего нервного и политически слепого собеседника[2] лишний раз доказывают, как плохо меня знает Россия. Я всецело сохранил свою государственную независимость, и нынешний заем—плод русско-французской мести—никак не в моем вкусе.

Русский посланник здесь продолжает свои подлые операции против моей личности и ..... в своей частной жизни .... разных болгарских и сербских анархистов с явною целью создать в скором времени повторение сараевского дела. Россия жестоко ошибается, так как с моей смертью она потеряет последнюю надежду на всякое влияние в Болгарии. Касательно несправедливой клеветы любезного г. Сазонова—будто я нарочно не встречался с г. Савинским—могу сказать, что не принимаю ..... никого из дипломатов.

№ 220. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 130. 14/1 июля 1914 г

Ссылаюсь на мой № 128[3]. Копия в Париж.

Проект займа роздан вчера членам собрания; завтра начнутся прения. Условия более тяжелые, чем ожидали; они свидетельствуют о твердом решении немцев прочно наложить на Болгарию железную руку. Между прочим: постройка линии Хасково—Лагос, оборудование порта Лагоса, крайне разорительная для Болгарии эксплоатация в течение 50 лет угольных мин, обязательство делать заказы для построек в Германии и Австрии, с каковой целью 150 миллионов иммобилизируются и никогда в страну не поступят. Обязательство не обращаться на другие рынки до 1917 г. Говорят, что в числе секретных условий—угольная станция для Германии в порте Лагосе. Общественное мнение смущено. Французский посланник подтвердил вчера Радославову в энергичной форме необходимость уплатить теперь же французским банкам 75 миллионов по бо-

---

[1] Номер отсутствует. Телеграмма расшифрована и переведена с болгарского в росс. м-ве ин. дел.

[2] Фердинанд, повидимому, имеет в виду Сазонова.

[3] См. № 189.

нам; Радославов однако протестовал под предлогом, что ныне получается только аванс, а заем будет реализован позже. Без решительного воздействия французского правительства дело вряд ли удастся.

Савинский.

№ 221. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 131. 14/1 июля 1914 г.

Несмотря на официальные и категорические заявления французского посланника, подтвержденные и мною, что мартовские предложения Перье, в которых шла речь о политической гарантии России, утратили теперь силу и несмотря на то, что Бауер в свой последний приезд просил их вернуть обратно и с тех пор прислал новые [1], Радославов и министр финансов не только не скрыли [2] последние, но на общем собрании правительственного большинства огласили условия, предложенные Перье в марте, злонамеренно подчеркивая мнимую роль России. Ввиду подобного, совершенно недопустимого поведения, не считавшегося с официальными заявлениями французского посланника и выставлявшего нашу роль в ложном свете, мы решили с Панафье путем сообщения печати восстановить истину. Сообщение появилось вчера [3]. Вчера же Тончев, решивши продолжать свою недобросовестную кампанию, приказал здешним корреспондентам, местным и иностранным, опровергать наше сообщение. Ввиду того, что ни у меня ни у Панафье нет больше средств борьбы, может быть, ваше высокопревосходительство найдете возможным сделать Радко Димитриеву, (а) французское правительство Станчеву, самые категорические внушения для передачи сюда правительству и королю, указав на нелояльность образа действий правительства, бросающего на нас подозрение в желании посягнуть на суверенитет страны. Французский посланник телеграфирует в Париж в том же смысле.

Савинский.

---

[1] См. № 177.

[2] В подлиннике ошибка; повидимому, „не только скрыли".

[3] В этом сообщении указывалось, что первоначальные предложения, сделанные банком Перье болг. прав-ву, были в середине июня ст. ст. заменены новыми отклоненными болгарским правительством, так как „с германскими банками уже достигнуто соглашение". Далее в сообщении говорилось, что, несмотря на это, банк Перье предложил болг. прав-ву заключить заем, не выставляя тех тяжелых требований, которыми обусловили свое согласие германские банки.

№ 222. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 197. 14/1 июля 1914 г.

Получил телеграмму № 1387 [1].

Продолжение моей телеграммы № 195 [2].

Правительство, сознавая крайнюю нежелательность антиавстрийских демонстраций, приняло к предупреждению таковых строжайшие меры. На похоронах в городе царствует небывалый порядок. Принимая во внимание условия смерти посланника, ходившие по этому поводу слухи и, в предвидении возможности произнесения при печальной церемонии в порыве увлечения недостаточно обдуманных речей, я просил Пашича в этом отношении предотвратить прискорбные инциденты. Он обещал ограничить число ораторов тремя. Говорили только он сам, митрополит и городской голова. Вместе с тем через пресс-бюро было еще раз заявлено о действительных обстоятельствах смерти с указанием на ложность всех ходящих по этому поводу враждебных австрийцам толков. За все последнее время и тем более сегодня никаких выступлений против австрийского посланника и его миссии не было, и Пашич сейчас ...... просил меня засвидетельствовать перед вашим высокопревосходительством несправедливость появившихся на сей счет в австро-венгерской печати тенденциозных известий.

Штрандтман.

№ 223. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

⁺/. Письмо. 14/1 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Со дня зверского убийства в Сараеве эрцгерцога Франца-Фердинанда и герцогини Гогенберг выразители австро-германского общественного мнения, и в первую очередь крупные органы венской печати, стремились всячески свалить ответственность за случившееся на Сербию, указывая вместе с тем и на возможное соуча-

---

[1] См. № 192. Телеграммой от 13 июля/30 июня за № 194 Штрандтман сообщил, что Пашич был „глубоко тронут“ согласием России на похороны Гартвига в Белграде, рассматривая это как знак „драгоценнейшего благоволения“ Николая II к Сербии „в переживаемую ею тяжелую минуту“.

[2] Телеграммой от 14/1 июля за № 195 Штрандтман сообщил, что похороны Гартвига состоялись „при исключительно печально-торжественной обстановке, в присутствии королевича-регента и принцев Георгия и Павла“.

стие России, представитель коей в Белграде гофмейстер Гартвиг, по их мнению, не мог быть чужд пан-сербскому движению во всех его проявлениях. Для того, чтобы придать хотя бы какую-нибудь вероятность своим утверждениям, необходимы были уличающие факты, и таковые действительно были изобретены. Так, например, „Reichspost“ писал, что в день сараевского убийства у императорского российского посланника в Белграде давался обед, ликование в миссии для всех было очевидно, ибо окна оставались открытыми и звон бокалов был слышен на улице.

Истина же заключается в том, что Н. Г. Гартвиг, как всегда, и в этот воскресный вечер играл в бридж с тремя иностранными коллегами, в том числе с австро-венгерским вице-консулом графом Понграц.

Параллельно с этим, некоторые здешние австрийские дипломаты, учитывая присутствие в Вене в центральном учреждении известного своею ненавистью к гофмейстеру Гартвигу, графа Форгача, решили, быть может, просто в угоду последнему, не отставать от прессы и тоже прибегнуть к интриге.

За отсутствием барона Гизля, австро-венгерский поверенный в делах г. фон Сторк в день похорон убитого эрцгерцога не заметил приспущенного на мачте императорской миссии флага и, несмотря на то, что сам гофмейстер Гартвиг присутствовал в этот же день в мундире и австрийской ленте на заупокойном богослужении в католической церкви, стал по прошествии двух-трех дней убеждать своих друзей и знакомых в том, что российский посланник демонстративно не приспустил своего флага. Не довольствуясь этим, он послал соответственное донесение в Вену. Там, повидимому, этой небылице настолько поверили, что поручили вызванному после сараевского происшествия из отпуска австрийскому посланнику произвести на месте серьезное расследование демонстративного поступка русского представителя [1]. [9 июля] 26 июня барон Гизль вернулся в Белград, и [10] 27 днем гофмейстер Гартвиг, осведомившись о существовании наговора, решил безотлагательно объясниться с своим австрийским коллегой, к которому он питал известное доверие.

Вечером того же дня, в 9 часов 45 минут, второму секретарю Зарину и мне дано было знать, что наш посланник сильно занемог. В миссии мы узнали, что он заболел у барона Гизля, что

[1] В деп. Креккенторпа Грею от 13 июля/30 июня за № 129 (B. D. № 62) говорится, что „несмотря на утверждение Гартвига, что „флаг развевался“, некоторые из иностранных представителей уверяли, что „это было не так“.

дочь его Людмила Николаевна Гартвиг, спешно к нему вызванная, покинула посетивших ее запросто престолонаследника королевича Александра и принца Павла. Прибыв в австрийскую миссию, мы застали Н. Г. Гартвига уже лежащим мертвым на диване. Бывшие при нем три доктора и все приложенные до того усилия дочери и баронессы Гизль не смогли вернуть его к жизни. Смерть, по удостоверению врачей, последовала моментально от паралича сердца во время разговора, который, если и не велся в повышенном тоне, то тем не менее причинил роковое волнение. Барон Гизль на мои расспросы тут же сообщил мне следующее о последних минутах посланника:

„Предварительно условившись по телефону, ваш посланник приехал ко мне в 9 часов 10 минут и немедленно заговорил о дошедших до него слухах относительно флага миссии, объясняя, что он сам в день похорон наследного эрцгерцога отдал приказание его приспустить. „Vos paroles sont l'Evangile pour moi,—сказал я ему в ответ,—je n'ai plus besein de rien demander á personne“ [1]. Затем наш разговор перешел на предстоящий ему отпуск, в котором он, по собственному признанию, сильно нуждался, чувствуя боль и как бы пустоту в сердце—признаки расширения. На выраженное мною удивление, почему он уже не уехал, г. Гартвиг возразил, что он не может этого сделать до [12] 29—дня рождения короля, которому его отсутствие наверно бы не понравилось. Смолкнув, он вдруг сидя поник и, простонав два раза, поддерживаемый мною, свалился на пол. Почувствовав, что пульс почти не бьется, я немедленно послал за докторами. Было 9 часов 25 минут“. Таков был простой и, повидимому, вполне искренний рассказ барона Гизля. Несколько минут спустя, выражая мне снова свое отчаяние, он добавил: „Quel malheur et qui a dü arriver ici...“ [2]. С своей стороны баронесса Гизль проявила трогательное отношение к дочери почившего, которую она, до прибытия моей жены, окружила сердечной заботливостью.

Оставалось распорядиться перенесением тела посланника в императорскую миссию, что мною и было сделано.

Весть о смерти горячо любимого всеми сербами Н. Г. Гартвига в один миг облетела Белград и все королевство. Престолонаследник Александр и принц Павел сейчас же ночью пришли в миссию, а

---

[1] „Ваши слова святы для меня и я не нуждаюсь больше ни в каких разъяснениях“.

[2] „Какое несчастье, и надо было ему случиться именно здесь“.

за ними и Пашич и прочие представители власти и города, немедленно сообщившие мне о распространившемся известии, будто посланник был отравлен в австрийской миссии. Вследствие сего я тут же просил Пашича принять меры к возможно широкому оглашению истины. Затем со всех сторон стали поступать выражения пожеланий, чтобы похороны состоялись в Белграде.

На следующий день забальзамированный прах покойного, достойным образом убранный, был поставлен в парадной зале императорской миссии, и в 3 часа дня совершена архиепископом белградским и митрополитом сербским Дмитрием первая официальная панихида в присутствии королевича-регента, принца Павла, дипломатического корпуса и всех властей.

[12 июля] 29 июня, в день рождения короля Петра обычный придворный парадный обед был отменен в знак траура. Только утром состоялось торжественное богослужение в соборе и принесение во дворце поздравлений королевичу Александру, который воспользовался этим случаем, чтобы еще раз выразить мне волнующие его чувства глубокого горя вследствие потери в лице почившего испытанного и редкого друга.

[13 июля] 30 июня в понедельник Александра Павловна Гартвиг, за три дня до несчастия выехавшая в Константинополь, вернулась в Белград в сопровождении своего сына в звании камер-юнкера высочайшего двора Фонвизина, и лишь тогда стало возможным принять окончательное решение о месте погребения посланника.

Пользуясь уже полученным к тому времени утвердительным ответом вашего высокопревосходительства на переданное через Спалайковича ходатайство королевского правительства предать прах земле в Белграде, вдова и дочь сочли справедливым пойти навстречу единогласному желанию всей Сербии, невзирая на могущие заключаться в завещании Н. Г. Гартвига по сему поводу указания. . . . .

Церемониал состоявшихся сегодня похорон, как я имел честь своевременно телеграфировать вашему высокопревосходительству, был выработан правительством в соответствии с высоким званием почившего и чувствами, питаемыми к его памяти сербским народом.

За недостатком времени до отправления срочного курьера я лишен возможности остановиться на изложении подробностей выноса останков посланника из императорской миссии, отпевания в соборе, куда заранее прибыли престолонаследник королевич Александр, королевич Георгий и принц Павел.

Почитаю однако долгом отметить, что, несмотря на совершенно

исключительное стечение народа в Белграде, на прибытие многочисленных депутаций селяков-крестьян и общественных организаций из провинций, порядок соблюдался небывалый. Таким образом существовавшее, повидимому, в австрийской миссии опасение насчет враждебных демонстраций, к счастью, не оправдалось.

В произнесенных в соборе митрополитом и Пашичем и на кладбище городским головою речах воздавалось должное личным качествам почившего, заслугам его в общеславянском деле и выражалась безграничная благодарность мощному покровителю славян его императорскому величеству государю императору за все те блага, которыми ныне пользуется сербский народ.

Примите и пр.

В. Штрандтман.

№ 224. Выдержки из донесения и. о. консула в Маку Олферьева [1].

14/1 июля 1914 г.

Уловки сердара. Проездом в Маку я остановился на несколько дней в Тифлисе, где счел своим долгом представиться временному заместителю наместника его императорского величества на Кавказе, генералу Мышлаевскому, от которого я узнал, что сердар макинский прислал своего человека Салман-хана в Тифлис с письмом на имя наместника.

Генерал Мышлаевский был настолько любезен, что принял Салман-хана в моем присутствии и, внимательно выслушав его, просил передать сердару его приветствия и пожелание, чтобы на будущее время он все свои поручения к русским властям передавал бы через императорское консульство в Маку. Это было сделано весьма кстати, так как неоднократно посетивший меня Салман-хан упорно умалчивал о письме сердара к наместнику. В Маку я узнал от покойного Миллера, что сердар скрыл от него отъезд Салман-хана в Тифлис. Это было сделано с той целью, чтобы Миллер своевременно не сообщил в Тифлис, что даваемые сердаром сведения, якобы получаемые им из Турции при посредстве известного Али-бея, не заслуживают какого-либо доверия. Есть основание предполагать, что этот самый Али-бей, который ныне арестован мною по

---

[1] При донесении имеется сопроводительное отношение Олферьева в м-во ин. дел от 14/1 июля 1914 г. за № 211, в котором он сообщал, что подлинник этого донесения препровожден им посланнику в Тегеране за № 210 и копии в Тавриз, Хой и Тифлис. — Печатаются выдержки из донесения, так как остальные части его не представляют интереса.

делу об убийстве Саид-бея[1], служит посредником между сердаром и пограничными турецкими властями. Все это, конечно, следует проверить, к чему и будут направлены мои старания.

Из разговоров с военными властями в Тифлисе я вывел заключение, что пребывание нашей сотни в Маку считается ими полезным с военной точки зрения. Ознакомившись с положением вещей на месте, я полагаю, что нам следовало бы двинуть сюда еще одну роту с пулеметами. В этом пограничном и диком крае нами почти ничего не сделано в смысле экономического скрепления ханства с Россией. Необходимо вполне подчинить сердара и макинцев нашей воле, пользуясь временным присутствием наших войск в Персии.

Одно присутствие нашего небольшого отряда в Маку раз навсегда заставит сердара отказаться от обычных персидских уловок и окончательно избрать тот путь, который приведет к обоюдной выгоде. Надо иметь в виду, что турки и немцы пытаются ныне развить в ханстве свои торговые интересы, на что указывают перехваченные консульством письма немецкого агента в Хое к макинским ханам и несомненные сношения сердара с турками. Последнее не следует ставить в особую вину макинскому правителю, которого не может не беспокоить будущность родного ему края. Наша задача должна состоять именно в том, чтобы успокоить его на этот счет, открыть перед ним другие перспективы, обеспечить ему известные доходы и сделать его действительным правителем края, а не узурпатором и грабителем. При наличии достаточной военной силы в Маку мы можем достигнуть всего этого без особого труда и не прибегая к каким-либо репрессиям. Воинственное и дикое население ханства всегда будет с теми, на стороне которых окажется наглядная сила, и, как результат этого, властное слово. Ни туркам, ни немцам не удастся тогда развить здесь свои интриги, и они положительно не будут в состоянии бороться с успехами русского дела в макинском ханстве. Не следует откладывать этот вопрос на будущее время, ибо надо считаться с тем фактом, что до последнего времени мы и без того слишком мало интересовались судьбой этой чрезвычайно важной для нас во всех отношениях области.

Убийство Саид-бея. Я знал Саид-бея еще по моей службе в Ване. Он был одним из незначительных курдских беев ванского округа и жил в своем селении вблизи Сарая.

Саид-бей вел в то время тяжбу с армянами из-за земельных

---

[1] См. № 169.

угодий. Тогдашний ванский вали Бекир Сами-бей, следуя инструкциям комитета Е[динения] и П[рогресса], заискивавшего тогда перед армянами, решил спор в пользу последних. Озлобленный Саид-бей набрал шайку головорезов и сделался настоящим разбойником. Он грабил селения, расстреливал сельчан и жандармов, обкладывал деревни налогами и пр. Турки безуспешно преследовали его долгое время; однако в конце концов Саид-бею все же пришлось бежать с своими людьми в Персию. Сердар разрешил ему жить в Мухуре. Пользуясь нашей поддержкой, он жил сперва спокойно, а затем мало-по-малу, стал теснить местное население. Таков уж обычай здешних мест: лишь только человек почувствует за собой силу, как начинает изыскивать все средства к тому, чтобы разбогатеть через насилие и всякого рода бесчинства. Немало жалоб поступало к Миллеру и ко мне на насилия, чинимые Саидбеем, не только от сердара и ханов, но и простого населения. Особенно он теснил курдов ашкрета Милян, не пропуская их на летовки, на которые они кочевали искони. Это порождало обычные стычки и заставляло милянцев любить сердара, который находился в открытой вражде с их притеснителем. Все это указывало на то, что впереди возможны еще большие недоразумения и кровавые события. После того как мне удалось примирить аваджикцев с сердаром и установить между ними добрососедские отношения, я намеревался примирить Саид-бея с макинцами. С этой целью я написал ему и просил его приехать в Маку, приглашая его жить мирно и обещая, что отношения сердара к нему изменятся к лучшему. В ответ на это Саид-бей прислал мне пространное письмо, обвиняя сердара в интригах с младотурками, ругая правителя непристойными словами и не допуская мысли о его примирении с макинцами. После этого я просил надв. сов. Чиркова посоветовать Саид-бею явиться ко мне. Отправив это письмо, я случайно, узнал, что милянцы уже давно подкарауливают своего врага, очевидно, с негласного согласия сердара. Поэтому я немедленно послал вторичное письмо Саид-бею, с просьбой не приезжать сейчас в Маку, под предлогом, что я завален сейчас работой и у меня нет верного переводчика.

Я не получил ответа на это письмо. Надо думать потому, что Саид-бей был в Хое, и мое письмо поджидало его в Мухуре.

На пути из Хоя в Мухур Саид был убит. Подробности этого события изложены в донесениях надв. сов. Чиркова.

Я пока не имею точных сведений об убийстве Саид-бея, ибо те справки, которые дал мне по этому поводу сердар, не заслуживают

доверия. Правитель уверяет меня, что Саид-бей был убит неким Хаджи, его собственным слугою, из мести за то, что его хозяин учинил насилие над его женой.

До моей поездки в Мухур я остерегусь делать какие-либо заключения, хотя в душе я убежден, что убийство Саид-бея было инспирировано сердаром, который в этом деле действовал подкупом. Думаю, что организатором и душой заговора был Али-бей. Всех указанных в телеграмме надв. сов. Чиркова лиц (а именно Бехрам-ага, Мир Абдулла и Али-бей) я арестовал и захвачу их с собой в Мухур.

Предполагаю, что настоящего убийцу будет нелегко найти. Приход нашего отряда в Мухур и арест мною указанных лиц произвел на сердара отрезвляющее впечатление и подорвал веру в распускаемые им среди населения сказки о том, что русские всегда будут делать лишь угодное ему.

В заключение должен сказать, что, по моему мнению, по существу нет никакой разницы между всеми этими сердарами, саид-беями, исмаилами и пр. Те, которые нас боятся, и те, кому выгодно итти с нами рука об руку, будут всегда на нашей стороне. Те, кому не выгодно быть с нами, будут всегда мутить воду. Сердар понимает, что с приходом русских войск в Азербайджан его доходы уменьшились и что его власть среди населения сильно поколебалась. За что же ему любить русских? Другое, например, дело котурский Симко, которому наше покровительство дало прекрасное положение и деньги. Отнимите у него это, он сделается нашим недоброжелателем. Исходя из этого, я думаю, что мы можем сделать из сердара нужного нам человека. Но это возможно при наличии нашего небольшого отряда в Маку и при экономическом сближении ханства с Россией, что даст возможность сердару увеличить его капиталы.

Консул С. Олферьев.

№ 225. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

⁄. Телеграмма № 1407. 15/2 июля 1914 г.

Сообщается в Париж и Берлин.

(Для Берлина). Для вашего личного сведения.

Французский министр иностранных дел передал нашему послу записку, высылаемую вам сегодня почтою, по вопросу о нашем делегате в Совете оттоманского долга [1].

[1] См. № 147.

Французское правительство подробно излагает в ней невозможность для него согласиться ни на допущение второго турецкого делегата, ни на очередное председательство немецкого делегата.

Ввиду этого мы вынуждены поставить удовлетворение нашего домогательства непременным условием нашего согласия на 4%-ю надбавку, равно как присоединения нашего к заключениям финансовой комиссии в Париже [1].

Сазонов.

№ 226. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1409. 15/2 июля 1914 г.

Копии в Маку, Тавриз, Хой и Тифлис.

Ссылаюсь на телеграммы Олферьева от [10 июля] 27 июня [2] и Чиркова за № 127 [3].

Расследование мухурского дела лично Олферьевым вполне одобряем. Нам представляется, что путем сурового наказания виновников убийства Саид-бея и временным усилением нашего отряда в Маку можно будет достигнуть успокоения курдов и пресечения дальнейших каких-либо интриг со стороны сердара, без прямого касательства его личности, каковое могло бы привести нас к необходимости его смещения, могущего иметь весьма серьезные последствия. Сердара надо заставить подчиниться совершенно нашей воле и нашему влиянию, чего Олферьев, надеемся, сумеет достигнуть при необходимой согласованности действий консульств в Маку и Хое, каковой, к сожалению, до сих пор в достаточной мере не было.

Благоволите дать соответствующие указания подлежащим консульствам.

Сазонов.

№ 227. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

⁄. Телеграмма № 1416. 15/2 июля 1914 г.

Копии [в] Тегеран, Маку, Хой и Тавриз.

Ссылаюсь на телеграмму Олферьева от [10 июля] 27 июня [2].

Со своей стороны считал бы также желательным несколько уси-

---

[1] См. стр. 196, прим. 1.

[2] См. № 169.

[3] См. № 184.

лить наш отряд в Маку, но лишь путем перевода туда роты с пулеметами из Хоя или Тавриза, но не с Кавказа, дабы не придавать этому характера увеличения численности наших войск в Персии.

О распоряжениях, которые ваше сиятельство признаете возможным сделать, не откажите телеграфировать.

Сазонов.

№ 228. Советник III политического отдела консулу в Керманшахе Никольскому.

*/. Телеграмма № 1417. 15/2 июля 1914 г.

Копия в Тегеран.

Великобританское правительство сообщает, что на почве противодействия местного генерал-губернатора выборам готовятся серьезные беспорядки в Керманшахе [1]. Одновременно с этим сердар Экрем вступил будто бы в эту провинцию, повидимому, с целью атаковать местного главаря, гарантировавшего безопасность пути. Вследствие этого 10 000 мест товара задержаны на границе, что грозит вызвать банкротство купцов, торгующих с Манчестером.

Лондонский кабинет просит нашей энергичной поддержки к побуждению персов к принятию надлежащих мер в Керманшахе для устранения задержки товаров и поддержания торговых сношений.

Телеграфируйте, в чем дело, и примите зависящие меры.

Клемм.

№ 229. Правление Учетно-ссудного банка Персии в III политический отдел министерства иностранных дел.

Письмо № 6831. 15/2 июля 1914 г.

На основании состоявшегося в феврале с. г. в Лондоне соглашения между представителями Учетно-ссудного банка Персии и правления Шахиншахского банка относительно поставки серебра для персидского правительства, нами были даны указания вр. управляющему банком в Тегеране выработать с директором Шахиншахского банка новый контракт и совместно добиться утверждения его персидским правительством. Сперва г. Вуд совершенно отказывался от переговоров с вр. управляющим банком в Тегеране по указанному вопросу, но затем, как видно из прилагаемой при сем копии его письма от [17] 4 мая с. г., он поставил вопрос о

---

[1] См. №№ 206 и 215.

заключении нового контракта в зависимость от признания персидским правительством за Шахиншахским банком права ввозить за свой счет серебро для покрытия своих банкнот, причем он требует, чтобы наш банк сам добился от персидского правительства признания указанной привилегии за Шахиншахским банком до начала переговоров о новом контракте [1]. Следовательно, в случае отказа персидского правительства предоставить указанную привилегию Шахиншахскому банку, отпадает якобы соглашение о ввозе серебра обоими банками на равных условиях.

Отсюда явствует, что Шахиншахский банк не склонен войти с нами в соглашение относительно вопроса о ввозе серебра, считая сохранение настоящего положения для себя более выгодным и посему всячески тормозит дело заключения нового контракта.

В целях выяснения окончательного взгляда правления Шахиншахского банка на сей вопрос и во избежание неправильного толкования им лондонского соглашения, имеем честь препроводить при сем письмо на имя названного правления [2], покорнейше прося департамент не отказать в распоряжении о передаче сего письма по назначению через посредство императорского посольства в Лондоне, т. е. тем же порядком, коим был передан нам протокол [16] 3 февраля.

О последующем по сему делу правление покорнейше просит департамент не отказать в уведомлении.

Правление Учетно-ссудного банка Персии.

Л. Львов.
А. Полубояринов.

№ 230. Председатель правления Учетно-ссудного банка Персии и. о. управляющего Учетно-ссудным банком в Тегеране Видеману.

Телеграмма. 15/2 июля 1914 г.

Ваша телеграмма [4 июля] 21 июня [3]. Выдача ссуды Морнару сто пятьдесят тысяч томанов для нужд бригады сроком [13 января] 31 декабря 1914 г. из нормы не менее 7% годовых с правом банка удержать эту сумму из остатков таможенных поступлений разрешается, т. е. на обычных условиях авансов пер-

[1] Письмо гл. директора Шахиншахского банка в Тегеране Вуда на имя и. о. управляющего Учетно-ссудным банком в Тегеране Видемана, как достаточно изложенное в тексте, не воспроизводится.

[2] Кроме письма Вуда от 17/4 мая, других приложений при письме не имеется.

[3] См. № 86.

сидскому правительству. Если возможно, обусловьте выдачу какими-нибудь выгодами для банка, но тормозить дело излишней требовательностью нежелательно, ввиду необходимости поддержать бригаду. Львов.

№ 231. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 190. 15/2 1914 г.

Personnel.

Reçu lettre de Vilenkine [1]. Ebruitement prématuré pourrait créer difficultés sérieuses à solution pour Anglo-Persian Oil Company dans zone neutre, dont n'ai parlé à Vilenkine que pour vous seulement et à titre d'opinion toute personnelle. Vous trouverez l'état de cette affaire dans ma lettre d'aujourd'hui. Je crois urgent d'abandonner initiative de proposition pour une solution à Grey. Je sais seulement qu'il en cherche une pour répondre à désir exprimé par vous à Buchanan pour l'avenir de concession anglaise. Prie prévenir Vilenkine d'être prudent, surtout dans cercles de banques et financiers. Grey m'a dit étudier, mais ne pas encore pouvoir m'autoriser à vous communiquer rien de plus.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Получил письмо Виленкина. Преждевременное разглашение могло бы создать серьезные затруднения при решении [вопроса об] Англо-персидской нефтяной компании в нейтральной зоне, о котором я говорил Виленкину только для вашего сведения и в качестве чисто личного мнения. О положении этого дела вы прочтете в моем сегодняшнем письме. Я считаю необходимым предоставить Грею инициативу по предложению решения. Я знаю только, что он пытается его найти, дабы пойти навстречу желанию, выраженному вами Бьюкенену, относительно будущности английской концессии. Прошу предупредить Виленкина быть осторожным, особенно в банковских и финансовых кругах. Грей сказал мне, что он занят изучением дела, но не может еще уполномочить меня сообщить вам что-либо большее.

Бенкендорф.

№ 232. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо [2]. 15/2 июля 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

J'ai bien peu de choses à vous mander de particulièrement intéressant.

---

[1] Письмо Виленкина в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] Опубл. Siebert, III, № 1068 под датой 16/3 июля со вставкой во втором абзаце после слов: „... avec peu d'éléments pour les contenir, dangereux“ фразы: „Er sagt, dass wir nicht mehr darauf rechnen können, dass Deutschland unter allen Umständen der „Friedensstifter ist“, и с пропуском двух абзацев от слов: „Le roi est“... до... „keep him up“.

Hier Grey m'a dit que ces derniers jours il n'avait plus reçu de nouvelles alarmantes ni de Vienne, ni de Berlin. Tout de même il n'avait l'air que médiocrement rassuré. Il trouve „l'outburst" de passions nationales, avec peu d'éléments pour les contenir, dangereux. Nicolson est moins alarmé [1]. Son argument est que l'empereur François-Joseph doit avoir encore moins envie que l'année dernière de complications guerrières et que l'archiduc qui pouvait servir comme tête de file du parti d'action n'y est plus.

Je ne doute pas que Grey a parlé beaucoup plus clairement à Berin et aussi à Vienne, qu'il ne s'en est vanté avec moi.

Autant cette question a été prise au sérieux, autant y a-t-il tendance à considérer plus calmement le gâchis albanais. Nicolson me dit, qu'il croit exagérées toutes les nouvelles compromettantes pour la Grèce et a pleine confiance en Vénizélos. Il le croit tout à fait sincère.

Je viens de voir le roi au départ de la reine douairière de Grèce. Sa majesté m'a parlé de sa lettre à l'empereur [2], me disant, qu'elle était sûre que notre auguste maître avait compris son intention, d'autant plus que Sir G. Buchanan se félicitait hautement du gracieux accueil, que l'empereur avait daigné lui faire à l'audience. Le roi m'a dit qu'il espérait une bonne réponse de l'empereur. J'ai répondu que j'étais persuadé que l'empereur ne resterait jamais sourd à un appel direct du roi.

Le roi est très impressionné de la mort subite de Lady Hardinge. De ce pas je vais à un service au Chapel royal St. James à son intention.

Pour Hardinge cela sera un coup terrible. On craint qu'il ne démissionne. Grey espère que non. Il me semble qu'il pensait à lui-même hier, quand il me dit: „only hard work can keep him up".

Je ne sais ce qu'est l'affaire de Kermanshah [3]. Mais si cela parvient au parlement, on y verra une protection des intérêts commerciaux russes de méthode bien insolite, et je crois qu'il serait essentiel d'étouffer cette impression néfaste pour les négociations. A cet égard rien ne pourrait être plus efficace qu'une action commune des deux consuls et rien ne préparerait mieux la protection de nos intérêts par nos négociations. Il est clair que les persans se couvrent de notre consul.

L'embrouillamini de l'Ulster est plus complet que jamais; pourtant

---

[1] Ср. пометы Никольсона на письме Бунзена Грею от 18/5 июля за № 137 и на телеграмме Бунзена от 21/8 июля за № 93 (B. D., v. XI, №№ 40 и 71).

[2] См. т. III, № 272.

[3] См. №№ 206 и 215.

le vif désir de s'entendre se fait jour clairement. Le pire c'est qu'aucun de deux partis ne veut livrer ses armes,—de là, hésitation sur hésitation qui aggravent la situation.

Le Cabinet est fatigué malgré le calme d'Asquith. Leur majorité l'est aussi. Reste toujours le danger d'un „snap division", mais je n'y crois pas beaucoup. Je crois qu'il y a quelqu'espoir que Lansdowne prenne éventuellement le Foreign Office. Personne n'a envie de Curzon, mais il est important et ne cèderait le pas qu'à Lansdowne. Ce dernier, se sentira-t-il de force? Il ne ferait aucune difficulté d'accepter Bonar Law comme chef du Cabinet. Cette combinaison serait la meilleure possible pour nous.

Grey m'a dit hier qu'O'Beirne avait apporté hier même votre mémorandum [1], mais qu'il ne l'avait pas encore vu. Grey m'a encore dit hier, quoiqu'en me priant de garder la chose pour le moment pour moi, qu'il pensait très sérieusement à ce que vous aviez dit à Buchanan sur l'avenir dans la question de la concession de l'Anglo-Persian Oil C°, et qu'il espérait arriver à un projet, dont pour le moment il cause avec M. M. Asquith et Churchill. Il n'a rien dit de plus, mais à moins que je ne me trompe fort, il me semble que cela pourrait aboutir à un projet de vente d'une certaine portion de la concession dans le nord à une compagnie russe ou anglo-russe avec prédominance russe. L'argent qui sera voté sera, me dit-on, destiné exclusivement aux travaux dans les îles et sur la côte. Ceci laisserait la porte ouverte à mon hypothèse. Cela me paraîtrait, le cas échéant, très fort à prendre en considération, les droits civils anglais antérieurs à la convention et les droits moraux russes découlant de la convention se trouvant ajustés et également satisfaits. Mais tout ceci, je le répète, n'est qu'une hypothèse. Pour aujourd'hui c'est tout ce que j'ai à vous mander d'essentiel.

Mille amitiés bien sincères. Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

У меня нет почти ничего особенно интересного для вас.

Вчера Грей мне сказал, что за эти последние дни он не получал больше тревожных известий ни из Вены, ни из Берлина. Тем не менее вид у него лишь мало успокоенный. „Взрыв" национальных страстей, при наличии немногих элементов, могущих их сдержать, представляется ему опасным. Никольсон менее встревожен. Он основывается на том, что император Франц-Иосиф еще меньше чем в прошлом году должен желать военных осложнений и что эрцгерцога, который мог бы послужить вожаком партии действия, уже нет.

---

[1] См. № 156.

Я не сомневаюсь, что Грей говорил значительно более ясным языком с Берлином, а также и с Веной, чем он хвалился передо мною.

Насколько серьезно здесь отнеслись к этому вопросу, настолько склонны отнестись более спокойно к албанской каше. Никольсон мне сказал, что он считает преувеличенными все известия, компрометирующие Грецию, и что он вполне доверяет Венизелосу. Он его считает совершенно искренним.

Я только-что видел короля при отъезде вдовствующей греческой королевы. Его величество, говоря мне о своем письме государю, сказал, что он уверен, что наш августейший монарх понял его намерения, тем более, что сэр Дж. Бьюкенен выражает полное удовлетворение милостивым приемом, который государь соблаговолил ему оказать на аудиенции. Король сказал мне, что он надеется на благоприятный ответ государя. Я ответил, что, по моему убеждению, государь, несомненно, отнесется с вниманием к прямому обращению короля.

Король очень потрясен внезапной смертью лэди Гардинг. Я сейчас отправляюсь в королевскую Сен-Джемскую часовню на заупокойную службу по ней.

Для Гардинга это будет страшным ударом. Опасаются, что он подаст в отставку. Грей надеется, что этого не будет. Мне кажется, что вчера он думал о самом себе, когда он сказал мне: „Только упорная работа может поддержать его“.

Я не знаю, в чем сущность керманшахского дела. Но если оно дойдет до парламента, там в нем усмотрят весьма необычайного характера поддержку русских коммерческих интересов, и я думаю, что было бы крайне существенно устранить это роковое для переговоров впечатление. В этом смысле ничто не было бы действительнее общего действия двух консулов и ничто не подготовило бы лучше защиту наших интересов при наших переговорах. Ясно, что персы прикрываются нашим консулом.

В ульстерском вопросе больше путаницы, чем когда-либо: ясно обнаруживается однако сильное желание столковаться. Хуже всего то, что ни одна из двух партий не желает сложить свое оружие,—отсюда колебание сменяется колебанием, что отягчает положение.

Несмотря на спокойствие Асквита, кабинет проявляет утомление. Большинство палаты точно так же. Налицо все время опасность „неожиданного голосования“, но я не очень в него верю. Я думаю, что есть некоторое основание надеяться, что Лансдоун эвентуально возьмет на себя Форейн Оффис. Никто не хочет Керзона, но он влиятелен и уступит место только Лансдоуну. Сочтет ли себя этот последний достаточно сильным? Он без всяких затруднений согласился бы на Бонар Лоу в качестве главы кабинета. Эта комбинация была бы для нас самой лучшей из всех возможных.

Грей мне сказал вчера, что О'Бейрн как раз вчера привез ваш меморандум, но он его еще не видел. Грей, кроме того, сказал мне вчера, прося меня держать это пока про себя, что он очень серьезно думает о том, что вы сказали Бьюкенену по вопросу о будущности концессии Англо-персидской нефтяной компании, и что он надеется выработать проект, который он в настоящее время обсуждает с гг. Асквитом и Черчиллем. Он больше ничего не сказал, но, если только я не очень ошибаюсь, дело, мне кажется, может кончиться проектом продажи некоторой части концессии на севере русской или англо-русской компании с русским преобладанием. Суммы, которые будут вотированы, будут, как мне говорят, предназначены исключительно

на работы на островах и на побережьи. Это оставляет дверь открытой для моей гипотезы. Мне казалось бы, что в подлежащем случае следовало бы отнестись к ней очень серьезно, так как при этом гражданские права англичан, предшествующие конвенции, и моральные права русских, вытекающие из конвенции, оказались бы примиренными и в равной мере удовлетворенными. Но все это, повторяю, является только гипотезой. Вот все существенное, что сегодня я вам имею сообщить.

Тысяча искреннейших дружеских пожеланий. Бенкендорф.

№ 233. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 180. 15/2 июля 1914 г.

Назначенный сперва на сегодня утром отъезд президента отложен до 12 часов ночи, вследствие происшедшей неожиданно вчера задержки в бюджетных прениях. Президент решился отложить отъезд и направится на Дюнкирхен, дабы дать возможность сопровождающему его Вивиани провести бюджет и закрыть сессию, так как по смыслу французской конституции парламент не мог бы заседать в отсутствие из Франции председателя совета [1].

Севастопуло.

№ 234. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 181. 15/2 июля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму посланника в Софии № 128 [2].

Французское правительство, в случае заключения займа в Берлине, намерено твердо настаивать на возмещении (залог)ов из первого же полученного из Берлина аванса; оно не сомневается в своем неоспоримом праве на это и уже в свое время заявило об этом не только в Софии, но и в Берлине. Сегодня Гу пригласил к себе Станчова и от имени министра выразил ему удивление по поводу приемов Тончева, который продолжает рассказывать в Софии о неприемлемости предложений банка Перье, ссылаясь на условия, поставленные этим банком, когда он выступил с первыми своими предложениями помимо французского правительства;

---

[1] После того, как между обеими палатами было достигнуто соглашение по всем пунктам бюджета, парламент был распущен 15/2 июля, и в ночь на 16/3 июля Пуанкаре в сопровождении Вивиани выехал на броненосце „France“ в Россию. Телеграммой от 15/2 июля Севастопуло сообщил Сазонову, что Извольский выехал в Петербург.

[2] См. № 189.

между тем, чрез посредство...... (теперешний) банк заявил о уст-(но)м отказе от.....тых условий, сделав новые предложения, о которых Тончев умалчивает.

Севастопуло.

№ 235. Посол в Вене министру иностранных дел.

/. Депеша № 43. 15/2 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

8 июля/25 июня венгерский министр-президент, отвечая в парламенте на запрос графа Андраши по поводу сараевского покушения, выступил с речью, интересною потому, что высказанные в ней мысли являются, повидимому, результатом происшедшего накануне в Вене совещания министров [1].

Умеренный и сдержанный тон речи, не соответствующий горячему темпераменту графа Тиссы, служит также доказательством того, что произнесенные им слова являлись некоторым образом заявлением всего австро-венгерского правительства.

Граф Юлиус Андраши от лица оппозиции предложил венгерскому правительству целый ряд вопросов, имевших целью ознакомить общественное мнение страны с отношением правительства к печальному событию и теми мерами, которые оно намерено принять по сему поводу в области внутренней и внешней политики.

Вопросы эти нижеследующие:

1) Чем объяснить, что при существующих обстоятельствах правительство не воспротивилось поездке наследника престола в Боснию, особенно в день сербского национального праздника?

2) Почему, раз эта поездка была решена, не были приняты надлежащие меры охраны?

3) Как объяснить то, что после первого, неудавшегося покушения, эрцгерцог продолжал путь свой, вместо того чтобы вернуться в конак?

4) Какие размеры приняли антисербские манифестации в Боснии и Герцеговине?

5) Верно ли, что сербское население потерпело большие убытки?

6) Чем объяснить то, что беспорядки не были во-время прекращены полицией?

---

[1] Телеграммой от 11 июля/28 июня за № 86 Шебеко доносил о правительственном сообщении, опровергавшем появившиеся в печати и вызвавшие тревогу известия о заседании совета министров и докладе Берхтольда Францу-Иосифу.

7) Достоверно ли до сих пор неопровергнутое и весьма распространенное в массе населения убеждение, что нити заговора, жертвою которого пали наследник престола и его супруга, исходят из Белграда?

8) Если последнее предположение справедливо, то какие меры намерено принять правительство, чтобы виновные потерпели заслуженное наказание?

9) Что намерено правительство предпринять, чтобы препятствовать в будущем устройству заговоров против жизни высших чинов и вообще внутреннего порядка империи?

Предъявляя министру-президенту вышеизложенные вопросы, граф Андраши заметил, что если правительство не найдет возможным в настоящий момент ответить на некоторые вопросы, то он, с своей стороны, не будет на этом настаивать.

Граф Тисса начал свою речь с заявления, что обсуждение всего гнусного сараевского злодеяния для правительства представляется весьма тягостным и трудным.

Относительно того, почему правительство не воспротивилось поездке наследника в Боснию, он может только ответить, что эрцгерцог вообще не советовался с правительством касательно предпринимаемых им поездок, имевших, как в данном случае, обыкновенно целью военные упражнения и смотры.

Правительство часто даже не было вовсе осведомлено о них; так, в настоящем случае, г. Билинский даже не был уведомлен о подробностях поездки наследника, имевшей исключительно военный характер.

Тем не менее министр-президент не отрицал того, что со стороны местных властей были некоторые упущения в принятии необходимых мер охраны.

Для выяснения всех обстоятельств дела в настоящее время производится следствие, и виновные понесут должную кару.

Что касается высказанного предположения, что Босния находится накануне революции, то, по словам графа Тиссы, оно совершенно не соответствует действительности.

Заговор действительно существовал и имел крайне опасный характер, но участие в нем принимала только незначительная группа лиц.

Не следует, по мнению венгерского министра-президента, возлагать на все население ответственность за преступление, совершенное отдельными лицами.

Безопасности монархии ничто не угрожает, и имеющихся в

распоряжении местной власти средств совершенно достаточно для поддержания порядка в крае и предупреждения отделения от нее входящей в ее состав провинции.

Касательно тех шагов, которые правительство может быть вынуждено предпринять по адресу сербского правительства, то граф Тисса заметил, что по этому поводу он может только заявить, что следствие ведется во всех направлениях, и все ответственные органы правительства исполнят свой долг, принимая в соображение как жизненные интересы и достоинство империи, так и желательность сохранения мира.

В ответ на вопрос, какими мерами правительство намерено бороться против сербской агитации и вообще против опасности, которую представляет для Австро-Венгрии сербский вопрос, венгерский министр-президент заявил, что насколько этот вопрос касается внешней политики, он в настоящий момент на него ответить не может, что же касается до отношения его к внутренней политике империи, то не подлежит никакому сомнению, что в Австрии, Боснии, Кроации, Славонии и собственно Венгрии ведется сильная юго-славянская агитация.

По мнению графа Тиссы, не следует ни в каком случае наказывать мирное и лояльное и ничем неповинное сербское население за преступление, совершенное единичными лицами. Поэтому он строго осуждает те беспорядки, которые причинили известный ущерб сербскому населению Боснии и Герцеговины. Убытки эти были сильно преувеличены в печати, но они, несомненно, были, и причиной этому был недостаток полиции в первый момент. По истечении нескольких часов беспорядки были уже повсюду прекращены.

По мнению графа Тиссы, опасность в Боснии не столь велика, чтобы потребовалась перемена курса внутреннего управления краем и принятие каких-либо экстраординарных мер. Порядок может вполне быть сохранен имеющимися в распоряжении местных властей средствами. Следует только усилить надзор за всякими агитаторами и заговорщиками и прекратить агитацию в школах, отравляющих умы подрастающего поколения всякими преступными учениями.

Что касается Кроации и Славонии, то граф Тисса высказал мнение, что опыт последних месяцев подтвердил его убеждение в том, что восстановление конституционной жизни страны было необходимо. Большинство тамошнего сербского населения вполне ло-

яльно не только по отношению к монархии, но также и к короне св. Стефана.

Между кроатами в Кроации и Славонии есть известная группа, которая, восхваляя собственный патриотизм, всячески силится очернить патриотизм сербов. Она всячески старается использовать для своих целей последнее покушение, между тем эта группа, несомненно, лелеет юго-славянские мечты, она является смертельным врагом дуалистического строя монархии и ее нынешней конституции.

Общественное мнение в Венгрии поэтому не даст себя обмануть проявлением сомнительной лояльности этой группы.

Министр-президент отозвался весьма сочувственно о сербско-кроатской коалиции, а также о сербском населении Венгрии, лояльность которого, по мнению графа Тиссы, не подлежит никакому сомнению.

В заключение министр-президент заявил, что следует зорко следить за событиями и в самом зачатке подавлять всякие антипатриотические проявления, но было бы большой ошибкой и опасно в настоящий момент под влиянием возбуждения и отчасти подстрекательств отдельных политических кругов и лиц оттолкнуть от себя те сербские элементы, которые ни в чем неповинны и которые в момент опасности, несомненно, покажут себя верными сынами австро-венгерской монархии.

Примите и пр. Шебеко.

№ 236. Посол в Вене министру иностранных дел.

Ч. Письмо. **15/2 июля 1914 г.**

М. г. Сергей Дмитриевич,

Обстоятельства, сопровождавшие трагическую кончину нашего маститого посланника в Белграде Н. Г. Гартвига, опять довели начавшее было униматься возбуждение умов в Австро-Венгрии до высокой степени напряжения.

Этому не мало способствовало поведение австро-венгерского представителя в Белграде.

Последний, несомненно, выказал большую нервность и, под впечатлением дошедших до него слухов о подготовлявшемся будто бы разгроме австро-венгерской миссии, принял ряд мер, которые не только навели панику на всю австрийскую колонию в Белграде, но и вызвали тревогу в самой Вене [1].

---

[1] См. заключительную часть донесения Макса-Мюллера Грею от 16/3 и донесение его же от 17/4 июля 1914 г. (B. D., v. XI, №№ 81 и 82).

Этим воспользовались здешние воинствующие элементы, чрез посредство своих печатных органов возбудившие снова общественное мнение страны против Сербии. Возбуждение это отразилось и на бирже, где несколько дней подряд господствовала настоящая паника.

Правительство, наконец, поняло всю опасность того пути, по которому силились толкать страну некоторые политические круги внутри империи, а также союзной ей державы.

Выступление графа Тиссы в венгерском парламенте с замечательно умеренною речью [1], а также появившиеся в Вене и Будапеште правительственные сообщения [2], предостерегавшие население против распространяемых ложных известий, до некоторой степени содействовали успокоению умов.

На бирже, которая является здесь, как и везде, верным показателем настроения умов, сегодня заметно было значительное успокоение.

Император вернулся в Ишль и занялся охотою.

Военный министр генерал Кробатин уехал в продолжительный отпуск. Начальники австрийского и венгерского ополчений тоже. Уехал и начальник штаба генерал Конрад.

Одним словом, все заставляет предполагать, что ведущееся в строгой тайне следствие по делу убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги ничего не обнаружило такого, что могло бы вызвать столкновение между Австро-Венгрией и Сербией.

Конечно, опасность возникновения каких-либо осложнений в последнюю минуту не совсем исключена.

Полное успокоение может наступить только тогда, когда следствие будет закончено и станет официально известно, намерено ли австро-венгерское правительство обратиться к белградскому кабинету по этому поводу и, если да, то в какой форме.

Граф Берхтольд и ближайшие его помощники по обыкновению молчат, отговариваясь невозможностью что-либо сказать до окончания следствия, но само оттягивание решения может служить указанием на то, что правительство желает дать общественному мнению успокоиться, дабы после всего наделанного даже в официозной печати шума не навлечь на себя новых обвинений в слабости и неумении оберегать достоинство монархии.

Тем не менее было бы большой ошибкой, даже в случае бла-

---

[1] Ср. № 235.

[2] См. № 132.

гополучного исхода настоящего кризиса, думать, что он не оставит здесь никакого следа.

Существовавшее и ранее в Австро-Венгрии нерасположение к Сербии, несомненно, усилилось и приняло весьма острый характер, особенно в военных кругах; с этим необходимо надо будет считаться и Сербии и нам.

С этим уже считается Болгария, и весьма возможно, что Австрия вместе с Болгарией воспользуются первым подходящим случаем, чтобы неожиданным нападением одним ударом решить столь жизненный для монархии сербский вопрос.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 237. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 133. 15/2 июля 1914 г.

Копии в Вену, Берлин, Париж и Лондон.

Сегодня должно было начаться обсуждение займа, но до начала прений произошел скандал, фактические подробности которого передаются телеграфным агентством. Во время свалки председатель собрания в общем шуме сказал несколько никем нерасслышанных и незастенографированных слов, после чего заседание было закрыто, а правительство стало утверждать, что заем голосован. Нужно думать, что такое голосование займа будет вместе с тем и его провалом, так как вряд ли найдется иностранное правительство и банки, которые согласятся после этого выдать деньги нынешнему болгарскому правительству. Если столь антиконституционный образ действий правительства получит гласность и должное порицание со стороны общественного мнения Европы, то это будет (верным залогом) его провала.

Савинский.

№ 238. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

*/. Письмо. 15/2 июля 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Внезапная кончина императорского посланника застала миссию в такую минуту, когда из всего ее состава в Белграде находится, кроме меня, еще только второй секретарь в звании камер-юнкера высочайшего двора Зарин. Ни военного агента полковника Арта-

монова, ни нештатного драгомана Мамулова здесь нет, и потому все многосложные обязанности по устройству похорон, по приему всех желавших почтить память почившего и об этом непременно лично засвидетельствовать поставили нас в столь затруднительное положение, что я принужден просить крайнего снисхождения за сообщение с сегодняшней срочной экспедицией одних лишь сокращенных сведений о постигшем миссию печальном событии.

Вместе с тем имею честь представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства переданные мне вчера Пашичем данные по некоторым текущим политическим вопросам.

1) Со стороны Австрии по делу сараевского убийства пока все спокойно, никаких новых просьб или представлений получено не было, хотя сербское правительство и ожидает таковые, по окончании следствия, быть может, в ближайшем времени. В готовности же австрийцев возобновить переговоры по вопросу о Восточных железных дорогах, о чем я имел честь вчера телеграфировать за № 198, сербское правительство усматривает благоприятный признак [1].

2) Пашич подтвердил сообщение, заключавшееся в секретной телеграмме посланника № 187 [2] о том, что ввиду серьезности политической минуты он тоже считает благоразумным переговоры с Черногорией вперед не двигать.

3) Вопрос о французском посланнике в Белграде г. Деко [3].

Уже несколько месяцев тому назад было замечено, что г. Деко решительно всех избегает, с коллегами не видается, в здешнее министерство иностранных дел возвращает ноты со странными пометами. В самое последнее время, за несколько дней до [12 июля] 29 июня, в предвидении парадного обеда, на котором г. Деко, в качестве старшины дипломатического корпуса, должен был про-

---

[1] Тел. от 19/6 июля за № 203 Штрандтман сообщал, что ввиду предъявления серб. прав-ву директором общества Восточных ж. д. Миллером „повидимому неприемлемых требований по тарифной части“ он считает появившееся в некоторых газетах сообщение о подписании соглашения преждевременным.

[2] См. № 148.

[3] В расшифрованной в росс. м-ве ин. дел телеграмме от 20/7 июля на имя Палеолога для передачи Вивиани заместитель последнего сообщал ему о беседе с сербским посланником по поводу поведения Деко, которого сербы упрекали в тех же поступках, что и Штрандтман. Извещая Вивиани о том, что Деко отправил ему письмо с просьбой об отставке, составленное в крайне резких выражениях, свидетельствовавших об его тяжелом нервном состоянии, заместитель Вивиани, полагая, что сохранение на посту посланника в Белграде такого чиновника несовместимо с достоинством Франции и ее интересами, советовал принять отставку Деко.

изнести поздравительную речь,—в целях установления текста таковой к нему был командирован чиновник министерства иностранных дел. Он его не принял; на посланную ему затем ноту он не ответил, [12] 29 числа ни на богослужении в соборе, ни во дворце для принесения поздравлений не был и не извинился.

Вследствие сего 14/1 июля, в день французского национального праздника, королевич Александр с своей стороны тоже не счел возможным послать, согласно обычаю, своего представителя с поздравлениями и поручил Пашичу дать чрез посредство сербского посланника в Париже Веснича необходимые объяснения французскому правительству, а равно просить об отозвании г. Деко и о безотлагательной присылке заместителя или серьезного поверенного в делах.

Об изложенном Пашич убедительно просил меня поставить в известность ваше высокопревосходительство, считая вопрос о французском представителе здесь весьма важным.

От себя по поводу г. Деко могу добавить, что к смерти гофмейстера Гартвига, давнишнего своего сослуживца еще по Тегерану, он отнесся совершенно безучастно, не выразив семье соболезнования, не появившись ни на одной панихиде, не оставив хотя бы карточки. А вместе с тем вчера [14] 1 июля в день похорон его видели на улицах Белграда в экипаже.

Примите и пр. В. Штрандтман.

№ 239. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 41 [1]. 15/2 июля 1914 г.

Телеграфное предписание вашего высокопревосходительства касательно ответа, который мне надлежит дать шахскому правительству по поводу заявленных им в памятной записке протестов, получено было мною в переходное время передачи власти уходящим правителем в лице регента Наср-оль-Молька его величеству султану Ахмеду. Обстоятельство это побудило меня обратиться к вашему высокопревосходительству с ходатайством о разрешении сообщить персам наш ответ после коронации, когда выяснится вопрос о новом кабинете [2]. Дело в том, что, как я уже имел честь докладывать, настоящее правительство уже показало свое нежелание брать на себя решение каких бы то ни было вопросов, как внутренней, так и иностранной политики, видимо, предпочитая укло-

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 181.

няться от ответственности до выяснения нового курса при наличии шаха и меджлиса. Ввиду отставки министра иностранных дел передача наших предложений оказалась бы, пожалуй, бесполезной и не принесла бы положительных результатов, отдав лишь документ в руки настоящих правителей, которые использовали бы его в целях личного оправдания перед общественным мнением. Кроме того, новое правительство могло бы заявить, как это здесь практикуется, что не считает себя связанным переговорами или обещаниями прежнего, и дело пришлось бы начать сначала.

Позволяю себе также заметить, что наш ответ пришел в разгар приготовлений к коронационным торжествам, когда некоторые посланники успели представить свои поздравительные грамоты и подарки. Передача этого ответа почти одновременно с подарками и орденами произвела бы, вероятно, неблагоприятное впечатление на юного шаха, с которым между тем желательно бы было установить возможно хорошие отношения. Сами персы, повидимому, поняли неловкость настоящего совпадения, ибо хотя и узнали о содержании моих инструкций, однако не настаивали на официальном их сообщении. Его величество шах, уже принимающий участие в заседаниях совета министров и осведомленный о русско-персидских разногласиях, через капитана Смирнова дал мне знать, что очень ценит мою деликатность и предпочел бы, чтобы переговоры по возбужденным вопросам продолжались после коронации и вероятного образования нового кабинета.

Вообще, по моим наблюдениям, начатая персами столь легкомысленно антирусская агитация значительно улеглась, уступив место унынию и разочарованию в обещанной посторонними поддержке. Члены правительства, кажется, сообразили, что сделали ошибку, предъявив свой меморандум и привлекши, хоть и негласно, представителей некоторых миссий[1], и теперь стараются найти выход из создавшегося затруднения, обвиняя друг друга и особенно главного казначея, даже решившегося под напором интриг и обвинений подать в отставку[2]. Успокоение или, вернее, отвлечение внимания от наших дел вызвало, кроме того, телеграфное известие агентства Рейтера о решении великобританского правительства (адмиралтейства) принять участие в эксплоатации Англо-персидской нефтяной компании (концессия д'Арси). Позднейшие известия об этой сделке, прения в парламенте и обсуждение

[1] Кроме Тоунлея, персы старались добиться поддержки и у герм. посланника Рейсса.

[2] См. № 92.

всего вопроса в связи с соглашением 1907 г. показали шахскому правительству, что есть и другие, быть может, более серьезные обстоятельства, могущие угрожать суверенитету Персии. Как следствие этого, здешним англофилам пришлось несколько разочароваться в бескорыстном участии Англии к судьбе их страны и в действительном значении оказываемой им против нас поддержки. У многих возникло даже подозрение, что присоединение великобританского правительства к персидскому протесту было тактическим приемом, дабы отвлечь внимание от более серьезного намерения англичан упрочиться не только в южной, но и в нейтральной зоне. При всем старании сэра В. Тоунлея умалить значение этого шага он сознался, что таковой создает теперь в южной и средней Персии весьма крупные британские интересы, охранение коих может отразиться на всей политической обстановке, основанной на англо-русском соглашении. Мой собеседник выразил, кроме того, некоторое смущение по поводу дружного выступления русской печати против якобы честолюбивых замыслов англичан в Персии, причем сознался, что столь энергичная критика английской политики с нашей стороны является для него совершенной неожиданностью.

Ввиду участия, принятого сэром В. Тоунлеем в нашем споре с шахским правительством, я не счел возможным скрыть от него содержание проектированного ответа, объяснив, почему предпочитаю задержать передачу такового после коронации. Хотя английский посланник согласился с основательностью некоторых наших притязаний, однако продолжал указывать на нарушение нами суверенитета Персии и на необходимость для него защищать таковой в согласии с полученными инструкциями. Выражая надежду, что нам удастся договориться с персами на приемлемых для обеих сторон основаниях, сэр В. Тоунлей предложил свое содействие для достижения соглашения. Вообще в критике его наших действий на этот раз звучало гораздо меньше уверенности и агрессивности. Он счел даже нужным оправдываться в приписанной ему роли руководителя поднятой против нас агитации, заверяя, что не принимал участия в сочинении персидского меморандума, и что ему было бы весьма неприятно, если бы я сообщил такую клевету в Петербург. Я, конечно, ответил, что ничего подобного не думал и не доносил. Из дальнейшего обмена мыслей я вынес впечатление, что великобританское правительство как будто бы разочаровалось в регенте; по крайней мере, на мой вопрос о подарке Наср-оль-Мольку сэр В. Тоунлей возразил, что не видит

оснований оказывать названному лицу особых знаков внимания. По его мнению, регент ничего ни для кого не сделал, а лишь путал и интриговал и создал полнейший хаос. Не могу не присоединиться к этой довольно циничной оценке, ибо считаю, что и нам регент не принес пользы, ибо при всей своей конституционной объективности и внешней доброжелательности систематически вмешивался во все русско-персидские спорные вопросы и, как теперь выяснилось, был главным противником уступок и компромиссов с Россией.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 240. Консул в Астрабаде в III политический отдел министерства иностранных дел.

/. Телеграмма № 42. 15/2 июля 1914 г.

Телеграмма № 1382 [1] получена.

Затрудняюсь определить даже приблизительно срок окончания этих работ и не столько вследствие большой площади земель, сколько трудности выяснить их владельцев и добиться их согласия на продажу или аренду, ибо персидское правительство делает крайние усилия с целью помешать переходу земель в наши руки.

Иванов.

№ 241. Журнал междуведомственного совещания 15/2 июля 1914 г. по вопросу об открытии в Монголии русского кредитного установления [2].

Председатель—директор особенной канцелярии по кредитной части действительный статский советник Никифоров.

В совещании присутствовали:

представитель от государственного контроля—генерал-контролер департамента кредитной отчетности действительный статский советник Ачкасов;

представитель от министерства юстиции—статский советник Веселаго;

представитель от министерства торговли и промышленности—статский советник Верховский;

представитель от министерства иностранных дел—коллежский советник Абрикосов;

---

[1] См. № 187.

[2] Заголовок подлинника.

представитель от министерства финансов—вице-директор кредитной канцелярии действительный статский советник фон Мебес;

делопроизводителем совещания был помощник столоначальника кредитной канцелярии титулярный советник Сувчинский.

Совет министров в заседании [29] 16 июня 1914 г., рассмотрев представление министра финансов об открытии банковского учреждения в Монголии, признал необходимым для дополнительного соображения настоящего дела образовать при министерстве финансов междуведомственное совещание из представителей заинтересованных ведомств с тем, чтобы заключения означенного совещания внесены были на уважение совета министров.

Из переговоров, которые велись министерством финансов с частными банками по вопросу об открытии в Монголии русского кредитного установления, выяснилось, что русские банки соглашаются распространить свою деятельность на Монголию лишь при условии некоторого финансового содействия и гарантии со стороны русского правительства от убытков, но лишь в случае политических осложнений. Из поступивших по этому делу предложений Русско-азиатского и Сибирского торгового банков министерство финансов полагало бы дать предпочтение последнему, как требующему меньших затрат со стороны государственного казначейства.

Предложения названных банков сводятся к следующему:

Русско-азиатский банк предполагает учредить в Монголии на основании выданной монгольским правительством действительному статскому советнику Юферову концессии самостоятельный банк, производящий как обычные банковские операции, так и те, которые относятся к функциям эмиссионных банков, регулирующих денежное обращение. Сибирский же банк первоначально имел в виду открыть в Урге и в некоторых других городах Монголии свои отделения, каковые отделения, подобно тому, как это предоставлено отделениям Русско-азиатского банка, могли бы производить также эмиссионную и некоторые другие операции, не разрешаемые Сибирскому банку в России, но необходимые для развития его деятельности в Монголии. В настоящее время Сибирский банк изъявил согласие, на тех же условиях, и на открытие в Монголии также самостоятельного банка.

Таким образом русское кредитное установление могло бы быть организовано или в виде самостоятельного банка или же как одно или несколько отделений действующего в империи русского банка. Представляясь различными по форме, обе эти конструкции по свойству своих операций мало бы отличались друг от друга,

ибо как самостоятельное банковое учреждение, так и отделение банка может производить, помимо строго банковских операций, также и эмиссию банкнот, чеканку монеты, финансирование предприятий и прочее.

Тем не менее, по мнению совещания, вопрос о форме организации учреждаемого банка является в данном случае особенно существенным, так как политическая сторона в деле образования в Монголии кредитного установления имеет весьма большое значение.

По всестороннем обсуждении сего вопроса совещание пришло к выводу, что для Монголии необходимо учредить особый банк, так как только самостоятельное кредитное учреждение явится тем Монгольским национальным банком, который хотели создать монголы, выдавая концессию Юферову, независимо от их соглашения с русским правительством, по которому нашим банкам открыта была деятельность в Монголии. Отделение какого-либо русского банка не могло бы взять на себя эмиссионную деятельность монгольского правительства и организацию денежного обращения страны. Банковые билеты такого отделения будут иметь характер частных банкнот, а не законного платежного средства для страны. Между тем регулирование денежного обращения в Монголии является и для нас крайне существенным, ввидах облегчения торговых сношений между Россией и Монголией. Таким образом деятельность отделения явится более узкой и не даст ему возможности выполнить и некоторые другие функции политического характера, которые банку, по всей вероятности, будут предстоять.

Далее при организации банка в форме отделения есть основание опасаться, что монголы сочтут это за невыполнение выданной ими Юферову концессии, в чем формально они были бы правы. В результате может последовать отказ монгольского правительства от принятых им на себя по концессии обязательств и открытие в Монголии, при содействии иностранных капиталистов, самостоятельного эмиссионного банка, но уже без нашего участия.

Создание в Монголии русского кредитного установления в виде отделения банка нежелательно также и потому, что затруднит контроль над ним со стороны русского правительства. Отделение, не являясь самостоятельной организацией, будет в смысле счетоводства сливаться с открывшим его банком. Наконец, и с точки зрения распространения операций и достижения своих интересов самостоятельный банк, официально признаваемый национальным, был бы гораздо более могущественным, чем отделение русского банка.

Признав по вышеизложенным соображениям, как политическим,

так и в смысле торгово-промышленных интересов, нежелательным открытие в Монголии отделения одного из русских банков, собрание перешло к рассмотрению составленного кредитной канцелярией по соглашению с Сибирским банком проекта положения о самостоятельном Монгольском банке.

Указанное положение имеет в виду определить организацию и задачи учреждаемого банка, а также установить его обязательства по отношению к русскому и монгольскому правительствам.

При постатейном обсуждении проекта положения совещание сделало в нем некоторые редакционные исправления. По существу совещание остановилось лишь на перечне операций, предоставленных банку. Ввиду особенности экономической жизни Монголии операции эти признано необходимым очертить возможно широко, не ограничиваясь чисто банковыми. В числе таковых введена, например, крайне необходимая для торговли транспортная операция с выдачею варрантов. В проекте предусматривалось при этом и право банка страховать товары, принятые им для транспортирования и хранения. Совещание нашло однако необходимым исключить эту последнюю операцию из положения. Мотивы такого решения заключаются в том, что банк первоначально будет располагать слишком ограниченными средствами, дабы создать особый страховой фонд, достаточный для правильной постановки этого дела. Без существования же такого фонда операции по страхованию товаров могут при неблагоприятных обстоятельствах нежелательным образом отразиться на деятельности банка, не гарантируя в то же время, в сущности, и владельцев товаров. Не настаивая на особом мнении, представитель министерства торговли и промышленности выразил лишь пожелание о том, чтобы по финансовом укреплении банка, помянутая операция, крайне необходимая в интересах русской торговли в Монголии, была бы введена в положение.

Остальные статьи проекта положения по существу не вызвали разногласия.

Редакция проекта положения установлена нижеследующая:

1) На основании данной монгольским правительством [16] 3 октября 1912 г. концессии действительному статскому советнику Юферову, дополненной в декабре 1913 г., учреждается „Монгольский национальный банк“.

Правление банка находится в г. С.-Петербурге, а управление— в г. Урге, отделения же банком открываются в Монголии по мере надобности.

2) Первоначальный акционерный складочный капитал банка

определяется в 1 000 000 р., из коего 200 000 р. акциями уплачиваются за переданную концессию. Остальная часть капитала распределяется между учредителями банка. . . . .

. . . .

Впоследствии капитал банка может быть увеличиваем с согласия министра финансов и на утвержденных им основаниях.

Банк может открыть свои действия не прежде как по внесении 500 000 р. первоначального капитала, не считая стоимости концессии, и не позже шести месяцев со дня высочайшего утверждения настоящего положения.

3) Акции складочного капитала должны быть именные и могут быть отчуждаемы лишь с разрешения министра финансов.

4) Монгольскому национальному банку предоставляется исключительное право чеканки монгольской монеты и выпуска банковых билетов. Образцы означенных денежных знаков устанавливаются монгольским правительством, которое при этом должно издать указ о приеме этих билетов и монет во все платежи монгольской казны.

Банковые билеты выпускаются на сумму, не превышающую размера основного и запасного капиталов банка. Билеты должны быть на предъявителя, и платеж по ним производится при предъявлении таковых в кассах или его отделениях.

Банк должен всегда в кассах своих держать в запасе наличностью не менее $^1/_3$ части суммы находящихся в обращении билетов.

5) Банк, применяясь к местным условиям, производит следующие операции: учет и переучет векселей и других обязательств, выдачу ссуд и открытие кредитов под движимые и недвижимые имущества, прием вкладов срочных и бессрочных, покупку и продажу за свой счет и по поручению товаров, драгоценных металлов и всякого рода ценных бумаг, приобретение концессий и финансирование торговых и промышленных предприятий и прочие кредитные операции. Кроме того, банк имеет право транспортировать товары и устраивать склады с выдачею варрантов. Банку дозволяется арендовать и приобретать для своих надобностей недвижимые имущества.

В случае кредитования банком монгольской казны проценты по ссудам могут быть взимаемы не свыше 6% годовых.

6) Управление банка устанавливается по правилам акционерных предприятий и в частности согласно уставу Сибирского банка.

В случае каких-либо недоразумений, которые могут возникнуть при применении настоящего устава, разрешение оных предо-

ставляется министру финансов, причем для руководства служит также выданная монгольским правительством концессия.

Для наблюдения за деятельностью банка во всем объеме министр финансов имеет право назначить своего уполномоченного, действующего на основании особой инструкции, утверждаемой министром финансов.

При банке в г. Урге состоят два чиновника монгольского правительства для совещания по всем делам банка.

7) Из чистой годовой прибыли, выведенной за исключением всех расходов и убытков, отчисляется 10% в запасный капитал, 15% в пользу монгольского правительства, а остальная сумма распределяется в дивиденд между всеми акционерами.

8) Отчеты и ежемесячные балансы банка представляются в министерство финансов (по особенной канцелярии по кредитной части).

9) Банк, с согласия министра финансов, во всякое время может отказаться от концессии и ликвидировать свои дела.

По прошествии 50 лет со дня открытия действий банка монгольское правительство имеет право выкупить банк и все его имущество. Если по истечении указанного срока такового выкупа сделано не будет, то по прошествии 80 лет имущество банка переходит безвозмездно в пользу монгольского правительства.

10) Монгольское правительство берет банк под свое покровительство и по просьбе банка принимает меры для ограждения его от всяких ущербов, а также и для взыскания в подлежащих случаях следуемых банку платежей. Кроме того, отделения банка состоят под покровительством представителей русского правительства.

Д. Никифоров. В. фон Мебес. Н. Верховский.
И. Ачкасов. И. Веселаго. Д. Абрикосов.

№ 242. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [1].

Urgente.
16/3 июля 1914 г.

His Majesty's Government are informed by the Italian Ambassador in London, that the Italian and Austrian delegates on the International Commission of Control in Albania will propose to their colleagues, that each delegate should send a representative to Epirus to report on what

[1] На подлиннике имеется помета старшего секретаря II политического отдела Бюцова: „Итальянский посол говорил мне об этом [16] 3 июля. Я ответил, что в отсутствие министра не решаюсь высказаться“.

is passing [1]. The Italian Ambassador requested that the British delegate should be instructed to support this proposal.

It would seem from the reports, which have reached His Majesty's Government, that a deplorable condition of affairs exists in Epirus and that excesses are being committed there.

His Majesty's Ambassador has the honour to inform the Imperial Minister for Foreign Affairs that Sir E. Grey would be glad to learn His Excellency's views on the subject before replying to the Italian Ambassador's proposal.

Перевод.

Срочно.

Правительство его величества осведомлено итальянским послом в Лондоне, что итальянский и австрийский делегаты международной контрольной комиссии в Албании намерены предложить своим коллегам, чтобы каждый делегат послал представителя в Эпир для доклада о том, что там происходит. Итальянский посол просил, чтобы британскому делегату было предписано поддержать это предложение.

Из донесений, полученных правительством его величества, можно усмотреть, что в Эпире создалось прискорбное положение вещей и что там были совершены эксцессы.

Посол его величества имеет честь сообщить императорскому министру иностранных дел, что сэр Э. Грей был бы рад узнать взгляды его превосходительства по этому поводу, прежде чем ответить на предложение итальянского посла.

№ 243. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1426. 16/3 июля 1914 г.

Телеграмма за № 188 [2] получена.

По получении от Бьюкенена памятной записки о керманшахских делах мы немедленно поручили посланнику в Тегеране и управляющему консульством в Керманшахе оказать полное содействие их британским коллегам и присоединиться к выступлениям последних перед персидскими властями [3].

Сазонов.

---

[1] Еще ранее пам. запиской от 25/12 июня англ. посольство в Петербурге уведомило Сазонова о предложении Италии направить в Эпир для наблюдения за выполнением корфиотского соглашения от 18/5 мая 1914 г. делегатов контрольной комиссии, в сопровождении эскорта по 10 чел. от каждой державы, и высказывало опасения о возможности столкновения между эпиротами и указанным эскортом. В ответ на это Сазонов пам. запиской от 2 июля/19 июня сообщил, что он разделяет опасения англ. прав-ва и считает абсолютно необходимым избежать вооруженного вмешательства держав.

[2] См. № 215.

[3] См. № 228.

№ 244. Товарищ министра иностранных дел послу в Вене Шебеко.

Телеграмма № 1430. 16/3 июля 1914 г.

Здешний сербский посланник, бывший у меня за отсутствием до субботы министра, указывает, что „Corrbureau" постоянно воспроизводит враждебные Австрии статьи мелких сербских газет, как-то: „Вечерние новости", „Малый журнал" и подобных безответственных органов, не могущих считаться выразителями мнений всей сербской печати, которая, как и правительство, старается избегать всего, что может раздражать Австрию.

Не найдете ли полезным дружески обратить внимание министра иностранных дел на вред этой системы, могущей лишь обострить и без того натянутые отношения?

Арцимович.

№ 245. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

16/3 июля 1914 г.

На вечере у графини Клейнмихель итальянский посол спросил барона Шиллинга, как отнесется Россия к выступлению Австрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против

[1] Во введении к переводу так наз. „Поденной записи" м-ва ин. дел (см. „Красный архив", т. IV, 1925 г.), появившемуся с предисловием Сазонова в Лондоне в 1925 г. под заглавием „How the war began", составитель этой записи Шиллинг дает следующие сведения относительно ее происхождения. По его словам, он стремился за время своей дипломатической деятельности записывать „подчас ничтожные, но не лишенные известной доли интереса" обстоятельства, связанные с беседами с иностранными представителями и не нашедшие отражения в официальной переписке. Он вел эти записи с бо̀льшей последовательностью за те годы, когда он занимал пост директора канцелярии м-ва ин. дел, причем не только записывал то, чему был сам свидетелем, но благодаря своей близости с Сазоновым был в курсе всего того, в чем принимал участие м-р, сообщавший ему о своих разговорах с царем, послами и коллегами, пока эти разговоры еще были свежи в его памяти. По словам Шиллинга, записи велись по большей части им самим или же диктовались им секретарю канцелярии Слепцову, который их переписывал на отдельных листах. Констатируя, что в „Красном архиве" появилась лишь „небольшая часть" сильно возросших с июля 1914 по июль 1916 г. записей, Шиллинг допускает, что ввиду того, что листы не были сшиты, часть их не уцелела. Это подтверждается, — пишет он, — тем, что среди появившихся в „Красном архиве" записей отсутствуют некоторые за время июльских дней 1914 г., о существовании которых он ясно помнит. Что же касается опубликованных в „Красном архиве" наряду с записью перечней телеграмм, то они, по свидетельству Шиллинга, не имеют никакого отношения к записи, а, насколько он помнит, составлялись одновременно с нею в канцелярии также на отдельных листах и преследовали самостоятельную цель.

Сербии. Барон Шиллинг, не колеблясь, ответил, что Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целость и независимость Сербии. Маркиз Карлотти заметил, что если действительно таково твердое решение России, было бы полезно об этом недвусмысленно заявить в Вене, так как, по его впечатлению, Австрия способна сделать в отношении Сербии непоправимый шаг в расчете на то, что Россия, хотя и будет возражать на словах, все же не решится силою оградить Сербию от посягательств Австро-Венгрии. Между тем, если бы в Вене отдали себе отчет в неизбежности столкновения с Россией, там, по всем вероятиям, призадумались бы над последствиями слишком решительной противосербской политики.

Барон Шиллинг сказал послу, что может самым решительным образом подтвердить ему только-что им сказанное о твердом намерении России не допустить ослабления или унижения Сербии, а потому, если настроение в Вене действительно таково, каким посол его только-что описал, то барону Шиллингу кажется, что было бы долгом прежде всего союзниц Австро-Венгрии предупредить ее об опасности, к которой ведет ее политика ввиду несомненной решимости России встать на защиту Сербии.

Посол обещал телеграфировать в этом смысле в Рим и попросить итальянское правительство обратить на вышесказанное внимание венского кабинета, но заметил, что, по его мнению, в Вене произвело бы бо́льшее впечатление подобное заявление со стороны самой России, нежели со стороны союзной Италии.

Барон Шиллинг сказал послу, что, напротив того, если с таким заявлением в Вене выступит Россия, это может быть сочтено за ультиматум и обострить положение, тогда как настойчивый совет, преподанный Италией и Германией, т. е. союзницами, был бы, конечно, более приемлем для Австро-Венгрии.

№ 246. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 16/3 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях мне случилось слышать совершенно случайно в финансовых кругах мнение, что если бы даже банк Перье подписал контракт с болгарским правительством относительно займа, то сего последнего банку не удалось бы реализовать; я поспешил проверить это мнение в разговоре с политическим вице-директором

г. Гу, который, наоборот, с уверенностью высказал убеждение, что господа Перье, без сомнения, могли бы с успехом довести до конца предпринятое ими дело, тем более, что, когда дело дойдет до реализации займа, главные местные кредитные учреждения примут в оном участие, в особенности если на них в этом смысле окажут давление французское и русское правительства.

Успокоенный этим разговором, я не стал бы утруждать внимания вашего высокопревосходительства донесением о возникшем у меня сомнения, если бы не разговор, который я только-что имел с посетившим меня по случаю выезда в субботу в С.-Петербург известным вам директором Парижско-нидерландского банка г. Бенаком.

По поводу болгарского займа он высказал глубокое убеждение, что гг. Перье никогда не удастся такового реализовать; если им подобное дело удалось с турецким займом [1], то только благодаря тяжким условиям, на которые согласились тогда ввиду военного времени турки; г. Бенак уверяет, что при реализации займа гг. Перье сделали посредникам по размещению займа уступки до 35%, что было возможно только ввиду указанных исключительно тяжких для турок условий. Далее г. Бенак в подкрепление своей точки зрения сослался на оставшиеся в Париже неразмещенными части турецкого, сербского, греческого займов [2].

Я лично скорее склонен разделять мнение г. Гу относительно вероятности, при случае, участия крупных кредитных учреждений. Тем не менее ввиду авторитета г. Бенака, а главное, ввиду секретной телеграммы вашей за № 1392 [3] посланнику в Софии, разрешающей ему заявить болгарам, что, „порвав с Берлином, Болгария не останется без займа“ (секретная телеграмма из Софии за № 127 [4]),—я не счел возможным не донести о вышеизложенном.

Относительно вчерашнего заседания скупщины [5] г. Бенак выразил убеждение, что вряд ли немецкие банки согласятся на заключение займа при подобных условиях, подтверждая таким образом мнение, изложенное в секретной телеграмме посланника в Софии за № 133 [6].

Примите и пр. М. Севастопуло.

---

[1] Имеется в виду турецкий заем в 300 млн. фр., выпущенный банком Перье на парижском рынке в декабре 1913 г.

[2] См. стр. 40, прим. 2.

[3] См. № 194.

[4] См. № 134.

[5] Так в подлиннике.

[6] См. № 237.

№ 247. Посол в Вене министру иностранных дел.

ᐟ/. Телеграмма № 88. 16/3 июля 1914 г.

(По) дошедшим до меня (сведениям) австро-венгерское правительство намерено по окончании следствия выступить в Белграде с известными требованиями, связав вопрос сараевского покушения с пансербской агитацией в пределах империи. Оно рассчитывает при этом на невмешательство России и на сочувственное отношение к такому шагу своих южно-славянских элементов [1]. Мне казалось бы желательным, чтобы венский кабинет был осведомлен в настоящую минуту перед принятием окончательного решения по сему вопросу, как отнесется Россия к факту предъявления им Сербии неприемлемых для достоинства этого государства требований. Австро-венгерский посол вы(ехал) вчера вечером в Петербург.

Шебеко.

По моему никаких требований одно государство предъявлять не должно другому, если, конечно, оно не решилось на войну.

Петергоф, [19] 6 июля 1914 г.

№ 248. Посол в Вене министру иностранных дел.

ᐟ/. Депеша № 44. 16/3 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь представить при сем на благовоззрение вашего высокопревосходительства весьма обстоятельный рапорт второго секретаря вверенного мне посольства коллежского советника князя Гагарина, ездившего [6 июля] 23 июня, по моему приказанию, на два дня в Сараево.

Примите и пр.

Шебеко.

Приложение.

Рапорт второго секретаря посольства в Вене Гагарина.

Сараево, 8 июля/25 июня 1914 г.

Во исполнение возложенного на меня вашим высокопревосходительством поручения, имею честь донести:

Здесь, на месте, еще более проникаешься отвращением к ужас-

---

1 Сведения Шебеко в общих чертах совпадают со сведениями, сообщенными Бунзеном Грею тел. от 16/3 июля за № 85 (B. D., v. XI, № 50).

ному преступлению, прекратившему жизнь эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги герцогини Софии Гогенберг в памятное отныне для австро-венгерской монархии воскресенье 28/15 июня сего года.

Гнусный злодей оказался боснийским сербом, 20-летним учеником восьмого класса сараевской гимназии. Фамилия его—Принцип. Другой анархист—Чабринович,—тоже серб, боснийский уроженец. Он однако не успел в своем преступном замысле. Брошенной им бомбой ранен был адъютант начальника края и генерал-инспектора подполковник Мерицци, находящийся ныне на пути к полному выздоровлению.

Говорят, были еще анархисты сербы, уроженцы Боснии [1], которые благополучно успели скрыться после того, как их единомышленник совершил свое подлое деяние. Рассказывают, что на дне р. Мильяки нашли шесть бомб. Особенной веры этим рассказам придавать нельзя. Теперь и власти и общество, все стараются себя успокоить тем, что заговор был огромный, что преступников была масса, что не один, так другой должен был совершить злодеяние и что эрцгерцог не мог избежать своей участи. Нити заговора нужно де искать в Белграде. Характерно, что слухи эти появились теперь, после преступления. Отчего же никто не предвидел возможности такового? Вот что говорит по поводу сараевского злодеяния официальное сообщение, появившееся во всех газетах на следующий день, в понедельник 29/16 июня:

„Ее высочество герцогиня Гогенберг в день своего прибытия 25/12 июня в главную квартиру эрцгерцога Франца-Фердинанда, находившуюся в Илидзе, расположенном в 11 *км* от Сараева, предприняла непредусмотренную программой пребывания поездку в автомобиле в город Сараево, каковой поездкой ее высочество осталась весьма довольной. 26/13 и 27/14 ее высочество посетила различные учреждения в Сараеве. Эти поездки были также очень удачны.

Утром 28/15 июня его императорское и королевское высочество эрцгерцог Франц-Фердинанд вместе с супругой прибыли в Сараево на автомобиле для осмотра города. После завтрака в конаке (резиденция начальника края и генерал-инспектора в Сараеве) их высочества должны были вернуться по железной дороге в Илидзе. По городу наследник престола с супругой следовали в автомо-

---

[1] Имена остальных обвиняемых в сараевском покушении Илич, Грабеш, Мехмед-Башич и Чубрилович.

биле. Впереди ехал автомобиль с бургомистром и правительственным комиссаром. Его императорское и королевское высочество сидел слева от своей супруги. Напротив их высочеств на подъемном сиденьи боком сидел начальник края и генерал-инспектор генерал-лейтенант Потиорек. Владелец автомобиля, член добровольческой автомобильной дружины, действительный тайный советник граф Гаррах, находился рядом с шофером. Город был разукрашен флагами, тротуары полны народом, радостно приветствовавшим наследника престола и его супругу. В начале скорость хода автомобиля была сравнительно быстрой, так как, несмотря на принятые всевозможные меры предосторожности, все же считались с возможностью покушения. Через некоторое время его императорское и королевское высочество отдал определенное приказание ехать очень тихо, чтобы лучше все видеть. Вскоре за этим на набережной р. Мильяки Аппелькай был брошен в автомобиль с правой стороны какой-то предмет, который пролетел за спиной ее высочества. Непосредственно вслед за этим на том же месте была брошена в автомобиль бомба, которая упала на землю сзади него и после короткой паузы взорвалась. Из сидевших в автомобиле никто не был ранен, и автомобиль продолжал путь, тем более, что передний автомобиль не останавливался, значит, впереди были того мнения, что ничего не произошло. Однако следовавший за автомобилем эрцгерцога мотор вскоре за тем остановился. Тогда остановился и автомобиль с высочайшими особами. Оказалось, что владелец остановившегося автомобиля, доброволец автомобильной дружины граф Боос-Вальдек, и ехавший с ним адъютант начальника края подполк. Мерицци легко ранены, а самый автомобиль сильно поврежден. Кузов автомобиля, в котором находился эрцгерцог, был также испещрен многочисленными дырочками. После этой остановки, вынужденной покушением, тронулись дальше к ратуше. После осмотра последней, эрцгерцог заявил, что он непременно желает ехать в военный госпиталь навестить подполк. Мерицци, несмотря на то, что по телефону уже было дано знать, что ранение подполковника совсем незначительное. Его императорскому и королевскому высочеству отсоветовали ехать, но пришлось исполнить его желание. Решено было взять снова на набережной Аппелькай, а не по предусмотренному программой пребывания направлению, т. е. по улице Франца-Иосифа, потому что думали, что неожиданная перемена пути будет безусловно безопаснее. Толпа шумно выражала свой восторг, радуясь спасению эрцгерцога. Граф Гаррах более не садился рядом с шофером, а стоял на доске автомобиля с левой стороны, прикры-

вая своей фигурой его императорское и королевское высочество. При скрещении с улицей Франца-Иосифа заметили, что следовавший впереди автомобиль бургомистра, вопреки принятому еще в ратуше решению эрцгерцога, завернул в названную улицу. Находившийся в автомобиле с их высочествами начальник края крикнул шоферу графа Боос-Вальдека не делать того же, но следовать далее по набережной. В это время автомобиль с высочайшими особами медленно проезжал почти вплотную мимо правого тротуара, густо заполненного зрителями. Вдруг справа раздались два выстрела. Автомобил остановился. Сперва думали, что ничего не случилось, ибо как его императорское и королевское высочество, так и ее высочество продолжали спокойно сидеть. Так как начальник края генерал Потиорек при этих обстоятельствах ни за что не хотел ехать дальше, через город, то он приказал шоферу дать задний ход, чтобы переехать через Латинский мост и ехать на ту сторону реки в конак. При переезде задним ходом через мост ее высочество наклонилась к его императорскому и королевскому высочеству и к правой руке генерала Потиорека. Последний принял это за обморок, как следствие нервного потрясения, потому что ранее того он слышал, как эрцгерцог и герцогиня обменялись вполголоса несколькими словами, которых никто не понял. Только после того как начальник края указал шоферу, не знакомому с местностью, дорогу в конак после Латинского моста, он обернулся к его императорскому и королевскому высочеству и заметил, что из открытого рта у эрцгерцога идет кровь, но сам он все еще сидел прямо и спокойно. Когда подъехали к конаку, ее высочество была без сознания. Когда ее подняли и понесли, эрцгерцог упал с сиденья на пол автомобиля. Медицинская помощь была уже тут. Его императорское и королевское высочество и ее высочество отнесли в аппартаменты начальника края. Оба были без сознания, и, несмотря на усилия врачей, они более в себя не приходили. У эрцгерцога была прострелена сонная артерия и приблизительно чрез четверть часа после ранения наступила смерть. Несколько минут спустя скончалась и герцогиня Гогенберг. У ее высочества пуля пробила нижнюю часть живота.

Оба преступника были тотчас же схвачены и едва не подверглись самосуду разъяренной толпы. Кроме того, были немедленно арестованы несколько лиц по подозрению в соучастии. Оба преступника—боснийские уроженцы, сербы, вероисповедания православного. Первый из них, бросивший бомбу, заявил, что он не-

давно был в Белграде и там получил бомбы для покушения на жизнь эрцгерцога Франц-Фердинанда. Второй, к сожалению, успевший в своем преступном замысле, также долгое время провел в Белграде. Три месяца тому назад он приехал оттуда и поселился в одной деревне недалеко от Сараева. С тех пор он решился убить из своего револьвера какое бы то ни было очень высокопоставленное лицо, дабы отомстить за угнетение сербской нации. Поездку эрцгерцога он нашел самым удобным моментом для своей цели. Поэтому он стал на углу Аппелькай и Франц-Иозефштрассе, так как он знал, что наследник престола два раза проедет мимо этого места. Чтобы избежать подозрений, он поместился между двумя знакомыми ему студентами, про которых он знал, что они вне всякого подозрения. Ему ничего не было известно про первого преступника с бомбой и, услыхав взрыв, он от удивления даже не выстрелил тогда, когда эрцгерцог проехал мимо него в первый раз, т. е. после первого покушения на жизнь его императорского и королевского высочества.

В правящих кругах господствует убеждение, что подобные покушения боснийских уроженцев не были бы возможны, если бы не агитация извне, которая развращающим образом влияет на учащуюся молодежь и социалистов сербско-православной веры“.

Из приведенного почти дословного перевода официального сообщения явствует, между прочим, что, несмотря на принятые всевозможные меры предосторожности, все же считались с возможностью покушения.

Насколько мне удалось узнать здесь на месте, меры были приняты обыкновенные, и никаких таких всевозможных мер принято не было. Власти показали непростительную халатность. В самом деле в стране с полувоенным управлением, с огромным количеством жандармов по селам и со всякого рода полицией, наконец, в такой местности, где только-что закончились серьезные маневры войск, на которые не были приглашены иностранные военные агенты,—не уследить за подозрительными, с точки зрения австрийских властей, личностями, ездящими в Сербию, приезжающими обратно и проживающими в селах вблизи столицы края, действительно непростительно.

Разве нельзя было, зная о приезде наследника престола, распорядиться о бдительном надзоре за лицами, внушающими подозрение?

Неужели местные власти забыли покушение на генерала Верещанина, произведенное сербом из Кроации Богданом Серазкичем

15/2 июня 1910 г., т. е. две недели после посещения Сараева самим императором. Полицейское дознание установило, что преступление задумано было против особы императора Франца-Иосифа, и лишь ввиду невозможности осуществить этот адский план преступник покусился на жизнь тогдашнего начальника края. Генерал Верещанин остался невредим, а преступник тут же покончил с собой.

Как я осведомился, генерал-лейтенант Потиорек и областное правительство были почти уверены в полной безопасности и полагались на лояльность населения. Они надеялись представить Боснию наследнику престола в блестящем, праздничном виде в воскресный день.

Неужели никто не подумал, что это за день 15 июня старого стиля (годовщина знаменитой Коссовской битвы) для сербского национального чувства; что может найтись изувер, способный поднять руку на наследника габсбургской короны, к которой так недавно присоединена Босния-Герцеговина, имеющая так много ненадежного для австрийской государственности сербского православного элемента, который никогда не примирится с аннексией, и интеллигенция коего способна порождать таких фанатиков, как Чабринович и Принцип.

Присоединение Боснии и Герцеговины к габсбургской короне в 1908 г. (манифест императора Франца-Иосифа от 5 октября нового стиля, коим он распространил свои суверенные права на названные области) с внешней стороны мало изменило положение босно-герцеговинского края по отношению к Двуединой монархии. Попрежнему страна эта осталась, как и была со времени оккупации 1878 г., в заведывании общеимперского министерства финансов, а жители ее, выйдя из турецкого подданства, не сделались ни австрийскими, ни венгерскими подданными и именуются ныне боснийскими уроженцами. Население Боснии и Герцеговины исчисляется в следующих цифрах: православных сербов 824 тыс., кроатов-католиков—434 тыс., мусульман—612 тыс., немцев-протестантов—6 тыс. и евреев—12 тыс. Последние разделяются на испанских и немецких.

Из босняков кроаты желали войти в семью австрийских народов и неоднократно ходатайствовали о присоединении. Кроаты, или хорваты,—это те же сербы, но католики и пользуются латинским алфавитом. Православные же сербы были, разумеется, всегда против присоединения. Остальные босняки-мусульмане (в сущности тоже сербы, но обращенные в магометанство еще в первые вре-

мена турецкого владычества и говорящие на сербском языке) ничем особенным не проявили своего недовольства. Статья 3-я австро-турецкого соглашения 26/13 февраля 1909[1] установила, что уроженцы Боснии и Герцеговины, пребывающие или переселяющиеся в Турцию, сохранят оттоманское подданство, а статья 4-я того же соглашения определила, что имя султана, как калифа, будет попрежнему поминаться в мечетях, и гарантировала свободное отправление магометанского богослужения в Боснии-Герцеговине. Мусульмане, как и везде, уживаются со всяким режимом, теоретически почитают падишаха, а практически становятся верными подданными фактического государя. Если же им не нравится иноверная власть, то они понемногу уходят туда, где властвует падишах.

С внутренней же стороны произошла одна крупная перемена, а именно даровано было конституционное управление со всеми проистекающими отсюда благами. Восемнадцать месяцев после аннексии учреждено было народное представительство (сабор в Сараеве), избранное на основании всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов.

Этим либеральным актом венский кабинет старался объяснить пред лицом Европы самый факт присоединения. Не мог он лишать босняков пресловутых свобод в то время, как падишах возобновил отмененную в 1876 г. оттоманскую конституцию.

С момента аннексии общеимперские министры финансов, сперва Бурман, а затем Билинский, повели по отношению к православным сербам совершенно иную политику.

Было принято во внимание, что это самый многочисленный, культурный и зажиточный элемент, с которым нужно считаться и который лучше всего было бы привлечь на свою сторону. Стали итти навстречу их пожеланиям, давать места в управлении и т. д. В саборе составилась лояльная партия, предводимая Димовичем и являющаяся до некоторой степени противовесом оппозиционной партии другого сербского деятеля Григория Евтановича. В настоящее время Димович—вице-президент босно-герцеговинского сабора, т. е. удостоился доверия императора, так как во всех представительных учреждениях габсбургской империи президиумы оных назначаются высочайшей властью. В самом областном правительстве важное место секционсшефа занимает православный серб Чурнич.

[1] Австро-турецкий протокол от 26/13 февраля 1909 г. ликвидировал конфликт, возникший вследствие протеста Турции против аннексии Боснии и Герцеговины.

Конечно, нечего и говорить, что сербская православная община пользуется полной автономией.

Такою политикою думают примирить сербов с аннексией и сделать их довольными своею судьбою. Однако боснийская сербская интеллигенция с каждым годом растет, национальное самосознание тоже, а теперь, после побед над турками и болгарами, это чувство так возросло, что никакие уступки австрийской власти не смутят большинства интеллигенции и не заставят ее отказаться от великой сербской идеи.

Хотя, может быть, и недурно живется под чужой ферулой, но сербские патриоты предпочтут жить даже хуже, но зато под своей родной властью. Благоразумные прячут эти пока еще несбыточные мечты и живут настоящим. Сербы вообще бережливы и имеют способность к торговым делам.

Особенного угнетения их со стороны австрийцев ни во время оккупации, ни после аннексии не было. Наоборот, с момента последней, как сказано выше, к ним стали относиться даже благосклонно. На них полагались больше, чем на мусульман. (О кроатах говорить не приходится,—они пользуются с давних пор большим доверием австрийского правительства.)

Такой анархист, как Принцип, оказал своим единоплеменникам медвежью услугу. Это сознают прежде всего сами сербы.

На другой же день после содеянного им гнусного преступления в Сараеве, Мостаре, Травнике и других городах Боснии и Герцеговины произошли антисербские демонстрации, устроенные кроатами и мусульманами и сопровождавшиеся битьем стекол, избиением попадавшихся под руку сербов, уничтожением товаров у торговцев-сербов и порчей предметов домашней обстановки в тех случаях, когда громилам удавалось проникнуть в дом.

Наиболее пострадал имущественно богатый домовладелец в Сараеве председатель сербской православной общины и депутат-вирилист босно-герцеговинского сабора Григорий Евтанович, глава сербской оппозиции. Толпа разбила камнями стекла кофейни, находящейся в принадлежащей ему гостинице „Европа", на улице Франца-Иосифа, испортила мебель в его частной квартире, поломала хрусталь и посуду, изрубила в куски несколько элегантных экипажей его сына, любителя лошадей, и затем удалилась. Самого Евтановича не тронули. Арестован он также не был. Потерпела убытки фирма Шантич и Загорац, у которой разбито три магазина; разбили стекла у Векича и у многих других.

Совершено разорены многочисленные мелкие торговцы, у ко-

торых уничтожено все их наличное имущество, т. е. имевшийся к продаже товар.

В данное время все эти очутившиеся без куска хлеба люди получают пособие на прожитие от областного правительства.

Стоустая молва определяет убытки от погрома в одном Сараеве в 10 млн. крон.

Благоразумные и сведущие люди, с которыми мне пришлось говорить, уверяют, что эта цифра сильно преувеличена.

С утра понедельника 29/16 июня были расставлены войска в центральной части города. Особенной распорядительности полиции не замечалось.

Невольно задаешь себе вопрос, как это могли допустить погром невинных людей в таком городе, где на 50 тыс. жителей имеется гарнизон в 5 тыс. человек. Один солдат на десять обывателей, иначе говоря, громадная военная сила.

К тому же уличные безобразия никак не могли соответствовать тому печальному обстоятельству, что в конаке стояли гробы убиенных накануне эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги и что простое уважение к памяти погибших требовало соблюдения тишины и спокойствия.

Следовательно, властям надлежало немедленно принять меры к водворению порядка.

Говорят, что препятствовать жителям выражать свои верноподданнические чувства власти не могли. Военного положения еще не было. Мимо городовых демонстранты проходили с пением австрийского гимна, иные группы несли портрет эрцгерцога, убранный черным флером, другие портрет самого императора. Уследить за всем трудно, всюду не поспеешь, все было так неожиданно, толпа же действует стремительно,—вот те довольно слабые аргументы, которые мне приводили в защиту растерянности, или даже некоторого попустительства власти.

Однако в одном отдаленном квартале три брата серба с револьверами в руках защищали вход в свой дом против буйной толпы мусульман и кроатов. Рев этой черни был услышан конным разъездом, который прискакал во-время. Завидев его, погромщики мигом разбежались.

Вечером было объявлено военное положение.

На другой день во вторник 30/17 июня рано утром население узнало об этом из объявлений начальника края и генерал-инспектора, расклеенных повсюду.

Все сразу стихло.

Нашего генерального консула статского советника Игельстрома в эти дни не было в городе [1]. Толпа, кричавшая перед его помещением „долой русского консула“, узнав об его отсутствии, сейчас же удалилась.

Генерал Потиорек, не спрашивая Вены, собственной властью объявил Сараево и сараевский уезд на военном положении.

Принятая им энергичная мера была на другой день одобрена в Вене, и военное положение распространено на всю Боснию-Герцеговину.

Что касается других городов этой области, то там беспорядки были гораздо слабее, ввиду малочисленности в оных кроатского элемента.

Причину всех этих бесчинств следует искать не столько в том возбуждении, которое вызвано было террористическим актом, сколько в той давнишней вражде, питаемой к сербам как кроатами, так и мусульманами.

Ненависть кроатов к сербам в Боснии никогда не затихала (как это наблюдалось в Венгрии), а теперь, ввиду того, что преступники оказались сербами, перешла всякие пределы (в Венгрии она вспыхнула ныне с новой силой).

Кроме того, я слышал такое мнение, что погром разразился случайно, как следствие патриотических демонстраций, устроенных редакциями субсидируемых хорватских и немецких газет, к каковым демонстрациям примкнули нежелательные уличные элементы и мусульманская чернь, обратившие мирное проявление верноподданнических чувств в безобразный погром и производство беспорядков.

Вражда между сербами и кроатами в Боснии особенно раздувалась воинствующей прессой обоих лагерей. Между прочим, вождю кроатов архиепископу Штадлеру приписывается крайний католический фанатизм и нежелание признавать единство сербокроатского народа. Его мечта—окатоличить все население Боснии-Герцеговины.

В данное время, кроме „Истины“ Димовича, все сербские издания приостановлены, журналисты высланы. Орган Димовича в передовой статье в номере от 7 июля/24 июня по поводу погрома говорит следующее: „Для сербов настали тяжелые дни. Вследствие преступления двух фанатичных, незрелых молодых людей, обвиняют весь народ. Отсталые люди, они не хотят видеть

---

[1] См. №№ 66 и 89.

того, что сербский народ делает успехи, они не желают допустить, чтобы единый народ трех исповеданий постепенно объединялся на почве знания и культуры, и потому пользуются великим и потрясающим бедствием, чтобы во имя лояльности осуждать весь сербский народ. В первый момент им удалось возбудить против сербов несдержанную и безответственную массу, чтобы таким путем проявить свою печаль и негодование. Но весь культурный мир уже осудил подобный способ выражения чувств. Сегодня краска стыда появляется на их лицах. И теперь, когда уже слишком поздно, когда уже почти вся хозяйственная жизнь сербов в Сараеве уничтожена, теперь высшие католические и мусульманские духовные власти требуют от своих единоверцев избегать всякого насилия над сербами, так как нельзя винить всех за вину одного. Хотя эти напоминания запоздали, все же они приятны, ибо означают раскаяние.

Вдохновители сербского погрома, которые хорошо известны, стыдятся своего деяния и опасаются за последствия. Они увидели, что уничтожить сербский народ нельзя. Их намерения не удались, и они покрыли себя позором".

Статья эта явилась откликом на воззвания архиепископа Штадлера к своим духовным чадам и рейс-улема к правоверным прекратить беспорядки. В ней слышится горький упрек по адресу этих лиц.

Следствие над анархистами—наборщиком Чабриновичем и гимназистом Принципом—ведется в строжайшей тайне.

Поэтому узнать что-либо о ходе оного и о времени его окончания не было никакой возможности. Известно только то, что Принцип в своем поступке не раскаивался, признал себя виновным и заявил, что он—анархист и всегда мечтал совершить террористический акт. Он однако не имел намерения убивать герцогиню Гогенберг.

Предполагать, что нити заговора ведут в Белград, трудно. Поездки преступников в Белград дают правительству повод думать, что заговор составился на сербской территории. Такая мысль как областному, так и центральному правительству наиболее подходит, ибо они могут тогда утверждать, что внутри страны все спокойно и никаких заговоров не было. Существует и другое мнение, согласно коему заговор, если он и был, то возник недавно и в самой Боснии.

Бомба, брошенная Чабриновичем, очевидно, самодельная. Это была простая бутылка, наполненная гвоздями и каким-то взрыв-

чатым веществом. Она произвела оглушительный взрыв, но особой силы разрушения не имела.

Если бы заговор действительно был составлен в Сербии, то его исполнители наверное получили бы оттуда известные своим разрушительным действием так называемые „македонские“ бомбы.

В 6 часов вечера после литии, отслуженной архиепископом Штадлером, в понедельник 29/16 июня останки усопших эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги были перевезены на вокзал и оттуда с экстренным поездом отправлены в Метковичпорт. Поезд тронулся при пении гимна и траурного орудийного салюта[1].

Дети мученически погибшей высокой четы князья Максимилиан и Эрнст Гогенберги и княжна София Гогенберг не сопровождали своих родителей в Боснию.

За мое кратковременное пребывание здесь я вынес впечатле́ние, что сведения[1] русских и венских газет были преувеличены. Впрочем, это неудивительно; в пути я слышал разговоры о том, что гостиница „Европа“ совершенно разгромлена. Однако мне лично пришлось убедиться, что это не так и что даже пострадавшая от погрома кофейня совсем исправлена.

Погром был, беспорядки тоже, но не в таких размерах, как об этом писали. Убитых не было вовсе. Один, не то серб, не то кроат, скончался потом в больнице от полученных им во время уличной драки побоев и поранений. Но это один только случай. Убытки, причиненные разгромом имущества, составят предмет занятий особых судебных комиссий, в которые будут приглашаемы для оценки эксперты от каждого ремесла.

Затем я имел случай убедиться в том, что консулы великих держав, кроме самых официальных сношений с областным правительством, не имеют с ним никакого общения и не получают от него ровно никакого осведомления.

Их, так сказать, игнорируют.

Например, никто из консулов не был предупрежден о приезде наследника престола, а равно и о его кончине им не было дано знать официально.

Кстати сказать, в вопросах, касающихся Боснии и Герцеговины, австрийцы очень подозрительны. Так, они просили отозвать ан-

[1] Так в подлиннике.

глийского консула, слишком интересовавшегося страной. Теперь здесь новый английский представитель, приехавший 4 месяца тому назад, который в этом отношении совершенно непохож на своего предместника [1].

В заключение следует упомянуть, что военное положение хотя и чувствуется, но мало заметно.

В знак траура на всех казенных, общественных и частных домах в городе подняты черные флаги. Движение довольно оживленное, магазины открыты, электрические конки полны, дачные поезда между Илидзе и городом курсируют попрежнему и, как и всегда, переполнены публикой. Одним словом, нарушенная погромом городская жизнь вошла снова в нормальную колею. Город в лучшей своей части имеет европейский вид. Мостовые вполне хороши. В стране австрийцами построены прекрасные шоссейные дороги и на 1260 *км* проведено узкоколейных железных путей; все эти сообщения имеют прежде всего стратегическое значение. В последние годы Босния-Герцеговина сделала большие успехи. Крупное преобразование недавнего времени, проведенное Билинским,—это предоставление начальнику края фактической власти и самостоятельности—дало возможность решать многие дела на месте. В этом году весной учреждена в Сараеве счетная палата во исполнение желания депутатов сейма иметь контроль над движением ассигнуемых ими сумм. Вице-президент сабора Никола Мандич, кроат, бывший горячим приверженцем аннексии, назначен помощником начальника края. Назначение боснийского уроженца на такой важный пост произвело благоприятное впечатление во всех слоях общества без различия вероисповеданий.

Мало-по-малу страна эта, управлявшаяся в прежнее время австрийскими немцами, становится более самостоятельной, и управление ею переходит в руки славян, но, конечно, преданных габсбургской династии.

Босно-герцеговинский вопрос еще не назрел. Он стал теперь нераздельной частью юго-славянского вопроса, и решение его будет зависеть от того, сумеет ли Австро-Венгрия повернуть юго-славянский вопрос в свою пользу, или же он разрешится против нее. От этого зависит и будущая судьба Придунайской империи.

Князь М. Гагарин.

---

[1] Английский консул в Сараеве Джонс был назначен 21/8 августа 1913 г.

№ 249. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Депеша № 45. 16/3 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Недостаток времени перед отправлением очередного курьера лишает меня возможности подробно остановиться на речи, произнесенной вчера в венгерском парламенте графом Тиссою, неполный текст которой опубликован в сегодняшних газетах [1]. Считаю своим долгом привести из нее следующие выдержки.

„Отношения наши к Сербии,—сказал граф Тисса в ответ на интерпелляцию депутата Смерчани по поводу убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда,—подлежат во всяком случае выяснению, но каким образом, в каком направлении и в каком объеме (Inhalt),— об этом я не могу высказаться по причине самого существа дела, зависящего от еще неразрешенного вопроса. Я хотел бы снова однако отметить, что правительство проникнуто сознанием всех важных интересов, связанных с сохранением мира. Правительство не думает, что выяснение (отношений к Сербии) по необходимости должно привести к военным осложнениям. В этом отношении я не хочу ничего предсказывать, но только заметить, что война является печальным ultima ratio, к которому не следует прибегать, пока не исчерпаны все способы мирного разрешения. Но всякое государство, каждый народ должен быть в состоянии вести войну и должен желать войны, как ultima ratio, если государство и народ должны продолжать существовать“.

Ссылаясь на заявление Смерчани об опасном положении в Боснии, граф Тисса отверг существование опасности революции, так как войск там для сохранения порядка достаточно. Это однако не исключает существования опасной агитации на почве союзов, школ и т. п.

„Убийство наследника доказало,—заметил министр,—как оптимистически были в Боснии настроены. Оно доказало также, что полицейская власть проявила недостаточную зоркость. В этом отношении положение должно быть улучшено. Надо рассеять центры агитации. Надо искоренить в школах дух предательства“.

Коснувшись политики Каллая и Буриана, министр-президент

---

[1] О впечатлении, произведенном второй речью Тиссы, см. донесения Макса-Мюллера Грею от 16/3 июля и 17/4 июля за №№ 31 и 32 (B. D., №№ 81 и 82), донесение Иована Иовановича Пашичу от 15/2 июля (С. с. к., № 23) и тел. Дюмена Вивиани от 15/2 июля (L. J., № 12).

отметил необходимость опираться в равной мере на все три элемента в Боснии, „железным кулаком“ уничтожая всякое нелояльное течение. В заключение он снова указал на существование в Боснии агитации и пропаганды, с которыми правительству надлежит бороться энергично для полного искоренения зла. „Но мы это должны делать безо всякой паники, боязни и нервности и без шума“.

По поводу другой интерпелляции гр. Андраши, об опасности погрома в Белграде, гр. Тисса сообщил о сделанных в предупреждение погромов сношениях барона Гизля с сербским правительством. Он предостерег венгерскую прессу от опасности распространения непроверенных фактов в вопросах, в которых затронуты честь и доброе имя Венгрии.

Сегодняшние венские газеты комментируют вышеизложенные заявления венгерского министра-президента, отмечая, что его вчерашняя речь сказана в более решительном тоне, нежели та, о которой я доношу депешей № 43[1]. Не подлежит сомнению, что своею вчерашнею речью граф Тисса пожелал произвести известное впечатление на Сербию ввиду предстоящих переговоров по окончании производящегося в Сараеве секретного следствия.

Примите и пр. Шебеко.

№ 250. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 135. 16/3 июля 1914 г.

Добрович передал мне разговор с Радко Димитриевым, в котором вы высказали убеждение, что король решил во что бы то ни стало заключить заем в Берлине[2]. Ответ посланника, что в силу конституции король предоставил решение правительству, был одобрен королем по телеграфу. На мой вопрос, как смотрит король на вчерашнее заседание народного собрания, Добрович ответил, что, как „строго конституционный правитель“, он собирается утвердить постановление собрания, представленное правительством, как вполне законное. Желая использовать последнее остающееся средство, я заметил, что теперь все исключительно в (его) руках, и именно, как конституционный правитель, он мог бы не утвердить столь незаконного постановления. Из слов Добровича вижу, что решение принято бесповоротно. При этом Добрович, намеренно старавшийся все время сохранять особо любезный тон, при-

[1] См. № 235.
[2] Ср. № 219.

бавил, что заем в Берлине не означает, что Болгария отдается со связанными руками и ногами Австрии. Душой всего происшедшего является Геннадиев, выговоривший себе как плату прекращение процесса и портфель министра иностранных дел.

Савинский.

№ 251. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 136. 16/3 июля 1914 г.

Возбуждение против короля и правительства вследствие тягостных условий займа и поведения правительства настолько велико, что принят ряд мер предосторожности: по городу циркулируют патрули, телеграммы с подробными описаниями задерживаются или сокращаются, шефам оппозиции объявлено чрез охранное отделение, что неприкосновенность министра-председателя возлагается на их личную ответственность, и т. д.—Вчера в народном собрании Радославов во время свалки, сильно возбужденный, выхватил револьвер, но тут же был подхвачен своими друзьями и вынесен из зала заседания.

Савинский.

№ 252. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 522. 16/3 июля 1914 г.

Получил телеграмму № 1316 [1].

Ввиду состоявшегося вчера возвращения из Берлина Вангенгейма [2] и весьма вероятного на этих же днях подписания германо-турецкого соглашения касательно таможенной надбавки, не признаете ли возможным уведомить меня о результате нашего обращения к Франции по вопросу о нашем делегате в Совете оттоманского долга?

Гирс.

№ 253. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 523. 16/3 июля 1914 г.

Существует указание, что турки стремятся усилить свой флот четвертым дредноутом. Подробности дополнительно.

Гирс.

---

[1] См. № 59.

[2] Тел. от 1 июля/18 июня за № 453 М. Гирс уведомил Сазонова, что Вангенгейм на следующий день выезжает на 10 дней в Берлин для окончательного выяснения остающихся спорными вопросов германо-турецкого экономического соглашения.

№ 254. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 325. 16/3 июля 1914 г.

Телеграфирую в Исфагань.

Телеграмма за № 672 [1] получена.

Полагаю правильнее не вмешиваться в дела выборов. Наше вмешательство непременно будет истолковано как противодействие России выборам в меджлис.

Коростовец.

№ 255. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 42 [2]. 16/3 июля 1914 г.

Имею честь представить у сего вашему высокопревосходительству обзор событий, имевших место в Тегеране за время с [18] 5 июня по [16] 3 июля сего года.

Примите и пр.

Коростовец.

Приложение

Обзор событий в Тегеране с [18] 5 июня по [16] 3 июля 1914 г.

За означенный период вся работа персидского правительства была направлена главным образом на борьбу с императорской миссией по поводу малиата. Подстрекаемое всеми иностранными миссиями в Тегеране, из коих некоторые даже принимали непосредственное участие в составлении памятной записки с перечислением всех случаев нарушения Россией самостоятельности страны [3], правительство было уверено, что при помощи дипломатического корпуса ему удастся одержать победу и вернуться к прежнему порядку взимания малиата бельгийскими чиновниками. Получив резкий отпор в своих домогательствах от императорской миссии, которая не преминула дать персам понять все неприличие их обращения к иностранным миссиям за помощью в делах, касающихся исключительно России и Персии, кабинет пришел в полное уныние, тем более, что, как и следовало ожидать, большинство иностранных представителей, видя всю неудачу своих закулисных выступлений, поспешило устраниться от дальнейшей агитации. Министр иностранных дел [11 июля] 28 июня подал было

[1] См. № 202.

[2] Лит. копия.

[3] См. ноту перс. прав-ва (прилож. к № 64).

в отставку и лишь по настоянию молодого шаха согласился остаться до коронации.

Вопрос о новом кабинете пока еще не решен окончательно. Выясняется лишь пока намерение шаха поручить составление кабинета после коронации Мостоуфи-оль-Мемалеку, кандидатуру коего усиленно выдвигает регент, главным образом из боязни появления у власти Саад-эд-Доуле, твердо и неуклонно работающего в целях появления своего во главе правительства по отъезде регента. Популярность последнего быстро идет на понижение: слабохарактерность, полная бездеятельность и постоянная боязнь за свою жизнь окончательно подорвали его значение в Персии. Наср-оль-Мольк намерен в скором времени покинуть Персию: днем своего отъезда он назначил 5 августа нового стиля.

Приготовления к коронации идут своим чередом. В городе возводятся по пути следования шаха в меджлис арки и украшаются дома. Иностранные посланники, получившие от своих правительств поручение быть чрезвычайными представителями во время коронации, имели уже частные аудиенции у шаха и вручили ему подарки и ордена. Ордена шах получает от Турции, Бельгии и Испании. Россия, Англия и другие государства преподносят шаху различные подарки.

Регенту удалось настоять на принесении шахом присяги конституции в меджлисе в первый день коронации. Ввиду крайне небольшого числа вновь выбранных депутатов, предполагается созвать кворум из депутатов старого меджлиса, но каких-либо правительственных распоряжений по сему поводу пока не имеется, а потому следует думать, что присяга будет принесена шахом в меджлисе в присутствии кабинета, случайных посетителей и дипломатического корпуса.

Из менее значительных событий следует отметить нижеследующие:

[18] 5 июня закончились выборы депутатов от гебрской колонии: выборным оказался богатый коммерсант Кей Хосрев. Того же числа выехал в Луристан новый губернатор Низами-эс-Солтане.

[21] 8 июня было получено в Тегеране известие об экспроприации отделения Учетно-ссудного банка в Энзели, совершенной русскими грузинами, кои через несколько дней были арестованы в Талышах.

[23] 10 июня в столице были закрыты правительственные учреждения и базары по поводу праздника пророка.

[27] 14 июня в городе была иллюминация и во дворе обычный салям по поводу дня рождения Имам Хусейна. Того же числа было получено известие о выборе депутатом в меджлис от города Исфагани лидера демократов Сулеймана Мирзы, никогда в Исфагани не бывшего.

[28] 15 июня супругой главного казначея был устроен благотворительный базар в пользу открываемой в столице школы по случаю коронацию султан Ахмед-шаха.

[28] 15 июня в Исфагань выехали на автомобиле причисленный к германской миссии г. Гентинг и секретарь бельгийской миссии гр. Д'Юрсель. Первый из названных лиц отправился туда для защиты сомнительных прав известного авантюриста доктора Пюжена, находящегося под немецким покровительством и занимающегося фиктивной арендой имений в исфаганском округе.

[2 июля] 19 июня выехали на автомобиле в Исфагань чины императорской миссии: фон Бах, Чекмарев и Лисовский, пробывшие в названном городе 4 дня.

[5 июля] 22 июня закончились выборы от еврейской колонии, выбранным оказался доктор Лукман.

Армянская колония от выбора депутата в меджлис отказалась.

Печать.—Газета „Раад" в № 74 от [18] 5 июня скорбит по поводу заявления „Times" о бесполезности жандармерии на юге Персии. Усматривая в этом намерение Англии заменить шведов англичанами, газета рекомендует Англии заботиться о сохранении Персией самостоятельности, так как пребывание иностранных войск и вмешательство консулов ни к чему другому, как ко всеобщему недовольству и беспорядкам, не ведет. В № 75 от [21] 8 июня та же газета, протестуя против заявления сэра Эдуарда Грея касательно посылки английских войск для охраны нефтяных промыслов, заявляет, что Персия, при наличии у нее денег, сама может поддерживать порядок в стране. В № 76 от [25] 12 июня газета „Раад", обсуждая существующее будто бы намерение англичан получить в свое распоряжение нейтральную зону взамен предоставления России полной свободы действий на севере, обрушивается на правительство, которое ничего не предпринимает в целях предупреждения такого соглашения. В № 77 от [28] 15 июня эта же газета, указывая на намерение правительства составить меджлис для коронации из нескольких новых депутатов с добавлением не-

которых старых, усматривает в этом нарушение основных законов. В № 78 от [30] 17 июня газета поместила горячую статью с протестом против нарушения Россией прав Персии в деле малиата и поддержки Шоджа-эд-Доуле. В № 79 от [2 июля] 19 июня сообщается краткое содержание ноты, отправленной императорскому посланнику по поводу нарушений прав Персии. В № 80 от [5 июля] 22 июня газета настаивает на необходимости для Персии крупного займа у России и Англии на дело умиротворения и реформ. В № 81 от [7 июля] 24 июня газета поместила опровержение английского посланника по поводу статьи „Times" касательно Персии. В № 82 от [10 июля] 27 июня помещено письмо шахского министра иностранных дел Восуг-эд-Доуле, опровергающего слух, что отставка его вызвана посылкой ноты в императорскую миссию.

Газета „Шоура" в № 41 от [20] 7 июня, описывая положение Зенджана, переходящего на положение Азербайджана, упрекает кабинет в бездействии. В № 42 от [27] 14 июня та жа газета по шаблону жалуется на русскую деятельность в Азербайджане и Шоджа-эд-Доуле. В № 43 от [1 июля] 18 июня газета выражает беспокойство по поводу новых замыслов России и Англии, которые грозят самостоятельности Персии. В № 44 от [4 июля] 21 июня газета скорбит по поводу заявлений России и Англии о самостоятельности Персии и постоянных нарушений этой самостоятельности на деле.

Лисовский.

№ 256. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1435. 17/4 июля 1914 г.

Телеграмма за № 318 [1] получена.

Не уясняем себе сущности жалоб Тоунлея. Покровительствование русским подданным и начинаниям—прямая обязанность консула. Что касается Самсам-эс-Солтане, то у нас есть много оснований быть им недовольными, на что и следовало бы указать Тоунлею, подкрепив это имеющимися у вас данными. Преображенскому следует, конечно, соблюдать корректность в отношении англичан, оставаясь всегда строго на законной почве, но отнюдь не жертвуя русскими интересами в этой части нашей сферы влияния.

Арцимович.

---

[1] См. № 201.

№ 257. Советник III политического отдела посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1436. 17/4 июля 1914 г.

Телеграмма № 323 [1] получена.

Личная.

Прошу расшифровать лично.

В непродолжительном времени выезжает в Тегеран генерального штаба генерал-майор, которому поручено на месте ознакомиться с положением дел бригады и, по соглашению с вами, выработать проект новой ее организации. После утверждения этого проекта в Петербурге, Вадбольский будет заменен другим командиром, который и поведет дело на новых началах. Об этом пока разглашать не следует.

Клемм.

№ 258. Поденная запись министерства иностранных дел.

17/4 июля 1914 г.

Возвращение из отпуска австро-венгерского посла.

Вернувшийся из отпуска австро-венгерский посол граф Сапари выразил желание возможно скорее увидеть министра. Ему было отвечено, что С. Д. Сазонов, уехавший на несколько дней в деревню, ожидается на следующее утро в Петербурге и готов будет принять посла на другое утро в 11 час.

№ 259. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

⁷/. Депеша № 48. 17/4 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Помимо ряда довольно враждебных по отношению к Сербии статей, появившихся в германской прессе после убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда, газеты, являющиеся, при случае, официозами департамента иностранных дел, также поместили на видном месте несколько статей, составленных, несомненно, по указаниям Wilhelmstrasse, где высказывалась мысль, что если по ходу расследования сараевского убийства австро-венгерское правительство найдет нужным обратиться к белградскому с какими-либо представлениями, то поддержать оные будет обязанностью всех ев-

---

[1] В тел. от 16/3 июля за № 323 Коростовец запрашивал, выработаны ли общие начала реформы казачьей бригады.

ропейских правительств, для которых великосербские идея и пропаганда, как представляющие опасность для мира, являются общим врагом; особенно отмечалось при этом единомыслие с Австриею в данном вопросе Германии, ее нибелунгова верность союзнице и в настоящие, тяжелые для империи Габсбургов минуты.

Вероятно, по доносу из австрийского источника, берлинская полиция заинтересовалась существующим в Берлине кружком сербских студентов под названием „Единство" и сделала у четырех членов этого отнюдь не преследующего политических целей кружка обыски; конфискованные книги и письма по расследовании не дали, конечно, никакого материала для обвинения, и молодых людей вскоре оставили в покое.

Дальше этих четырех обысков и нескольких платонически-сочувственных газетных статей здешняя нибелунгова верность пошла бы, вероятно, крайне неохотно, и в Берлине, без сомнения, чувствуют большое удовлетворение, что Вена не обратилась в Белград с какими-либо представлениями в тот еще момент, когда раздражение в Австро-Венгрии против ее южного соседа было настолько болезненно велико, что могло, казалось бы, заставить и правящие венские круги потерять чувство меры; ибо здесь не забывают, что для промышленной и торговой Германии Сербия становится все лучшим и лучшим покупателем и что германский производитель не остался бы благодарен своему центральному правительству за такое проявление пресловутой нибелунговой верности, которое грозило бы ему потерею этого начинающего его интересовать рынка.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 260. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

Депеша № 49. 17/4 июля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Будучи у статс-секретаря в минувший понедельник, я спросил его, виделся ли он с прибывшим накануне в Берлин албанским министром-президентом. Г. Ягов ответил, что Турхан-паша в данный момент, вероятно, уже в его приемной, и добавил, что единственный совет, который он бы с удовольствием ему преподал, это совет сидеть в трудные для Албании минуты на своем посту, а не объезжать иностранные правительства. На мое замечание, что 70-

летний премьер, вероятно, не без основания полагает, что этим путем лучше послужит своему отечеству, нежели сидя в осажденном Дураццо, г. Ягов сказал, что и от tournée Турхана-паши не ожидает никакого проку. Уходя от статс-секретаря, я действительно столкнулся с Турханом-пашей.

Несмотря на полные оптимизма заявления албанского премьера, появившиеся на следующий день в некоторых органах берлинской печати, можно с уверенностью сказать, что он не увез отсюда никаких обещаний.

Как я узнал из заслуживающего доверия источника, здесь не обнаружили никакой склонности воздействовать в Бухаресте в пользу посылки румынского отряда в Албанию; что же касается вопроса о денежной помощи, то Турхан-паша сказал греческому посланнику, что г. Ягов ответил ему, что германское правительство уже ранее заявило о своей готовности принять наравне с другими державами участие в гарантии займа [1]; передавая это, Турхан-паша прибавил, что ответ на этот пункт германского правительства сходен с тем, который он получил от вашего высокопревосходительства, разнится с ним однако в том отношении, что не содержит того непременного условия, которое имеется в вашем ответе и касается интернационализации Албанского банка.

Впрочем, по словам Турхан-паши, просьба о денежной помощи касается будущего, а не настоящей минуты: пока в распоряжении албанского князя еще имеется половина отпущенного ему десятимиллионного аванса [2].

Во время своего полуторадневного пребывания в Берлине Турхан раза два-три сносился с румынской миссией; он объяснил это тем, что, не имея с собою шифра, он нашел более удобным телеграфировать своему князю чрез румынскую миссию в Дураццо.

На вопрос одного из моих коллег, насколько большую роль в албанском восстании играют турецкие деньги и эмиссары, Турхан, конечно, ответил уклончиво, категорически не отрицая однако основательности высказанного подозрения. Впрочем, по словам здешнего итальянского посла, итальянские власти в Албании имеют документальные доказательства, будто главные нити движения идут из Константинополя.

Примите и пр.

А. Броневский.

---

[1] См. № 211.

[2] Речь идет об авансе, предоставленном Виду группой австр. и итал. банков в феврале 1914 г.

№ 261. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 137. 17/4 июля 1914 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Севастопуло № 181 [1].

Постановление народного собрания о займе утверждено королем. Болгарское правительство видимо твердо решило уплатить по французским бонам не из аванса, а из первой части займа, и заявление французского правительства в Берлине, о котором говорит Севастопуло, не имело должного эффекта, ибо в тексте договора о займе включено обязательство выкупить наши и австрийские боны из аванса, а французские—из первой части займа, которая будет... к 1 августа будущего года. При таких обстоятельствах для получения уплаты теперь со стороны французского правительства потребуется особая настойчивость. Болгарское правительство решило также пренебречь до конца всеми официальными представлениями французского правительства. Оно не только не захотело в свое время рассмотреть последние предложения, крайне легкие для Болгарии, но вчера опубликовало в полуофициальном органе текст первого его предложения [2]. Все поведение короля и правительства в вопросе займа, с одной стороны, и необычная настойчивость как австрийского и германского правительств, так и соответственных банкиров—с другой, заставляют предполагать, что за займом скрывается политическое соглашение. Вчерашние слова Добровича, что Болгария не отдается Австрии со связанными руками и ногами, твердо указывают на это. При таких условиях, казалось бы, нам не приходится облегчать положение и—возвращаюсь к высказанной уже ранее мысли—вынуть часть наших ценностей из берлинских банков и тем затруднить получение Болгарией аванса и займа.

Савинский.

№ 262. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 529. 17/4 июля 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 527 [3].

Для передачи императорскому правительству помянутого в этой телеграмме меморандума патриархией выбраны: представитель патриарха в Москве архимандрит Иаков и проживающие в

---

[1] См. № 234.

[2] Т. е. текст первого французского предложения.

[3] Тел. от 16/3 июля за № 527 Гирс, сообщая о посылке патриархией иностранным правительствам меморандума, отмечал политический характер этого выступления.

Москве гг. Елисей Меанеджидий и Анатолий Контули. Меморандум содержит жалобы на притеснения и гонения православных Турцией и заканчивается заявлением, что, не желая принимать на себя всю ответственность, которая ляжет на тех, кто не допустит[1] полное уничтожение здесь христиан, константинопольская церковь взывает к великим державам, умоляя их о покровительстве и помощи. Патриархия просит при этом о введении в Европейской Турции и Малой Азии, как это происходит в других оттоманских провинциях, реформ, могущих гарантировать местным православным их жизнь, честь и имущество и политическое равенство с мусульманами, а также озаботиться мерами к быстрому возвращению на родину изгнанных христиан, удалению мухаджиров из их жилищ и обеспечению существования пострадавшим с возмещением им понесенных убытков. Гирс.

№ 263. Управляющий вице-консульством в Хое[2] в III политический отдел министерства иностранных дел.

Телеграмма № 129. 17/4 июля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Копии в Тавриз, Тифлис и Маку.

Начальник отряда в Мухуре доносит от [16] 3 июля:

Положение на окружающих Мухур кочевках милянских курдов значительно ухудшается. Курды вошли в сношение с турецкими пограничными регулярными войсками, отряд коих в количестве 60 аскеров при офицере дважды появлялся в селении Менделик на бесспорной персидской территории, в ближайшем соседстве к нашему отряду в Мухуре.

Турки ободряют курдов и обещают им, в случае нужды, помощь людьми (и) патронами. Генерал Воропанов считает создавшееся положение нежелательным и надеется урегулировать его с прибытием Олферьева в Мухур. Имея также в виду крайний недостаток продовольствия для отряда в Мухуре, он просит ускорить прибытие Олферьева на место стоянки отряда.

Начальнику мухурского отряда дана инструкция предупредить турецких офицеров о нежелательности появления турецких регулярных войск на персидской территории, во избежание серьезных недоразумений. Кирсанов.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Ввиду отъезда Чиркова в командировку в Астрабад управление вице-консульством перешло к секретарю вице-консульства Кирсанову.

№ 264. Дипломатический агент и генеральный консул в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 185. 17/4 июля 1914 г.

Ваши телеграммы № 1328, 1357 и 1359 [1] получены.

Монгольское правительство согласилось на предложенные изменения текста соглашения о новой ссуде, причем ст. 6 редактирована следующим образом: „Ссуда обеспечивается пошлинами и сборами с внешней торговли“. Ввиду полного отсутствия денег, монгольское правительство усердно ходатайствует о переводе первого взноса в 600 тыс. руб. в месячный срок после подписания соглашения и до начала тройных переговоров в середине августа. Согласно представленной советником Козиным смете, упомянутый взнос предназначен на следующие расходы текущего года [2]: 1) на уплату жалования местной центральной администрации—200 тыс. руб.; 2) на улучшение дела взимания пошлин и сборов с внешней и внутренней торговли—100 тыс. руб.; 3) на школьное дело—100 тыс. руб.; 4) на организацию тюремного дела—50 тыс. руб.; 5) на организацию оброчного дела и обследования страны—150 тыс. руб. Итого 600 тыс. руб. Упомянутую смету выслал почтой. Дальнейшие сметы будут представляться заблаговременно, дабы не задерживать их взносов, через каждые шесть месяцев. Из указанного в ст. 3 соглашения 1 млн. руб. монголы просят удержать 400 тыс. руб. за оружие, контракт о котором представляется под № 2 [3]. Подписание соглашения о ссуде я... в связи с подписанием телеграфного и железнодорожного соглашения [4]. О последнем телеграфирую особо.

Миллер.

№ 265. Дипломатический агент и генеральный консул в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 186. 17/4 июля 1914 г.

После обычного вступления полный текст соглашения об оружии следующий:

---

[1] О тел. за № 1328 от 4 июля/21 июня см. стр. 140, прим. 1. Тел. за № 1357 и 1359 повторяли текст тел. за № 1328, так как последняя не была расшифрована в Урге.

[2] По ст. 2 проекта соглашения ссуда должна была расходоваться „согласно выработанным при участии советника монгольского правительства сметам государственных приходов и расходов“; об условиях выдачи отдельных сумм в счет ссуды см. ст. 4 окончательного текста соглашения, совпадающую с соответствующей статьей проекта, сообщенного Миллером тел. за № 169, см. т. III, № 372.

[3] См. № 265.

[4] См. № 266.

„Ст. 1. Императорское правительство отпускает монгольскому правительству 6 орудий с 3 тыс. снарядов к ним, 4 пулемета с 300 тыс. патронов, 20 тыс. ружей и 20 млн. патронов к ним.

Ст. 2. Полученное оружие предназначено монгольским правительством для вооружения своих войск, организуемых при содействии русских и монгольских инструкторов.

Ст. 3. Означенное оружие будет доставлено в Кяхту в непродолжительном времени.

Ст. 4. Стоимость оружия с доставкою в Кяхту уплачивается следующим образом: при подписании настоящего соглашения монгольское правительство вносит императорскому правительству 400 тыс. руб., а остальную сумму уплачивает ежегодными взносами не менее 60 тыс. руб.

Ст. 5. Ежегодные погашения обеспечиваются монгольским правительством внутренними сборами, взимаемыми с повсеместной монгольской торговли.

Ст. 6. До уплаты стоимости означенного оружия, в случае дальнейшего отпуска такового императорским правительством в потребном количестве, монгольское правительство не сделает новых заказов оружия ни у иностранных правительств, ни у иностранных или русских компаний, ни у отдельных лиц без различия подданства.

Ст. 7. Настоящее соглашение написано в двух экземплярах на русском и монгольском языках. По подписании и приложении печатей один экземпляр хранится в российском генеральном консульстве в Монголии, а другой—в монгольском министерстве финансов".

Монголы очень просят доставить в Кяхту хотя бы часть оружия до начала тройных переговоров. Прошу указаний.

Миллер.

№ 266. Дипломатический агент и генеральный консул в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 187. 17/4 июля 1914 г.

Ссылаясь на предписание вашего высокопревосходительства за № 3 [1] настаиваю перед монгольским правительством на принятии препровождаемого при упомянутом предписании соглашения о железных дорогах в нашей редакции, за исключением ст. 4,

---

[1] См. т. I, № 10.

которую редактировали после переговоров с монголами следующим образом: „Монгольское правительство, имея право строить в пределах своей территории железные дороги, в силу своих дружественных отношений к соседнему великому государству российскому, предварительно постройки за свой счет железной дороги или выдачи кому-либо железнодорожных концессий вступает с императорским правительством в переговоры и совещается с ним, не вредны ли России в экономическом или стратегическом отношении проектируемые железные дороги“.

Испрашиваю указаний вашего высокопревосходительства.

Миллер.

№ 267. Текст объявления высочайшей воли амбань-нойону Гомбодорчжи[1].

[17] 4 июля 1914 г. Булук.

Два года тому назад вами, амбань-нойон, было подано прошение о принятии урянхов собственного вашего Ойнарского хошуна, а также подчиненных вам урянхов Сальчжакского и Точжинского хошунов под покровительство великого русского государя.

Вследствие этого высшим российским правительством был сделан всеподданнейший доклад его императорскому величеству и в [18] 5-й день апреля сего 1914 г. воспоследовало высочайшее соизволение на принятие вас с подведомственными урянхами под русское покровительство. На вас лежит обязанность: во-первых, не иметь никаких сношений с иностранными государствами, в том числе и с монгольским. Таковые сношения, если потребуется, могут вестись не иначе, как только через меня, как представителя российского правительства в Урянхайском крае, или лица, меня заменяющего, и, во-вторых, все споры и недоразумения, какие могут возникнуть между отдельными хошунами, вы отныне должны повергнуть на мое решение [2].

Заведующий пограничными делами

А. Церерин.

---

[1] Заголовок подлинника.

[2] Равнозначащие объявления были тогда же сделаны другим властям урянхайцев: кемчикскому нойону Гуну Буянбаторху и „чиновникам и населению“ хошуна „17 отоков“.

№ 268. Текст ручательства амбаня Гомбодорчжи [1].

1914 г. Июля [17] 4 дня.
Год Барса 5 луны 25 числа.

Главнозаведующего Танну урянхами Ойнарского, Сальчжакского и Точжинского хошунов амбаня Гомбодорчжи, имеющего награды от великого российского государства орден св. Станислава II степени и золотую медаль для ношения на шее, и от великого дайцинского государства звание и печать корпусного командира и павлинье перо

Ручательство.

С получением письменного объявления через заведующего пограничными делами сайта Церерина о воспоследовавшем всемилостивейшем соизволении его императорского величества государя императора Николая Александровича о принятии пяти урянхайских хошунов под покровительство России, я, амбань Гомбодорчжи, преисполненный чувством радости и благоговения, вознес молитвы, и как верный и покорный слуга отныне не буду иметь никаких самостоятельных, непосредственных сношений с Монголией и прочими иностранными государствами. Если таковые сношения и потребуются, то обязуюсь вести через проживающего в Урянхае представителя российского правительства, а все споры и недоразумения, какие могут возникнуть между отдельными урянхайскими хошунами, буду повергать на его решение. В то же время всепокорнейше прошу оставить нашему урянхайскому населению свои обычаи, исповедываемую ими буддийскую религию, уклад жизни, самоуправление, должности и родные кочевья, не допуская особых изменений, клонящихся к потере власти [2].

№ 269. Письмо правления Русско-азиатского банка министру иностранных дел.

17/4 июля 1914 г.

Ваше высокопревосходительство,

В дополнение нашего письма от [10 июля] 27 сего июня [3] имеем честь представить при сем вашему высокопревосходитель-

---

[1] Заголовок подлинника. Перевод с монгольского, сделанный в м-ве ин. дел. Копия этого документа была препровождена заведующим пограничными делами Усинского округа Церериным 18/5 авг. 1914 г. за № 58.

[2] Аналогичные „ручательства“ других урянхайских властей не содержат оговорки, заключающейся в последнем предложении.

[3] Речь идет о письме, при котором в м-во ин. дел было препровождено письмо правления Русско-азиатского банка на имя м-ра фин. от 13 июля/30 июня 1914 г., см. № 204. Упомянутое письмо было ошибочно датировано 10 июля/27 июня 1914 г.

ству копии телеграмм, полученных нами от Société Générale и Салоникского банка, из коих можно усмотреть, что окончательное соглашение по этому делу состоялось[1].

Правление Русско-азиатского банка

Верстрат. В. Давыдов.

№ 270. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел[2].

18/5 июля 1914 г.

His Majesty's Government are informed that the Russian practice of extending protection to all persons even remotely connected with Russian interests has caused a fresh incident at Ispahan.

The notorious brigand Reza Yoozani recently looted a Lynch caravan on the Ahwaz road. A force sent in pursuit by the Governor-General killed six members of the gang and brought back two prisoners to Ispahan. The Russian Consul-General immediately demanded the release of the prisoners on the ground that they were villagers of the Zil-es-Sultan. The Governor-General refused to surrender the men.

The whole road from Ahwaz to Ispahan lies in the neutral zone. It was constructed chiefly by Lynch and is a purely British enterprise.

His Majesty's Government are of the opinion that if the Governor-General of Ispahan is to be prevented from exercising any power over notorious brigands caught in the act the situation will become intolerable.

Перевод.

Правительство его величества осведомилось, что русская практика распространения покровительства на всех лиц, даже отдаленно связанных с русскими интересами, вызвала новый инцидент в Исфагани.

Известный бандит Реза Юзани недавно ограбил линчевский караван на ахвазской дороге. Отряд, посланный генерал-губернатором для преследования, убил шесть членов шайки и доставил двух арестованных в Исфагань. Российский генеральный консул немедленно потребовал освобождения арестованных на том основании, что они принадлежат к числу крестьян Зилль-эс-Султана. Генерал-губернатор отказался выдать их.

Вся дорога от Ахваза до Исфагани лежит в нейтральной зоне. Она была построена главным образом Линчем и является чисто британским предприятием.

Правительство его величества полагает, что если генерал-губернатору Исфагани будут чиниться препятствия при применении власти по отношению к известным бандитам, захваченным на месте преступления, то положение станет невыносимым.

---

[1] Содержание телеграмм исчерпывается тем, что о них сказано в тексте.

[2] На подлиннике помета Клемма: „Спросить Преображенского, в чем дело".

№ 271. Министр иностранных дел поверенному в делах в Берлине Броневскому.

./. Телеграмма № 1446. 18/5 июля 1914 г.

Сообщается в Париж.

Благоволите заявить правительству, при коем вы акредитованы, что императорское правительство настаивает на возмещении бонов болгарского казначейства из первого же аванса заключенного в Берлине займа. Сазонов.

№ 272. Поденная запись министерства иностранных дел.

18/5 июля 1914 г.

С. Д. Сазонов возвращался из кратковременной поездки в деревню. Желая возможно скорее поставить его в известность о том, что происходит, до свидания министра с австрийским послом, барон Шиллинг поехал встретить его на вокзал и на пути оттуда в министерство сообщил ему содержание как полученной накануне из Вены телеграммы Н. Н. Шебеко № 88, так и его разговора с итальянским послом [16] 3 июля [1]. Министр был озабочен этими известиями и согласился с мнением барона Шиллинга о необходимости предупредить Австрию о решимости России ни в каком случае не допустить посягательства на независимость Сербии. Министр собирался в этом смысле высказаться самым решительным образом перед австро-венгерским послом.

Вскоре по приезде в министерство С. Д. Сазонов принял гр. Сапари, который в самых миролюбивых выражениях говорил о полном отсутствии у Австрии каких-либо намерений обострить свои отношения с Сербией. Его заверения были до такой степени положительными, что вполне успокоили министра, который после этого свидания говорил барону Шиллингу, что ему не пришлось прибегнуть к угрозам, так как австро-венгерский посол поручился ему за миролюбие своего правительства—„il a été doux comme un agneau“ [2].

№ 273. Австро-венгерский поверенный в делах в Петербурге Чернин австро-венгерскому министру иностранных дел Берхтольду.

./. Телеграмма № 147 [3]. 18/5 июля 1914 г.

Ew. Excellenz Telegramme № 158 und 159.

Herr Sasonow erklärte sich gern bereit, den russischen Vertreter in

---

[1] См. №№ 247 и 245.

[2] „Он был кроток, как ягненок“.

[3] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Вероятно она была отправлена до вступления Сапари в управление посольством по возвращении из отпуска.

Athen zu einem Schritt bei der griechischen Regierung im Sinne obiger Telegramme zu ermächtigen [1]. Er fügte bei, dass er bereits den Auftrag erteilt hat, den griechischen Minister des Auswärtigen auf die Gefährlichkeit des epirotischen Vorgehens aufmerksam machen zu lassen.

Herr Sasonow erkundigte sich, ob das für die Valonafrage speziell empfindliche Italien nicht etwa eine besondere Depression an den Tag gelegt hätte, was ich verneinte.

Ich hatte den Eindruck, dass eine südalbanische Action Italiens, vielleicht wegen Besorgung eines möglichen Zusammenhangs mit irgend einem österreichischen Vorgehen gegen Serbien, hier besonders unliebsam wäre.

Перевод.

Телеграммы вашего превосходительства № 158 и 159.

Г. Сазонов заявил, что он охотно соглашается уполномочить российского представителя в Афинах выступить перед греческим правительством в смысле вышеуказанных телеграмм. Он добавил, что он уже дал предписание обратить внимание греческого министра иностранных дел на опасность образа действий эпиротов.

Г. Сазонов осведомился, не проявляет ли Италия, чрезвычайно щепетильная в валонском вопросе, особенно подавленного настроения; я ответил отрицательно.

У меня создалось впечатление, что выступление Италии на юге Албании здесь было бы особенно неприятно, может быть, ввиду опасения возможного совпадения его с каким-нибудь австрийским выступлением против Сербии.

№ 274. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 202. 18/5 июля 1914 г.

Телеграмму № 1352 [2] получил.

Пашич просит повергнуть к стопам государя императора глубокую благодарность сербского правительства за всемилостивейшее благоприятное разрешение вопроса о винтовках и патронах. Приемку предлагается возложить на сербского военного агента в Петербурге и уплату произвести по заключении проектированного заграничного займа. Остальной испрошенный военный материал заказан за границей.

Штрандтман.

---

[1] См. № 295.

[2] См. стр. 115, прим. 3.

№ 275. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 531. 18/5 июля 1914 г.

Получил № 1407 [1].

Отказ французского правительства чем-либо поступиться для облегчения доступа нашего делегата в Совет оттоманского долга значительно затруднит решение этого вопроса. При всей доброй воле Порты удовлетворить нас, она будет поставлена в невозможность побороть сопротивление Германии, а между тем своей властью Порта не имеет права изменить декрет мухаррема. Порта и мы можем быть поставлены в безвыходное положение. Потому предварительно категорического заявления Джавиду, что мы ставим удовлетворение нашего домогательства непременным условием нашего согласия на 4%-ную надбавку и нашего присоединения к заключаемой ныне конвенции в Париже, почитаю долгом обратить благосклонное ваше внимание на возможные последствия подобного заявления. Нельзя ручаться, что при таких условиях Порта, придя к соглашению со всеми другими великими державами касательно таможенной надбавки и встречая отказ только от нас, не решится, несмотря на нынешнее ее стремление жить с нами в дружбе и уступая крайней нужде в деньгах,—применить к нам увеличенные ставки явочным порядком. Я доносил уже, что к этому усиленно ее побуждают германские уполномоченные Багдадской железной дороги. Я далеко не убежден, что подобные же советы под рукой не будут даваться и французскими предпринимателями с расчетом, что из-за делегата в Совете долга и из-за 4%-й надбавки мы не решимся воевать с Турцией. Нам останется в таком случае или прибегнуть к военным мерам, что может затянуть нас в войну, или помириться с нравственным поражением, которое, несомненно, отзовется самым пагубным образом на нашем положении в Турции.

Гирс.

№ 276. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 532. 18/5 июля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 531.

Мы могли бы обеспечить себя от применения к нам Турцией таможенной надбавки явочным порядком, заручившись обещанием Франции не приступать к официальному подписанию состоявшихся

---

[1] См. № 225.

уже ее соглашений с Турцией, пока последняя не придет и с нами к соглашению по всем вопросам, связанным с таможенной надбавкой. Подобное заявление со стороны нашей союзницы тем более обязательно для нее, что мы всегда указывали ей, что ее соглашения по железнодорожному строительству в Анатолии признаются нами лишь постольку, поскольку Порта предварительно получит наше согласие на изменение ею обязательства по отношению к нам 1900 г.[1]. По словам Джавид-бея, он выезжает отсюда в Париж 16 июля старого стиля, для подписания всех соглашений с Вивиани, ожидающим его к 1 августа нового стиля[2].

Было бы весьма желательно воспользоваться приездом в Петербург французского председателя совета министров для окончательного установления, что подписание этих актов может состояться лишь одновременно с заключением нашего соглашения с Портою.

Гирс.

№ 277. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 334. 18/5 июля 1914 г.

Копия в Тавриз.

Получил № 1419[3].

Телеграфирую в Хой и Маку:

Руководствуясь указаниями, изложенными в телеграмме, прошу передать сердару, что в случае дальнейшего его вероломства ему грозит потеря ханства и суровое наказание. Абсолютно необходима полная согласованность действий хойского и макинского консульств, к чему вам следует принять неотложные меры. Лично считаю, что на сердара одно убеждение без усиления войска в крае и других мер воздействия не подействует.

Коростовец.

---

[1] Имеются в виду переговоры между Францией и Россией 1912—1914 гг. о железнодорожном строительстве в Малой Азии, вызванные возражениями России, ссылавшейся на русско-турецкое соглашение 1900 г. против франко-турецкого предварительного соглашения 1911 г., предоставлявшего Франции концессии на линии Самсун — Сивас — Харпут, Чалта — Эрзингян — Пекеридж — Эрзерум и ветку Пекеридж — Трапезунд.

[2] Ср. Gr. Pol., Bd. 37, Teil II, № 15024 и сл.

[3] Ошибка в номере, см. стр. 255, прим. 2. Имеется в виду тел. за № 1409 (см. № 226).

№ 278. И. о. управляющего Учетно-ссудным банком Персии в Тегеране правлению банка.

Телеграмма № 414. 18/5 июля 1914 г.

Ваша телеграмма 2. Посланник предписал банку удовлетворить претензии казачьей бригады из остатков таможенных поступлений, равно как претензии к персидскому правительству некоторых русских подданных, так что главному казначейству [14] 1 июля не было выдано ни одного крана. Казначейство осталось совершенно без денег, и ввиду этого Морнар подал в отставку. В настоящее время Али-Гули-хан обратился с просьбой к посланнику устроить казначейству ссуду в 300 тыс. томанов, так как 150 тыс.—совершенно недостаточная сумма. Посланник обещал ему поддержку и запросил меня, какие компенсации желательны для банка [в] случае согласия на эту ссуду. Я сообщил, что желательны, во-первых, взнос малиата на севере в наши учреждения, во-вторых, заключение договора [о] чеканке с обоими банками, в-третьих, урегулирование старых долгов персидского правительства, в-четвертых, окончание дела Эмин-Зарба, в-пятых, упорядочение судопроизводства и исполнения приговоров [с] правом банка удерживать из сумм, принадлежащих персидскому правительству, суммы по не приведенным [в] исполнение в течение года судебным решениям. Посланник сказал, что по первым двум пунктам нужно сговориться с английским посланником, с возбуждением же остальных трех пунктов он согласился. Покорнейше прошу телеграфировать срочно, можно ли обещать ссуду в 300 тыс. томанов [в] случае удовлетворения хотя бы части требований банка.

Видеман.

№ 279. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 353. 18/5 июля 1914 г.

Телеграмма № 1444 [1] получена.

Вопрос не в назначении наших делегатов, а в открытии переговоров между китайскими и назначенным уже нами Гойером без предварительного обмена нотами, о коих я упомянул в моей памятной записке от [21] 8 марта [2]. Если поэтому для разрешения этого вопроса нужно мнение Вентцеля, то я думаю все же согла-

---

[1] Тел. от 18/5 июля за № 1444 Абрикосов уведомил Граве о желательности в связи с задержкой в назначении русских делегатов, вызванной отсутствием Вентцеля, отсрочить прием китайских делегатов.

[2] Ошибка в дате; следует читать 21/8 мая. См. стр. 185, прим. 2.

ситься на прием китайцев, но предварительно заявлю министру иностранных дел, что, не имея еще инструкций, считаю это представление лишь актом вежливости; открытие переговоров между делегатами может состояться лишь по получении ожидаемых от вас указаний.

Откладывать прием считаю неудобным, так как я при всяком свидании с министром настаиваю на скорейшем разрешении этого вопроса в соответствии с получаемыми указаниями о первостепенной важности этого дела. К тому же можно предвидеть, что китайцы, обиженные нашей отсрочкой, будут, когда будет это им выгодно, пользоваться таким же приемом.

Граве.

№ 280. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [1].

19/6 июля 1914 г.

His Majesty's Government have received information to the effect that the Governor-General of Ispahan is complaining that it is becoming impossible for him to carry on administration owing to Russian action. The system by which Russians lease small portions of villages in the neutral zone and then claim that the Governor-General's representatives must not enter these villages because Russian interests are engaged, has assumed large proportions and is in effect carrying Russian absorption down to the frontier of the province of Fars.

The following incidents have within the last ten months been reported to His Majesty's Government in support of the complaints reiterated by the Governor-General of Ispahan respecting the difficulties which are continually being placed in his way by the Imperial Consulate General and the agents of the Russian bank in that city.

The Imperial Consul informed the Governor-General in writing that he had no right to send his agents to a certain village as it was „connected with a Russian subject". Less than half of this village was leased to M. Karopikoff, agent in charge of the properties of Banu Osma, sister of the Zil-es-Sultan, and Samsam-es-Sultaneh was sending to arrest a Persian Government soldier against whom complaints had been made.

On another occasion the Governor-General sent two men to arrest a certain ryot at a village named Mousi Abad. On their return to Ispahan with their prisoner M. Karopikoff seized all three, kept the

[1] На подлиннике помета: „Копия послана в Исфагань и Тегеран".

Governor's men prisoners all night and the following morning sent the ryot back to his village.

The elections have also been the cause of much friction between the Governor-General and M. Evreinow. When the Governor published a notice giving a list of seven persons selected as a committee of overseers to undertake the management of the elections, M. Evreinow wrote to Samsam-es-Sultaneh requesting him in a peremptory manner to appoint a certain Mirza Hassan Ali Khan, saying that among the number of these overseers there should certainly be one to represent the interests of the Zil-es-Sultan.

Another grievance of the Russian Consul against the Governor-General is concerning the Governorship of Julfa, the Armenian suburb of Ispahan. For some years this had been given by previous Governors-General to an agent of the Russian Consulate. Samsam-es-Sultaneh on his arrival refused to allow him to retain the Governorship of Julfa.

The above mentioned incidents tend to demonstrate that the Russian party at Ispahan are doing their utmost to make Samsam-es-Sultaneh's position impossible with a view to compelling him to resign.

Перевод.

Правительство его величества осведомилось о жалобах исфаганского генерал-губернатора на то, что вследствие образа действий России для него становится невозможным отправлять административные обязанности. Система, в силу которой русские арендуют в нейтральной зоне небольшие части селений и вслед за тем требуют, чтобы представители генерал-губернатора не входили в эти селения, потому что с ними связаны русские интересы, приняла широкие размеры, и доводит фактически русское влияние до самой границы провинции Фарсистана.

На протяжении последних десяти месяцев правительству его величества были сообщены следующие инциденты, подтверждающие повторные жалобы исфаганского генерал-губернатора на затруднения, постоянно чинимые ему императорским генеральным консулом и агентами русского банка в этом городе.

Императорский консул письменно сообщил генерал-губернатору, что он не имеет права посылать своих агентов в некое селение, так как оно „связано с русским подданным“. Меньше половины этого селения было арендовано г. Каропиковым, заведующим земельными владениями Бану-Осма, сестры Зилль-эс-Султана, а Самсам-эс-Солтане намеревался послать туда арестовать одного персидского правительственного солдата, против которого были предъявлены жалобы.

В другом случае генерал-губернатор послал двух людей арестовать некоего крестьянина в селении, по имени Музи-Абад. По возвращении последних с их арестантом в Исфагань, г. Каропиков задержал всех трех, продержал людей губернатора под арестом всю ночь и на следующее утро послал крестьянина обратно в его селение.

Выборы также являлись причиной многих трений между генерал-губернатором и г. Евреиновым. Когда губернатор опубликовал сообщение, содержавшее список семи лиц, избранных в качестве наблюдательного комитета при производстве выборов, г. Евреинов написал Самсам-эс-Солтане, требуя в категорической форме назначить некоего Мирзу-Гассан-Али-хана, так как среди этих наблюдателей безусловно должен быть один, представляющий интересы Зилль-эс-Султана.

Другое обвинение российского консула против генерал-губернатора относится к управлению Джульфы, армянского предместья Исфагани. В течение ряда лет оно было доверено прежними генерал-губернаторами агенту российского консульства. Самсам-эс-Солтане по своем прибытии отказался сохранить за ним управление Джульфой.

Вышеуказанные инциденты показывают, что русская партия в Исфагани всеми силами старается сделать положение Самсам-эс-Солтане нестерпимым, дабы принудить его выйти в отставку.

№ 281. Вр. управляющий IV политическим отделом поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 1447. 19/6 июля 1914 г

Секретарь китайской миссии от имени своего правительства выразил надежду, что императорское правительство, оценя дружественный характер проявленной китайцами в вопросе о железнодорожном строительстве в Северной Манчжурии уступчивости[1], со своей стороны пойдет навстречу китайским пожеланиям в вопросах о Барге и Алтае[2], по которым китайское правительство не имеет еще от нас никакого ответа.

Я самым положительным образом объяснил секретарю, что нет никаких оснований смешивать эти три вопроса, так как в первом речь идет об экономическом развитии Северной Манчжурии, в чем китайцы заинтересованы не менее нас, а в двух других дело идет о политическом устройстве двух областей Китая, которое гарантировало бы их мирное существование, к чему, ввиду наличности там русских интересов, мы не можем относиться равнодушно.

В первом вопросе мы имеем принципиальное согласие китайского правительства, и теперь дело идет о технической разработке вопроса. Что же касается до неполучения китайцами ответа на их сообщения по алтайскому и баргутскому вопросам, то я объяснил секретарю, что китайцы должны понять, что ответы их не

---

[1] Тел. от 2 июня/20 мая за № 254 Граве сообщил, что „в принципе“ вопрос следует считать решенным в соответствии с русскими пожеланиями, что подтвердил тел. от 11 июня 29 мая за № 267.

[2] См. №№ 52 и 96.

дают почвы для взаимного обсуждения этих вопросов, так как в китайских контр-предложениях не приняты во внимание ни одно из выставляемых нами условий, и замечается лишь стремление вернуть эти области к прежнему их состоянию. Далее я дал понять секретарю, что для успеха переговоров было бы полезно, чтобы китайское правительство сделало бы в той или иной форме новый шаг навстречу нашим пожеланиям и что наш поверенный в делах в Китае не откажется от обсуждения с китайским министром иностранных дел вопросов о Барге и Алтае в указанном выше смысле.

Вышеизложенное, по приказанию министра иностранных дел, довожу до вашего сведения. Абрикосов.

№ 282. Министр иностранных дел дипломатическому агенту и генеральному консулу в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 1448. 19/6 июля 1914 г.

Телеграмма № 187 [1] получена.

Предлагаемая вами измененная редакция статьи четвертой железнодорожного соглашения представляется нам приемлемой, и, как только монгольское правительство выразит согласие на принятие проектируемого соглашения, вы можете подписать таковое.

Сазонов.

№ 283. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телег амма № 138. 19/6 июля 1914 г.

Радославов уже вторично спрашивает меня, не могло ли бы болгарское правительство вместо платежа нашему военному министерству по военным поставкам выдать боны казначейства на 18 слишком миллионов франков. Не видя никакой причины делать облегчения нынешнему правительству, отвечаю отказом. Сообщаю о сем на случай, если Радко Димитриеву будет поручено обратиться прямо в военное министерство. Савинский.

№ 284. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 139. 19/6 июля 1914 г.

Радославов сказал мне сегодня, что, по сведениям Радко Димитриева, императорское правительство готово занять примиритель-

---

[1] См. № 266.

ную роль в пограничном румыно-болгарском инциденте, между тем Радев телеграфирует из Бухареста о двусмысленной роли нашей миссии и уверяет, что будто бы Братиану сказал ему, что третья держава препятствует мирному улажению вопроса. От себя Радев добавляет, что под третьей державой Братиану подразумевает Россию. Ввиду более чем сомнительных свойств Радева, считаю долгом сообщить о вышеизложенном.

Савинский.

№ 285. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 204. 19/6 июля 1914 г.

Весьма доверительно

Прошу не литографировать. Сегодня утром престолонаследник, пригласив меня к себе, расспрашивал о политическом положении. Его высочество интересовался главным образом Австрией, газетная кампания коей против Сербии принимает все бо́льшие размеры. В своем ответе я сообщил королевичу привезенные мне Зариным с экспедициею из Вены, со слов нашего посла, известия о крайней нервности австрийцев и о необходимости соблюдать в Белграде осторожность, дабы избежать непоправимых последствий. Королевич живо спорил с этим мнением, и слова его были проникнуты тем бо́льшим убеждением, что сербская армия, как он весьма доверительно поведал, располагает ныне, после двух войн, лишь ничтожным количеством пригодного вооружения, всего около 100 тыс. исправных винтовок, каковое обстоятельство является большим соблазном для врагов королевства. Предположенный, по всей вероятности во Франции, заказ 300 тыс. ружей может быть готов только через 30 месяцев, и потому прибытию в Сербию всех уступленных государем императором винтовок он придает огромное значение.

Штрандтман.

№ 286. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 205. 19/6 июля 1914 г.

Продолжение моего № 204.

Копия в Вену.

Сегодня же днем я повидал уезжающего на 5 дней в провинцию по делам выборов Пашича, который просил передать вашему высокопревосходительству следующее: ввиду все громче раздаю-

щихся со стороны австрийской печати обвинений Сербии в сараевском убийстве, он снова отмечает тот неизмеримый вред, который это гнусное злодеяние в первую очередь должно было и действительно принесло именно Сербии. Одушевленное самым истинным желанием улучшить отношения с соседней монархией, сербское правительство, в случае предъявления ему со стороны последней несомненных доказательств в причастности к означенному преступлению определенных лиц, кто бы таковые ни были, без замедления предаст их суду, т. е. поступит так, как подобает поступить всякому культурному государству. Что касается просветительных сербских обществ вроде „Народной Одбраны“[1], на которую особенно нападают австрийцы, то по отношению к ним будут приняты строжайшие меры, дабы они ограничили свою культурную деятельность исключительно пределами королевства. Пашич весьма озабочен. Сильное впечатление на него произвели заявления графа Тиссы в Будапеште[2]. Кроме того, им получены известия о передвижениях австрийских войск к Землину и Митровице на... в Боснии, и о явно несоответственной агитации австрийцев во всей Западной Европе против Сербии. Между тем здесь, вопреки венским измышлениям, ни один солдат не тронулся с места, дабы при существующем настроении в Австрии не рисковать опасными осложнениями, а к печати применяются все законные средства для того, чтобы удержать ее от резких выступлений. Пашич сознает однако всю трудность своей задачи вследствие постоянных обидных выпадов австрийцев. Так, например, по случае похорон посланника, здешняя австрийская миссия симулировала панику, которою якобы была объята и вся австрийская колония в ожидании погрома[3]. Самому Пашичу приписывались заявления, которых он отнюдь не делал, с целью доказать его мнимые агрессивные намерения относительно Боснии.

Штрандтман.

---

[1] „Народна Одбрана“ — серб. патриотическая организация, образованная во время кризиса 1908 г. виднейшими членами серб. прав-ва (Пашичем, Миловановичем и др.) и вождями серб. политических партий. Организация ставила своей ближайшей задачей создание добровольческих кадров для вооруженной борьбы против Австро-Венгрии. После временного ослабления австро-серб. конфликта в 1909 г. „Народна Одбрана“ была преобразована в общество, преследовавшее „культурные цели“, в каковые включалось утверждение серб. национальных идеалов в Сербии и славянских землях Австро-Венгрии, поднятие народного образования и физического воспитания.

[2] См. №№ 198, 235 и 249.

[3] Относительно слухов о готовившемся в Белграде австр. погроме см. B. D., v. XI, №№ 81 и 82.

№ 287. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 534. 19/6 июля 1914 г.

Ссылаюсь на свои телеграммы № 531 и 532 [1].

В случае, если бы нам не удалось заручиться положительным обязательством Франции не подписывать соглашения с Турцией и не допускать обложения надбавкою французских товаров, пока не состоится наше соглашение с Портою, и если мы продолжаем придерживаться мнения, что нам следует избегать прямых переговоров с Берлином, я считал бы опасным ставить введение нашего делегата непременным условием нашего согласия на надбавку. Нам оставалось бы в таком случае временно ограничиться лишь заявлением, приложенным к проекту нашего соглашения, воспрещая им Порте, впредь до допущения нашего делегата, устанавливать: 1) монополию или акциз на спирт и 2) непосредственный контроль Совета долга над русскими учреждениями. Рядом с этим надлежало бы предъявить некоторые прежние требования, исполнение коих зависело бы исключительно от Порты и усилило бы исключительно наше экономическое положение в Малой Азии. Я считал бы мало практичным настаивать в требовании об обложении надбавкою лишь по истечении шести месяцев по подписании соглашения, так как от продления двухмесячного срока, принятого уже Францией и Англией, извлекут пользу больше они, чем мы.

Гирс.

№ 288. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 335. 19/6 июля 1914 г.

Телеграммы за № 1400 и 1401 [2] получены.

Восуг-эд-Доуле по желанию шаха действительно соглашается остаться номинальным министром до коронации, дабы не усиливать расстройства кабинета во время этого торжества, но делами не занимается, предоставив управление министерством товарищу. Ввиду сего, а также просьбы шаха и регента отложить официальную передачу и обсуждение наших предложений, содержание коих уже сообщено персам частным образом, считаю переговоры с Восуг-эд-Доуле бесполезными до выяснения состава нового кабинета. Оставление Восуг-эд-Доуле министром иностранных дел в новом кабинете исключено, но есть слухи, что его назначат министром двора, дабы облегчить шаху знакомство с международной политикой.

[1] См. №№ 275 и 276.

[2] См. №№ 208 и 209.

Тоунлей, коему я указал на неудачный состав будущего кабинета, особенно на привлечение Мухбер-эс-Солтане, ответил, что пока трудно что-либо предпринять, ибо все названные лица намечены регентом и одобрены шахом, и он не видит возможности вмешиваться.

Коростовец.

№ 289. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 336. 19/6 июля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму за № 279 [1].

Остатки от таможенных поступлений, хранившиеся в нашем банке и подлежавшие передаче главному казначею [13 июля] 30 июня, оказались недостаточными, чтобы покрыть долг шахского правительства бригаде, который, согласно письменному сообщению князя Вадбольского, к означенному дню равнялся 1 992 694 кранам и 8 шаям [2], и некоторые из самых существенных и бесспорных требований русско-подданных к персидской казне. Не получив ответа на мою телеграмму за № 276 [3], я распорядился задержанием всего хранившегося в банке таможенного остатка с тем, чтобы 52 890 туманами из оного были, все или частью, погашены претензии русско-подданных, а вся оставшаяся после этого сумма пошла бы на уплату большей части долга бригаде. О принятой мере и распределении задержанной суммы шахское правительство уведомлено, и деньги банком уже переданы по назначению, согласно указанию миссии. Подробное распределение указанной выше суммы в 52 890 томанов высылается следующей почтой.

Коростовец.

№ 290. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 338. 19/6 июля 1914 г.

Телеграфирую консульствам нашей сферы:

Благоволите принять меры к лояльному отношению губернаторов к празднованию дня коронации. Необходима отсылка соответствующих благожелательных поздравительных телеграмм, что весьма выгодно будет для нашего влияния.

Коростовец.

---

[1] От 20/7 июня. В ней Коростовец предупреждал о своем намерении наложить арест на поступления от таможенных доходов Персии, дабы покрыть из них долг перс. прав-ва казачьей бригаде, и просил срочных указаний по этому вопросу.

[2] Ср. ниже № 291.

[3] Повидимому, ошибка в номере; следует читать: № 279.

№ 291. Нота российской миссии в Тегеране персидскому министру иностранных дел Восуг-эд-Доуле [1].

№ 118 19/6 июля 1914 г.

Имею честь сообщить вашему превосходительству, что сумма в 2 545 206 кр. 40 сан., находившаяся в Учетно-ссудном банке Персии и состоящая из таможенных остатков на [14] 1 июля сего 1914 г., удержана и распределена следующим образом:

1. По счету казачьей его величества бригады 1 922 694 кр. 40 сан. Ваше превосходительство, конечно, согласитесь со мной, что неуплата причитающихся денег названной части была бы равносильна ее уничтожению, чего, конечно, императорское правительство допустить не может. Отчет в израсходовании названной суммы со всеми оправдательными документами будет представлен начальником бригады г. главному казначею.

2. Русско-подданному Арзуманову за отобранную у него шахским правительством пшеницу в размере 2 тыс. харваров—18 тыс. томанов (яддашты миссии 13 реджеба 1331 г. № 124, 23 рамазана 1331 г. № 167 и 15 реджеба с. г. № 112).

3. Русско-подданному фургонщику Мешеди Хади за наем у него шахским военным министерством фургонов 5 090 томанов (постановление Мохакемата 4 сафара 1330 г., яддашты миссии 30 рамазана 1331 г. № 174 и 29 джемадиус-ула 1332 г. № 76; ноты главному казначею [3 февраля] 21 января, [16] 3 [февраля] и [5 марта] 20 февраля с. г. № 21, 36 и 116).

4. Бр. Алиевым в Ширазе за арестованное бельгийцами имущество арабских шейхов на сумму 20 тыс. томанов (яддашты миссии от 1 и 24 шаабана, 11 и 30 рамазана и 14 зилькааде 1331 г. № 133, 151, 162, 173 и 204; ноты главному казначею [24] 11 ноября 1913 г. № 1891 и 7 марта [22 февраля] с. г. № 312).

5. Русско-подданному Ибрагиму Мануелянцу 2 тыс. томанов по неприведенному в исполнение постановлению Мохакемата по делу его с наследниками Мухтар-эс-Солтане (постановление Мохакемата от 9 сафара 1330 г. и многократные в течение 3 лет обращения императорского генерального консульства в Тегеране).

6. Русско-подданному жителю г. Шемахи Фераджулле Абдулаеву за ограбленные около Исфагани ковры 4 300 томанов (дело это передано из императорского консульства в Исфагани, кото-

[1] Копия этой ноты была препровождена Коростовцом при письме на имя Нератова от 23/10 июля 1914 г.

рое исчерпало все средства ко взысканию названной суммы и неоднократно обращалось к местным властям).

7. Прохоровской Трехгорной мануфактуре за ограбленные 3 года тому назад товары около Хесар Сорха 3 500 томанов (дело передано из императорского генерального консульства в Тегеране, которое многократно обращалось к шахскому правительству; яддашт императорской миссии от 13 реджеба 1331 г. № 125, коим вся ответственность возлагалась на шахское правительство).

Все расписки в уплате означенных исков по каждому отдельному делу будут представлены дополнительно по получении их из Учетно-ссудного банка Персии.

Таким образом общая сумма удержанных для казачьей бригады и по искам русско-подданных выражается в размере (1 922 694 кр. 40 сан. + 528 900 кр.) 2 451 594 кр. 40 сан.

Остаток в 93 812 кр.[1] находится в Учетно-ссудном банке и будет выдан шахскому правительству по первому его требованию.

Примите и пр. Коростовец.

№ 292. Управляющий консульством в Керманшахе в III политический отдел министерства иностранных дел.

Телеграмма № 379. 19/6 июля 1914 г.

Телеграмма за № 1417[2] получена.

Совершенно не соответствует действительности сообщение лондонского кабинета, будто приход в Керманшах сердар Экрема вызван противодействием правителя выборам; наоборот, благодаря проискам англичан и тайной поддержке Ферман-Ферма партия умеренных, сверх ожидания, потерпела поражение, избраны 4 депутата враждебной русским демократической партии.

Сердар Экрем прибыл для помощи своему зятю Сулейман-хану, кельхурскому губернатору, изгнанному из Кельхура его племянником Аббас-ханом, при содействии племени сенджаби, действующим по наущению англичан, которые желают образовать из сенджаби самостоятельную область наподобие Пушт-и-Куха.

Английский консул Макдуал совсем не считается с нахождением Керманшаха в сфере русского влияния и не находит нужным совещаться с русским консульством.

Полагал бы необходимым просить лондонский кабинет предложить своему представителю в Керманшахе не игнорировать наши

[1] Так в подлиннике.
[2] См. № 228.

интересы, прекратить сношения с сенджаби, ибо, с одной стороны, частная „дружественная“ агитация его против правителя, с другой—жалобы на беспорядки создают впечатление о преднамеренном вмешательстве в дела области.

До официального обращения ко мне английского консула, не могу принять мер защиты английской торговли, опасаясь ухудшить дело конкурирующих с нами манчестерцев. Жалобы их бессмысленны, ибо товар задержан в их же интересах, дабы не подвергнуться разграблению.

Положение в области крайне тревожно. Необходимо прислать в Керманшах персидских казаков из Хамадана с русским офицером.

Долгополов.

№ 293. Тост Николая II [1].

20/7 июля 1914 г.

Monsieur le président,

Laissez-moi vous exprimer combien je suis heureux de vous souhaiter la bienvenue ici.

Le chef de l'Etat ami et allié est toujours assuré de rencontrer un accueil des plus chaleureux en Russie; mais, aujourd'hui notre satisfaction de pouvoir saluer le président de la République Française est encore doublée par le plaisir de retrouver en vous une ancienne connaissance avec laquelle j'ai été charmé de nouer, il y a deux ans, des relations personnelles.

Unies de longue date par la sympathie mutuelle des peuples et par les intérêts communs, la France et la Russie sont depuis bientôt un quart de siècle étroitement liées pour mieux poursuivre le même but, qui consiste à sauvegarder leurs intérêts, en collaborant à l'équilibre et à la paix en Europe.

Je ne doute point que, fidèles à leur idéal pacifique, et s'appuyant sur leur alliance éprouvée, ainsi que sur des amitiés communes nos deux pays continueront à jouir des bienfaits de la paix assurée par la plénitude de leurs forces, en serrant toujours davantage les liens qui les unissent.

C'est avec ce voeu très sincère que je lève mon verre à votre santé, monsieur le président, ainsi qu'à la prospérité et à la gloire de la France.

---

[1] Этот тост был произнесен Николаем II 20/7 июля на обеде в честь прибывшего в Россию Пуанкаре.

Перевод[1].

Господин президент! Позвольте мне вам сказать, как я рад обратиться к вам здесь со словами „добро пожаловать“.

Глава дружественного и союзного государства может быть всегда уверен найти в России самый теплый прием, но сегодня удовлетворение, нами испытываемое вследствие возможности приветствовать президента Французской республики, усугубляется тем, что в вашем лице мы встречаем старого знакомого, с которым я два года тому назад имел удовольствие завязать личные отношения.

Издавна объединенные взаимною симпатиею их народов и общностью интересов, Франция и Россия уже скоро четверть века поддерживают тесную связь для успешнейшего достижения одной и той же цели, заключающейся в том, чтобы охранять свои интересы, содействуя вместе с тем сохранению равновесия и мира в Европе.

Я не сомневаюсь, что, оставаясь верными своему мирному идеалу и спираясь на свой испытанный союз, равно как и на одинаковые дружественные отношения, наши две страны будут продолжать пользоваться благами мира, обеспеченного полнотою их сил, и все более укреплять тесные узы, их связывающие.

С этим искренним пожеланием я поднимаю мой бокал за ваше здоровье, г. президент, равно как и за благоденствие и славу Франции.

№ 294. Тост Пуанкаре.

20/7 июля 1914 г.

Sire,

Je remercie votre majesté de son accueil si cordial et je la prie de croire qu'il m'a été très agréable de rendre aujourd'hui une nouvelle visite à l'auguste souverain du peuple ami et allié.

Fidèle à la tradition qu'ont suivie mes honorables prédécesseurs, j'ai voulu apporter à votre majesté et à la Russie le solennel témoignage de sentiments qui sont immuables dans tous les coeurs français.

Près de vingt-cinq ans ont passé depuis que, dans une claire vision de leurs destinées, nos deux pays ont uni les efforts de leurs diplomaties; et les heureux résultats de cette association permanente se font tous les jours sentir dans l'équilibre du monde.

Fondée sur la communauté des intérêts, consacrée par la volonté pacifique des deux gouvernements, appuyée sur des armées de terre et de mer qui se connaissent, s'estiment et sont habituées à fraterniser, affermie par une longue expérience et complétée par de précieuses amitiés, l'alliance, dont l'illustre empereur Alexandre III et le regretté président Carnot ont pris la première initiative, a constamment, depuis lors, donné la preuve de son action bienfaisante et de son inébranlable solidité.

---

[1] Перевод сделан в м-ве ин. дел.

Votre majesté peut être assurée que, demain comme hier, la France poursuivra, dans une collaboration intime et quotidienne avec son alliée, l'oeuvre de paix et de civilisation à laquelle les deux gouvernements et les deux nations n'ont cessé de travailler.

Je lève mon verre en l'honneur de votre majesté, de sa majesté l'impératrice, de sa majesté l'impératrice mère, de son altesse impériale le grand-duc héritier et de toute la famille impériale. Je bois à la grandeur et à la prospérité de la Russie.

Перевод[1].

Ваше величество! Благодарю вас за оказанный мне сердечный прием и прошу ваше величество верить, что мне было очень приятно вновь посетить августейшего повелителя дружественного и союзного нам народа.

Верный традиции, которой следовали мои уважаемые предшественники, я хотел торжественно засвидетельствовать вашему величеству те чувства, которые неизменно сохраняются в сердцах всех французов.

Около 25 лет прошло с тех пор, как оба наши государства в ясном предвидении своих судеб объединили деятельность своей дипломатии. Счастливые результаты этого постоянного сотрудничества каждый день дают себя чувствовать в мировом равновесии.

Основанный на общности интересов, освященный мирными стремлениями обоих правительств, опирающийся на армии и флоты, которые знают и уважают друг друга и привыкли брататься, укрепленный продолжительным опытом и дополненный ценными дружбами союз наш, инициатива которого принадлежит славному императору Александру III и президенту Карно, постоянно с тех пор давал доказательства своего благотворного влияния и непоколебимой крепости.

Ваше величество может быть уверено, что Франция как до сих пор, так и впредь в тесном и ежедневном сотрудничестве со своей союзницей будет трудиться над делом мира и цивилизации, на благо которых оба правительства и оба народа не переставали работать.

Я поднимаю бокал в честь вашего величества, ее величества государыни императрицы Александры Феодоровны, ее величества государыни императрицы Марии Феодоровны, его императорского высочества наследника цесаревича и всей императорской семьи. Я пью за величие и процветание России.

№ 295. Министр иностранных дел поверенному в делах в Афинах Урусову.

⁄. Телеграмма № 1459. 20/7 июля 1914 г.

Австрийское и итальянское правительства обратились к нам с просьбой[2] участвовать в представлениях афинскому кабинету касательно прекращения участия греческих регулярных войск в дей-

---

[1] Перевод сделан в м-ве ин. дел.

[2] См. № 273.

ствиях в Эпире и воздействия на Зографоса в смысле необходимости придерживаться выработанного в Корфу соглашения и отозвать отряды эпиротов, сражающихся в Южной Албании.

Благоволите в согласии с вашими французским и английским сотоварищами, если они получат подобные инструкции, принять участие в этом выступлении в самой дружеской форме.

Сазонов.

№ 296. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

⁰/. Телеграмма № 114[1]. 20/7 июля 1914 г.

Вчера вечером официозная „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ поместила следующую заметку: „В статьях европейской прессы касательно существующей натянутости австро-сербских отношений всего более преобладает мнение, что стремление Австрии внести в них известную ясность является справедливым. Мы так же, как многие, надеемся, что своевременною уступчивостью сербского правительства будет устранен серьезный кризис. Во всяком случае в интересах Европы, солидарность которой сказалась во время балканского кризиса в смысле сохранения мира державами, чтобы всякие пререкания, которые могут возникнуть по настоящему поводу между Австрией и Сербией, остались локализованы“[2].

Броневский.

№ 297. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

⁰/. Телеграмма № 115[3]. 20/7 июля 1914 г.

Как сообщает мне здешний корреспондент парижского „Matin“, ему будто бы даны из австрийского посольства следующие сведения: в близком времени австро-венгерское правительство сообщит правительствам держав результаты произведенного по поводу сараевского преступления расследования с указанием имен всех настоящих сербов королевства, причастность коих выяснится. Затем то же самое будет сообщено прессе, после чего последует обращение к сербскому правительству.

Броневский.

---

[1] Опубл. в Кр. арх., т. I, стр. 163.

[2] См. K. D., № 70, тел. Ягова Чиршскому от 18/5 июля за № 122, и B. D., v. XI, № 77, тел. Румбольда Грею от 22/9 июля за № 88.

[3] Опубл. в Кр. арх., т. I, стр. 163.

№ 298. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Письмо. 20/7 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Общее внимание было занято здесь последние дни исключительно вопросом займа. Как вашему высокопревосходительству уже известно из моих телеграмм, болгарское правительство упорно не хотело считаться с предложениями, сделанными ему французскими банками под покровительством французского правительства и при нашей поддержке.

Французский посланник, находившийся все это время в постоянных сношениях со мною, был возмущен поведением правительства и особенно, когда министр финансов в субботу [11 июля] 28 июня, собрав правительственное большинство, объявил ему, что у Болгарии нет других французских предложений, как сделанные банком Перье в марте и что ввиду их неприемлемого и обидного для болгарского самолюбия характера он и должен вести переговоры в Берлине. Передержка этого заявления станет совершенно ясна, если вам угодно будет вспомнить те условия, в которых в марте месяце банк Перье, не только не пользовавшийся тогда поддержкою французского правительства и действовавший на свой страх и риск, но даже состоявший во враждебных отношениях с Banque de Paris et des Pays Bas , предлагал этот заем. Условия эти, высокие с чисто финансовой точки зрения, заключали в себе, кроме того, еще пожелание, чтобы Россия поручилась за Болгарию. Между тем те предложения, которые Перье сделал [15] 2 июня [1] и которые были поддержаны французским правительством, относились к тому времени, когда банк Перье вошел уже в сношения с правительством республики, были легки с чисто банковской точки зрения и не заключали в себе не только политических гарантий, но и никаких материальных концессий, которые столь тяжелым бременем ложатся на Болгарию в силу ее договора с берлинскими банками. Ввиду того, что болгарское правительство не реагировало на эти предложения, банк Перье, по совету французского правительства, телеграммою [10 июля] 27 июня, требовал вторично у Тончева возвращения ему мартовских условий и подтверждал свою готовность заключить заем в 500 млн. фр. без всяких политических и материальных гарантий и во всех отношениях более выгодный, чем немецкий.

[1] Имеется в виду заявление, сделанное Панафье по возвращении из Парижа (см. т. III, № 278).

Видя не только упорное нежелание Тончева рассмотреть французские предложения, но и явную недобросовестность правительства, и не имея никаких других средств для восстановления истины, французский посланник просил меня сделать это совместно с ним путем анонимного сообщения печати [1] и одновременно обратился к своему правительству с просьбою сделать соответствующее внушение болгарскому посланнику в Париже, о чем я передал вам [14] 1 июля секретною телеграммою № 131 [2], прося вас, с своей стороны, переговорить с Радко Димитриевым. По всей вероятности, результатом моей просьбы и был тот ваш разговор с Радко Димитриевым, о котором мне говорил [16] 3 июля Добрович (тел. № 135) [3].

Наряду с этим сообщением я и французский посланник не отказывали никому из обращавшихся к нам в самых подробных разъяснениях по вопросу о французских предложениях: так, нами были приняты депутаты от многочисленной в народном собрании партии земледельцев, очень встревоженных немецкими условиями и желавших почерпнуть от нас уверенность, что в случае провала германского займа Болгария получит деньги во Франции. Малинов и Тодоров на основании наших разъяснений поместили каждый в своем органе прекрасные статьи, полные патриотизма, с одной стороны, и проникнутые чувством благодарности к России—с другой; многие другие газеты и журналы, под влиянием разъяснений моих и моих сотрудников, также посвятили займу во Франции самые сочувственные статьи.

За все время кризиса французский посланник не переставал оказывать мне самое теплое и действительное содействие; известный же уже вам по моим предыдущим письмам английский посланник не только ничем мне не помогал, а даже вредил: в один прекрасный момент он стал усиленно поддерживать перед правительством и оппозицией каких-то темных лондонских банкиров еврейского происхождения, приехавших сюда в целях личной наживы. По справкам гофмейстера Извольского (сек. тел. № 170) [4] и болгарского посланника в Лондоне оказалось, что эти лица не

---

[1] См. стр. 262, прим. 3.

[2] См. № 221.

[3] См. № 250.

[4] Савинский, вероятно, имел в виду тел. Извольского от 26/13 июня, которая в лит. копии, хранящейся в Архиве Вн. Пол. в деле П. А. № 2278, не имеет номера. В ней Извольский сообщал об отрицательном отношении франц. прав-ва к предложению займа, сделанному в Софии некиим Галлэ от имени Ллойдс-банка.

только английскому правительству, но и вообще в Лондоне не известны, а их предложения лишены всякой серьезности. Когда в одном из своих многочисленных разговоров с Радославовым я ему советовал не соглашаться на немецкие условия, не ознакомившись с французскими, он мне заметил с усмешкой, что французские предложения, быть может, окажутся такими же несерьезными, как и английские, о которых однако ему не раз и настойчиво говорил английский посланник. После того, что стало ясно, что переговоры в Берлине приходят к концу, английский посланник не нашел ничего лучшего, как рассказывать об этом во всеуслышание с особою радостью. Эта роль г. Бакс-Айронсайда отмечена и французским посланником в донесениях своему правительству.

Сделав это отступление, возвращаюсь к изложению хода событий: г. Тончев спешил тем временем довести переговоры в Берлине до конца, и в воскресенье [12 июля] 29 июня договор был подписан здесь в Софии им и представителем Disconto Gesellschaft, а в понедельник роздан членам народного собрания. Текст договора с приложениями я препровождаю сегодня при депеше № 30 [1], в которой я постарался, в дополнение к своей секретной телеграмме № 130 [2], сгруппировать все соображения и доводы, свидетельствующие о гибельности этого займа для Болгарии и о всей тяжести немецкого кулака.

Как ни было подготовлено общественное мнение, однако ближайшее ознакомление с условиями займа вызвало целую бурю негодования. Правительство хотело на следующий же день после внесения законопроекта в народное собрание приступить к его обсуждению, но, уступая настояниям оппозиции, вынуждено было отложить последнее до среды [15] 2 июля. День вторника выяснил для правительства, что проект займа осуждается не только представителями оппозиции, но и многими членами правительственной партии, которые открыто заявляли, что, если бы не партийная дисциплина, то они непременно голосовали бы против займа; видя это настроение, правительство и решилось прибегнуть к тому, не имеющему себе прецедента в истории конституционных государств приему, который был им употреблен [15] 2 июля.

Подробности заседания народного собрания были уже переданы телеграфным агентством, а отчасти и мною в телеграмме за № 133 [3], тем не менее они слишком знаменательны, и я ре-

[1] См. № 310.

[2] См. № 220.

[3] См. № 237.

шаюсь остановить на них внимание вашего высокопревосходительства.

Настроение народного собрания показало правительству уже в начале заседания, что оппозиция не сдаст легко своих позиций; особенно пугало правительство то обстоятельство, что в самой его среде появились недовольные займом. Правительство знало, что если прения пойдут законным порядком и дойдут до голосования, то дело его проиграно; Радославов говорил французскому посланнику в понедельник, а мне на следующий день, т. е. накануне отныне исторического заседания, что он далеко не уверен в исходе голосования, и заявлял при этом г. Панафье, что его успокаивает сознание, что в случае неуспеха в народном собрании у правительства есть в резерве французские предложения.

При таких обстоятельствах правительство и решило пренебречь всеми формами законности и захватным правом объявить заем вотированным.

В известный момент, по знаку квестора, в зал заседания вошли не имеющие туда права входа переодетые агенты сыскной полиции и вместе с некоторыми членами правительственного большинства оцепили правильным кордоном стол, за которым сидел министерский совет; остальные члены большинства вступили в рукопашную с оппозицией, отвечавшей им бросанием книг, брошюр, стульев, чернильниц и т. д.; было несколько раненых, в том числе стенографы; в этой трагедии были, как всегда, и комические моменты, например, когда было схвачено упавшее с опрокинутого стенографического стола сукно и им обмотана ввиде тюрбана почтенная на вид седая голова Радославова. Во время свалки последний выхватил из кармана револьвер, но, как я телеграфировал, был тут же обезоружен и вынесен из зала; на следующий день он сам сознался перед членами оппозиции, что у него был с собой револьвер, потому что до него дошли слухи, что против него готовится покушение.

Во время самого разгара этой всеобщей свалки несколько правительственных депутатов, все действия которых происходили по заранее строго намеченной программе, окружили кафедру, на которую взошел председатель народного собрания Вачев, делая вид, что он хочет поставить на голосование проект займа; через минуту или две бывшие свободными от свалки[1] правительственные депутаты и агенты сыскной полиции, поднимая руки кверху,

[1] Так в подлиннике.

стали кричать ура; это поднятие рук и должно было знаменовать собой голосование.

Некоторые дипломаты и приближенные к королю придворные присутствовали все время в дипломатической ложе.

Я не счел для себя удобным появляться в этот день в собрании, а также просил и своих сотрудников там не показываться.

Как ни была скандальна внешняя обстановка заседания, но еще скандальнее его внутренняя сторона: все элементарные правила и требования законности были попраны самым наглым образом, после чего правительство не постеснялось объявить заем голосованным и поднести его на следующий день на утверждение короля, который и дал ему свою санкцию.

Действие правительства, которое решилось обратиться так бесцеремонно и с законностью и с самим законопроектом, столь большой ценности для страны, будет, конечно, заклеймено по достоинству общественным мнением цивилизованного мира, но что останется непоправимым, это тот вред, который будет нанесен этим актом стране.

Помимо подрыва доверия и создания ужаснейшего прецедента, этот заем бросает Болгарию если не навсегда, то на очень долгое время в немецкие тиски, но к этой самой существенной стороне вопроса я буду иметь честь вернуться в особом письме. Раньше же хочу сказать о тех совершенно невероятных вещах, которые произошли на следующий день после заседания.

В четверг рано утром в помещение, где шефы оппозиционных партий обсуждали, как им следует отнестись ко всему случившемуся, явился начальник сыскной полиции Стоилов и от имени председателя совета министров потребовал, чтобы они все, за исключением Данева, считающегося у правительства благонадежным, явились в министерский совет. Несмотря на странную форму приглашения, оппозиция согласилась на него, но при непременном условии, чтобы присутствовал и Данев. В министерском совете шефы оппозиционных партий были встречены председателем совета, который в самой грубой и резкой форме им сказал буквально следующее:

„До меня чрез сыскную полицию дошли слухи, что против меня готовится покушение; объявляю вам, что если случится что-либо со мною или с кем-либо из членов правительства, ваши головы покатятся по улицам. Я знаю, что среди вас есть головорезы, но среди нас их гораздо больше. Затем я объявляю вам, что завтра в народное собрание будет внесен законопроект о

прекращении верховного суда против министров-стамбуловистов и что если этот законопроект или какой-либо другой, который правительство сочтет нужным внести на обсуждение собрания, встретит с вашей стороны оппозицию, то для его голосования будет поступлено совершенно так же, как вчера при голосовании займа“.

Шефы оппозиции, среди которых находились такие глубоко почтенные и приличные люди, как старик Гешов, Малинов, Данев и др., все по очереди высказали председателю совета свое негодование как по поводу формы его обращения, так и по поводу желания заподозреть их в разбойничестве, прибегать к которому у них нет ни малейшего желания; они—горячие патриоты и честные болгары, которые не продадут ни за какую цену своего отечества, а если теперешнему правительству нужны их головы, то они в его распоряжении.

Глубоко оскорбленные, обиженные до слез и возмущенные происшедшим, разошлись представители оппозиции, не веря своим ушам, что в стране, считающей себя цивилизованной, возможны в устах первого министра такие речи.

Это—приемы Стамбулова и возвращение к его эпохе; французский посланник, который был здесь секретарем во время всемогущества этого государственного деятеля, не хотел верить моему рассказу, который я ему передавал со свежих слов Малинова. Он узнал и вспомнил временщика, но прибавил, что никак не ожидал такой энергии от Радославова, который сам человек скорее мягкий и предпочитающий делать ужасы руками своих сотрудников.

Причина и подкладка всего этого следующая: судимый за преступления по должности, сопровождавшиеся самыми вульгарными актами хищения и взяточничества, и вместе с тем снедаемый властолюбием Геннадиев является душою всего происходящего. Обладая в высшей степени свойствами характера, присущими македонцам: энергией, ловкостью, беззастенчивостью, он вот уже несколько месяцев, что ищет возможности продать себя Радославову подороже. Своей ценой на этот раз он определил освобождение от суда и возвращение ко власти, за что он готов был поддержать угодный Радославову и Тончеву—по соображениям корысти—немецкий заем. Радославов долго колебался и не потому, чтобы интересы отечества были ему дороги, а потому, что знал и знает, что, по достижении Геннадиевым этой новой цели, он будет стремиться свалить его, Радославова, и захватить всю власть

в свои руки. Однако энергичное выступление оппозиции против займа, все отрицательные стороны которого сознавал и сознает сам Радославов, говаривавший не раз мне и французскому посланнику, что ему больше хотелось бы заключить заем во Франции, было толчком к тому, что Радославову пришлось, наконец, согласиться на условия, которые ставились ему Геннадиевым. Торг был заключен и, оставаясь сам в тени, Геннадиев организовал и руководил всем тем, что разыгралось в народном собрании, и заставил Радославова выступить в вышеописанной роли перед представителями оппозиции. Не сегодня—завтра Геннадиев будет назначен министром иностранных дел, а затем Радославов будет вынужден уступить ему председательский портфель. Король, попрежнему запуганный Геннадиевым, приложил ко всему этому руку, но у него, быть может, были при этом и другие побуждения. „Нельзя ставить ему в вину,—говорил мне на-днях один из его противников,—что он немец и что все его симпатии на стороне немцев, а не славян". Решаясь так легко на шаг, который по своему значению и последствиям может вполне быть приравнен к его знаменитому приказу [29] 16 июня минувшего года [1], король Фердинанд ясно доказал, что интересы Болгарии ему совершенно безразличны; помимо австро-немецких симпатий здесь, конечно, как и всегда у него, значительное место было отведено его личным свойствам: обидчивости, щепетильности, мелочности; он глубоко чувствует раны последнего года, но чувствует их не так, как вся Болгария, а с точки зрения своего личного самолюбия; византийская корона, великая Болгария, гегемония на Балканах—все это были облюбованные им сюжеты и в глубине своей души он не перестает приписывать России то, что он этого всего лишился; наше сближение с Румынией у него стоит поперек горла, и он легче чем когда бы то ни было отдался голосу австрийской сирены, искавшей путем привлечения Болгарии вознаградить себя за утрату Румынии. Работа австрийцев пошла особенно быстрым темпом с момента, когда король Фердинанд уехал на время констанцского свидания в свои венгерские поместья [2], откуда, говорят, он ездил и в Вену; у меня были самые точные указания, что

---

[1] Имеется в виду приказ короля Фердинанда от 29/16 июня 1913 г. болгарским войскам напасть на сербские аванпосты без объявления войны; этот приказ в ночь на 30/17 июня был захвачен сербами при взятии в плен болг. полка и предан ими широкой гласности.

[2] Фердинанд вернулся в Софию 17/4 июня, когда вопрос о заключении займа в Германии был уже фактически решен.

всякая, даже мелкая любезность или внимание, оказанное нами румынам, были для него острым ножом. Вот почему он на следующий же день после вышеописанного заседания народного собрания санкционировал, не колеблясь, а некоторые даже уверяют с злорадной фразой против нас, то скандальное постановление собрания, которое отдает его страну в политическое и экономическое рабство немцев, а его—на суд истории.

Оппозиция не хочет сдаться легко и считает своею священною обязанностью пред болгарским народом протестовать и опорочить заем насколько возможно.

Объединившись единодушно (за исключением крайних социалистов), оппозиция опубликовала [17] 4 июля протокол, в котором она объявила, за подписями всех партийных шефов—Стамболийского (земледельческая группа), Малинова, Сакызова (широкие социалисты), Гешова, Цанова (радикалы) и Данева, что, вопреки требованию закона, договоры, подлежавшие обсуждению народного собрания, не были ни прочтены докладчиком, ни рассмотрены в финансовой комиссии; прений и голосования не было; стенографы не действовали; подсчета голосов не было, и объявленное большинство совершенно фиктивное; ввиду всего этого оппозиция объявляет, что считает заем неголосованным и, следовательно, не могущим иметь силу закона.

Оппозиция надеялась также, что, быть может, банки, видя все происходящее, не рискнут вверить свои капиталы правительству, но получаемые ими выгоды так велики и поддержка соответствующих правительств настолько сильна, что в данный момент аванс в 120 млн. уже переведен ими в распоряжение Болгарского народного банка.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 299. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 154. 20/7 июля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 151 [1].

---

[1] В тел. от 18/5 июля за № 151 Поклевский сообщал об окончании работ румыно-болг. смешанной комиссии и о предъявленных Румынией требованиях: наказания виновных и возмещения семьям пострадавших. По его сведениям, болг. прав-во еще не исполнило этих требований, но дало понять, что удовлетворит их в ближайшем будущем.

Во время столкновения, упомянутого во второй части моей телеграммы № 151 [1], убиты три болгарских солдата, ранен один. Официальная здешняя версия подтверждает, что первый выстрел был произведен с болгарского поста. Этот инцидент тем более прискорбен, что в тот же день болгарское правительство дало Румынии полное удовлетворение по первому инциденту и просило лишь не предавать этого факта гласности во избежание нападок со стороны болгарского общественного мнения. Болгары также утверждают, что румынская пограничная стража стала прибегать к оружию, после того как болгарским войскам на руфмынской границе отдано было, будто бы, строгое приказание оружием не пользоваться. По поводу последней болгарской претензии необходимо пояснить, что недавно, по моей инициативе и для избежания несчастных случаев с нашими рыбаками, здешний министр финансов дал пограничной страже негласное приказание ни при каких обстоятельствах не прибегать к оружию. Об этом приказании не знала даже миссия, и оно стало достоянием гласности лишь на-днях, когда здешние газеты заговорили об его отмене, вследствие осложнений на румыно-болгарской границе. Если же болгарское правительство действительно прибегло на сих первых пограничных столкновениях к вышеупомянутой благоразумной мере, то ему следовало известить об этом румынское правительство, которое, вероятно, последовало бы этому примеру. В настоящее время болгарское правительство желает получить от румынского за убийство трех болгарских солдат такое же удовлетворение, как то, которое было им самим дано за первый пограничный инцидент, и предлагает для расследования этого нового столкновения назначить международную комиссию, в которой приняли бы участие аккредитованные в Бухаресте или в Софии местные посланники. Здешнее правительство отказалось от последнего предложения и, в свою очередь, предложило ограничиться смешанной румыно-болгарской комиссией. Они также оговорили, что при оценке последнего столкновения должно быть принято во внимание как состояние возбуждения, в котором находилась румынская пограничная стража после предшествовавших инцидентов, так и то обстоятельство, что болгарское правительство стало затягивать вопрос об удовлетворении за первый инцидент. Румынский посланник в Софии,

---

[1] Во второй части этой телеграммы Поклевский сообщал о появившихся 18/5 июля в румын. газетах сведениях о новом румыно-болг. столкновении.

временно заменявший уехавшего в отпуск Нано, спешно выехал к своему посту [1].

Поклевский.

№ 300. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 64. 20/7 июля 1914 г.

В Цетинье распространились толки о возможности внезапного захвата австрийцами Ловчена, в противовес занятию итальянцами Валоны, будто бы уже... наготове войска. Черногорское правительство приняло некоторые меры предосторожности, хотя тревоги не проявляет. Имеются основания предполагать, что эти толки отчасти поддерживаются здешним итальянским представителем [2]. Особого значения пока им не придаю. Подробности курьером.

Гирс.

№ 301. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 359. 20/7 июля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму № 249 [3].

Мы сговорились с японским поверенным в делах сообщить сначала частным образом китайцам текст соглашения о соединении наших телеграфов в Манчжурии [и] условиться с ним о том, в какую форму облечь наше официальное выступление для получения одобрения китайским правительством означенного акта [4]. Несмотря на наши неоднократные напоминания, мы еще не имеем ответа. Г. Обта узнал в министерстве путей сообщения, что китайцы, будучи в принципе готовыми одобрить соглашение, задерживают ответ, желая иметь объяснения по двум пунктам, касательно которых он

---

[1] Тел. от 21/8 июля за № 156 Поклевский сообщил, что рум. посланнику в Софии предписано заявить о согласии рум. прав-ва выдать семьям пострадавших денежное возмещение с тем, чтобы: 1) была произведена смена нынешнего состава как рум., так и болг. пограничной стражи, и 2) посты были бы удалены на 100 *м* от границы. Одновременно посланнику поручалось запросить у болг. прав-ва объяснения по поводу имевшихся в Бухаресте сведений о концентрации болг. войск и военных припасов на рум. границе.

[2] Ср. B. D., v. XI, № 71.

[3] Тел. за № 249 Граве сообщал, что по просьбе японского посланника совместное выступление с ним Граве для получения одобрения кит. прав-вом соглашения о соединении телеграфов в Манчжурии отложено.

[4] Конвенция предусматривала получение согласия кит. прав-ва на работы и действие телеграфа в Манчжурии.

снесся со своим правительством, но до сих пор указаний не получил. Китайцы находят, что соглашение уменьшит доходы их харбинской телеграфной станции на значительную сумму и желали бы выяснить, каким образом им возместят эти убытки. Затем их интересует, будем ли мы строить новые телеграфные линии или ограничимся существующими железнодорожными. Наконец, Обта имеет основание думать, что китайское правительство обратит также внимание на то, что новое соглашение противоречит параграфу 9 соглашения 1907 г. между Китайской Восточной железной дорогою и китайским телеграфным управлением[1]. Прошу указаний.

Граве.

№ 302. Памятная записка германского посольства в Петербурге министру иностранных дел [2].

21/8 июля 1914 г.

Le gouvernement monténégrin a proposé dans le temps aux grandes Puissances d'assurer le service de l'emprunt monténégrin projeté en garantissant le payement des intérêts en tant qu'ils dépassent les 2% garantis par le Monténégro [3].

Le gouvernement impérial allemand serait reconnaissant d'être informé de l'attitude que le gouvernement impérial russe compte prendre dans cette question et, le cas échéant, de la quote-part dont il aurait l'intention de se charger.

Перевод.

Черногорское правительство в свое время предложило великим державам обеспечить обслуживание проектированного черногорского займа, гарантируя платеж процентов, поскольку они превышают 2%, гарантированные Черногорией.

Императорское германское правительство было бы признательно за получение сведений о позиции, которую рассчитывает занять российское императорское правительство в этом вопросе и в подлежащем случае о доле, которую оно намерено принять на себя.

---

[1] Согласно ст. 9 соглашения КВЖД с Китаем от 7 окт./24 сент. 1907 г. (см. соглашения между Россией и Китаем по вопросам ж. д., почтово-телеграфным и таможенным, прилож. к вып. 3 и 4 „Известий м-ва ин. дел" за 1916 г., стр. 63): „В случае, если японская и русская жел. дороги или ж. д. телеграфы в Манчжурии будут соединены, устанавливается, что управление ж. д. будет разрешать обмен только действительно служебных телеграмм по обеим сетям".

[2] На подлиннике помета: „Передана В. А. Арцимовичу германским послом 21/8 июля 1914 г.".

[3] См. № 77.

№ 303. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

21/8 июля 1914 г.

His Majesty's Government learn that £ 10 930 (tomans 60 000) have been impounded from the surplus of the Northern customs receipts for the half year by order of the Imperial Legation at Teheran to meet „claims of Russian creditors" and £ 30 000 (tomans 169 000) on account of „supplementary expenses incurred by the cossack brigade"[1].

His Majesty's Government observe with regard to the seizure of the proceeds of the Northern customs to meet Russian claims that this revenue includes the Seistan customs receipts which are derived from purely British trade and the Kermanshah customs receipts derived from British, German and Turkish trade. Sir Edward Grey therefore trusts that the Imperial Government will moderate their demands.

Перевод.

Правительство его величества осведомилось, что по приказу императорской миссии в Тегеране было удержано из излишков от поступлений северных таможен за полгода, дабы обеспечить „требования русских кредиторов", 10 930 ф. ст. (60 тыс. томанов) и 30 тыс. ф. ст. (169 тыс. томанов) для покрытия „дополнительных расходов, понесенных казачьей бригадой".

В связи с удержанием доходов северных таможен в целях обеспечения русских требований, правительство его величества отмечает, что этот доход включает поступления от сеистанских таможен, образовавшиеся от чисто британской торговли, и поступления от керманшахской таможни, образовавшиеся от британской, германской и турецкой торговли. Сэр Эдуард Грей поэтому уверен, что императорское правительство умерит свои притязания.

№ 304. Министр иностранных дел поверенному в делах в Берлине Броневскому.

·/. Телеграмма № 1461. 21/8 июля 1914 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мое письмо послам в Париже и Лондоне от [28] 15 мая 1914 г. № 361[2].

Итальянский посол передал просьбу своего правительства побудить берлинский кабинет принять участие в гарантии черногорского займа.

Благоволите переговорить по этому вопросу с министром иностранных дел, развив заключающиеся в указанном письме соображения.

Сазонов.

---

[1] См. № 291.

[2] См. № 77, прим. 4.

№ 305. Советник III политического отдела посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1464. 21/8 июля 1914 г.

Я указал банку на желательность, особенно ввиду начала нового царствования, оказать поддержку шахской казне, не связывая выдачи ссуды неприемлемыми или слишком тягостными условиями. Банк, согласный на выдачу 300 тыс., предписал Видеману умерить свои требования[1], ограничив их взносом правительственных доходов севера в наш банк на условиях 1912 г. и скорейшим окончанием дела Эмин-эс-Зарба, а равно акцептом бератов за 3 года на жалование Шоа-эс-Солтане в сумме 36 тыс. томанов. В случае, если и эти условия будут признаны вами слишком тягостными, попытаюсь склонить банк еще на некоторые уступки.

Клемм.

№ 306. Министр иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 457. 21/8 июля 1914 г.
Секретно. Спешно.

М. г. Владимир Александрович,

Ссылаясь на письмо вашего высокопревосходительства от 17/4 мая с. г. за № 4530[2], в коем мы уведомили о сделанных вами распоряжениях об отпуске обещанного монгольскому правительству оружия, имею честь препроводить у сего копию секретной телеграммы нашего дипломатического агента в Монголии от [17] 4 сего июля за № 186[3] с текстом общего соглашения касательно обязательств, принимаемых на себя монголами в связи с выдачей им нами сказанного оружия и условий уплаты за таковое.

Ввиду того, что в переговорах, которые ныне ведутся действ. ст. сов. Миллером по целому ряду вопросов, имеющих для нас весьма серьезное значение, монгольское правительство ставит желательное для нас разрешение этих вопросов в зависимость, наряду с получением от нас обещанной ссуды, и от выдачи ему означенного оружия, я бы считал весьма важным по возможности не задерживать подписание изложенного в телеграмме дейст. ст. сов. Миллера соглашения и отправку упомянутого в ней оружия в Ургу.

Вследствие сего я был бы крайне признателен вашему высокопре-

---

1 Ср. № 278.

2 Письмо Сухомлинова от 17/4 мая за № 4530 в делах архива б. м-ва ин. дел не обнаружено.

3 См. № 265.

восходительству за сообщение мне в возможно непродолжительном времени заключения нашего по поводу выработанного нашим дипломатическим агентом, совместно с монголами, проекта соглашения, дабы я мог, не откладывая, снабдить дейст. ст. сов. Миллера соответствующими указаниями.

Примите и пр. Сазонов.

№ 307. Посол в Вене министру иностранных дел.

%. Телеграмма [1]. 21/8 июля 1914 г.

Parti ce soir congé. Ai confié gérance au prince Koudacheff.

Schebeko.

Перевод.

Выезжаю сегодня вечером в отпуск; управление доверил князю Кудашеву.

Шебеко.

№ 308. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

%. Телеграмма. 21/8 июля 1914 г.

№ 1.

Шведская печать оживленно комментирует известие газет „Русского слова“, „Temps“ и „Figaro“, что президент Французской республики при посещении шведской столицы намерен передать от лица императорского правительства заверения, что Россия не питает по отношению к Швеции и Норвегии каких бы то ни было агрессивных намерений. Принимая это известие на веру, здешняя пресса высказывается в том смысле, что Швеция с своей стороны желает лишь только обеспечения своего нейтралитета, к каковой цели ведет предположенное усиление ее военных сил; что ожидаемые заявления президента будут встречены здесь с большим удовлетворением, но что необходимо подтверждение со стороны России, каковое может выразиться лишь только прекращением русского военного соглядатайства [2] в Швеции и постройки стратегических линий в Финляндии [3]. Неклюдов.

---

[1] Номер отсутствует.

[2] Деятельность русских военных и морских агентов в Стокгольме, начиная с 1912 г., постоянно вызывала более или менее основательные обвинения в организации шпионажа, свидетельством чему является дело полк. Асановича в ноябре 1913 г., отозванного по требованию швед. прав-ва.

[3] Речь идет о стратегическом пути, долженствовавшем соединить Петербург с Вазой и остальными портами Ботнического залива через Кексгольм—Нейшлот—Пиексимяки и Иввескилу, чем разгружалось движение по линии Петербург—Таммерфорс—Ваза.

№ 309. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма. 21/8 июля 1914 г.

№ 2.

Продолжение. Мое личное убеждение, что подобные отзывы шведской печати лишены всякого практического значения. Благоразумные люди, к коим, несомненно, следует причислять короля и министра иностранных дел, никогда и не верили в наши агрессивные намерения, искренне дорожат нейтралитетом Швеции и видят в вопросе об обороне лишь средство успокоить внутреннее брожение страны. Что же касается до партий военной и высшего дворянства, то они выдвинули наши мнимые военные меры лишь как средство увеличить вооруженные силы Швеции на случай столкновения России с Германией, при коем Швеция могла бы снова отнять у России большую или меньшую часть Финляндии. Таковы истинные цели и замыслы этих партий, глашатаем (коих) продолжает быть С. Гедин. Здешний... представитель Германии ограничивается крайне любезным отношением к местному обществу и участием в демонстративных братаниях между немцами и шведами. Но решительно ничего некорректного по отношению к России я со стороны моего германского коллеги ответить мне не мог.

Неклюдов.

№ 310. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 30. 21/8 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь представить при сем на усмотрение вашего высокопревосходительства текст подписанных [12 июля] 29 мин. июня болгарским министром финансов и представителем Disconto Gesellschaft в Софии[1], утвержденных [15] 2 июля народным собранием при известных вам условиях и санкционированных королем четырех договоров.

1. О займе в 500 млн. фр.

2. Об авансе в 120 млн. фр.

3. О постройке железнодорожной линии Хасково—Порто-Лагос и порта в Лагосе и

4. Об эксплоатации угольных копей в Пернике и Бобов-Доле.

Из ближайшего ознакомления с условиями этих договоров ваше

[1] Указанное приложение хранится в Архиве Вн. Пол. за № В. Б./Б. 74.

высокопревосходительство усмотрите, какие тяжелые обязательства принимает на себя болгарское правительство.

1. В финансовом отношении это самый тяжелый заем, который когда бы то ни было был заключен Болгарией. Если принять во внимание все его технические подробности: сессионный курс, проценты, условия погашения и пр., выйдет, что болгарская казна получит вместо 500 млн. всего 390 млн.

2. Берлинские банки сохраняют за собой право опциона, т. е. по своему усмотрению они могут дать или не дать деньги, причем сроком для первой части займа назначено [14] 1 августа 1915 г., а второй—[14] 1 августа 1917 г.

3. Ввиду лежащего на болгарском правительстве обязательства уплатить 155 млн. России, Франции и Австрии по бонам казначейства и поставкам и принимаемого на себя вновь обязательства оставить в Германии и Австрии 150 млн. на предстоящие заказы для сооружения железнодорожной линии Хасково—Лагос и оборудования Порто-Лагос, от всего займа в болгарскую казну поступит всего-на-всего не более 50 млн., причем реквизиционные свидетельства[1] так и остаются неоплаченными.

4. Болгария в первый раз отдает в чужие руки постройки своих железных дорог и пристаней, причем торги на эти постройки поставлены в самые невыгодные условия. Они производятся банковским консорциумом исключительно между австрийскими и германскими предпринимателями и со всевозможными выгодами в пользу консорциума. Материалы на все сооружения поставляются исключительно Австрией и Германией.

5. В течение 50 лет со времени платежа по первому купону болгарское правительство обязуется получать только через Disconto Gesellschaft все материалы, необходимые для эксплоатации и поддержания построенной железнодорожной линии и порта.

6. Болгария дарит безвозмездно на вечные времена богатейшие угольные копи Перника и Бобов-Дола, оцениваемые минимум в 30 млн. лева и дающие теперь чистого дохода казне 1 300 тыс. лева. Болгарский народный и земельный банки имеют право участия в эксплоатации мин, в размере 30%, но при условии внесения ими соответствующего основного капитала.

Все отмеченные grosso modo недостатки займа создают гибельный прецедент для будущих заграничных займов Болгарии, что

[1] Реквизиционные свидетельства, выданные болг. правительством в 1912/13 гг. во время первой и второй балканских войн.

совершенно основательно пугает общественное мнение, считающее этот заем преступным и подрывающим достоинство и кредит Болгарии, посягающим на ее экономическую и финансовую независимость и знаменующим собою начало подчинения чужим державам.

Примите и пр.

Савинский.

№ 311. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 21/8 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В предыдущем письме[1] я изложил всю, так сказать, историческую сторону происшедших здесь за последние дни событий, затронув их существо лишь постольку, поскольку в них принимал участие король Фердинанд.

В настоящем письме мне бы хотелось коснуться политической стороны займа и в связи с нею и того положения, которое нам будет следовать занять по отношению к Болгарии и ее теперешнему правительству.

Настойчивость, с которою не только немецкие банки, но германский и австрийский представители здесь, а соответствующие правительства в Берлине и Вене, отнеслись к займу; решительное и упорное нежелание короля и правительства рассмотреть французские предложения; решение во что бы то ни стало принять разорительные предложения немецких банков; опасение, которое правительство проявило за исход дебатов и голосования, если бы таковые имели место; наконец, бессовестное эскамотирование всех требуемых конституцией форм, и это в таком важном вопросе, как полумиллиардный заем с целым рядом весьма обременительных и долгосрочных концессий,—все это заставляет, мне кажется, безошибочно продполагать, что здесь имелась в виду не просто финансовая операция.

В весьма доверительном письме от [29] 16 мая с. г.[2] я уже имел случай останавливаться подробно на том вполне определенном плане экономического и политического завоевания Ближнего Востока, который выработала и систематически приводит в исполнение Австро-Германия. Заключенный [15] 2 июля болгарский заем является лишь новым шагом в этом направлении. Экономическое его значение—помимо непосредственных банковских выгод—становит-

[1] См. № 298.

[2] См. т. III, № 119.

ся совершенно ясным из более близкого ознакомления с получаемыми немцами концессиями и привилегиями.

Что же касается политической стороны, и в частности отдельных секретных условий, то здесь, конечно, остается обширное поле для догадок и предположений. Возможно, что Германия выговорила себе право иметь угольную станцию в Порто-Лагосе; говорят также о военных поставках в особо усиленных размерах, равно как есть указания на то, что Болгарией частью уже получены, а частью получаются из Австрии лошади, орудия, ружья и другие предметы вооружения[1]; этого не скрыл от меня сам Радославов, сказав, что Болгария, нуждаясь во что бы то ни стало в усилении армии, примет помощь от всякого, кто захочет ее дать.

Не будучи в состоянии примириться с потерею Румынии, Австрия искала, очевидно, случая отдалить Болгарию от нас и закрепить ее за Тройственным союзом; сознавая однако, что ей никоим образом не удастся в случае общих осложнений заставить болгар действовать непосредственно против России, Австрия подошла к вопросу, вероятно, иначе и, затронув чуткую теперь болгарскую струну, со свойственным ей цинизмом обещала Болгарии Македонию, если она в случае европейского конфликта нападет на Сербию и этим облегчит Австрии войну на два фронта.

Что действия Австрии имеют в виду все ту же цель—разъединение балканских государств и извлечение этим путем собственных выгод,—не подлежит никакому сомнению; новым доказательством этого является натравливание ею Болгарии и Румынии друг против друга в вопросе о пограничных инцидентах (см. мою секр. тел. № 139[2]).

В расчет Австрии входит так же, как и в 1908 г. во время аннексии Боснии и Герцеговины, связать до некоторой степени Болгарию с собою в предположении, что наши традиционные отношения к болгарам затруднят наше выступление против них.

Конечно, нам вряд ли удастся когда-нибудь узнать в точности, в чем именно заключается политическое соглашение Австрии с Болгарией, но что оно есть,—на это, помимо вышеприведенных соображений, указывают и слова Добровича, переданные в моей телеграм-

---

[1] Российский военный агент в Болгарии Романовский в течение 1913/14 гг. неоднократно доносил военному ведомству о крупных заказах на поставку винтовок, снарядов, пулеметов и прочего военного снаряжения, сдававшихся болг. прав-вом австр.-венг. заводам, а также о получении Болгарией винтовок непосредственно из австро-венг. складов.

[2] См. № 284.

ме № 135[1], что „заем в Берлине не означает, что Болгария отдается Австрии pieds et mains liés“,[2] и особенно длиннейший разговор, который я имел сегодня с Радославовым.

Я видел его в первый раз после скандального заседания народного собрания [15] 2 июля, и он был видимо сконфужен допущенным им попранием конституции и неслыханным обращением с законопроектом столь большой важности для страны. Он старался меня уверить, что иначе поступить он не мог, что был вынужден к этому оппозицией, что, наконец, наказ давал ему на это право и т. д., но в его словах звучало недоверие к своим собственным доводам, и мое замечание, что мы с ним находимся слишком близко ко всему происшедшему для того, чтобы правильно о нем судить, а что все рассудит беспристрастное общественное мнение Европы,—его, видимо, смутило; он засуетился, стал спрашивать, причем тут Европа, когда это дело болгарское, и еще долго говорил столь же неубедительные вещи.

На мой вопрос, как мог он взять такую тяжелую перед отечеством ответственность,—отклонить, с одной стороны, рассмотрение неизмеримо более выгодных французских условий займа, а с другой—принять без обсуждения и без голосования все обязательства—экономические и политические—займа немецкого, он стал уверять меня, что условий политических нет, а тот факт, что он обратился к немцам, он объяснил приблизительно так: „в Бухаресте мы ясно увидели, что Россия от нас отвернулась; одного слова Шебеко было бы достаточно, чтобы сохранить за нами и Македонию и Каваллу; этого слова сказано не было, и благодаря этому мы находимся теперь в нынешнем жалком положении“. Явная недобросовестность его слов так очевидна, что не стоит ее опровергать, о чем я ему и сказал, но эти слова имеют показательное значение; Радославов—человек ограниченный и, очевидно, повторял заученный урок, чего, должно быть, не сделал бы ни Геннадиев, ни другой более тонкий дипломат; тем не менее в его словах нельзя не видеть отражения всего того, что говорилось и королем и тем же Геннадиевым, когда принималось решение взять деньги от немцев, но за то и связать себя с ними по рукам и по ногам. Продолжая проговариваться и дальше, Радославов сказал мне, что однако немцам не удастся онемечить болгар, которые останутся всегда болгарами; на мое замечание, что верный и преданный России на-

---

[1] См. № 250.

[2] „Связанная по рукам и ногам“.

род болгарский никогда не поймет политики сближения с немцами, мой собеседник имел наивность—если бы он не был так глуп, я сказал бы: дерзость—сказать, что и народ уже не так верит России, что он чувствует себя оставленным и оставленным всеми: теперь мы восстановили против себя Россию, в лице Австрии и Германии мы имеем только врагов славянства, с соседями мы со всеми в ссоре; мы не славяне—мы монголы, и ничего у нас нет общего ни с сербами, ни с русскими. Как ни сумбурны эти фразы и мысли, но, зная уже достаточно Радославова, я могу с уверенностью сказать, что это обрывки непереваренных им мыслей, высказывавшихся кругом него все эти дни, предшествовавшие подписанию займа со всеми его политическими последствиями.

Заключение займа знаменует таким образом эпоху и известный этап в политической ориентировке Болгарии, и нам предстоит теперь задача решить, каково будет наше ближайшее отношение как к нынешнему правительству, так и к Болгарии вообще.

Что касается Болгарии, то да будет мне позволено высказать мнение, что на нашем отношении к ней не должно отразиться поведение ее теперешних правителей; несмотря на все их усилия, им не удастся так скоро ослабить те узы, которые связывают оба народа; но не нужно от себя скрывать, что результатом займа будет дружная и последовательная работа немцев над Болгарией,—работа, с которой нам придется считаться и бороться. Что же касается теперешних заправил, то если ваше высокопревосходительство изволите припомнить, я не раз высказывался в том смысле, что с ними можно было бы наладить совместную работу, и я не раз просил на это разрешения, особенно, когда нужно было спасти Болгарию от немецкого займа; но это было тогда, когда у нас в руках было такое могучее орудие, как заем. Теперь же и мне кажется, что следует казнить этих людей презрением и ждать того момента, когда они сами придут к нам или, что гораздо желательнее, когда они уступят место другим, более достойным. Боюсь только, что теперь это так скоро не случится.

Примите и пр. Савинский.

№ 312. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 545. 21/8 июля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 534 [1].

Как на дополнительную компенсацию на случай, если бы мы не добились содействия Франции в вопросе о немедленном введении

[1] См. № 287.

нашего делегата в Совет оттоманского долга, я указал бы на предоставление нам преимущественного права на эксплоатацию нефтяных земель в Ванском, Эрзерумском, Битлисском и Кастамунском вилайетах. Право это, конечно, могло бы быть предоставлено только до известного, сравнительно краткого срока, до истечения коего должна была бы образоваться русская финансовая группа, которая могла бы выступить с соответствующим заявлением.

Гирс.

№ 313. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 546. 21/8 июля 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 1393[1].

Салем выехал в Париж до получения письма Русско-азиатского банка. Крайне желательно, чтобы из-за его отсутствия не был отложен вопрос о получении разрешения на производство нами разведок. Быть может, банк нашел бы возможным немедленно командировать сюда Н. Рафаловича, чтобы наладить дело. Он мог бы вместе с тем установить условия образования рядом с Салоникским банком русского общества для наших предприятий на Востоке, о коем говорит ваша телеграмма № 1314[2]. Скорейшее образование такого общества необходимо для обеспечения за собою того или другого важного для наших интересов предприятия. Для образования такого общества, имеющего характер отчасти разведочного органа, необходимо требовались бы большие средства. Лично более целесообразной представлялась бы мне такая постановка, при которой Русско-азиатский банк вошел бы в соглашение с другими русскими банками и с здешним банкирским русским домом, который по своему знакомству с местными условиями мог бы оказать делу ценные услуги.

Гирс.

№ 314. Генеральный консул в Тавризе в III политический отдел министерства иностранных дел.

Телеграмма № 527. 21/8 июля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран, ссылаясь на телеграмму посланника за № 342[3].

[1] См. № 195.

[2] См. № 57.

[3] Повидимому, за № 342 Коростовец сообщил в Тавриз инструкцию, содержащуюся в тел. за № 338 (см. № 290).

Намерением Шоджа-эд-Доуле было дать понять правительству, что коронация будет отпразднована Азербайджаном и, следовательно, молодой шах признан таковым в Тегеране лишь при условии несоблюдения требуемых конституцией формальностей [1]. Ввиду сильного противодействия духовенства Шоджа-эд-Доуле пришлось распространить слух, что коронация будет совершена шахом на тех же основаниях, как и его предками. Я прилагаю усилия, чтобы население приняло участие в торжествах, хотя это очень трудно. Первый день проходит благополучно. Утром был селям, затем прием консульского корпуса, от имени которого я приветствовал коронование шаха, и европейской колонии. Вечером у Шоджа-эд-Доуле будет сожжен фейерверк и состоится обед для чиновников и европейцев в парадной форме. Правительственные здания, консульство и базар расцвечены флагами и коврами. Вечером повсеместно будет иллюминация. В консервативных кругах и среди духовенства против меня сильный ропот.

Орлов.

№ 315. Дипломатический агент и генеральный консул в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 192. 21/8 июля 1914 г.

Получил № 2191 [2].

После доложенного в секретной телеграмме моей № 169 [3] вступления окончательной текст соглашения (о) ссуде следующий: „Статья первая. Российское императорское правительство выдает монгольскому правительству беспроцентную ссуду в 3 миллиона рублей. Сумма эта поступает в учреждаемое им при монгольском министерстве финансов государственное казначейство.—Статья вторая. Полученную ссуду монгольское правительство расходует [4] на улучшение финансового хозяйства, внутреннее устройство и ре-

---

[1] По получении приказания вашего превосходительства я настоял, чтобы празднование состоялось во что бы то ни стало. (Прим. подлинника.)

[2] Тел. за № 2191 (ошибочно посланной за этим номером, как гласит помета на отпуске, вместо предположенного для нее порядкового номера 1451) от 19/6 июля Сазонов предложил Миллеру „сообщить по телеграфу окончательный текст соглашения о ссуде".

[3] См. т. III, № 372.

[4] В отличие от окончательного текста в проекте соглашения после слова: „расходует" вставлена фраза: „согласно выработанным при участии советника монгольского правительства сметам государственных приходов и расходов".

формы, разные полезные культурные задачи, как-то: эксплоатация горных богатств, улучшение скотоводства, и на содержание и обучение при содействии русских и монгольских инструкторов войска.— Статья третья. Ссуда получается монгольским правительством через российское генеральное консульство в Монголии, причем после подписания сего соглашения в течение одного месяца последним выдается один миллион рублей, а остальная часть ссуды получается через каждые шесть месяцев по 500 000 рублей.—Статья четвертая. Упомянутые отдельные выдачи в счет ссуды в размерах, не превышающих сумм, указанных в статье третьей настоящего соглашения, производятся по одобрении императорским правительством смет расходования этих сумм, причем сметы эти вырабатываются при участии русского советника монгольского правительства, который следит за правильностью расходования ссуды по установленному назначению.—Статья пятая. Настоящая ссуда погашается монгольским правительством со дня получения последнего взноса в течение 30 лет по 100 000 рублей ежегодно через российское генеральное консульство в Монголии.—Статья шестая. Ссуда обеспечивается пошлинами и сборами с внешней торговли[1].—Статья седьмая. В случае, если бы поступления [от] обложения торговли оказались к какому-либо сроку недостаточными для покрытия платежей по ссуде, то монгольское правительство обязуется предоставить российскому императорскому правительству дополнительное обеспечение.—Статья восьмая. При повторении случаев неисправности в платежах российское императорское правительство получает право установить действительный контроль над доходами, служащими гарантией ссуды, и даже взять таковые в свое заведывание за счет монгольского правительства.—Статья девятая. Настоящее соглашение написано в (2) экземплярах на монгольском и русском языках. По подписании и приложении печатей один экземпляр хранится в российском императорском генеральном консульстве, а другой—в монгольском министерстве финансов. Дата и подписи".

К сему присовокупляю, что согласно просьбы монгольского правительства из первого взноса в миллион рублей удерживаются 400 000 рублей за обещанное монголам оружие.

Миллер.

---

[1] Ст. 6 проекта соглашения гласила: „Ежегодная уплата монгольским правительством обеспечивается пошлинами, взимаемыми с иностранных подданных".

№ 316. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Депеша № 55. 21/8 июля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к секретной телеграмме моей от [19] 6 июля за № 87[1] считаю долгом препроводить у сего на прочтение вашего высокопревосходительства статьи газеты „Цюо", в которых приведена часть речи министра земледелия и торговли виконта Оура о неизбежности второй войны между Россией и Японией.

Хотя на другой день после опубликования этой речи появилось в газетах опровержение секретаря министерства, заявившего, что в речи министра ничего подобного не было и что Оура, будто бы, только указал на увеличение Россией своих военных сил на Дальнем Востоке, побуждающее и Японию позаботиться о том же, однако общее впечатление, выносимое из сопоставления статей „Цюо" со статьями „Ници-Ници", „Нироку" и других листков, и самый факт (оставшийся неопровергнутым) обращения Оура к содействию полиции, чтобы его речь не появилась в печати, равно как и задержания выпуска „Цюо" от 17 [4] июля, достаточно подтверждают, что подобная бестактная выходка со стороны одного из членов правительства действительно имела место.

Оура, как известно, начавший свою карьеру с должности низшего полицейского чина constable в Токио и бывший затем начальником токийской полиции, сделался, при поддержке покойного Кацура, министром внутренних дел в его кабинете и ныне считается одним из лидеров бюрократической группы и теперешней правительственной партии „досикай" образованной Кацурой. Премьер Окума предложил ему портфель министра земледелия и торговли в своем кабинете ища в партии „досикай" поддержку против оппозиционного „сейюкая", располагающего большинством в парламенте. Предвидя неизбежный роспуск последнего, министры предприняли как бы заблаговременную предвыборную кампанию. Речь Оура в городе Фукусима перед 600 торговопромышленников имеет несомненной целью подготовить избирателей к тому, что торжественно обещанное новым премьером понижение налогов (в частности с торговых и промышленных предприятий) не может осуществиться под предлогом необходимости отпуска усиленных

[1] Этой телеграммой Малевский, сообщая о речи Оуры, запрашивал Сазонова, „не следует ли обратить внимание министра ин. дел на опасность для дружественных отношений между обеими державами подобных выступлений, способных поколебать доверие и прочность мира на Дальнем Востоке".

кредитов на вооружения. Бюрократическая группа, близкая военному клану, не оставила надежды провести в угоду последнему при новом правительстве, при посредстве комитета государственной обороны, план образования двух новых дивизий с 1915 г., притом в ускоренный срок. Речь Оуры, таким образом, является лишь одним из приемов политической пропаганды той крайне непопулярной здесь в настоящее время идеи, что вооружения необходимы во что бы то ни стало.

Та тревога, которую забили правительственные листки по поводу будто бы искажения некоторыми газетами речи министра земледелия и торговли, дает повод предполагать, что преднамеренности со стороны правительства в данном случае не было, и что Оура должен нести лично ответственность за высказанные алармистские предположения. Вероятно, его коллеги по кабинету, особенно же барон Като, немало смущены его бестактностью. Тем не менее факт остается налицо: член правительства позволил себе в публичном собрании произнести по адресу соседней дружественной державы предположения, которые способны породить тревогу и поколебать доверие к прочности взаимных отношений между обоими государствами и в незыблемости мира на Дальнем Востоке.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 317. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 320. 21/8 июля 1914 г

Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

При записке от [10 июня] 27 минувшего июня за № 428 ваше высокопревосходительство изволили препроводить на мое заключение поступившие от нашего поверенного в делах в Пекине донесения по поводу начатых с китайским правительством переговоров о предоставлении русским концессий на сооружение железных дорог в Северной Манчжурии.

Вследствие сего имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что в данном вопросе необходимо, на мой взгляд, различать два отдельных момента, на которые уже обращено внимание китайского правительства в памятной записке нашей миссии в Пекине от [21] 8 мая[1] сего года, а именно: 1) оформление

[1] См. стр. 185, прим. 2.

принципиального согласия Китая на выдачу русским предпринимателям концессий на сооружение намеченных советом министров железнодорожных линий, и 2) выработку подробных условий сооружения этих линий. Первый пункт должен был бы составить предмет непосредственного соглашения между китайским правительством и нашею миссиею в Пекине, переговоры же по второму пункту целесообразнее всего поручить китайским и русским делегатам в порядке проведения частных железнодорожных концессий. Для успеха дела назначение таких делегатов не должно задерживать оформления дипломатическим путем принципиального согласия китайского правительства на выдачу концессий, так как в противном случае для китайцев создастся возможность путем затягивания технических переговоров об условиях концессий, отсрочить на неопределенное время решение основного принципиального вопроса. Не встречая поэтому возражений против назначения теперь же делегатов для обсуждения условий концессий и немедленного приступа к выполнению ими своей задачи, я считал бы, с своей стороны, правильным, чтобы наша миссия в Пекине продолжала настаивать на скорейшем оформлении принципиального согласия китайцев на выдачу концессий.

Вместе с тем не могу не остановиться на выраженном китайским министром иностранных дел пожелании о том, чтобы при займе капитала и проведении линий была заблаговременно установлена степень возможного развития земледелия и промышленности вдоль этих линий и увеличения доходов, обеспечивающих капитал[1]. Это пожелание представляется мне неприемлемым, так как оно крайне осложнило бы и сильно затянуло бы предстоящие переговоры, а между тем подобного условия, насколько известно, китайцы не выдвигали при выдаче другим предпринимателям железнодорожных концессий.

Примите и пр. П. Барк.

№ 318. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

№ 509. 22/9 июля 1914 г.

En réponse à l'aide-mémoire en date du 16/3 juillet ct[2], le ministère impérial des affaires étrangères a l'honneur d'informer l'ambassade de sa majesté britannique, que le delégué russe à la Commission de

[1] См. № 124.
[2] См. № 242.

contrôle ne disposant ni de fonctionnaire qui puisse être envoyé en Epire, ni d'escorte pour accompagner ce dernier, le gouvernement impérial se trouve dans l'impossibilité d'accepter la proposition italienne.

Перевод.

В ответ на памятную записку от 16/3 июля с. г. императорское министерство иностранных дел имеет честь уведомить посольство его британского величества, что, ввиду того, что русский делегат в контрольной комиссии не располагает ни чиновником, который мог бы быть послан в Эпир, ни эскортом для сопровождения последнего, императорское правительство лишено возможности принять итальянское предложение.

№ 319. Памятная записка сербской миссии в Петербурге министру иностранных дел [1].

22/9 июля 1914 г.

Confidentiel.

Excellence,

Le gouvernement royal est rempli d'inquiétude quant aux intentions qui se couvent, en ce moment-ci, à Vienne et à Budapest à l'égard de la Serbie et du peuple serbe. Ces intentions paraissent plus que malveillantes, vu, d'une part la persistance des bruits relatifs à une démarche projetée de Vienne et, d'autre part, la campagne violente de la presse austro-hongroise dont la tendance est évidemment d'alarmer l'opinion publique dans la monarchie et à l'étranger, afin de préparer le terrain pour la démarche à venir.

A ce sujet je viens de recevoir un télégramme de Monsieur Pachitch, me chargeant de signaler d'urgence au gouvernement impérial les faits suivants.

Immédiatement après la nouvelle de l'attentat de Sarajévo, le gouvernement royal, l'opinion publique et la presse serbe ont laissé entendre non seulement leurs regrets unanimes pour les victimes, mais aussi leur indignation générale contre ce crime horrible. Le gouvernement serbe a déclaré spontanément qu'il serait prêt à traduire en justice tout sujet serbe dont la complicité dans le crime de Sarajévo serait établie par des preuves [2]. En même temps il a fait savoir qu'il a déjà préparé un nouveau projet de loi en vue de renforcer les mesures légales pour la poursuite des éléments anarchistes autant qu'il en exis-

[1] Циркулярная телеграмма Пашича, положенная в основу этой ноты, опубл. в С. с. к., № 30.

[2] См. B. D., v. XI, № 53, тел. Креккенторпа Грею от 17/4 июля за № 44.

terait dans le royaume. La Serbie a ainsi montré qu'elle est prête à remplir tous les devoirs internationaux qui incombent à tout Etat européen.

Cependant, depuis l'attentat jusqu'à présent, le gouvernement d'Autriche-Hongrie n'a adressé aucune demande au gouvernement serbe ni en vue d'une enquête concernant les complices éventuels ni en vue de leur poursuite judiciaire, excepté une seule démarche faite relativement aux élèves qui, répudiés du séminaire de Pakratz, sont passés en Serbie pour y continuer leurs études. (Le gouvernement austro-hongrois ayant demandé des informations sur le lieu de leur séjour actuel, celles-ci lui ont été immédiatement fournies par le gouvernement de Belgrade.)

Mais, d'autre part, la presse austro-hongroise poursuit avec acharnement la campagne qu'elle a commencée, dès le jour de l'attentat, contre la Serbie et le peuple serbe, en inventant et lançant journellement des nouvelles les plus tendancieuses et en dénaturant et falsifiant les réponses de la presse serbe aux inventions et injures austro-hongroises, afin d'exciter l'opinion publique en Autriche-Hongrie et de préparer ainsi les conditions désirables pour le coup qu'on prémédite dans certaines sphères gouvernementales de Vienne et de Budapest. Il est hors de doute que ces cercles politiques et militaires, qui constituent aujourd'hui le plus grand danger pour la paix générale, se servent de cette guerre de presse pour exciter l'opinion publique de la monarchie à tel point qu'elle puisse, le cas échéant, être opposée aux dispositions pacifiques du vieil empereur. Au lieu de s'arrêter sur l'auteur du crime et de ses complices éventuels, la presse austro-hongroise s'acharne contre la Serbie et les idées „grand-serbes", en cherchant à les rendre, devant l'opinion publique de la monarchie et de l'étranger, coupables de l'attentat de Sarajévo, qu'elle désire exploiter politiquement contre l'Etat serbe autant que contre l'élément serbe vivant en Autriche-Hongrie.

Après cette tactique aux tendances les plus dangereuses de la presse austro-hongroise, et comme un des premiers résultats de cette campagne de presse, il faut signaler l'interpellation faite au parlement hongrois et la réponse significative du comte Tisza qui n'a même pas manqué, en parlant de la démarche qui se prépare à Vienne, de mentionner les mesures militaires et la possibilité d'un conflit en cas où le gouvernement serbe ne serait pas en état de donner une réponse satisfaisante et catégorique.

Du côté officiel austro-hongrois on ne réagit, donc, d'aucune manière contre l'attitude véhémente de la presse austro-hongroise. Non

seulement qu'aucun communiqué à tendance calmante n'a été jusqu'à présent publié par les organes responsables, mais, au contraire, cette campagne agressive est ravivée et alimentée par les représentants les plus autorisés de la monarchie, comme le prouvent le langage du comte Tisza et, d'une manière encore plus caractéristique, la dernière intrigue du ministre de l'Autriche-Hongrie à Belgrade, baron Giesl.

La mort soudaine de Hartwig ayant servi d'occasion à la presse austro-hongroise pour renforcer ses attaques non seulement contre la Serbie, mais aussi et surtout contre la mémoire du regretté ministre de Russie à Belgrade et la politique russe dans les Balkans, la presse serbe, lapidée journellement par des accusations aussi fausses qu'insensées, ne pouvait plus rester indifférente et répondit d'une manière, toutefois, très digne. Les agents austro-hongrois se servirent de cette polémique pour lancer et faire accréditer le bruit qu'un massacre se préparait à Belgrade contre les sujets austro-hongrois. Quoique l'ordre et le calme parfaits, qui régnaient en ce moment à Belgrade, eussent pu être le meilleur démenti de ces nouvelles inventions des agents provocateurs, certains sujets austro-hongrois commencèrent à se réfugier soit à Semlin, soit dans les hôtels de Belgrade et quelques uns même à la légation d'Autriche-Hongrie. Le baron Giesl fit alors savoir à Monsieur Pachitch—c'était le jour même de la fête de sa majesté le roi, fête célébrée dans le plus grand ordre — qu'un pogrome est organisé pour la nuit suivante contre la légation et les sujets austro-hongrois, et il demandait des mesures de protection en rendant d'avance la Serbie responsable de tout excès qui se serait produit. Monsieur Pachitch répondit que le gouvernement serbe n'avait pas le moindre fondement de croire que de pareilles démonstrations se préparent, mais qu'il va, néanmoins, satisfaire à la demande du représentant d'Autriche-Hongrie et entreprendre immédiatement des mesures nécessaires. Le lendemain il fut prouvé qu'on avait à faire à des dénonciations les plus ordinaires, et que l'histoire de l'organisation d'un pogrome était absolument fausse, inventée de toute pièce dans le but de pousser au paroxisme l'exaspération de l'opinion publique. Mais cela n'a point empêché le baron Giesl de continuer à affirmer, dans ses interviews publiés par les journaux de son pays, que le pogrome était préparé, Monsieur Pachitch ayant lui-même reconnu ce fait devant lui (!!), mais sa démarche en a prévenu l'exécution.

Le gouvernement serbe ne cesse pas, cependant, de prouver par son attitude et ses actes qu'il ne poursuit qu'un but: maintenir le calme, en agissant par tous les moyens à sa disposition sur l'opinion publique, la presse et les esprits en général, dans l'intérêt de la paix et

de bons rapports avec tous les voisins. Le gouvernement serbe s'est notamment efforcé, ces temps derniers, à améliorer ses rapports avec l'Autriche-Hongrie, lesquels avaient subi un certain refroidissement par suite des dernières guerres et des questions y connexes. Et à cet effet, la Serbie avait commencé à procéder au règlement d'une série de questions intéressant les deux Etats, comme celle des chemins de fer Orientaux, des nouvelles lignes de raccordement, des garanties absolues pour le transit austro-hongrois dans la direction de Sofia, Constantinople, Salonique et Athènes. Le gouvernement serbe considère que ses intérêts vitaux lui indiquent comme un de ses premiers devoirs de travailler au maintien de la paix et de l'ordre dans les Balkans.

Guidé par une telle politique dont le but est le maintien de la paix le plus longuement possible, le gouvernement royal considère de son plus haut devoir d'informer le gouvernement impérial de Russie que la Serbie désire sincèrement l'établissement des rapports normaux avec l'Autriche-Hongrie, qu'elle ne manquera pas à combattre toute tentative qui, de son territoire, tendrait à troubler la paix et la sécurité de la monarchie voisine, et qu'elle sera prête à accueillir toute demande de l'Autriche-Hongrie tendant à l'ouverture d'une action judiciaire par les tribunaux indépendants serbes contre les complices éventuels du crime de Sarajévo.

Mais, par contre, le gouvernement serbe ne pourrait, en aucun cas, donner suite à une démarche éventuelle que tout Etat désireux de conserver son indépendance et sa dignité eût refusé. Et justement l'agitation permanente que certains cercles et la presse d'Autriche-Hongrie provoquent et entretiennent avec tant d'artifice et de zèle, fait craindre que le but en est de fournir au gouvernement austro-hongrois le prétexte d'une démarche qui serait considérée par la Serbie comme une humiliation.

Le danger est là, et le gouvernement serbe a l'honneur de prier le gouvernement impérial de prendre sous sa haute protection le point de vue et la cause juste de la Serbie et de faire, au nom de la paix, ce qu'il jugera nécessaire, afin que la situation actuelle, due à la ténacité de menées austro-hongroises et pesant si lourdement sur la Serbie et les serbes, cède la place à de meilleures dispositions, si nécessaires à la pacification des esprits et à la consolidation de bons rapports entre Etats voisins.

Veuillez etc.

M. Spalaikovitch.

Перевод.

Доверительно.

Ваше превосходительство,

Королевское правительство чрезвычайно обеспокоено тем, что замышляется в настоящее время в Вене и Будапеште в отношении Сербии и сербского народа. Эти планы представляются более чем недоброжелательными, ввиду, с одной стороны, настойчивости слухов относительно проектируемого демарша Вены, а с другой—ожесточенной кампании австро-венгерской печати, которая, несомненно, своей целью ставит встревожить общественное мнение в пределах монархии и за границей, дабы подготовить почву для предстоящего демарша.

По этому поводу я только-что получил телеграмму от г. Пашича, поручающую мне срочно сообщить императорскому правительству следующие факты.

Немедленно после известия о сараевском преступлении королевское правительство, общественное мнение и сербская печать выразили не только свое единодушное сожаление о жертвах, но и общее их негодование по поводу ужасного преступления. Сербское правительство по собственной инициативе заявило, что оно готово подвергнуть судебному преследованию любого сербского подданного, соучастие которого в сараевском преступлении было бы подтверждено доказательствами. В то же самое время оно заявило, что им уже подготовлен новый законопроект в целях усиления предусмотренных законом мер преследования анархических элементов, поскольку таковые существуют в королевстве. Сербия показала, таким образом, что она готова выполнить все международные обязательства, выпадающие на долю всякого европейского государства.

Между тем с момента преступления до настоящего времени австро-венгерское правительство не обратилось к сербскому правительству ни с одним предложением ни о расследовании, имеющем целью обнаружить эвентуальных соучастников, ни об их судебном преследовании, за исключением одного демарша по поводу учеников, удаленных из пакрацкой семинарии и отправившихся в Сербию для продолжения своих занятий. (Австро-венгерское правительство запросило сведения относительно их нынешнего местопребывания, каковые ему были немедленно доставлены белградским правительством.)

С другой стороны, однако австро-венгерская пресса с ожесточением продолжает кампанию, начатую со дня преступления, против Сербии и сербского народа, изобретая и распространяя ежедневно тенденциознейшие известия и извращая и фальсифицируя ответы сербской печати на австро-венгерские измышления и оскорбления, в целях возбуждения общественного мнения Австро-Венгрии и подготовки таким образом желательных условий для удара, замышляемого в некоторых правительственных сферах Вены и Будапешта. Нет сомнения в том, что эти политические и военные круги, представляющие ныне величайшую опасность для всеобщего мира, пользуются газетной травлей, чтобы возбудить общественное мнение монархии до такой степени, чтобы иметь в случае надобности возможность противопоставить его миролюбивым наклонностям престарелого императора. Вместо того, чтобы сосредоточиться на виновнике преступления и его возможных сообщниках, австро-венгерская печать ожесточенно нападает на Сербию и на „великосербские“ идеи, стремясь вменить им в глазах общественного мнения монархии и заграницы вину в сараевском покушении, которое она желает использовать в политических видах

как против сербского государства, так и против сербского населения, живущего в. Австро-Венгрии.

Вслед за этой тактикой австро-венгерской печати с ее весьма опасными тенденциями, и как один из первых результатов упомянутой газетной кампании следует отметить интерпелляцию, внесенную в венгерский парламент, и знаменательный ответ графа Тиссы, не упустившего даже случая, говоря о демарше, подготовляемом в Вене, упомянуть о военных мероприятиях и о возможности конфликта в случае, если сербское правительство не сможет дать удовлетворительного и категорического ответа.

Со стороны официальных австро-венгерских кругов не оказывается таким образом никакого воздействия на вызывающую позицию австро-венгерской прессы. До сих пор не только не было опубликовано ответственными органами никакого сообщения успокоительного характера, но, наоборот, агрессивная кампания вдохновляется и поддерживается наиболее авторитетными представителями монархии, как доказывают заявление графа Тиссы и еще более характерная последняя интрига австро-венгерского посланника в Белграде—барона Гизля.

Внезапная смерть Гартвига послужила австро-венгерской прессе поводом усилить нападки, направленные не только против Сербии, но также, и в особенности, против светлой памяти русского посланника в Белграде и русской политики на Балканах. Сербская печать, ежедневно подвергающаяся столь же ложным, сколь безрассудным обвинениям, не могла оставаться равнодушной и ответила на них, впрочем в очень достойной форме. Австро-венгерские агенты использовали эту полемику, чтобы пустить и распространить слух, что в Белграде подготовляется избиение австро-венгерских подданных. Хотя порядок и полное спокойствие, царившие в этот момент в Белграде, могли бы служить лучшим опровержением этих новых вымыслов агентов-провокаторов, некоторые австро-венгерские подданные начали укрываться в Землине, в гостиницах Белграда, а кой-кто даже и в австро-венгерской миссии. Барон Гизль довел тогда до сведения г. Пашича—это произошло в самый день рождения его величества короля, день, отпразднованный с соблюдением полного порядка,—что на следующую ночь организуется погром миссии и австро-венгерских подданных, и требовал принятия мер охраны, заранее делая Сербию ответственной за всякие могущие произойти эксцессы. Г. Пашич ответил, что сербское правительство не имеет ни малейшего основания верить в подготовление подобных демонстраций, но что он тем не менее удовлетворит просьбу австро-венгерского представителя и немедленно примет необходимые меры. На следующий день было установлено, что приходится иметь дело с самыми обыкновенными доносами и что история об организации погрома была абсолютно ложной, полностью выдуманной с целью довести возбуждение общественного мнения до пароксизма. Это однако отнюдь не помешало барону Гизлю продолжать утверждать в интервью, опубликованных в газетах его страны, что погром был подготовлен, что г. Пашич, сам признал это в разговоре с ним (!!), но что его демарш предотвратил осуществление погрома.

Между тем сербское правительство не перестает доказывать как занимаемой им позицией, так и своими действиями, что оно преследует только одну цель: поддержать спокойствие, действуя всеми средствами, находящимися в его распоряжении, на общественное мнение, на прессу и на настроение умов вообще в интересах мира и добрых взаимоотношений со всеми соседями. В частности

сербское правительство стремилось за последнее время улучшить свои отношения с Австро-Венгрией, претерпевшие некоторое охлаждение в связи с последними войнами и связанными с ними вопросами. С этой целью Сербия приступила к урегулированию ряда вопросов, интересующих оба государства, как, например, вопроса о Восточных железных дорогах, о новых соединительных линиях, о полных гарантиях для австро-венгерского транзита по направлению на Софию, Константинополь, Салоники и Афины. Сербское правительство полагает, что его жизненные интересы предписывают ему, в качестве одной из первых его обязанностей, работать над поддержанием мира и порядка на Балканах.

Преследуя политику, целью которой является поддержание возможно длительного мира, королевское правительство считает своим непременнейшим долгом осведомить императорское российское правительство, что Сербия искренно желает установить нормальные отношения с Австро-Венгрией, что она не преминет бороться со всякой попыткой, исходящей из ее пределов и направленной к нарушению мира и безопасности соседней монархии, и что она будет готова принять всякое требование Австро-Венгрии, имеющее целью открытие судебного дела в независимых сербских судах против возможных сообщников сараевского преступления.

С другой стороны, однако сербское правительство ни в коем случае не могло бы подчиниться такому демаршу, который отклонило бы всякое государство, желающее сохранить свою независимость и свое достоинство. Между тем продолжительная агитация, которую известные круги и печать Австро-Венгрии так искусно и старательно провоцируют и поддерживают, заставляет опасаться, что целью их является доставить австро-венгерскому правительству предлог для выступления, которое будет рассматриваться Сербией, как унижение.

В этом и заключается опасность, и сербское правительство имеет честь просить императорское правительство принять под свое высокое покровительство правое дело Сербии, поддержать его точку зрения и сделать во имя мира то, что оно сочтет необходимым, дабы настоящее положение, созданное упорством австро-венгерских приисков и столь тяжело отражающееся на Сербии и сербах, уступило место лучшим отношениям, столь необходимым для умиротворения умов и для закрепления добрых отношений между соседними государствами.

Примите и пр.

Спалайкович.

№ 320. Министр иностранных дел поверенному в делах в Афинах Урусову.

*/. Телеграмма № 1467. 22/9 июля 1914 г.

Сообщается в Константинополь.

Me réfère télégramme Constantinople № 533 [1].

Благоволите указать греческому правительству на недопустимость усвоенного им в афонском вопросе образа действий и

[1] „Ссылаюсь на тел. из Константинополя за № 533“ (см. стр. 217, прим. 1).

предложить командировать в Константинополь особого делегата для ведения переговоров по этому делу, в случае если настоящий греко-турецкий кризис не позволяет Панасу им заняться.

Сазонов.

№ 321. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1471. 22/9 июля 1914 г.

Сообщается в Париж.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 189 [1].

Мы не получили до сих пор никаких заявлений от германского правительства касательно нежелания его участвовать в гарантии черногорского займа; об этом не упоминал и Пурталес, осведомлявшийся вчера о нашем отношении к делу займа и о доле нашего в нем участия [2].

Желали бы знать источник и степень достоверности известия об отказе Германии. Сазонов.

№ 322. Министр иностранных дел послу в Вене Шебеко.

/. Телеграмма № 1475 [3]. 22/9 июля 1914 г.

По доходящим сюда слухам, Австрия, повидимому, готовится выступить в Белграде с разными требованиями в связи с сараевскими событиями. Благоволите дружески, но настойчиво указать министру иностранных дел на опасные последствия, к которым может повести подобное выступление, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер. Из моих объяснений с французским министром иностранных дел явствует, что и Франция, весьма озабоченная оборотом, который могут принять австро-сербские отношения, не склонна допустить не оправдываемого обстоятельствами унижения Сербии. Французскому послу в Вене поручается преподать австро-венгерскому правительству советы умеренности [4]. По нашим сведениям, в Лондоне также очень осуждают приписываемое Австрии намерение создать международные затруднения на упомянутой почве, и великобританское правительство также поручает своему представителю в Вене высказаться в этом смысле [5]. Я еще не теряю надежды, что благоразумие

---

[1] См. 216.

[2] См. № 302.

[3] Опубл. в L. N., v. II, p. 275.

[4] См. L. J., № 22, тел. Вивиани Бьенвеню-Мартену от 24/11 июля 1914 г.

[5] См. B. D., v. XI, №№ 76 и 84.

одержит верх в Вене над воинственными течениями, и что заблаговременные предупреждения со стороны великих держав еще удержат Австрию от непоправимых мероприятий. Прежде чем обратиться к графу Берхтольду по сему поводу, благоволите сговориться с вашими французским и английским сотоварищами, но имейте в виду, что, во избежание нежелательного обострения вопроса, выступления ваши не должны быть ни совместными, ни одновременными.

Сазонов.

№ 323. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 192 [1]. 22/9 июля 1914 г.

Grey m'a dit [2] n'avoir toujours aucune information sur projet d'Autriche concernant Serbie, mais continue à être très inquiet. Il redoute la situation qui serait créée par une démarche d'Autriche dont teneur obligerait représentant russe à Belgrade à préciser son attitude ce qui constituerait un fait accompli des plus difficiles à réparer [3] et qu'il serait très désirable de prévenir. Il m'a dit que moyen le plus sûr qui lui venait à l'esprit serait peut-être que vous vous ouvriez le plus amicalement possible avec ambassadeur d'Autriche sur base de tension manifestée en Autriche et Serbie et émotion qui s'emparerait d'esprit pu-

---

[1] Опубл. Siebert, III, № 1069.

[2] Изложению беседы Грея с Бенкендорфом, о которой говорится в тел. Бенкендорфа за №№ 192—193, посвящена тел. Грея Бьюкенену от 22/9 июля за № 289 (B. D., v. XI, № 79), заметно отличающаяся по своему содержанию от названных телеграмм Бенкендорфа. В тел. Грея вовсе не упомянута беседа об Албании (тел. Бенкендорфа за № 193); наоборот, в тел. Бенкендорфа не говорится ни о части беседы, касавшейся Лихновского, ни, в особенности, о заключительной части беседы об инструкции, данной Греем де Гра (см. стр. 383, прим. 2). Другие расхождения в передаче содержания беседы указаны в дальнейших примечаниях. Заметим, что тел. Бенкендорфа за № 191, не помещенная в настоящем собрании, не имеет отношения к названной беседе. Она послана 18/5 июля и содержит ответ на запрос Сазонова (29/16 июня), насколько верны слухи о предстоящей продаже острова Суматры Нидерландами Германии.

[3] Версия Грея: говоря о желательности непосредственных австро-русских переговоров, Грей сказал: „If Austria made a demand in Belgrade, and the Russian Minister there was understood to support the Servians in resisting the demand, and Austria and Russia kept each other at arm's length meanwhile, it would be a very difficult situation". („Если Австрия предъявит в Белграде требования и окажется, что российский посланник поддерживает сербов в их сопротивлении требованиям, а Россия и Австрия тем временем держат друг друга на почтительном расстоянии, то создастся очень трудное положение".)

blic russe en cas d'exigences de l'Autriche mal fondées sur les faits et nacceptables [1]. Je lui ai demandé s'il avait causé avec ambassadeur d'Autriche. Il m'a répondu que non, mais qu'il comptait le faire et qu'il a télégraphié à Buchanan à ce sujet [2].

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне, что все еще не имеется никаких сведений об австрийском плане в отношении Сербии, но он продолжает очень беспокоиться. Он опасается положения, которое создалось бы в результате австрийского демарша, содержание коего обязало бы российского представителя в Белграде точно определить свою позицию; это создало бы весьма трудно поправимый совершившийся факт, который было бы очень желательно предотвратить. По его словам, наиболее верной мерой, пришедшей ему в голову, было бы пожалуй, чтобы вы объяснились в возможно более дружеской форме с австрийским послом по поводу напряженности положения, наблюдающегося в Австрии и Сербии, и насчет возбуждения, которое овладело бы русским обществом в случае предъявления Австрией плохо обоснованных фактами и неприемлемых требований. На мой вопрос, говорил ли он с австрийским послом, он ответил, что нет, но что рассчитывает сделать это и что телеграфировал Бьюкенену по этому поводу.

Бенкендорф.

---

[1] Версия Грея: говоря о том, что на месте Сазонова он пригласил бы австрийского посла к себе, сослался бы на газетные сообщения о предстоящем предъявлении Австрией Сербии каких-то требований, указал бы на силу сербофильских течений в России и на возможность такого их усиления в случае кризиса, которое сделало бы их непреодолимыми, Грей дальше предлагал Сазонову: „to ask the Austrian Government to take Russia into their confidence by telling them exactly the extent and nature of their grievance against Servia, and what they felt it necessary to ask. It might then be possible for the Russian Government to get the Austrian demand kept within reasonable limits" („просить австрийское прав-во оказать России полное доверие, изложив в точности размеры и характер его недовольства Сербией и чего оно считает нужным от нее требовать. Тогда, может быть, росс. прав-ву удалось бы достигнуть того, чтобы австр. требования были введены в разумные пределы").

[2] Об указании Бенкендорфа на желательность беседы Грея с австр. послом и об ответе на него Грея в тел. последнего не говорится вовсе. Заключительная часть тел. Грея Бьюкенену, отсутствующая в тел. Бенкендорфа, читается следующим образом: „Я также сказал ему (Бенкендорфу), что я заявил де Гра, отправляющемуся в конце будущей недели в Белград в качестве нашего посланника, что не нам надлежит занять крайнюю позицию в этом вопросе и что эвентуальные его слова в Белграде должны будут зависеть от того материала, который смогут представить австрийцы. Если они докажут, что заговор, приведший к убийству Франца-Фердинанда, был подготовлен и организован на серб. территории и что у Австрии имеются реальные основания жаловаться на Сербию, то это даст ему возможность настаивать в Белграде на том, что серб. прав-во должно представить Австрии самые серьезные доступные ему гарантии (assurances) против возникновения в Сербии в будущем подобных заговоров против Австрии".

№ 324. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

ⅰ/. Телеграмма № 193. 22/9 июля 1914 г.

Grey me dit que T. Ionesco lui avait dépeint avec vive inquiétude situation en Albanie, selon lui pleine de danger pour paix dans Balkans. Il lui dit que Roumanie, peu désireuse d'y envoyer détachements, s'y déciderait probablement, si cent ou cinquante hommes même détachés par chaque Puissance ayant troupes à Scutari étaient réunis à troupes roumaines de manière à donner un aspect international à expédition. Grey répondit à T. Ionesco qu'il comprenait... situation Roumanie, mais qu'il n'était pas en mesure lui promettre coopération d'un détachement anglais, que d'ailleurs il n'entendait pas faire d'objections principielles à intervention de Roumanie, que n'objecterait même pas à ce que d'autres Puissances fournissent détachements, si cela pouvait suffir à Roumanie. T. Ionesco dit que si Italie et Autriche seulement accordaient détachements, cela ne suffirait pas pour décider action roumaine. Grey lui dit encore que si toutes les Puissances étaient d'accord pour demander ce service à Roumanie, gouvernement anglais se joindrerait à cette démarche, mais pas isolément, attendu qu'il ne croit pas possible de s'adresser à une tierce Puissance pour demander un service qu'on refuse soi-même[1]. Grey demanda à T. Ionesco au compte de quel budget frais de l'expédition seraient portés. Ministre de Roumanie répondit que futur emprunt albanais devra y pourvoir. Grey répondit que conclusion ainsi en dépendait aujourd'hui de négociations entre les gouvernements français et autrichien pour banque. Grey m'a dit que entretien avait été clos par ce refus, mais que si événements se développaient comme prévoyait T. Ionesco, il pourrait se faire qu'on eût à y repenser.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне, что Т. Ионеску обрисовал ему с большим беспокойством положение в Албании, полное, по его мнению, опасности для мира на Балканах. Он сказал ему, что Румыния, мало склонная послать туда войска, вероятно, решилась бы на это, если бы к румынским войскам, с целью придать экспедиции международный характер, были присоединены по сто или хотя бы по пятидесяти человек, посланных каждой державой, имеющей войсковую часть в Скутари. Грей ответил Т. Ионеску, что он понимает . . . положение Румынии, но что он не в состоянии обещать ему сотрудничества английского отряда; что, впрочем, он не видит оснований для принципиальных возражений

[1] См. стр. 229, прим. 1.

против вмешательства Румынии; что он также не будет возражать против посылки другими державами отрядов, если это могло бы удовлетворить Румынию. Т. Ионеску сказал, что если одни только Италия и Австрия согласятся послать отряды, этого будет недостаточно для того, чтобы побудить Румынию действовать. Грей сказал ему также, что если все державы были бы согласны просить у Румынии этой услуги, английское правительство присоединилось бы к этому демаршу, но не будет действовать отдельно, так как он считает невозможным обратиться к третьей державе с просьбой об услуге, в которой сам отказывает. Грей спросил Т. Ионеску, за счет чьего бюджета были бы отнесены издержки по экспедиции. Румынский министр ответил, что будущий албанский заем должен обеспечить на это средства. Грей ответил, что решение вопроса таким образом зависит теперь от переговоров между французским и австрийским правительствами относительно банка. Грей сказал мне, что разговор таким образом закончился отказом, но что если события развернутся так, как предвидит Т. Ионеску, может быть, придется снова подумать об этом.

Бенкендорф.

№ 325. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 194 [1]. 22/9 июля 1914 г.

Me réfère à mon № 192.

Pour faire suite à notre entretien personnel d'hier Grey me fait parvenir texte du télégramme qu'il a adressé à Buchanan [2]: „It is possible that the result of the trial at Serajevo will be to show that the assassination plot was hatched on Servian territory owing to negligence on the part of the Servian Government. Should Austria be in position to justify any demands she may make upon Servia and if such demands do not exceed reasonable limits, I hope that everything possible will be done to prevent an appeal to force. Should the situation become difficult it would be highly desirable that matters should be discussed by Russia and Austria. If the situation seems to you to require it, you are authorised to speak in the above sense".

Benckendorff.

---

[1] Опубл. Siebert, III, № 1070 под датой 23/10 июля.

[2] B B. D., v. XI, № 67, телеграмма читается в иной редакции, настолько разнящейся от сообщенной Бенкендорфу, что представляется желательным воспроизвести ее полностью: „It is possible, that Servian Government have been negligent and that proceedings at the trial at Serayevo will show that the murder of the Archduke was planned on Servian territory. If Austrian demands in Servia are kept within reasonable limits and if Austria can produce justification for making them, I hope every attempt will be made to prevent any breach of the peace. It would be very desirable that Austria and Russia should discuss things together if they become difficult. Yon can speak in this sense, if occasion seems to require it".

Перевод.

Ссылаюсь на мой № 192.

В качестве продолжения нашей вчерашней личной беседы Грей прислал мне текст телеграммы, отправленной им Бьюкенену: „Возможно, что в результате расследования в Сараеве обнаружится, что заговор об убийстве был задуман на сербской территории вследствие небрежности, проявленной со стороны сербского правительства. Если Австрия будет в состоянии обосновать требования, которые она может предъявить Сербии, и если подобные требования не выйдут за разумные пределы, я надеюсь, что будет сделано все возможное, чтобы помешать обращению к силе. Если положение станет затруднительным, было бы весьма желательно обсуждение этого дела Россией и Австрией. Вы уполномочены высказаться в указанном выше смысле, если, по вашему мнению, положение этого потребует“.

Бенкендорф.

№ 326. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

√. Телеграмма № 195. 22/9 июля 1914 г.

Reçu télégramme 1459 [1].

Grey me dit hier que tout en ayant confiance dans déclaration de Vénizélos, informations qu'il avait reçues de Lamb et Troubridge l'avaient convaincu qu'epirotes ayant dans leurs rangs déserteurs grecs plus ou moins nombreux, s'étaient rendus coupables de graves excès. En vue d'impression très défavorable pour cause grecque il croyait devoir prévenir Vénizélos. En conséquence il a envoyé au ministre d'Angleterre à Athènes télégramme suivant: „You should inform Minister of Foreign Affairs saying that though I am convinced that Greece earnestly desires to prevent these occurences, the fact of their being due to Greeks, however irresponsible, must produce a very unfavourable impression. Some of the Powers are urging that a demarche should be made by all the Powers at Athens. You may join in any demarche about which your colleagues are unanimous, provided it is not inconsistent with giving Venizelos credit for good intentions according to my instruction above“.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 1459.

Грей сказал мне вчера, что хотя он и доверяет декларации Венизелоса, сообщения, полученные от Ламба и Трубриджа, убедили его в том, что эпироты, имея в своих рядах более или менее многочисленных греческих дезертиров, оказались виновными в тяжких насилиях. Ввиду весьма невыгодного

1 См. № 295.

для греческого дела впечатления он счел долгом предупредить Венизелоса. Вследствие этого он отправил английскому посланнику в Афинах следующую телеграмму: „Осведомите министра иностранных дел, что хотя я и убежден в том, что Греция серьезно желает предотвратить подобные явления, факт, что они совершены греками, хотя бы и неответственными, должен произвести очень неблагоприятное впечатление. Некоторые державы настаивают на демарше всех держав в Афинах. Вы можете присоединиться ко всякому демаршу, относительно которого ваши коллеги проявят единодушие, если только он не будет несовместим с доверием, оказываемым, согласно вышеизложенному, добрым намерениям Венизелоса".

Бенкендорф.

№ 327. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 22/9 июля 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je vous ai envoyé un petit télégramme d'alarmes [1] après avoir reçu une lettre de Vilenkine, qui dans la meilleure intention, j'en suis sûr, a fait un usage décidément trop large de ce que je lui avais dit du projet anglais pour la limitation de l'A. P. Oil Company. Je l'avais prié de parler à vous seul et sans compromettre Grey au point où il l'a fait, ce que je n'avais pas le droit de faire. Ce que Grey m'avait dit était tout privé et il parlait en son nom personnel. Pour mon compte cela me suffisait comme ouverture, mais rien de plus. J'ai repris ce sujet avec Grey aujourd'hui. Il m'a répété le peu qu'il m'avait dit, mais il a ajouté: „Je ne voudrais pas avoir causer de cela officiellement, ce que je vous en dis, je vous prie de le prendre comme privé". Les raisons du retard sont les suivantes. L'amirauté intéressée à cette question presque uniquement fait des recherches sur les îles, dans une partie de la sphère anglaise. Ces recherches ont déjà donné de très bons résultats, mais elles ne sont pas terminées. Avant de s'engager à négocier la cession du nord, il faut qu'elles aient été définitives. Le motif est que dès la semaine prochaine probablement le parlement sera saisi de l'affaire pour le vote de deux millions de livr. sterl. nécessaires. Grey me dit qu'il ne peut demander ces deux millions que sur des données positives et qu'il ne peut avant d'en avoir concernant les parages que l'amirauté a en vue, entrer en négociations pour la cession d'une partie notable de la concession. Grey me dit qu'en introduisant le projet il dira que toute entreprise dans le nord, comme toute mesure de sauvegarde, ne pourra être prise qu'après abouchement avec le gouvernement russe. Il ne contemplera aucune exten-

[1] См. № 231.

sion dans le nord. Il dira, au contraire, que la somme de deux millions est nécessaire pour l'échelonnement de l'exploitation suivant. En premier lieu les îles. Si cette source se trouvait insuffisante, la sphère anglaise serait exploitée. En troisième lieu seulement, et dans l'éventualité déjà tout à fait improbable de l'insuffisance des deux premières sources, la côte serait envisagée. Du reste de la zone neutre il ne serait pas question. Grey me dit que cette façon de poser la question est d'abord la réelle, et ensuite la seule qui rencontrera l'approbation du parlement, où l'opposition au projet ne manque pas.

Par conséquent, pour commencer les négociations, Grey désire attendre la confirmation complète sur la productivité des îles et de la sphère anglaise et le passage du projet au parlement. Il m'a répété qu'en parler déjà nuirait à l'affaire de la cession qu'il a en vue. Il m'a prié encore une fois de prendre ces renseignements à titre tout privé. Il a ajouté que dans les conditions qu'il entrevoit, cette cession n'offrira du côté anglais aucune difficulté. Elle entre, au contraire, dans l'intérêt anglais, elle couvre les besoins de l'amirauté, et n'expose l'Angleterre à aucun risque dans le nord.

De cette façon les choses peuvent un peu traîner, mais, je crois qu'il n'y aurait aucune difficulté à obtenir de Grey quelque déclaration qui nous couvre temporairement jusqu'à conclusion de l'affaire. Mais bien entendu, des bruits qui circuleraient dans les banques et les cercles financiers à Pétersbourg pourraient créer des embarras sérieux.

Grey m'a vivement remercié pour les instructions données au sujet de Kermanchah[1]. Il s'en est servi immédiatement hier à la Chambre, dès que cette question lui a été posée et il a ajouté que sa réponse avait fait la meilleure impression.

Mille amitiés très sincères. Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Получив письмо Виленкина, слишком широко использовавшего,—с наилучшими, я уверен, намерениями,—мои слова об английском проекте ограничения пределов Англо-персидской нефтяной компании, я послал вам краткую тревожную телеграмму. Я просил его говорить только с вами одним, не компрометируя Грея в такой степени, как он это сделал,—чего я не имел права делать. Сказанное мне Греем имело совершенно частный характер, и говорил он лично от своего имени. С моей точки зрения, этого было достаточно для начала, но не более. Сегодня я снова заговорил об этом с Греем. Он повторил то немногое, что он мне уже сказал, но добавил: „Я не хотел бы, чтобы мои слова считались сказанными официально; я прошу вас считать,

[1] См. №. 228.

что я сказал их частным образом". Мотивы промедления таковы. Будучи почти одно только заинтересовано в этом вопросе, адмиралтейство производит изыскания на островах, в пределах части английской зоны. Эти изыскания уже дали отличные результаты, но они не закончены. Необходимо, чтобы они были доведены до конца, прежде чем приступить к переговорам об уступке северной части. Дело в том, что в парламент, вероятно, уже на будущей неделе будет внесено предложение о вотировании потребных двух миллионов фунтов стерлингов. Грей сказал, что он может испрашивать эти два миллиона, только опираясь на положительные данные, и не может начать переговоры об уступке значительной части концессии, пока у него не будет таких именно данных в отношении намеченных адмиралтейством мест. По его словам, он скажет при внесении проекта, что всякие работы на севере, точно так же как и всякая мера охраны, могут быть предприняты только после переговоров с российским правительством. Он не коснется вовсе возможности какого-либо распространения на север. Он скажет, напротив, что сумма в два миллиона необходима для планомерного развития эксплоатации в следующем порядке: начнется она на островах; если этот источник окажется недостаточным, разработке подвергнется английская сфера. Лишь в третью очередь, и только в совершенно невероятном случае недостаточности двух первых источников, было бы принято во внимание побережье; об остальной части нейтральной зоны речи не будет. По словам Грея, такая постановка вопроса является прежде всего деловой, а затем и единственной, которая встретит одобрение парламента, где нет недостатка в противодействии проекту.

Прежде чем начать переговоры, Грей таким образом желает дождаться полного подтверждения [нефтяных] богатств на островах и в английской зоне и проведения проекта через парламент. Он мне повторил, что даже разговоры об этом уже повредили бы осуществлению уступки, которую он имеет в виду. Он просил меня еще раз отнестись к этим данным как к совершенно частным. Он добавил, что при предполагаемых им условиях эта уступка не встретит с английской стороны никакого затруднения. Напротив, она соответствует английским интересам, покрывает потребности адмиралтейства и не подвергает Англию никакому риску на севере.

При таких условиях дело может немного затянуться, но я думаю, что будет не особенно трудно добиться от Грея какой-нибудь декларации, которая устроит нас временно, до окончания дела. Следует однако помнить, что слухи, которые циркулировали бы в банковских и финансовых кругах Петербурга, могли бы создать серьезные затруднения.

Грей горячо меня благодарил за инструкции, данные по керманшахскому делу. Как только этот вопрос был ему вчера поставлен в палате общин, он немедленно воспользовался ими и он прибавил, что его ответ произвел отличное впечатление.

Тысяча искреннейших дружеских пожеланий. Бенкендорф.

№ 328. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 22/9 июля 1914 г.

Strictement personnelle.

Cher Сергей Дмитриевич,

On me prévient à l'instant qu'un Feldjäger part ce soir. Je n'ai qu'une demi-heure pour écrire à la hâte.

Depuis mon entretien avec Grey sur les dangers de guerre, il n'y est plus revenu, sauf pour me dire la semaine dernière que ces derniers jours il n'avait plus reçu de nouvelles alarmantes ni de Berlin, ni de Vienne. Mais je sais qu'il continue à être fort inquiet. Nicolson m'a dit ne pas partager cette alarme au même degré, persuadé que l'empereur d'Autriche ne se laisserait pas précipiter dans une guerre.

Mais puisque j'en ai l'occasion, je voudrais vous dire quelques mots sur des entretiens que j'ai eus samedi et dimanche avec Lichnowsky [1] qu'il a passés comme nous chez lord Lansdowne à Bowood. Entretien privé au suprême degré. Si bien que je vous supplie de ne pas le nommer. Il m'a dit lui-même: „Um Gottes Willen, sei mit meinem Namen vorsichtig. Nenne mich nicht... Je déteste tout ce qui est autrichien par tradition de famille, et pour les connaître de près, c'est-à-dire leurs défauts". D'ordinaire fort calme et un peu détaché et d'une indépendance de jugement aussi complète qu'agréable et honnête, Lichnowsky est réellement inquiet. Inquiet pour la paix et craignant des balourdises autrichiennes inacceptables à Belgrade. Il ne me l'a pas dit, mais c'est comme s'il n'avait plus dans son sac que le discours Tissa [2], qu'il m'a cité en passant, et qui lui déplaît extrêmement. Sur Berlin il s'exprime avec grande réserve, mais je sens qu'il ne compte pas sur une action modératrice de Bethmann Hollweg aussi énergique qu'à d'autres occasions passées. Il le regrette. Il me dit que celui qui comprend le mieux la situation à Berlin était Zimmerman, d'ailleurs trop petit pour être très important. En tout cas il ne m'a pas dit cette fois comme jadis qu'à Berlin on s'entremettrait énergiquement en faveur de la paix. Je crois qu'il peut avoir contribué à alarmer Grey. Il se tient au même point de vue que ce dernier. C'est le maintien de la paix dont il s'agit. Et il est tout aussi persuadé que Grey que de nous prêter une politique ou des intentions de guerre, autre que forcée, est absurde et ridicule.

Dès qu'il m'aperçut il vint me faire part de ses inquiétudes me disant que si personne ne faisait rien les choses risquaient de tourner mal. J'ai abondé en son sens lui disant que c'était le rôle indiqué de l'empereur Guillaume. Il m'a répondu: cela est tout à fait insuffisant. Le lendemain il est revenu à la charge et m'a dit que plus il y pensait, plus il croyait que quelque chose devait venir de Pétersbourg, une explication la plus amicale possible, sans menace directe, qui retombant sur Berlin aggraverait la situation. Quelque chose comme l'offre

---

[1] См. тел. Лихновского 20/7 июля за № 138 (K. D., № 85).

[2] Так в подлиннике.

de bons offices en vue de la situation manifestement tendue entre l'Autriche et la Serbie. Il croit que l'effet à Vienne serait énorme, „würde der Lage die Spitze brechen", renforcerait la main à l'empereur François-Joseph qui au cours de conversation avec nous ne permettrait certainement aucune démarche imprudente à Belgrade. Il a été jusqu'à me demander: une lettre de l'empereur Nicolas à l'empereur François-Joseph serait-elle impossible? Je vous épargnerai le récit de mes réponses: rapports avec l'Autriche, situation politique et morale de la Russie, opinion publique, impossibilité pour nous de coopérer à fortifier l'influence autrichienne en Serbie, absence de cas concret. Il me dit qu'attendre le cas concret serait bien tard, que c'est la démarche qu'il s'agissait d'arrêter ou modifier en s'entremettant. Il persistait à me dire que dès que des conversations seraient engagées, nous resterions maîtres de la situation, étant les maîtres à Belgrade. Influence qui redoublerait, si nous parions le coup d'une avanie à la Serbie. Si les autrichiens veulent la guerre, me dit-il, il n'y a rien à faire, le danger est que par maladresse et faiblesse ils y tombent, c'est là que devrait porter l'effort. Chaque jour de gagné est autant de gagné pour la paix, l'Autriche selon lui, ne pouvant rester longtemps ni en suspens, ni l'arme au bras. Je vous répète tout ceci à titre de renseignement, voir commérage, et ne voudrais ni conclure, encore moins prononcer d'opinion. Je ne verrai Grey que demain, après ce Feldjäger.

En réalité je crois que ces alarmes sont un peu exagérées, mais que la situation est critique, cela me paraît sûr. A notre point de vue il y a à dire ceci, c'est que si la fatalité amenait la guerre, plus nous aurons fait ostensiblement et manifestement et réellement pour l'éviter, meilleure sera notre situation et pire celle de l'Autriche même à Berlin peut-être. Pour Londres cela est supérieurement important, je n'ai pas besoin de vous le dire. Voilà ce que strictement entre nous je voulais vous écrire. Je vous supplie surtout de ne rien dire de cette lettre a Sverbeieff.

Mille amitiés très sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Строго лично.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Меня сейчас предупредили, что фельдъегерь отправляется сегодня вечером. Я располагаю только получасом, чтобы написать вам наспех.

Со времени моего разговора с Греем об опасности войны он больше к этому вопросу не возвращался; на прошлой неделе он мне только сказал,

что за последние дни не получал больше тревожных известий ни из Берлина, ни из Вены. Но я знаю, что он попрежнему очень встревожен. Никольсон мне сказал, что не испытывает такой же сильной тревоги, будучи уверен, что австрийский император не позволит втянуть себя в войну.

Пользуясь однако случаем, я хочу вам сказать несколько слов о беседах, бывших у меня в субботу и в воскресенье с Лихновским, проведшим эти дни, как и мы, у лорда Лансдоуна в Бовуде. Беседы в высшей степени частные,—настолько, что я умоляю вас не называть его имени. Он мне сам сказал: „Ради бога, будь осторожен с моим именем. Не называй меня... Я ненавижу все австрийское по семейной традиции и потому, что близко их знаю, т. е. знаю их недостатки“. Обычно очень спокойный, несколько не от мира сего, человек независимых взглядов, столь же цельных, сколь привлекательных и честных, Лихновский действительно встревожен. Встревожен за мир и опасается австрийских нелепостей, неприемлемых для Белграда. Он мне этого не сказал, но имеет, кажется, в запасе одну только речь Тиссы, которую он мне цитировал мельком и которая ему чрезвычайно не нравится. О Берлине он отзывается с большой осторожностью, но я чувствую, что он не рассчитывает со стороны Бетман-Гольвега на столь же энергичное умеряющее воздействие, как это бывало в прошлом. Он сожалеет об этом. Он сказал мне, что в Берлине лучше всего понимает положение Циммерман, слишком, впрочем, маленький человек, чтобы сыграть значительную роль. Во всяком случае, на этот раз он не сказал мне, как когда-то, что в Берлине энергично вмешаются в пользу мира. Я думаю, что он мог усилить тревожное настроение Грея. Он держится той же точки зрения, что и последний. Дело идет о сохранении мира. И он совершенно также убежден, как и Грей, что было бы нелепо и смешно приписывать нам воинственную политику или намерения,—если только нас к этому не принудят.

Как только он увидел меня, он поделился со мной своими тревогами, говоря, что если все будут бездействовать, то есть риск, что дело примет плохой оборот. Я согласился с ним, сказав, что активная роль должна выпасть на долю императора Вильгельма. Он мне ответил: „Этого совершенно недостаточно“. На следующий день он вернулся к своей теме и сказал мне, что чем больше он думает об этом, тем больше считает, что что-то должно исходить из Петербурга,—что-нибудь вроде беседы в самой дружеской форме, без прямой угрозы, так как последняя ухудшила бы положение, отразившись рикошетом в Берлине. Что-нибудь вроде предложения дружеских услуг, ввиду явно натянутых отношений между Австрией и Сербией. Он думает, что это произвело бы огромное впечатление в Вене, „лишило бы положение остроты“ и укрепило бы позицию императора Франца-Иосифа, который в течение переговоров с нами не допустил бы, конечно, никакого безрассудного демарша в Белграде. Он даже спросил меня, не представлялась ли возможной посылка письма императора Николая к императору Францу-Иосифу. Я не буду вас утруждать изложением моих ответов: по поводу отношений с Австрией, политического и морального положения России, общественного мнения, невозможности для нас содействовать укреплению австрийского влияния в Сербии, отсутствия конкретного повода. Он сказал мне, что ожидать конкретного повода значило бы запоздать, что речь идет о том, чтобы приостановить или видоизменить своим посредничеством демарш. Он настаивал на своем, говоря, что и тогда, когда завяжутся переговоры, мы попрежнему останемся

господами положения, будучи хозяевами в Белграде. Это влияние удвоилось бы, если бы мы парировали тяжелое оскорбление Сербии. Если австрийцы желают войны,—сказал он мне,—тогда ничего не поделаешь, опасность заключается в том, что они будут втянуты в нее своей неловкостью и слабостью, и именно к устранению этого должны быть направлены усилия. Каждый выигранный день есть вместе с тем выигрыш в интересах мира. Ибо Австрия, по его мнению, не может долгое время оставаться ни в нерешительности, ни с оружием в руках. Я вам повторяю все это в качестве информационного материала, даже сплетни, и не хотел бы ни делать вывода, ни тем более высказывать мнения. Я увижу Грея только завтра, после фельдъегеря.

В действительности я думаю, что эти тревоги несколько преувеличены, но что положение критическое,—это для меня очевидно. С нашей точки зрения следует сказать, что если судьба приведет к войне, то чем больше мы сделаем явно, открыто и реально для ее предотвращения, тем лучше будет наше положение и тем хуже положение Австрии, может быть, даже в Берлине. Для Лондона это исключительно важно, нет нужды говорить вам об этом. Вот то, что я желал вам написать, строго между нами. Я вас особенно прошу ничего не говорить об этом письме Свербееву.

Тысяча искреннейших дружеских пожеланий. Бенкендорф.

№ 329. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 41. 22/9 июля 1914 г.

Сан-Джулиано чрезвычайно озабочен австро-сербскими отношениями. Хотя ему содержание австрийской ноты Сербии еще не известно [1], но он не сомневается,—как он выразился,— „que l'Autriche veut frapper un grand coup et écraser la Serbie; pour atteindre ce but elle ne reculerait pas devant les moyens extrêmes“ [2].

Крупенский.

№ 330. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 116 [3]. 22/9 июля 1914 г.

По поводу переданной мною в телеграмме № 115 [4] заметки, появившейся (в) воскресение в здешнем официозе и определив-

---

[1] См. тел. англ. посла в Риме Родда от 22/9 июля за № 116, сообщавшего со слов Сан-Джулиано, „поддерживавшего“, по его словам, „постоянную связь с австрийским посольством“, что „сообщение Сербии составлено в выражениях, которые неизбежно окажутся неприемлемыми“. По наблюдениям Родда, Сан-Джулиано был убежден, что „известные круги в Австрии решили воспользоваться этой возможностью, чтобы раздавить Сербию, что совершенно противоречило бы интересам Италии“ (B. D., № 78). Ср. также K. D., № 33, 42, 51, 60, 64, 73, 75, 78, 119.

[2] „Что Австрия намерена нанести решительный удар и раздавить Сербию; чтобы достигнуть этой цели, она не остановится перед крайними средствами“.

[3] Опубл. в Кр. арх., т. I, стр. 164.

[4] См. № 297.

шей отношение германского правительства к предстоящим между Австрией и Сербией объяснениям, министр иностранных дел сказал как мне, так и Камбону, что он до сих пор не знает, в чем будут заключаться австрийские требования [1], но находит, что если Австрия действительно имеет доказательства, что нити как велико-сербской пропаганды, так и сараевского заговора идут из Белграда, то австрийское правительство одно в праве определить, какого рода условия оно должно поставить соседнему государству для обеспечения своей внутренней безопасности. Французский посол настроен несколько пессимистически, имея отчасти в виду предстоящее к здешним большим маневрам временное увеличение мирного состава на 450 000 человек. Броневский.

№ 331. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

ᐟ/. Телеграмма № 117 [2]. 22/9 июля 1914 г.

Доверительно.—Французский морской агент с ведома Камбона сообщил мне сегодня слух, коим только-что поделился с ним его английский коллега, пока никем из них не проверенный, согласно которому некоторым состоящим в резерве германским солдатам будто бы посланы предупредительные извещения о возможной мобилизации [3]. Подобные предупреждения посылаемы были в Германии как в 1911 г. [4], так и в конце 1912 г., в момент наибольшего напряжения, вызванного движением сербов к Адриатике. Предупреждения эти не имеют ничего общего ни с отбыванием учебного сбора, ни с предстоящими в августе большими маневрами. Так как новый морской агент наш [5] только-что приехал, а военный [6] не может

---

[1] Ср. тел. Ж. Камбона от 21/8 июля (L. J., № 15). По вопросу о том, с какого времени и в каких пределах Германия была осведомлена об австрийских требованиях см. тел. Чиршского от 10 июля/27 июня (K. D., № 29), частное письмо его же Ягову от 11 июля/28 июня (S. Fay „The origins of the World War“, II, p. 235), письмо адм. фон Капелле Тирпицу от 13 июля/30 июня (Tirpitz, „Erinnerungen“, S. S. 211—212) и донесение бавар. поверенного в делах в Берлине Шена предс. бавар. совета мин. и м-ру ин. дел Хертлингу от 18/5 июля (K. D., IV, Anh. IV, № 2)

[2] Опубл. в Кр. арх., т. I, стр. 164.

[3] Об этих слухах Ж. Камбон сообщил Бьенвеню-Мартену тел. от 21/8 июля (L. J., № 15).

[4] Во время агадирского кризиса.

[5] Росс. морской агент в Германии и Голландии Беренс был переведен 22/9 июня на должность командира строившегося в Германии крейсера „Адмирал Невельский“. Новый морской агент Римский-Корсаков был назначен тем же приказом.

[6] Базаров.

сюда вернуться, посольство находится в невозможности проверить этот тревожный слух, почему я прошу французского посла держать меня в курсе его осведомления [1].

Броневский.

№ 332. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

Пи ьмо. 22/9 июля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретными телеграммами от [20] 7 и [22] 9 сего июля за № 114 [2] и 116 [3] я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства как представляемый у сего в вырезке текст официозной заметки „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, определяющей отношение германского правительства к вопросу о предстоящем,—в связи с расследованием обстоятельств сараевской трагедии,—обращении австро-венгерского правительства к сербскому, так и разъяснения, полученные мною по этому поводу от статс-секретаря по иностранным делам.

При вчерашнем моем свидании с г. Яговым я начал с указания, что прочел заметку „ND. Allgemeine Zeitung“ не без некоторого удовлетворения, так как вижу в положении, занятом в данном вопросе Германией, гарантию справедливости и умеренности австрийских домогательств; так как, вероятно, только при этих условиях Германия всецело поддержала бы свою союзницу, и только при этих условиях можно также быть уверенным, что предстоящий „разговор“ Австрии с Сербией останется—согласно пожеланию сообщения—локализированным.

Г. Ягов ответил, что он тем не менее не знает, в чем будут заключаться австрийские требования, хотя не видит, с своей стороны, основания ожидать, что таковые окажутся преувеличенными. На мое замечание, что в таком случае он как бы поставил свою подпись на бланке, заполнить который он предоставил Вене по ее собственному усмотрению, г. Ягов сказал, будто предварительным разбором австрийских требований он не желал принять и на себя последующие нарекания и критику: будь то в смысле преувеличенности требований или же в смысле их слабости и недостаточности.

---

[1] Эта тел. Броневского, сообщенная военному ведомству, была в срочном порядке передана в главные военные округа.

[2] См. № 296.

[3] См. № 330.

По его мнению, он поступил вполне правильно, всецело предоставив союзной великой державе одной разобраться в вопросе, связанном с ее жизненными интересами.

Я указал лишь, что столь часто обнаруживаемая в Вене нервность, когда дело идет об отношениях к Сербии, дает, к сожалению, основания опасаться каких-либо обидных для Сербии выпадов, несовместимых с достоинством хотя небольшого, но независимого государства. Статс-секретарь, с своей стороны, с некоторым раздражением упомянул о невоздержанности в речах своих г. Пашича и привел в пример сказанное им при похоронах Н. Г. Гартвига слово, в котором г. Пашич, будто бы, прославлял панславизм (c'était une glorification du panlavisme). Он не забыл также привести в пример враждебности сербского премьера к Австро-Венгрии разговор его с сотрудником „Leipziger Neueste Nachrichten", у сего представляемый мною в газетной вырезке [1]. В интервью этом, кстати сказать, с точки зрения сербских интересов довольно непонятны слова, приписанные Пашичу по поводу отношений Сербии к Греции, которые он характеризует как не особенно сердечные. Как мне сообщил греческий посланник, эти слова г. Пашича произвели очень неблагоприятное впечатление в Афинах и, казалось, ввиду важности для Сербии данного момента, нуждались бы в категорическом опровержении, если таковое еще не последовало; ибо, если бы из Бухареста и Афин своевременно пришли отголоски, что для интересов этих обоих государств не вполне безразличен оборот, который примет австро-сербский „разговор", то это, вероятно, могло бы лишь сдерживающе подействовать в Вене.

Когда я, в конце разговора, указав на имевшую место эти дни на берлинской бирже панику и сильное понижение большинства ценностей, спросил, как собственно он относится к тому, что немцы-держатели своих же бумаг платятся за приемы австрийских политиков, в течение трех недель тревожно предвещающих таинственное выступление,—г. Ягов заметил лишь:

„Ah, si vous me demandez, si c'est habile de la part des autrichiens—c'est une autre affaire! Mais ils n'ont jamais été très habiles" [2].

В том же смысле объяснился статс-секретарь и с французским

---

[1] Приложенная к письму газетная вырезка представляет собой отчет постоянного сотрудника газеты д-ра Ролофа от 12 июля/29 июня о поездке его в Белград и беседе с Пашичем.

[2] „Если вы меня спросите, удачный ли это прием со стороны австрийцев,— тогда это другое дело! Но они никогда не были особенно ловкими".

послом, которого он также заверил, что вовсе незнаком с содержанием предстоящих австрийских представлений в Белграде.

Представляя все вышеизложенное на благовоззрение вашего высокопревосходительства, я пока позволю себе от себя добавить лишь, что ни г. Камбон, ни я не слишком верим, будто г. Ягов не осведомлен о содержании предстоящих требований Австрии. Как я уже упомянул в секретной телеграмме моей от сего дня, французский посол скорее настроен пессимистически; как на тревожный симптом он смотрит на одновременность призыва 60 000 резервистов в Италии, еще большего (около 100 000) числа в Австрии и, наконец, на увеличение и в Германии мирного состава на 450 000 человек, ввиду больших маневров, к средине нашего августа; первоначально он думал даже, что Австрия отложит именно до этого благоприятного времени предъявление своих требований. В доверительном частном разговоре он высказал мне вчера, как личное свое предположение, не потребует ли Австрия от Сербии отказа на будущее время от всяких попыток слияния с Черногорией; подобное обещание, если бы даже и было дано Сербией, было бы ею впоследствии разорвано, как противное естественному ходу событий. По мнению г. Камбона, оно имело бы ту же силу, как дававшиеся в свое время Грецией, по требованию держав, обещания прекратить свои старания и происки на Крите ввидах скорейшего присоединения острова.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 333. Посланник в Софии министру иностранных дел.

·/. Письмо. 22/9 июля 1914 г.

Лично.

Весьма секретно.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

В моей сегодняшней экспедиции [1] вы найдете посильную оценку нынешнего политического положения в Болгарии. К сожалению, все усилия наши остались без результата, и король, движимый

[1] Савинский имеет в виду депеши №№ 31 и 32 от 22/9 июля. В первой из них он излагал свои соображения по поводу предстоящего обсуждения в народном собрании бюджета на 1914 г. и внесенного правительством законопроекта о прекращении процесса против бывших министров-стамбуловистов (ср. № 298). Во второй передавал кратко историю своих переговоров с болгарским правительством от 12 июня/30 мая 1914 г. в связи с переговорами о заключении Болгарией займа в Берлине.

ему одному известными и понятными побуждениями, настоял на своем: он сохранил враждебное нам правительство, подкрепил его своим авторитетом, решил освободить от суда и вернуть ко власти Геннадиева, санкционировал немецкий заем и тем открыто повернул курс своей политики в сторону Австрии и Германии. Всем этим он подчеркнул и свое отношение к России, к которой он, быть может, никогда не питал хороших чувств, а со времени национальной катастрофы питает хотя и ничем не оправдываемое, но неутолимое чувство горечи.

Чрез пребывающего здесь агента министерства внутренних дел мне известно, что дворец не переставал прибегать в последнее время ко всевозможным приемам для дискредитирования здесь всего русского: антирусская пропаганда в войсках ведется при помощи дворца и дворцовых денег; преданное России болгарское духовенство преследуется по указанию дворца; в здешнем охранном отделении, находящемся под руководством некоего Стоилова, фабриковались газетные статьи о „русском золоте", там же была состряпана статья с разными инсинуациями по поводу предписанной мне вами остановки, на пути сюда, в Белграде [1].

В частном и секретном собственноручном письме от 4 февраля—22 января с. г. [2] я писал вам о разговоре, который имел со мною король относительно Саблера, и о его отзывах о сем последнем.

Решив теперь,—очевидно, по настояниям из Вены,—подчеркнуть свое отношение к России и русским и дав вместе с тем свое благословение на воскрешение стамбуловского произвола, король хочет одним камнем нанести два удара: быть неприятным нам вообще и в частности избавиться от Саблера.

Вот что сегодня утром донес мне агент министерства внутренних дел:

На-днях в Софию прибыл из России через Варну некий русский Робев, принадлежавший, как это часто случалось, то к террористическим организациям, то к сыскным агентам. По соглашению с дворцом, начальник здешней тайной полиции Стоилов написал бумагу, что этот Робев сейчас [же] по приезде явился в императорскую миссию и долго беседовал со мною; далее Стоилов потребовал от двух сыщиков, постоянно стоящих на площади недалеко от миссии и следящих за всеми входами и выходами из нее,—Спасова и

[1] В январе 1914 г.

[2] Письмо Савинского от 4 февраля/22 января в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

Данаилова, которых я знаю в лицо,—чтобы они эту бумагу подписали; очевидно, таким путем хотели создать связь между миссией и человеком, которому впоследствии был бы поставлен в вину приезд в Софию с целью покушения на короля по наущению России, чем Геннадиев и К° постоянно запугивают короля. Лишнее вам говорить, что никакого Робева я никогда не видел. Оба сыщика отказались удостоверить то, чего они не видели, за что были оба с побоями выгнаны со службы и заменены уже двумя другими: Салабашевым и Георги.

Агент министерства внутренних дел сообщил, кроме того, что ему самым положительным образом известно, что из дворца предписано вызвать по отношению к миссии, и в частности к Саблеру, провокацию, задев и оскорбив его как-нибудь на улице или в другом публичном месте.

Ввидах предосторожности я предупредил об этом своих сослуживцев, рекомендуя им осмотрительность и хладнокровие, и счел нужным иметь объяснение с Радославовым.

Я воздержался, конечно, дать ему хоть малейшее указание на имеющиеся у меня данные, так как это было бы в руках его бессовестного правительства слишком желанным орудием против меня, и оно снова стало бы кричать о нашей осведомленности и вмешательстве во внутренние дела. Я сказал только, что, несмотря на его постоянные уверения на словах в руссофильских симпатиях, у меня есть впечатление и даже указание на то, что не все его политические друзья разделяют его чувства (sic!) и поэтому, ввиду несколько тревожного ныне настроения в обществе, я хотел его предупредить на случай, если бы он счел полезным и целесообразным принять некоторые меры предосторожности.

Радославов уверил меня, что Саблер может ничего не опасаться и что, если во время борьбы за заем у его единомышленников и было впечатление, что я поддерживаю оппозицию, то теперь с принятием займа это впечатление улеглось, и все заняты рассмотрением бюджета.

Весьма допустимо, что данные мне сведения преувеличены, но тем не менее я не счел возможным воздержаться от предупреждения Радославова, как не считаю возможным скрыть от вас всего вышеизложенного. Надеюсь, что мое предупреждение возымеет свое действие и если бы тем не менее теперь случилось что-нибудь неприятное с кем-либо из членов миссии, то не только правительство будет ответственно, но его соучастие будет совершенно ясно.

Примите и пр. А. Савинский.

P. S. Это письмо было уже написано, когда Тодор Тодоров показал мне полученное им по почте и прилагаемое у сего в русском переводе письмо. К концу того же дня я, с своей стороны, получил (также прилагаемое у сего в копии) письмо, оригинал которого сохраняется в секретном архиве миссии. Оба письма были написаны одним почерком, карандашом и в одинаковых конвертах [1].

Чтение этих писем докажет вам, с какого калибра людьми здесь приходится иметь дело. Лавры Фридъюнга, Форгача и Прохаски им не дают покоя. Без всякого сомнения, письма эти изготовлены по рецепту короля, Геннадиева, Радославова и Стоилова. Я сейчас же отправил одного из своих сотрудников к Радославову и Добровичу с копиями полученного мною письма и с уведомлением, что я послал его на ваше усмотрение.

Быть может, вы бы сочли полезным приезд сюда теперь Радко Димитриева с вашими указаниями и внушениями насчет всего здесь происходящего; но, конечно, он не должен был бы знать о письме, полученном Тодоровым, и о моих сведениях о Робове, дабы не подать повода говорить о нашем вмешательстве в болгарские дела.

Ut in litteris.

А. Савинский.

Приложение I.

Перевод письма, полученного г. российским императорским посланником в Софии по почте [19] 6 июля 1914 г. [2].

Господин Савинский,

Дабы избавить отечество от наших нынешних правителей, нам было сделано от имени русской миссии и от имени г. Малинова и Тодора Тодорова предложение убить д-ра Радославова и д-ра Геннадиева. Мы обязуемся совершить этот акт, но с условием, что нам будет дано 100 000 лева, ибо предложенные 50 000 лева недостаточны, чтобы обеспечить наши семейства; только 50 000 лева после нашей смерти; поэтому повысьте цифру до 100 000, а равно снабдите нас одною бутылкой яда, которым мы воспользуемся в том случае, если нам не удастся покончить с собою.

После того как вы войдете в соглашение с г. Тодоровым и г. Малиновым и если будет исполнено вышеизложенное, то в течение 1—2 дней Радославов и Геннадиев вместе с нами будут на том свете.

Станков и Попов.

---

[1] См. приложения.

[2] Заголовок подлинника.

Приложение II.

Перевод письма, полученного Т Тодоровым [1].

Мы согласны на те условия, которые вы нам сообщили относительно убийства Радославова и Геннадиева. Мы сообщаем о том же в русскую миссию и г. Малинову.

(Подписи.)

№ 334. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

⁒/. Письмо. 22/9 июля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как только я узнал, что отъезд председателя совета министров, отложенный уже несколько раз [2], действительно состоится, я зашел к министру иностранных дел узнать, какими целями задались оттоманский и греческий государственные мужи, решившись встретиться в ближайшие дни в Брюсселе.

Дней пятнадцать тому назад г. Диллон, по пути из Дураццо в Смирну, заехал в Афины навестить своего старого знакомого и приятеля г. Венизелоса и внушить ему мысль свидания с великим визирем или Талаат-беем. Заручившись принципиальным согласием председателя совета, Диллон проследовал в Смирну, где видел Талаата. В турецкой столице Диллон поделился с английским послом о задуманном плане: оба переговорили об этом с великим визирем, который сочувственно отнесся к мысли о свидании с греческим премьером. Сэр Луис Маллет, проезжая неделю тому назад через Афины, успел предупредить г. Венизелоса о выраженном Саид-Халимом согласии на означенную встречу. Однако г. Венизелос не желал, чтобы таковая произошла без всякой заранее определенной цели: он выработал условия, которые должны были лечь в основание переговоров об островах. При воспоследовавшем затем обмене мнений через посредство Диллона, а позднее через здешнего турецкого посланника, Порта, с самого начала выставляя минимальные условия, при которых могло бы состояться соглашение об островах, претендовала на право держать на островах турецкие гарнизоны и заведывать таможнями. Г. Венизелос отка-

[1] Заголовок подлинника.

[2] Имеется в виду предполагавшееся свидание Венизелоса с вел. визирем.

зался начать переговоры на таких основаниях и поставил непременным условием встречи, чтобы о таком предложении не было и намека. Премьер утверждал, что он предложит другие способы удовлетворения самолюбия Турции, но только не такие. Как в Константинополе, так и в Афинах, премьеры заявляли английскому посреднику о своих миролюбивых стремлениях. Талаат говорил, что Турция в случае войны не нашла бы поддержки Европы и восстановила бы против себя державы; что полная очистка греками малоазиатского побережья, умаляя в некоторой степени значение островов для Турции, дает ей возможность выказать бо́льшую уступчивость. Г. Венизелос же говорил, что Греция нуждается в мире для внутренней своей организации и что соглашение с Турцией выгодно для обоих государств. Таким образом после довольно длинного промежутка времени оба премьера пришли к соглашению, и вчера председатель совета министров оповестил представителей держав в Афинах о своем отъезде, оставив всем начальникам миссий свою визитную карточку.

Как я имел честь уведомить ваше высокопревосходительство, великий визирь уже несколько раз просил отложить день встречи. Г. Стрейт не думает, чтобы это служило показателем нежелания Саид-Халима встретиться с г. Венизелосом: великому визирю, вероятно, пришлось преодолеть некоторые препятствия со стороны не всегда сочувствующих ему младотурок и Талаата. В случае же, если бы встреча не состоялась, под тем или иным предлогом, то от этого вовсе не произойдет ухудшение греко-турецких отношений или война, как о том любит распространяться здешняя оппозиционная печать: Турция и Греция продолжали бы просто занимать те же позиции, как и до возбуждения вопроса о свидании.

Характерным признаком миролюбивых стремлений афинского кабинета служит то, что г. Стрейт во время разговора сказал, что Греция готова на значительные уступки для морального удовлетворения Турции.

Министр просит считать разговор конфиденциальным во избежание советов Турции или давления со стороны держав, так как даже доброжелательное содействие держав до свидания могло бы быть истолковано Портою как греческая интрига.

Примите и пр.

Урусов.

№ 335. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 157. 22/9 июля 1914 г.

Копия в Париж и Лондон.

Получил вашу телеграмму № 1406 [1].

Насколько мог судить по беседам с председателем совета министров и министром иностранных дел, Албания главным образом интересует Румынию, как составная часть равновесия на Балканском полуострове, установлению коего содействовал также прошлогодний бухарестский трактат. Считая весьма желательной полную интернационализацию Албании, румынское правительство более всего приветствовало бы ее умиротворение непосредственно всеми создавшими это государство великими державами. Сама же Румыния отнюдь не желает содействовать видам какой-нибудь отдельной группы держав в Албании, а потому она могла бы согласиться на посылку туда войск только по просьбе всех великих держав, и то, по всей вероятности, лишь для кооперации с отрядами других государств. Вместе с тем я не заметил у здешнего правительства особенного желания активно вмешаться в албанские дела. Наоборот, румынские министры отдают себе полный отчет в тех затруднениях, которые Румыния встретила бы на этом пути.

Поклевский.

№ 336. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 158. 22/9 июля 1914 г.

Министр иностранных дел подтвердил мне имевшиеся уже у меня сведения о том, что сербское и греческое правительства запросили на-днях румынское о последствиях, к коим могут повести румыно-болгарские пограничные столкновения. В ответ румынское правительство выразило уверенность в мирном ликвидировании этого вопроса, но высказало также надежду, что Сербия и Греция не останутся безучастными в случае вооруженного столкновения между Румынией и Болгарией. Поклевский.

№ 337. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 159. 22/9 июля 1914 г.

Копия в Софию.

Румынский посланник сообщает из Софии, что Радославов дал ему весьма успокоительные заверения и что официальная Болгария

[1] См. № 212.

продолжает выказывать самое корректное отношение, которое однако мало соответствует настроению болгарского военного элемента на границе, где вчера вновь произошла начатая болгарами перестрелка. Болгарское правительство согласилось на расследование румыно-болгарской смешанной комиссией инцидента, окончившегося убийством трех болгарских пограничников. Румынский посланник в Софии поднял вопрос об отозвании от границы болгарских войск, коих, по румынским сведениям, двинуто туда за последние дни... дивизии, между тем как с румынской стороны пограничная стража усилена на 700 человек. Вообще можно ожидать, что бывшие на румыно-болгарской границе столкновения ликвидируются дипломатическим путем, если болгарское правительство сумеет сдержать свой военный элемент и комитаджей и этим предупредить новые осложнения.

Поклевский.

№ 338. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 160. 22/9 июля 1914 г.

Копия в Софию.

Дополнение к моей телеграмме № 158.

Сербское и греческое правительства ответили, что они немедленно заявят в Софии, что они крайне заинтересованы в сохранении мира, и что, в случае вооруженного конфликта, за Румынией обеспечена их дружная поддержка.

Поклевский.

№ 339. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 552. 22/9 июля 1914 г.

В совершенно доверительной частной беседе великий визирь изложил мне сегодня свое отношение к предстоящим переговорам с Венизелосом, не без цели, повидимому, заручиться нравственной нашей поддержкой, однако нисколько не высказывая этого. Вопрос об островах несколько потерял свою остроту для Турции с тех пор, как берега Малой Азии очищены от греческого населения. Тем не менее великий визирь будет, насколько возможно, добиваться признания сюзеренитета Турции над островами. Он никогда, будто бы, не согласится признать ни суверенитета, ни сюзеренитета Греции. В самом крайнем, будто бы, случае, он предложит полную независимость, вне всякого протектората, этих четырех островов—Самоса,

Хиоса, Митилены и Лемноса, имеющих выбрать своего правителя. Для достижения этой цели он, может быть, хотя и сомневается в том, согласился бы уступить Греции часть Додеканеза.

Гирс.

№ 340. Вице-консул в Урмии министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 455. 22/9 июля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран:

Компания чисто русских людей приобретает 3 округа—Тергевер, Мергевер и Дешт—свыше 100 000 десятин от наследников Икбал-оль-Молька. Переговоры закончены на 147 000 томанов. Компания, по случаю наводнения в районе Владикавказа, располагая наличными 100 000 томанов, просит Учетно-ссудный банк ссудить на год или два 50 000 томанов из 12%. Ввиду огромного значения сделки, отдающей в наши руки почти весь Урмийский район, усерднейше ходатайствую срочно поддержать просьбу солидных землевладельцев перед правлением Учетно-ссудного банка в Петербурге о ссуде 50 000 томанов под залог их земель из 12% на год или два.

Управляющий урмийским отделением Учетно-ссудного банка послал телеграмму правлению с просьбой разрешить просимую ссуду весьма надежной компании, располагающей большими имениями во Владикавказском округе и Урмийском, ввиду прибыльности и будущего значения для развития нашей торговли и экономического положения нашего в крае. Политическое значение сделки не подлежит сомнению.

Введенский.

УКАЗАТЕЛЬ I.

Именной

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспонденты

Австро-Венгрия.

Албания.

Англия.

Болгария.

Германия.

Греция.

Италия.

Китай.

Монголия.

Персия.

Румыния.

Сербия.

Соединенные штаты.

Турция.

Франция.

Ноты, пам. записки № 147
Министерство ин. дел — посольство: №№ 41, 59, 77, 125, 145, 172, 211
Посольство — министерство ин. дел: №№ 44, 61, 68, 69, 131, 177, 233, 234, 246
Перехваченная переписка № 12

Черногория.

Миссия — министерство ин. дел: №№ 105, 165, 190, 300
Делегат в сев.-алб. разграничительной комиссии — миссия № 82

Швеция.

Миссия — министерство ин. дел: №№ 308, 309

Япония.

Министерство ин. дел — посольство № 213
Посольство — министерство ин. дел: №№ 54, 316

Переписка министерства ин. дел с другими ведомствами

Военное: №№ 74, 88, 110, 306
Морское: №№ 24, 170
Финансов: №№ 11, 73, 102, 114, 115, 186, 317
Землеустройства и земледелия: № 203
Наместник на Кавказе: №№ 109, 127, 227
Банки: № 269
Переписка других ведомств: №№ 22, 87, 204
Докладные записки министра ин. дел Николаю II: № 111
Журналы совещаний: № 241
Поденная запись: №№ 245, 258, 272
Справки: № 21
Тосты: №№ 293, 294
Текст объявления высочайшей воли амбаню Гомбодорчжи и его ручательство: №№ 267, 268

УКАЗАТЕЛЬ III.

Темы дипломатической переписки [1]

Австрия.

Албания.

Англия.

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, поставленные скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

Франция.

Черногория.

Швеция.

Япония.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Вместо
VII	22 св.	Graf Benckendorfs	Graf Benckendorffs
XV	№ 285 и 286 шифр	П. 1845	П. А. 1845
XVI	№ 293	Тост Николая I	Тост Николая II
XVI	№ 326 шифр	С. А. 1513	П. А. 1513
4	12 св.	s'étendit et acela	s'étendait et cela
5	18 св.	il	ils
7	18 сн.	reserrement	resserrement
10	9 св.	maître	maître
18	6 св.	непринятых	неприятных
21	2 сн.	in Haag gehaltenen	im Haag abgehaltenen
22	2 св.	Webberg	Wehberg
31	15 сн.	французской	французский
35	17 св.	traîné	traîné
40	21 св.	солидарности	солидности
47	4 сн.	Societá	Società
50	15 сн.	Societá	Società
75	8 св.	осчастливен	осчастливлен
75	6 сн.	„Новое время"	„Новое Время"
90	4 сн.	в росс. мв-е	в росс. м-ве
95	20 сн.	полученных	полученным
95	19 сн.	сведений	сведениям
107	4 сн.	в финансовом деле	в финансовые дела
108	1 сн.	приглашения	провозглашения
122	3/4 сн.	пятидесятилетия	семидесятилетия
168	25 св.	Олферьф.	Олферьеф.
176	3 св.	насенения	населения
181	20 св.	вследствии	вследствие
187	7/8 св.	непрошеном	непрошенном
187	8 св.	давления	давлении
197	14/15 св.	привиллегированного	привилегированного
205	18 сн.	intèrêts	intérêts
211	18 сн.	однако	однако,

Страница	Строка	Напечатано	Вместо
211	2 сн.	революционым	революционным
211	8 св.	однако	однако,
220	2 сн.	Сторком ‘	Сторком“
222	3 св.	ссылаясь	ссылаюсь
226	19 св.	Mac-	Mac
226	6 сн.	делом	делам
227	10/11 св.	границе,	границе.
228	20 св.	выбытия	выбытием
229	18 сн.	Perse-	Perse.
230	5 св.	Радославому	Радославову
230	15 св.	торые	которые
235	21 св.	Bankue	Banque
251	9 сн.	затруднит	затруднить
253	11 св.	имейти	имейте
257	15 св.	l dit	il dit
257	6 сн.	[4 июля].	[4. июля] 21 [июня].
265	17 св.	besein	besoin
265	17 св.	á	à
265	18 св.	предстоящий	предстоявший
265	12 сн.	dü	dû
269	12 сн.	случайно,	случайно
273	8 сн.	[13 января] 31 декабря	31 [18] декабря
275	9/10 св.	Berin	Berlin
296	23 сн.	1925 г.	1924 г.
298	9 св.	сомнения	сомнении
301	19 сн.	за тем	затем
301	6 сн.	на набережной	по набережной
302	10 св.	Автомобил	Автомобиль
303	2 св.	Франц-Фердинанда	Франца-Фердинанда
306	1 сн.	совершено	совершенно
317	8 св.	коронацию	коронации
317	10 св.	Гентинг	Гентиг
339	18 сн.	по случае	по случаю
357	23/24 св.	Г. Обта	Г. Обата
358	6 св.	Обта	Обата
360	20 сн.	мы	вы
361	2 св.	нашего	вашего
362	20 св.	ответить мне не мог	отметить не мог
364	11 сн.	продполагать	предполагать
365	16 сн.	иницидентах	инцидентах
366	6 сн.	за то	зато
369	17 сн.	окончательной	окончательный
376	1 сн.	de la paix e	de la paix et
379	7 сн.	Пашич,	Пашич

Страница	Строка	Напечатано	Вместо
380	14 сн.	приисков	происков
383	2 св.	nacceptables	inacceptables
385	1 сн.	Yon	You
396	12 св.	panlavisme).	panslavisme).
401	2 сн.	педлинника	подлинника
405	5 св.	министру иностранных дел.	в III политический отдел министерства иностранных дел.
407	7 св. левого столбца	Адлое-Солтане	Адлос-Солтане

4691

